

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

**№ 1 (55)
2026**

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

The preparation and publication of the journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan “Preservation of the National Identity of the Tatar People”

Главный редактор

академик АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдииков**

Заместители главного редактора:

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**

доктор исторических наук **Ю.А. Зеленева**

Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:

Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель), **Х.А. Амирханов** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Севастополь, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк** – Ph.D. (Будапешт, Венгрия), **А.А. Тишкин** – доктор исторических наук профессор (Барнаул, Россия), **Б.В. Базаров** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **О.В. Кузьмина** – кандидат исторических наук (Самара, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай), **А.С. Сагдуллаев** – академик АН РУз, доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Р.Х. Сулейманов** – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **М.М. Саидов** – доктор исторических наук, профессор (Самарканд, Узбекистан), **Ш.Б. Шайдуллаев** – доктор исторических наук, профессор (Термез, Узбекистан), **Н.Н. Скакун** – кандидат исторических наук (С-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)
М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)
Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)
С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)
А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)
Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)
А.А. Чижевский – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Ответственный за выпуск:

М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук

Адрес редакции:

420111 Республика Татарстан, г. Казань, ул. Баумана, 20

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

Индекс ПП753,

электронный Каталог печатных изданий "ПОЧТА РОССИИ"

Выходит 4 раза в год

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2026

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2026

© Журнал «Поволжская археология», 2026

Издательство «Фэн»

Казань, Республика Татарстан

Editor-in-Chief:

Academician of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zeleneev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

B. A. Baitanayev – of the National Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **Kh. A. Amirkhanov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Sevastopol, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – Ph.D. (Budapest, Hungary), **A. A. Tishkin** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russian Federation), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **O. V. Kuzmina** – Candidate of Historical Sciences (Samara, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China), **A. S. Sagdullaev** – Academician of the National Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan), **R. Kh. Suleymanov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan), **M. M. Saidov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samarkand, Republic of Uzbekistan), **Sh. B. Shaidullaev** – Doctor of Historical Sciences, Republic of Professor (Termez, Uzbekistan), **N. N. Skakun** – Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation)

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)
A. A. Chizhevsky – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

Responsible for Issue

M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences

Editorial Office Address:

Bauman St., 20, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2026

© Mari State University, 2026

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Изучение материальной культуры каменного – раннего железного веков

<i>Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Ревина Е.И., Поплевко Г.Н., Дороничева Е.В. (Санкт-Петербург, Россия)</i>	
Варианты крепления в рукояти бифасиальных скребел в индустриях Восточного Микона (по материалам Мезмайской пещеры, Северо-Западный Кавказ)	8
<i>Жульников А.М. (Петрозаводск, Россия)</i>	
Особенности кладов каменных изделий на территории восточной Фенноскандии	19
<i>Куличков А.А. (Тамбов, Россия), Смольянинов Р.В. (Липецк, Россия)</i>	
Керамическая коллекция льяловской культуры из поселения и могильника Ксизово 6 на Верхнем Дону	36
<i>Чижевский А.А. (Казань, Россия)</i>	
Мензелинская I стоянка	55
<i>Новиков А.В. (Кострома, Россия), Швецова А.А. (Нижний Новгород, Россия)</i>	
Керамический комплекс поселения Вознесенское I: результаты технологического изучения	70
<i>Жалилов Д.М., Расулова С.Ч. (Термез, Узбекистан)</i>	
Архитектура цивилизации Окса: инновации и традиции	82
<i>Тлеугабулов Д.Т., Рысбергенов М.А., Мухаметзянов А.Р., Тлекишев С.Н., Омаров А.Г., Тагленов А.М. (Астана, Казахстан), Укеев Ж.К. (Кокшетау, Казахстан)</i>	
Исследования на археологическом комплексе Чайка (Северный Казахстан)	97
<i>Кириченко Д.А. (Баку, Азербайджанская Республика)</i>	
Бронзовые рапиры из Джалилабадского района Азербайджанской Республики	111
<i>Головченко Н.Н. (Барнаул, Россия)</i>	
Новые данные о деревянной посуде из могильника эпохи раннего железа Камень-2 (Верхнее Приобье)	120

Междисциплинарные археолого-естественнонаучные исследования

<i>Андреев К.М., Выборнов А.А. (Самара, Россия), Алешинская А.С. (Москва, Россия), Васильева И.Н. (Самара, Россия), Кулькова М.А. (Санкт-Петербург, Россия), Пархомчук Е.В. (Новосибирск, Россия), Трошина А.А. (Москва, Россия)</i>	
Стоянка Сокольная 12 – новый памятник эпохи камня лесного Среднего Поволжья	129

Блага Н.Н. (Симферополь, Россия), Жилин М.Г. (Москва, Россия),

Руев В.Л. (Симферополь, Россия)

Гроты балки Замиль в Крыму:

геоморфологический и археологический аспекты151

Нелюбов С.А. (Москва, Россия), Меркулов А.Н. (Воронеж, Россия)

Об условиях жизни обитателей

среднедонских поселений в скифское время166

Изучение петроглифов эпохи первобытности

Museibli A.N. (Baku, Republic of Azerbaijan)

Mesolithic and Neolithic Culture of Gobustan180

Железняков Б.А., Акымбек Е.Ш., Железнякова В.Л. (Алматы, Казахстан)

Петроглифы местности Жолбарыскамал (Малый Каратау).....194

Ярыгин С.А., Сакенов С.К. (Астана, Казахстан)

Кочевники восточного Жетысу по материалам

исследования тамг-петроглифов211

Murgabayev S.S., Malybekova L.D. (Turkestan, Republic of Kazakhstan)

Early Iron Age Imageries on the Greater Karatau Petroglyphs229

Список сокращений248

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ250

CONTENT

The study of the Stone – Early Iron Age material culture

<i>Golovanova L.V., Doronichev V.B., Revina E.I., Poplevko G.N., Doronicheva E.V. (Saint Petersburg, Russian Federation)</i>	
Hafting Modes of Bifacial Scrapers in Eastern Micoquian Industries (evidence from Mezmaiskaya cave, Northwestern Caucasus)	8
<i>Zhulnikov A.M. (Petrozavodsk, Russian Federation)</i>	
Features of Stone Artifact Caches in Eastern Fennoscandia.....	19
<i>Kulichkov A.A. (Tambov, Russian Federation), Smol'yaninov R.V. (Lipetsk, Russian Federation)</i>	
Ceramic Assemblage of the Lyalovo Culture from the Ksizovo 6 Ancient Settlement and Burial Ground in the Upper Don Region	36
<i>Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Menzelinsk I Campsite	55
<i>Novikov A.V. (Kostroma, Russian Federation), Shvetsova A.A. (Nizhny Novgorod, Russian Federation)</i>	
The Pottery Assemblage from the Voznesenskoye I Settlement: results of a technological study.....	70
<i>Jalilov D.M., Rasulova S.Ch. (Termez, Uzbekistan)</i>	
Architecture of Oxus Civilization: Innovations and Traditions	82
<i>Tleugabulov D.T., Rysbergenov M.A., Mukhametzyanov A.R., Tlekishev S.N., Omarov A.G., Taglenov A.M. (Astana, Kazakhstan), Ukeev Zh.K. (Kokshetau, Kazakhstan)</i>	
Research at the Chayka Archaeological Complex (Northern Kazakhstan)	97
<i>Kirichenko D.A. (Baku, Republic of Azerbaijan)</i>	
Bronze Rapiers from Jalilabad District, Azerbaijan Republic	111
<i>Golovchenko N.N. (Barnaul, Russian Federation)</i>	
New Data on Wooden Tableware from the Early Iron Age Burial Ground Kamen-2 (Upper Ob river region).....	120

Interdisciplinary archaeological and natural science research

<i>Andreev K.M., Vybornov A.A. (Samara, Russian Federation), Aleshinskaya A.S. (Moscow, Russian Federation), Vasilieva I.N. (Samara, Russian Federation), Kulkova M.A. (Saint Petersburg, Russian Federation), Parkhomchuk E.V. (Novosibirsk, Russian Federation), Troshina A.A. (Moscow, Russian Federation)</i>	
Sokolnaya 12 Campsite – a New Stone Age Archaeological Resource of the Forest Middle Volga Region	129

Blaga N.N. (Simferopol, Russian Federation), Zhilin M.G. (Moscow, Russian Federation), Ruev V.L. (Simferopol, Russian Federation)

Grottoes in Zamil Gorge in Crimea:

geomorphological and archaeological aspects.....151

Nelyubov S.A. (Moscow, Russian Federation),

Merkulov A.N. (Voronezh, Russian Federation)

On the Living Conditions of the Inhabitants

of the Middle Don Settlements in Scythian Period166

The study of petroglyphs of the Primeval Era

Museibli A.N. (Baku, Republic of Azerbaijan)

Mesolithic and Neolithic Culture of Gobustan180

Zheleznyakov B.A., Akymbek E.Sh., Zheleznyakova V.L. (Almaty, Kazakhstan)

Petroglyphs of Zholbaryskamal (Kishi Karatau ridge).....194

Yarygin S.A., Sakenov S.K. (Astana, Kazakhstan)

Nomads of Eastern Zhetysu Based on the Study of Tamga-Petroglyphs211

Murgabayev S.S., Maldybekova L.D. (Turkestan, Republic of Kazakhstan)

Early Iron Age Imageries on the Greater Karatau Petroglyphs229

List of Abbreviations..... 248

Submissions 250

Изучение материальной культуры каменного – раннего железного веков

903'1; 902.01

<https://doi.org/10.24852/pa2026.1.55.8.18>

ВАРИАНТЫ КРЕПЛЕНИЯ В РУКОЯТИ БИФАСИАЛЬНЫХ СКРЕБЕЛ В ИНДУСТРИЯХ ВОСТОЧНОГО МИКОКА (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЗМАЙСКОЙ ПЕЩЕРЫ, СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ)¹

© 2026 г. Л.В. Голованова, В.Б. Дороничев, Е.И. Ревина,
Г.Н. Поплевко, Е.В. Дороничева

Статья посвящена трасологическому изучению бифасиальных скребел из среднепалеолитических отложений Мезмайской пещеры, индустрия которой относится к восточному микоку. Материалы среднепалеолитических стоянок этого типа представлены в том числе и разнообразными типами бифасиальных скребел, варианты которых встречаются достаточно широко от Центральной Европы до Северного Кавказа, Восточной Европы и Алтая. Результаты изучения этой группы орудий указывают на то, что, вероятно, культурной традицией было не изготовление конкретных форм бифасиальных скребел, а существовала традиция изготовления, закрепления в рукояти, подправки этой группы орудий. На вариативность бифасиальных скребел оказывало влияние также и закрепление в рукояти. Трасологическое изучение бифасиальных скребел-ножей из среднепалеолитических слоев Мезмайской пещеры позволило определить почти на половине орудий следы закрепления орудий в рукояти. Преобладающим было использование их в деревянной рукояти и использование кожаной обмотки, которая применялась для лучшей фиксации орудия в руке. Также у половины орудий, для которых определено использование деревянной рукояти, отмечены следы клеящих веществ (смола или битум). Следы крепления прослеживаются преимущественно на основаниях изделий, которые имеют утоньшения. На некоторых орудиях следы крепления отмечены на обухе.

Ключевые слова: археология, средний палеолит, бифасиальные скребла, восточный микок, Северный Кавказ, трасология, крепление в рукояти.

Введение

Обширный ареал от Центральной Европы на западе до р. Волги и Алтая на востоке в среднем палеолите был занят индустриями восточного микок (Bosinski, 1967; Gábori, 1976; Frick, 2020; Колесник, 2022; Колобова и др., 2023), которые характеризуются широким спектром типов орудий: широкие треугольные рубильца, бифасиальные скребла-ножи, разнообразные остроконечники с утоньшениями и подтесками, листовидные бифасиальные наконечники. Именно сочетание всех форм создает облик этих индустрий.

При этом важно, что материалы каждой отдельной стоянки могут отличаться отсутствием какой-либо категории, в том числе бифасиальных скребел-ножей, отражая специфику хозяйственной деятельности на этой стоянке. Однако наличие других характерных форм, в том числе небольших треугольных бифасов, листовидных острий и других типов орудий, позволяет уверенно определять этот тип индустрии.

Бифасиальные скребла-ножи являются в индустриях восточного микок одной из характерных форм орудий.

¹ Изучение коллекций, трасологический анализ, подготовка иллюстраций проводились при поддержке гранта Российского Научного Фонда 24-18-00971 «Неандертальцы Северо-Западного Кавказа между Азией и Европой: культурные ареалы, мобильность, адаптации» (<https://www.rscf.ru/project/24-18-00971/>). Г.Н. Поплевко участвовала в подготовке текста статьи в рамках плановой темы «Древнейшие обитатели Севера Евразии – расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012).

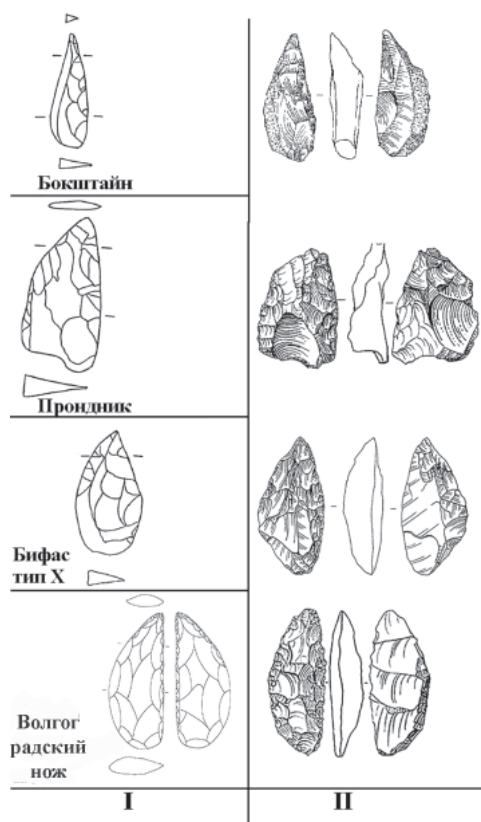

Рис. 1. Варианты бифасиальных скребел-ножей в индустриях восточного микока:

I – по: Bosinski 1967; Jöris, 2006;

II – орудия из Мезмайской пещеры.

Fig. 1. Variants of bifacial scraper-knives in the industries of the Eastern Micoquian:

I – by: Bosinski 1967; Jöris, 2006;

II – tools from Mezmaiskaya cave.

щины изделий в зависимости от количества элементов, которые утоньшают корпус изделий. В ходе этой редукции бифасиальные скребел-ножи стали в среднем меньше по размерам и тоньше (Golovanova et al., 2017b). Редукция бифасиальных скребел-ножей (рис. 2) могла происходить как вследствие аккомодации (при увеличении количества элементов обработки, которые утоньшали корпус изделия, уменьшаются в целом и метрические показатели орудий), так и в результате функционального использования орудия (рабочий край подправляется в процессе использования орудия).

Анализ бифасиальных скребел-ножей Мезмайской пещеры также показал, что высококачественный кремнь преобладал в группе орудий с наибольшим количеством утоньшений. Это говорит о том, что неандертальцы среднего палеолита ценили качественное сырье, подправляя орудия и увеличивая количество элементов подправки и утоньшения корпуса на изделиях из качественного сырья.

Другие исследователи также указывали, что доступность сырья и его качество могли влиять на внешний вид различных типов бифасиальных скребел-ножей (Jöris, 2006; Kot and Richter, 2012).

Немногочисленные в настоящее время трасологические исследования следов износа на микокских бифасиальных орудиях на нескольких стоянках в Центральной Европе указывают на использование этих орудий в различных видах деятельности (Rots, 2009; Pawlik and Thissen, 2011). Эти исследования свидетельствуют также об отсутствии однозначной взаимосвязи между типом бифасиального ору-

На Северо-Западном Кавказе представлены разнообразные модификации бифасиальных скребел-ножей (Бокштайн, Прондник, Волгоградские, бифасы типа X) (рис. 1). Наши результаты указывают на то, что, вероятно, культурной традицией было не изготовление конкретных форм бифасиальных скребел-ножей, а существовала традиция изготовления, закрепления в рукояти, подправки этой группы орудий, на варибельность которых оказывало влияние также функциональное использование и закрепление в рукояти. Отсюда, встречаемость разнообразных форм бифасиальных скребел-ножей на конкретной стоянке зависела от хозяйственной специализации данного памятника.

Морфотехнологический анализ бифасиальных скребел-ножей из Мезмайской пещеры (Северо-Западный Кавказ) показывает тенденцию к уменьшению длины, ширины и тол-

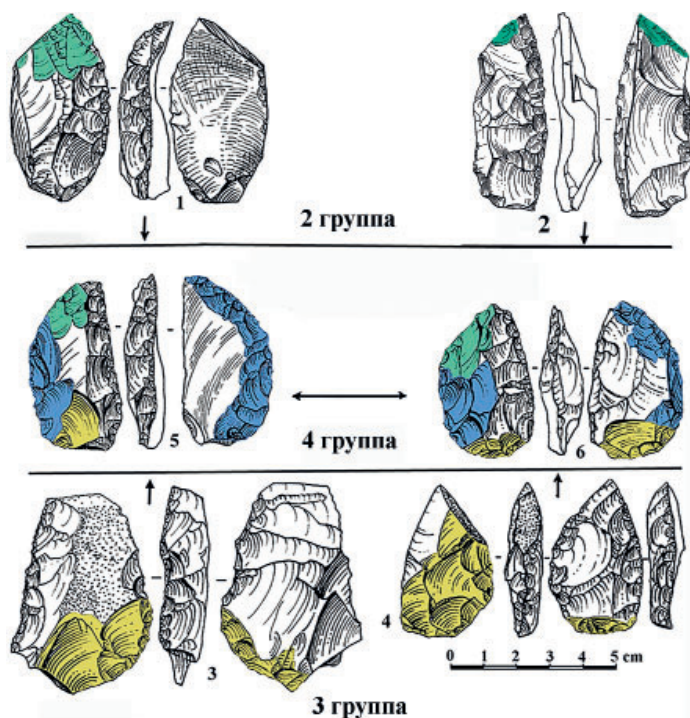

Рис. 2. Мезмайская пещера, слой 3 и 2B4. Варианты оформления обушковых частей бифасиальных скребел-ножей в группах 2 (зеленая окраска), 3 (желтая окраска) и 4 (синяя окраска) и их вероятная взаимосвязь в группе 4 (по: Голованова и др., 2022).

Fig. 2. Mezmaiskaya cave, layers 3 and 2B4. Design variants of the butt (backed sides) on bifacial scrapers-knives in groups 2 (green), 3 (yellow) and 4 (blue), and their probable relationship in group 4 (by Golovanova et al., 2022).

дия и его функций. Даже морфологически специфические и интенсивно ретушированные бифасиальные скребла-ножи являются орудиями, которые использовались как для охоты (скребло-нож с утонченным основанием, использованное в качестве наконечника (Rots, 2009: fig. 19)), так и для обработки дерева и шкур, но преимущественно они использовались для разделки мяса (в качестве ручных ножей для нарезки мяса и обработки туш животных (Rots, 2009)).

Что касается крепления в рукояти, то вплоть до настоящего времени определено немного свидетельств хафтинга на микокских орудиях. Rots (2009) были впервые обнаружены следы хафтинга на бифасиальных скреблах-ножах в нескольких микокских комплексах. Функциональный анализ микокских орудий в пещере Sesselfelsgrötte (Германия) показал преобладание орудий со следами хафтинга (Rots, 2009). Но на многих других изученных под микроскопом орудиях их других памятников следы хафтинга обнаружены не были (Ruebens, 2013).

Источник. На Северо-Западном Кавказе опорным памятником для эпохи среднего палеолита является Мезмайская пещера (Голованова, Дороничев, 2003; Голованова и др., 2022; Golovanova, Doronichev, 2017a). На этом памятнике выявлено семь слоев (= климато-стратиграфических подразделений) эпохи среднего палеолита. По данным радиоуглеродного и ЭПР-датирования неандертальцы периодически посещали пещеру в интервале от 80/70 до 40 тысяч лет назад. Проанализированная коллекция бифасиальных и частично-бифасиальных скребел-ножей из среднепалеолитических слоев Мезмайской пещеры включает 112 экз. Трасологический анализ этой коллекции установил, что преобладающей функцией бифасиальных скребел была функция «скребло» (79,8%). Определены скребла по разному материалу. Часть скребел (48,8%) были комбинированными орудиями: скребло/нож, скребло/проколка. Часть изделий (20,2%) были определены как ножи, проколки и наконечники.

Трасологические исследования проводились под микроскопом МС-

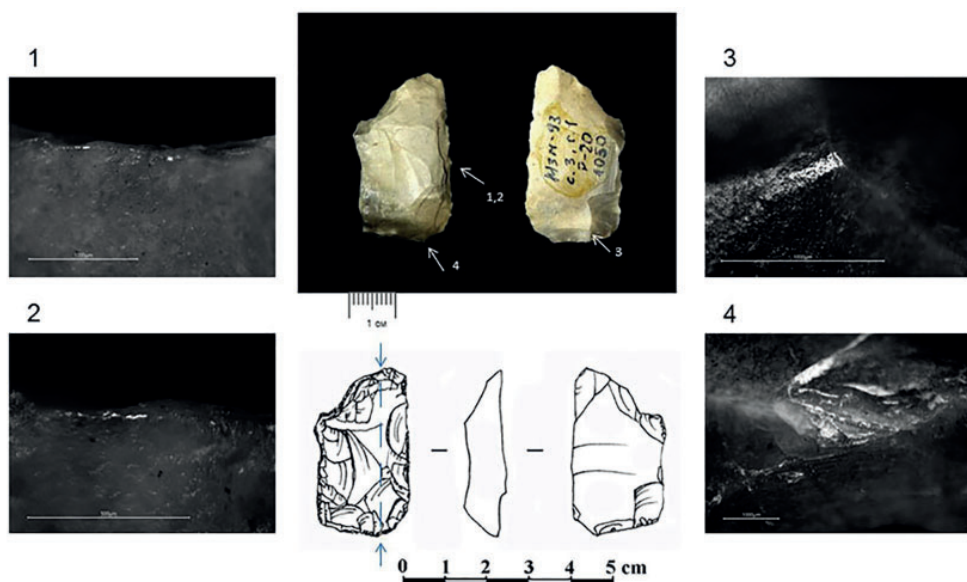

Рис. 3. Мезмайская пещера. Слой 3. Типологическое определение – скребло с подтеской. Трасологическое определение – скребло по коже/шкуре.

Fig. 3. Mezmaiskaya cave. Layer 3. Typological definition – side-scraper with thinning retouch. Traceological definition – scraper on skin/hide.

2ZOOM с увеличением до 80 крат и микроскопом МСП-2, вариант 5, с увеличением до 160 крат. Для микрофотографирования использовался видеоокуляр ТОУРСАМ и цифровая камера МС-12. Использовалась методика трасологического анализа по: (Коробкова, Щелинский, 1996) и (Поплевко, 2007).

Изучение методов крепления бифасиальных скребел-ножей в рукояти

Специальные эксперименты (Rots, 2004, 2008) для изучения следов, которые фиксируются при закреплении орудий в разных рукоятях, позволили выявить некоторые закономерности. При работе с разными вариантами основ – кожа, дерево, рог/кость – были сделаны выводы о том, что на обушковой поверхности вкладышевых изделий могут фиксироваться участки микросколов и микроретуши аккомодации, участки заполировки и залощенности. Обычно следы микроизноса обушковых частей менее выражены, по сравнению с кромками рабочих лезвий они локализируются в

основном на небольших участках выступающих краев или поверхности (Rots, 2009). Кроме того, в результате проведенных экспериментов (Rots, 2005, 2004) было отмечено, что для орудий, которые держали в руке, характерна частичная залощенность и микросколы, как правило, одного края. При работе орудиями с кожаной или растительной обмоткой микроследы – заполировка и микросколы – могут фиксироваться на обоих боковых краях и иногда на выступающих частях поверхностей. Орудия, закрепленные в деревянной основе, могут иметь следы микроизноса как боковых краев, так и основания, а также на выступающих частях дорсальной или вентральной поверхности. При определении обушковой части важно учитывать функциональное определение орудия. Например, у наконечников на основании фиксируются ударные микросколы, а для скребел, закрепленных в основе, наблюдаются участки сглаженности кромки при систематическом однонаправленном движении.

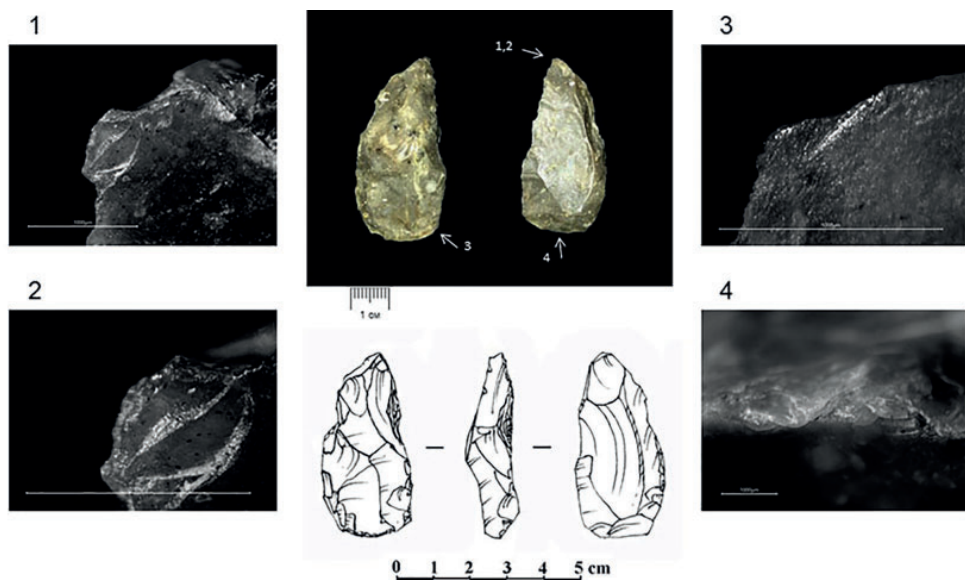

Рис. 4. Мезмайская пещера. Слой 3. Типологическое определение – бифасиальное скребло. Трасологическое определение – скребло/проколка по коже/шкуре.

Fig. 4. Mezmaiskaya cave. Layer 3. Typological definition – bifacial side-scraper. Traceological definition – scraper/borer on skin/hide.

В изученной коллекции бифасиальных скребел-ножей из среднепалеолитических слоев Мезмайской пещеры на 45,5% орудий удалось определить следы закрепления орудий в рукояти. В основном преобладают два метода крепления.

1. На части орудий (23 ед.) прослеживаются признаки использования их в деревянной рукояти (или основе) – на кромке и части боковых краев есть участки микроистертости, сглаженности и «деревянной» заполировки, а также плоская регулярная микроретушь, частично с микрозаломками.

Пример 1. Типологическое определение – скребло с подтеской. Размеры 3,8×2,2×0,9 см. Орудие происходит из самого раннего слоя 3.

Трасологическое определение – скребло по коже/шкуре.

Рабочее лезвие на данном орудии выявлено на правом крае. По всему краю идут участки дорсальной полукрутой ретуши. На кромке рабочей части имеются участки яркой нераспространяющейся заполировки и хорошая скругленность края, что ха-

рактерно для обработки мягкого органического материала – кожи или шкуры (рис. 3: 1, 2). На левом крае есть небольшой участок с подработкой дорсальной крутой ретушью. На основании предмета у правого края выявлены участки отчетливо пятнистой ретуши, есть участки микроистертости и систематических микросколов и микрозаломов (рис. 3: 3, 4). Скорее всего, все эти следы являются результатом движения орудия в деревянной рукояти или основе.

Пример 2. Типологическое определение – бифасиальное скребло. Размеры 5,1×2,6×1,5 см. Орудие из слоя 3.

Трасологическое определение – скребло/проколка по коже/шкуре.

Правый край орудия подработан полукрутой и крутой ретушью, по кромке идут дорсальные микросколы и микрозаломы – свидетельство непродолжительной работы кромки в качестве скребла. На остром углу изделия расположено несколько плоских микросколов. Край острия частично сглажен, как и небольшие участки расположенных рядом боко-

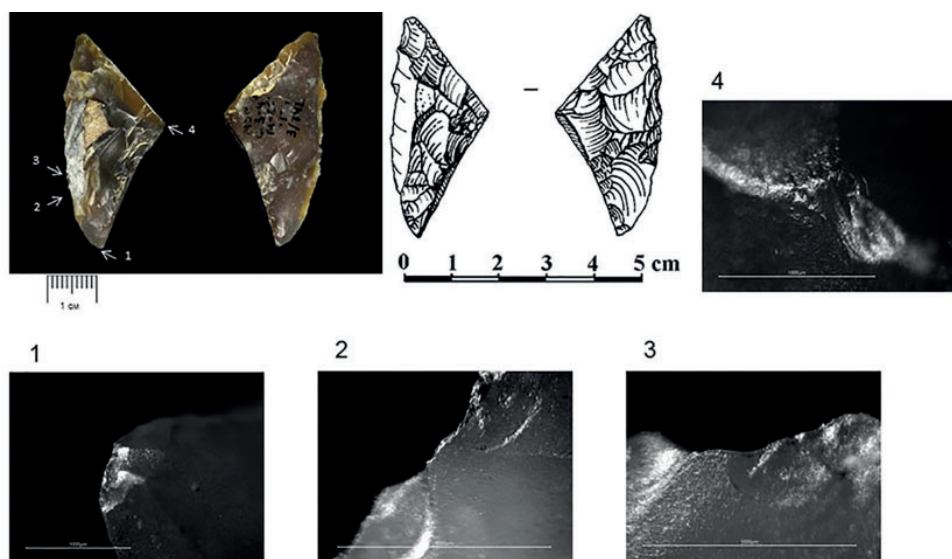

Рис. 5. Мезмайская пещера. Слой 3. Типологическое определение – частично-бифасиальное скребло. Трасологическое определение – скребло/проколка по коже/шкуре.

Fig. 5. Mezmaiskaya cave. Layer 3. Typological definition – partial bifacial side-scraper. Traceological definition – scraper/borer on skin/hide.

вых ребер. По сглаженным микрозубцам фиксируется точечная «мясная» заполировка. Такие следы характерны для несильно сработанных проколов по коже/шкуре (рис. 4: 1, 2). На широком основании орудия выявлен участок с систематическими микросколами и микрозабитостью, а также следы яркой заполировки, имеющей тенденцию к образованию непрерывной полосы в прикромочной зоне (рис. 4: 3, 4). Данный комплекс свидетельствует о вероятном креплении орудия в деревянной основе.

2. На основаниях ряда орудий (21 ед.) отмечается яркая «мясная» заполировка, облегающая и скругляющая кромку и межфасеточные ребра. Такая заполировка похожа на работу по коже, однако часто фиксируется на ограниченных участках боковых кромок, как правило расположенных напротив друг друга. Можно предположить, что она появилась от кожаной обмотки, которая использовалась для лучшей фиксации орудия в руке.

Пример 1. Типологическое определение – частично-бифасиальное

скребло. Размеры 4,0×2,0×1,0 см. Слой 3.

Трасологическое определение – скребло/проколка по коже/шкуре.

Правый край орудия подработан дорсальной крутой и полукрутой ретушью. На нескольких выступающих зубцах есть участки точечной «мясной» заполировки и слабая сглаженность кромки (рис. 5: 2, 3). Лезвие скребла не сильно сработано, но зафиксированные следы микроизноса указывают на работу по мягкому органическому материалу – коже или шкуре. На остром углу изделия можно проследить участок микросколов со сглаженными микрозубчиками и точечной «мясной» заполировкой, образовавшимися от работы по мягкому органическому материалу – коже/шкуре (рис. 5: 1).

На основании орудия и выступе правого края есть несколько участков со следами сработанности – «мясная» слабая заполировка и скругленность на выступающих гранях дорсальной поверхности (рис. 5: 4). Нехарактерное для рабочих кромок расположение следов позволяет предположить

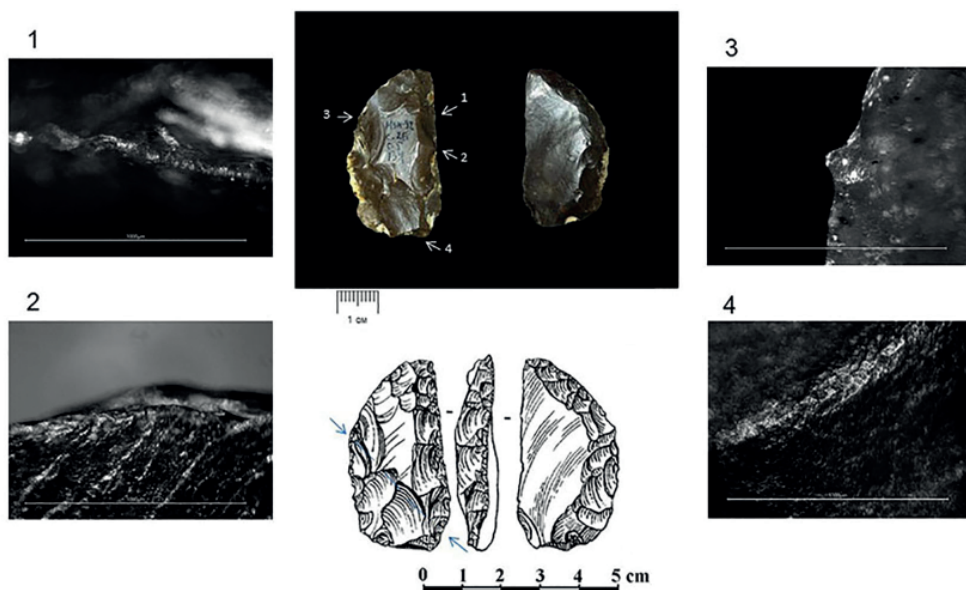

Рис. 6. Мезмайская пещера. Слой 2B4. Типологическое определение – скребло с подтеской. Трасологическое определение – скребло по коже/шкуре / нож для мяса.

Fig. 6. Mezmaiskaya cave. Layer 2B4. Typological definition – side-scraper with thinning retouch. Traceological definition – scraper on skin /hide/meat knife.

появление их вследствие трения о кожаную обмотку, использовавшуюся для фиксации предмета в руке при работе. Такие следы фиксируются только на выступах и не распространены по кромкам, что может свидетельствовать об истирании выступов о кожаную обмотку, использовавшуюся для лучшей фиксации предмета в руке.

Пример 2. Типологическое определение – скребло с подтеской. Размеры $4,5 \times 2,4 \times 0,9$ см. Орудие происходит из слоя 2B4.

Трасологическое определение – скребло по коже/шкуре / нож для мяса.

На правом крае изделия расположена дорсальная полукрутая и крутая ретушь. На кромке края фиксируются участки скругленности кромки и точечная нераспространяющаяся заполировка, что характерно для работы по мягкому органическому материалу – коже/шкуре (рис. 6: 1, 2). На небольшом участке левого края по зубцам кромки идет точечная «мясная» заполировка, а также плоские сколы, что может быть свидетельством исполь-

зования данного участка в качестве ножа для мяса (рис. 6: 3). Также на дорсальной поверхности основания предмета зафиксированы следы слабой «мясной» заполировки и частичное скругление граней (рис. 6: 4). Появление данных следов микроизноса можно предположить при движении орудия в кожаной основе, использовавшейся для лучшего удержания предмета в руке.

При изучении коллекции бифасиальных скребел-ножей были выявлены другие следы на единичных изделиях. На четырех предметах были отмечены слабые следы облегающей заполировки, расположенной, как правило, на каком-то одном выступающем участке (например, высокой дорсальной поверхности), в то же время на втором крае заполировка практически не отмечается, но есть пологие микросколы. Такое распределение может быть показателем большего давления на одну какую-то сторону в процессе работы. На основаниях еще трех изделий была отмечена слабая заполировка, локализу-

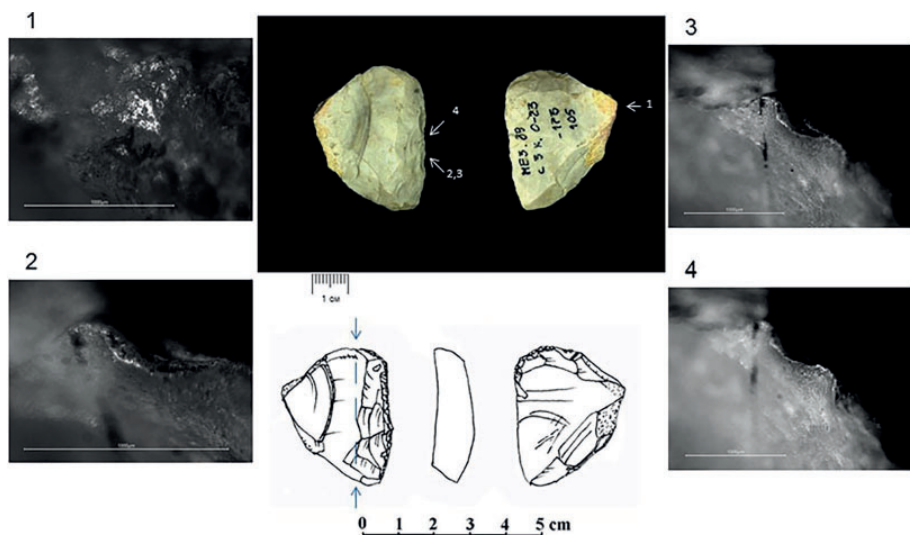

Рис. 7. Мезмайская пещера. Слой 3. Типологическое определение – частично-бифасиальное скребло. Трасологическое определение – скребло по коже/шкуре.

Fig. 7. Mezmaiskaya cave. Layer 3. Typological definition – partial bifacial side-scraper. Traceological definition – scraper on skin/hide.

ющаяся на небольших выступающих участках кромок. Заполировка достаточно тусклая, похожая на микроистертость, появившаяся, вероятно, от истирания о какое-то растительное покрытие.

Трасологический анализ также показал, что на двенадцати орудиях имеются остатки органического вещества, битума или смолы, свидетельствующие о креплении изделий в основе или рукояти.

Пример. Типологическое определение – частично-бифасиальное скребло. Размеры $3,8 \times 3,0 \times 1,1$ см. Слой 3.

Трасологическое определение – скребло по коже/шкуре.

На правом крае изделия расположена дорсальная полукрутая и крутая ретушь. На левом крае – участки дорсальной в верхней части и вентральной ретуши в нижней части орудия. По правому краю изделия идут участки скругления кромки. На выступающих зубцах видна нераспространяющаяся облегающая заполировка, характерная для обработки мягкого органического материала – кожи/шкуры (рис. 7: 2–4). Ближе к основанию

предмета у кромки правого края выявлены участки отчетливо пятнистой яркой заполировки, которая появилась, скорее всего, в результате движения орудия в деревянной рукояти или основе (рис. 7: 1). На торцовых краях есть участки микросколов аккомодации. Также на брюшке у основания фиксируются следы битума или смолы, что также указывает на вероятность крепления орудия в основе.

Выводы

Трасологический анализ бифасиальных и частично-бифасиальных скребел-ножей из среднепалеолитических слоев Мезмайской пещеры позволил определить, что почти половина (45,5%) орудий имеют следы закрепления в рукояти. Преимущественно неандертальцы или применяли закрепление в деревянных рукоятях, или использовали кожаную обмотку для лучшей фиксации орудия в руке. Также для лучшего крепления в деревянной рукояти использовались клеящие вещества, химический состав которых еще предстоит определить.

Важным стало наблюдение, что следы крепления прослеживаются

преимущественно на основаниях изделий, которые имеют утоньшения ретушью и мелкими сколами. Корпус этих изделий был также утоньшен. На ряде орудий следы крепления прослеживаются на противоположной к рабочему краю стороне – на обушке (рис. 5 и 7).

Большая часть изученных скребел была связана с обработкой продуктов охоты. Ряд орудий имеют дополнительные функции. Это были преимущественно скребла по коже/шкуре, а дополнительные функции (проколка) также были связаны с процессом обработки продуктов охоты.

Трасологическое изучение подтвердило, что преобладающей функцией бифасиальных и частично-бифасиальных скребел была функ-

ция – скребло. Основным рабочим лезвием был продольный интенсивно отретушированный край. Разнообразные варианты утоньшения корпуса орудий (дистального конца, обушка и проксимального конца), вероятно, были связаны с переоформлением и подправкой, а также с разными приемами крепления в рукояти. Выявленные в настоящем исследовании варианты крепления связаны преимущественно с утоньшениями проксимального конца, реже – с обушковой частью. Однако вопрос разнообразия методов крепления орудий в рукояти требует еще дальнейшего изучения на более многочисленных материалах из разных среднепалеолитических памятников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Средний палеолит Кавказа // Археологический альманах, 13. Донецк, 2003. С. 18–66.
2. Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В., Несмеянов С.А., Воейкова О.А., Ревина Е.И., Поплевко Г.Н., Спасовский Ю.Н., Волков М.А., Трегуб Т.Ф., Ширококов И.Г., Цельмович В.А., Русаков А.В., Лебедева М.П., Симонова Ю.В., Костина Ю.В., Мурый А.А., Курбанов Р.Н. Динамика климата и модели адаптации в среднем и верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа. М.: Delibri, 2022. 657 с.
3. Колесник А.В. Проблемы культурного членения памятников среднего палеолита Восточной Европы в 60–90-е гг. XX в.: Историографический обзор. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2022. Вып. № 3 (82). С. 38–51.
4. Колобова К.А., Харевич А.В., Чистяков П.В., Бочарова Е.Н., Тюгашев И.Е., Маркин С.В., Олсен Дж.У. На востоке неандертальской ойкумены: сравнительное исследование Сухой Мечетки и микокских комплексов Алтая // Camera praehistorica. 2023. № 2 (11). С. 20–39. DOI: 10.31250/2658-3828-2023-2-20-39.
5. Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 80 с.
6. Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 388 с.
7. Bosinski G. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. Fundamenta – Monographien zur Urgeschichte, vol. A4. Böhlau, Köln. 1967. 205 p.
8. Frick J.A. Reflections on the term Micoquian in Western and Central Europe. Change in criteria, changed deductions, change in meaning, and its significance for current research // Archaeological and Anthropological Sciences. 2020. 12:38. P. 2–39. <https://doi.org/10.1007/s12520-019-00967-5>
9. Gábori M. Les civilisations du Paléolithique moyen entre les Alpes et l'Oural. Esquisse historique. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1976. 277 p.
10. Golovanova, L.V., Doronichev V.B. The dynamics of stone industry transformation at the interface of Lower and Middle Paleolithic in the Northwestern Caucasus // Quaternary International. 2017a. Vol. 428. P. 26–48.
11. Golovanova L.V., Doronicheva E.V., Doronichev V.B., Shirobokov I.G. Bifacial scrapers-knives in the Micoquian sites in the North-Western Caucasus: typology, technology, and reduction // Quaternary International. 2017b. Vol. 428. P. 49–65.
12. Jöris O. Bifacially backed knives (Keilmesser) in the Central European Middle Paleolithic // Axe Age. Acheulian Tool-Making from Quarry to Discard. Eds. N. Goren-Inbar, G. Sharon. London, 2006. P. 287–310.

13. Kot M., Richter J. Leafpoints or rather «Leafknives»? A technological analysis of bifacially shaped artefacts from Mauern, Germany // *L'Anthropologie*. 2012. Vol. 50 (3). P. 361–375.
14. Pawlik A.F., Thissen J.P. Hafted armatures and multi-component tool design at the Micoquian site of Inden-Altendorf, Germany // *Journal of Archaeological Science*. 2011. Vol. 38. P.1699–1708.
15. Rots V. Prehensile Wear on flint tools // *Lithic Technology*. 2004. Vol. 29(1). P. 7–32.
16. Rots V. Wear Traces and the Interpretation of Stone Tools // *Journal of Field Archaeology*. 2005. Vol. 30(1). P. 61–73.
17. Rots V. Hafting and raw materials from animals. Guide to the identification of hafting traces on stone tools // *Anthropozoologica*. 2008. Vol. 43 (1). P. 43–66.
18. Rots V. The functional analysis of the Mousterian and Micoquian assemblages of Sesselfelsgrötte, Germany. Tool use and hafting in the European Late Middle Paleolithic // *Quartär*. 2009. Vol. 56. P. 37–66.
19. Ruebens K. Regional behaviour among late Neanderthal groups in Western Europe: a comparative assessment of late Middle Palaeolithic bifacial tool variability // *Journal of Human Evolution*. 2013. Vol. 65. P. 341–362.

Информация об авторах:

Голованова Любовь Витальевна, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Автономная некоммерческая организация в области гуманитарных и естественно-научных исследований «Лаборатория доистории» (г. Санкт-Петербург, Россия); mezmay57@mail.ru

Дороничев Владимир Борисович, кандидат исторических наук, директор. Автономная некоммерческая организация в области гуманитарных и естественно-научных исследований «Лаборатория доистории» (г. Санкт-Петербург, Россия); labprehistory@yandex.ru

Ревина Елена Игоревна, Автономная некоммерческая организация в области гуманитарных и естественно-научных исследований «Лаборатория доистории» (г. Санкт-Петербург, Россия); ведущий хранитель, Ростовский областной музей краеведения (г. Ростов-на-Дону, Россия); elena.revina@bk.ru

Поплевко Галина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); poplevko@yandex.ru

Дороничева Екатерина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Автономная некоммерческая организация в области гуманитарных и естественно-научных исследований «Лаборатория доистории» (г. Санкт-Петербург, Россия); edoronicheva87@yandex.ru

HAFTING MODES OF BIFACIAL SCRAPERS IN EASTERN MICOQUIAN INDUSTRIES (EVIDENCE FROM MEZMAISKAYA CAVE, NORTHWESTERN CAUCASUS)

L.V. Golovanova, V.B. Doronichev, E.I. Revina, G.N. Poplevko, E.V. Doronicheva

The paper deals with the use-wear (traceologica) study of bifacial side-scrappers from the Middle Paleolithic deposits of Mezmaiskaya cave whose industry is attributed to the Eastern Micoquian. The materials of the Middle Paleolithic sites of this type are represented, among other things, by various types of bifacial side-scrappers, variants of which are found quite widely from Central Europe to the North Caucasus, Eastern Europe and Altai. The results of the study of this tool group suggest that the cultural tradition likely was not the production of specific forms of bifacial side-scrappers, but there was a tradition of manufacturing, fixing into the handle, and refining of these tools. The variability observed in bifacial scrapers was also significantly influenced by their mode of hafting. The traceological study of bifacial scraper-knives from the Middle Paleolithic layers of Mezmaiskaya cave allowed the authors to

The study of collections, trace analysis, and preparation of illustrations were carried out with the support of the Russian Science Foundation grant 24-18-00971 "Neanderthals of the Northwest Caucasus between Asia and Europe: cultural areas, mobility, adaptations" (<https://www.rscf.ru/project/24-18-00971/>). G.N. Poplevko participated in the preparation of the text of the article within the framework of the planned topic "The most ancient inhabitants of the North of Eurasia - human settlement in the Stone Age, production technologies" (FMZF-2022-0012).

identify traces of hafting on nearly half of the tools. The predominant use involved securing them in a wooden handle, often with a leather wrapping for better fixation in the hand. Also, half of the tools, for which the use of a wooden haft is identified, have residues of an adhesive (resin or bitumen). Traces of hafting are usually defined on tools bases that have thinning retouch. Some of the tools have traces of hafting on the butt (the backed edge).

Keywords: archaeology, Middle Paleolithic, bifacial side-scrapers, Eastern Micoquian, North Caucasus, use-wear analysis (traceology), hafting.

REFERENCES

1. Golovanova, L. V., Doronichev, V. B. 2003. In *Arheologicheskiy al'manakh (Archaeological almanac)* 13, 18–66 (in Russian).
2. Golovanova, L. V., Doronichev, V. B., Doronicheva, E. V., Nesmeyanov, S. A., Voeikova, O. A., Revina, E. I., Poplevko, G. N., Spassovsky, Yu. N., Volkov, M. A., Tregub, T. F., Shirobokov, I. G., Tseltmovich, V. A., Rusakov, A. V., Lebedeva, M. P., Simonova, Yu. V., Kostina, Yu. V., Muriy, A. A., Kurbanov, R. N. 2022. *Dinamika klimata I modeli adaptatsii v srednem I verhnem paleolite Severo-Zapadnogo Kavkaza (Climate dynamics and adaptation models in the Middle and Upper Paleolithic of the Northwest Caucasus)*. Moscow: "DELIBRI" Publ. (in Russian).
3. Kolesnik, A. V. 2022. In *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy (Journal of historical, political and international studies)* 3 (82), 38–51 (in Russian).
4. Kolobova, K. A., Harevich, A. V., Chistiakov, V. P., Bocharova, E. V., Tyugashev, I. E., Markin, S. V., Olsen, J. U. 2023. In *Camera praehistorica* 2 (11), 20–39. DOI: 10.31250/2658-3828-2023-2-20-39 (in Russian).
5. Korobkova, G. F., Shchelinskii, V. E. 1996. *Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudii truda (Methodology of Micro- and Macroanalysis of Prehistoric Implements)* 1. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS (in Russian).
6. Poplevko, G. N. 2007. *Metodika kompleksnogo issledovaniia kamennykh industrii (Methodology of the Complex Research of Stone Industries)*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).
7. Bosinski, G. 1967. *Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. Fundamenta - Monographien zur Urgeschichte*, vol. A4. Böhlau, Köln.
8. Frick, J. A. 2020. In *Archaeological and Anthropological Sciences*, 12:38, 2–39. <https://doi.org/10.1007/s12520-019-00967-5>
9. Gábori, M. 1976. *Les civilisations du Paleolithique moyen entre les Alpes et l'Oural. Esquisse historique*. Akadémiai Kiadó, Budapest.
10. Golovanova, L. V., Doronichev, V. B. 2017. In *Quaternary International*, Vol. 428, 26–48.
11. Golovanova, L. V., Doronicheva, E. V., Doronichev, V. B., Shirobokov, I. G. 2017. In *Quaternary International*, 428, 49–65.
12. Jöris, O. 2006. In N. Goren-Inbar, G. Sharon (Eds.). *Axe Age. Acheulian Tool-Making from Quarry to Discard*. London, 287–310.
13. Kot, M., Richter, J. 2012. In *L'Anthropologie*, 50 (3), 361–375.
14. Pawlik, A. F., Thissen, J. P. 2011. In *Journal of Archaeological Science*, 38, 1699–1708.
15. Rots, V. 2004. In *Lithic Technology*, 29(1), 7–32.
16. Rots, V. 2005. In *Journal of Field Archaeology*, 30(1), 61–73.
17. Rots, V. 2008. In *Anthropozoologica*, 43 (1), 43–66.
18. Rots, V. 2009. In *Quartär*, 56, 37–66.
19. Ruebens, K. 2013. In *Journal of Human Evolution*, 65, 341–362.

About the Authors:

Golovanova Lyubov V. Candidate of Historical Sciences, ANO "Laboratory of Prehistory", Liflandskaya str., 6M, St.-Petersburg, 190020, Russian Federation; mezmay57@mail.ru

Doronichev Vladimir B. Candidate of Historical Sciences, ANO "Laboratory of Prehistory", Liflandskaya str., 6M, St.-Petersburg, 190020, Russian Federation; labprehistory@yandex.ru

Revina Elena I. ANO "Laboratory of Prehistory"; Rostov regional museum of local lore, Bolshaya Sadovaya st., 79, Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation; elena.revina@bk.ru

Poplevko Galina N. Candidate of Historical Sciences, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya Emb., 18, Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation; poplevko@yandex.ru

Doronicheva Ekaterina V. Candidate of Historical Sciences, ANO "Laboratory of Prehistory", Liflandskaya str., 6M, St.-Petersburg, 190020, Russian Federation; edoronicheva87@yandex.ru

Статья принята в номер 01.03.2026 г.

ОСОБЕННОСТИ КЛАДОВ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ФЕННОСКАНДИИ¹

© 2026 г. А.М. Жульников

В статье представлены результаты морфологического и пространственного анализа кладов каменных изделий, обнаруженных на территории Восточной Фенноскандии. В ходе исследования этого вида археологического источника, позволяющего получать сведения об обмене, религиозной практике древних людей, были изучены различия кладов и сопоставлены контексты их обнаружения. Собранные данные позволили определить возраст большей части рассмотренных скоплений находок. При классификации кладов был применен алгоритм, направленный на поиск признаков, позволяющих установить причины формирования и иногда сокрытия древними людьми компактных скоплений каменных артефактов. Выделено четыре группы намеренно сгруппированных древними людьми артефактов, различающихся по составу и назначению: клады, найденные в углах и под стенами жилищ, – строительные жертвы; клады-склады рубящих орудий и их заготовок из местных пород камня, оставленные древними людьми как на поселениях, так изредка и за их пределами; клады, связанные с обменом каменным сырьем, состоящие преимущественно из кремневых полуфабрикатов, или нуклеусов; клады, образовавшиеся в результате пока неясных ритуалов, включающие разные категории готовых орудий, чаще всего это наконечники метательного вооружения.

Ключевые слова: археология, клад каменных изделий, обмен, строительная жертва, ритуал, мезолит, неолит, энеолит, эпоха бронзы, Восточная Фенноскандия.

Введение

Специфика клада древних изделий как особого типа археологического памятника, по мнению А.В. Колесника, обусловлена преднамеренным отбором и депонированием в первобытности определенных видов предметов. Тем не менее кладами не могут считаться группы вещей, использованных в качестве погребального инвентаря (Колесник, 2012, с. 29), с чем следует согласиться. К разряду кладов, видимо, не следует относить и часто обнаруживаемые на древних поселениях запасы сырья или места складирования отходов каменной обработки. Таким образом, в состав целенаправленно отобранных и определенным образом часто сокрытых (не в захоронениях) в древности предметов, интерпретируемых в на-

стоящее время как клады каменного века, входят в первую очередь ценные для первобытного человека группы вещей. В современных исследованиях причины сокрытия/оставления и функция кладов во многом познаются путем изучения их состава и контекста обнаружения (Колесник, 2012; Сериков, 2021). Данные, полученные при изучении морфологии кладов и их пространственного расположения, используются исследователями при уточнении хронологии бытования некоторых групп изделий (Синицина, 2000), в рамках изучения «феномена индивидуальности» (Колесник, 2016) и т. п.

В Верхнем Поволжье и Волго-Окском междуречье наиболее многочисленную группу компактных скоплений древних артефактов, вклю-

¹ Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН

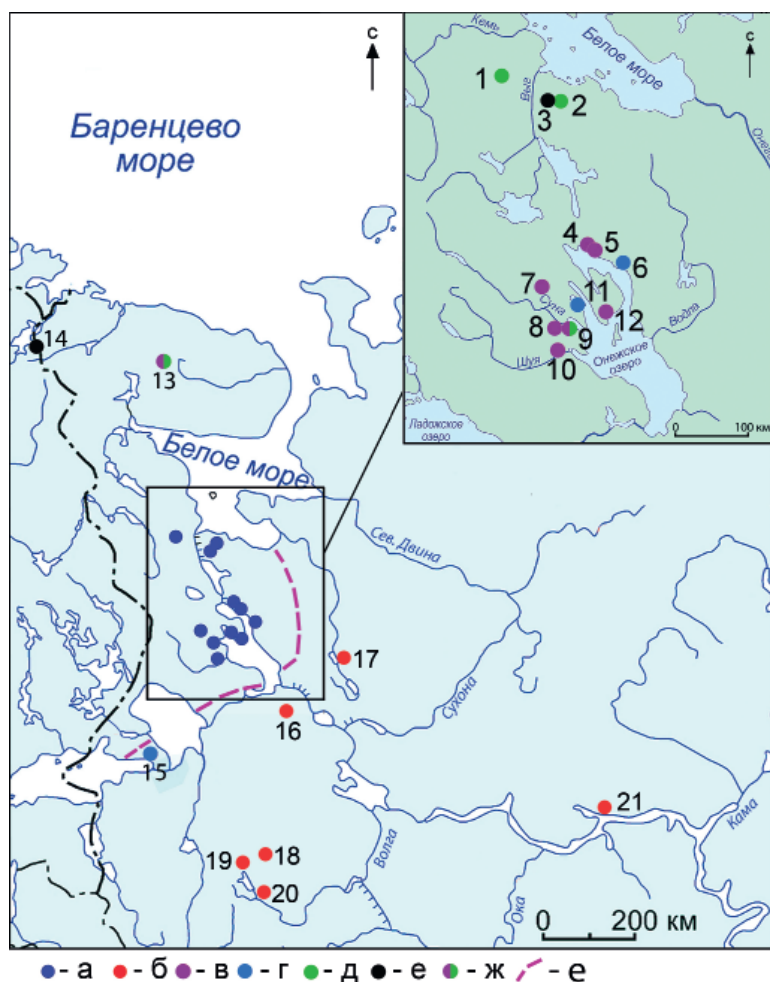

Рис. 1. Карта кладов каменных изделий на территории Восточной Фенноскандии и сопредельных регионов. а – клады, обнаруженные на территории Карелии; б – клады и иные скопления каменных изделий, упоминаемые в статье; в – клады эпохи мезолита – раннего неолита; г – клады финала неолита – начала энеолита; д – энеолитические клады; е – клады эпохи бронзы; ж – клады неолита – энеолита; з – южная и восточная границы Балтийского щита. 1 – Тунгуда XV; 2 – Видостров IV; 3 – Сумозеро XV; 4, 5 – Оровнаволок XIV, XV; 6 – Челмужская Коса XII; 7 – Тухталампи; 8 – Суна XV; 9 – Суна I; 10 – Чална XII; 11 – Пегрема I; 12 – Больничный I; 13 – Мыс Семерка II; 14 – Неллим; 15 – Разлив; 16 – Илекса на Куштозеро; 17 – Веретье I; 18 – стоянка № 17 у озера Пудоро; 19 – Котчище II; 20 – Баранова Гора; 21 – Ахмыловское II.

Fig. 1. A map of the stone products caches in the territory of Eastern Fennoscandia and adjacent regions.

чающих помимо изделий из камня иногда предметы из кости, составляют волосовские ритуальные клады, расположенные поблизости от погребений (Костылева, Уткин, 2011). На территории соседних регионов подобные ритуальные погребальные клады пока не известны. Ю.Б. Сери-

ков, опираясь на результаты изучения топографии кладов, найденных на Урале и прилегающих областях, пришел к выводу, что наиболее вероятной версией их назначения на территории региона является использование групп каменных изделий «в качестве своеобразных маркеров символиче-

ской границы между мирами, между освоенным и неосвоенным пространством» (Сериков, 2016, с. 7).

Учитывая наличие существенных региональных отличий в возможном предназначении кладов каменных изделий на территории Европы, Урала и Зауралья, актуальными представляются исследования подобных групп находок в тех областях, которые имеют хорошо выраженную специфику в местной рудной базе и в доступе к месторождениям кремня. К числу таких регионов можно отнести территорию Восточной Фенноскандии, расположенную в пределах кристаллического Балтийского щита (рис. 1), за границей выходов кремня.

Основная цель данного исследования – выявление специфики в составе и морфологии обнаруженных на территории региона кладов, а также получение иных сведений, позволяющих установить возможные варианты их предназначения и хронологию.

История обнаружения кладов и методический аспект их изучения

Работы, посвященные публикации и анализу кладов каменных изделий, найденных на территории Восточной Фенноскандии, пока немногочисленны.

Впервые краткая информация о находках кладов сланцевых изделий на территории Карелии (стоянка Суна I) и северо-запада Вологодской области (стоянка Илекса на Куштозеро) (рис. 1) были опубликована А.Я. Брюсовым в 40-е годы XX века (1940, с. 75–76, 271). Мнение исследователя о причинах сокрытия заготовок сланцевых рубящих орудий представляется актуальным и в настоящее время: «Непрочность карельских каменных орудий приводила к тому, что в домашнем хозяйстве, несомненно, необходимо было иметь на всякий случай большое число орудий различного назначения. Но часто нельзя было предвидеть заранее, какие из орудий сломаются или попортятся ранее других за долгое зимнее время. По-

следнее обстоятельство приводило к тому, что старались иметь под рукою достаточное количество не окончательно выделанных орудий, а только подготовленных к их выделке каменных болванок, из которых при нужде сравнительно скоро можно было бы сделать, смотря по обстоятельствам, то топор, то долото, то стамеску той или другой требуемой формы. Как показывают раскопки в различных местах, подобные болванки хранились в местах поселений где-нибудь в известном пункте зарытыми в землю» (Брюсов, 1940, с. 271).

Вплоть до настоящего времени единственным достаточно полно опубликованным кладом, обнаруженным на территории Карелии, являлось скопление сланцевых заготовок, выявленное А.П. Журавлевым в ходе раскопок древнего поселения Пегрема I (Журавлев, 1973).

Среди иных работ, посвященных находкам кладов на территории региона, следует отметить публикацию Д.В. Герасимовым материалов довольно многочисленного скопления кремневых изделий местонахождения (клада) Разлив на Карельском перешейке (Герасимов, 2000).

Краткие сведения о единственной на Кольском полуострове находке двух кладов заготовок сланцевых топоров на стоянке Мыс Семерка II опубликованы Н.Н. Гуриной (1997).

Начиная с конца XX века автором данной статьи в ходе работ на территории Карелии были обнаружены клады каменных артефактов на стоянках Тунгуда XV, Сумозеро XV, Больничный I, Челмужская Коса XII, Чална XII, в виде местонахождений Видостров IV, Тухталампи I. Введение в научный оборот данных материалов позволяет существенно расширить источниковедческие возможности этого вида археологических источников. В ходе изучения имеющихся в публикациях и полевых отчетах сведений о контекстах обнаружения на территории региона некоторых групп

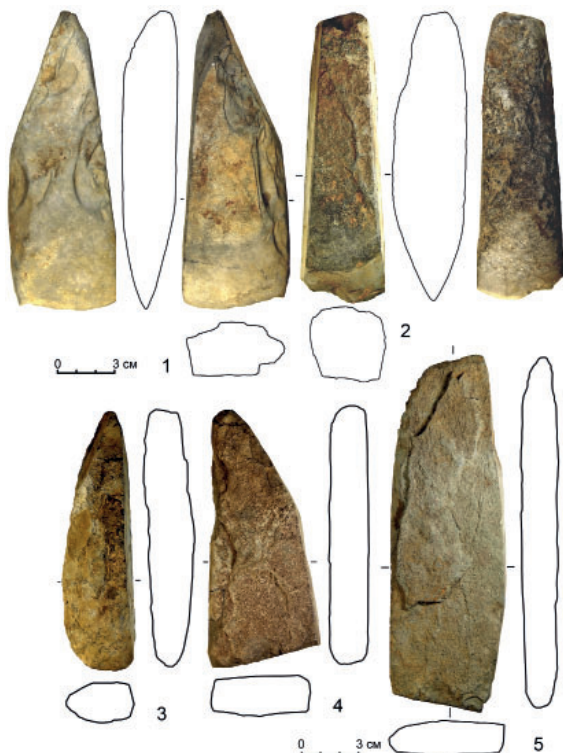

Рис. 2. Сланцевые изделия клада Тухталампи. 1, 2 – топоры; 3–5 – заготовки рубящих орудий.

Fig. 2. Slate products of the Tukhtalampi cache. 1, 2 – axes; 3–5 – blanks of chopping tools.

пактных скоплений артефактов (морфология находок и технология их изготовления).

Состав, морфология кладов и краткие сведения о контексте обнаружения

В настоящее время на территории Восточной Финно-скандии имеется 22 клада каменных изделий, происходящих с 15 археологических памятников (рис. 1).

1. Тухталампи I. Клад был обнаружен в шурфе на южном берегу оз. Тухталампи (бассейн р. Суны) (рис. 1), в 25 м от берега, на ровной обширной песчаной террасе высотой 4 м над уровнем водоема. Место обнаружения клада в рельефе не выражено. Иные древние ар-

тефакты на этом участке берега озера, несмотря на тщательную шурфовку, не обнаружены. В шурфе было найдено пять сланцевых артефактов, расположенных друг над другом. Верхний уровень находок образовывали топор и заготовка рубящего орудия (рис. 2: 1, 5), располагавшихся вплотную, параллельно друг другу. Ниже этих изделий, перпендикулярно изделиям верхнего яруса, находились топор и две заготовки рубящих орудий (рис. 2: 2–4). У обоих топоров из клада имеются крупные сколы на лезвиях, видимо образовавшиеся в ходе использования этих инструментов. Шлифовка на топорах наблюдается только на их лезвийных частях и вдоль боковых граней. На одном из топоров вдоль боковых граней сохранились следы пиления (рис. 2: 2). Заготовки рубящих орудий изготовлены из плоских естественных плиток путем краевой обивки (рис. 2: 3–5). Лезвие у двух заготовок не сформировано (рис. 2:

находок удалось получить новые сведения о ряде иных кладов каменных изделий.

При классификации кладов был применен алгоритм, направленный на поиск признаков, позволяющих установить причины формирования и – иногда – сокрытия древними людьми компактных скоплений каменных артефактов:

1. Группировка кладов по материалу изготовления (местное, привозное сырье и их сочетания);

2. Оценка степени готовности изделий, представленных в скоплениях артефактов (сырье – полуфабрикаты – орудия);

3. Выявление согласно выделенным группам кладов особенностей их топографии на поселениях, в жилищах, относительно берега водоема и т. п.

В ходе проведения классификации кладов и поиске им аналогий на территории соседних регионов учитывались хронологические отличия ком-

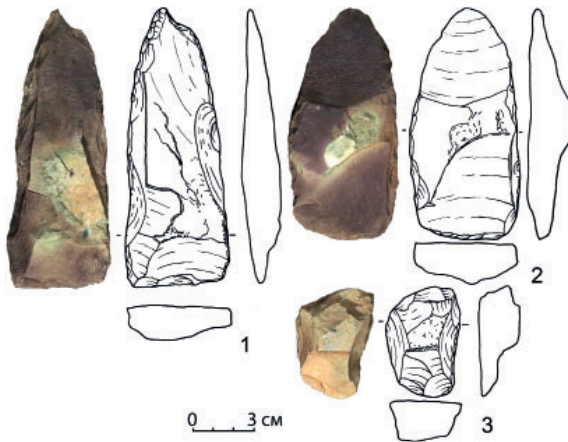

Рис. 3. Клад заготовок сланцевых рубящих орудий на стоянке Чална XII.

Fig. 3. A cache of blanks of shale chopping tools at the Chalna XII site.

сланцевых рубящих орудий (тесел?) без следов шлифовки, изготовленных из одного массива камня (судя по характерным внешним признакам) (рис. 3). Мезолитический возраст памятника, помимо его топографии и характера находок в раскопе, подтвержден двумя радиоуглеродными датами, полученными по

4, 5). Следы шлифовки на заготовках отсутствуют. Сочетание на рубящих орудиях пиления и шлифовки только по лезвию позволяет предполагать позднемезолитический – ранненеолитический возрастклада. Судя по топографии местности, где был обнаружен клад, в древности вдоль берега озера Тухталампи, возможно, проходил путь, позволяющий древним людям миновать каскад из нескольких водопадов на р. Суне.

2. Оровनावолок XIV. По данным В.Ф. Филатовой, в жилище на мезолитическом поселении в яме от несущего столба в юго-западном углу находился сланцевый топор, а в аналогичной по предназначению яме в северо-западном углу – обломок мотыги или пешни для льда (Филатова, 2015, с. 55).

3. Оровनावолок XV. На мезолитическом поселении в юго-восточных углах трех каркасных полуземляночных жилищ, в заполненных охристым слоем ямах для угловых столбов, В.Ф. Филатовой обнаружены сланцевые орудия: в жилище 1 – топор и тесло, в жилище 2 – мотыга и тесло, в жилище 3 – обломок тесла или топора (Филатова, 2015, с. 54).

4. Чална XII. В культурном слое мезолитической стоянки, расположенной на берегу древнего залива Онежского озера (в 200 м от современного берега р. Шуи), было выявлено компактное скопление из трех заготовок

углю из крупной хозяйственной ямы, перекрытой культурным слоем стоянки: 7339 ± 65 (SPb-3603) (1 σ 6241–6082 calBC), 7450 ± 75 (SPb-4215) (1 σ 6393–6243 calBC).

5. Суна XV. Скопление кремневых предметов было обнаружено М.М. Шахновичем в ходе раскопок стоянки, интерпретированной исследователем как место периодически посещаемого древними людьми зимнего охотничьего лагеря. В центральной части стоянки помимо многочисленных каменных артефактов и кальцинированных косточек выявлена группа кострищ, которые, видимо, функционировали не одновременно. Группа из шести крупных кремневых предметов располагалась в 2 м севернее скопления из шести неодновременных кострищ. По данным М.М. Шахновича, кремневые куски (желваки) размещались компактно друг на друге, что позволяет предполагать их изначальное нахождение в какой-то упаковке (Шахнович, Чайкина, 1993, с. 28). Рассмотрение в рамках данного исследования морфологии предметов изклада показало, что он состоит не из желваков, а из двух нуклеусов и четырех пренуклеусов, изготовленных из разных конкреций (рис. 4). С изделий почти полностью удалена валунная корка, ее небольшие участки сохранились на четырех изделиях. На двух одноплощадочных ну-

Рис. 4. Клад кремневых нуклеусов на стоянке Суна XV. Музейное собрание Национального музея Республики Карелия.

Fig. 4. Cache of flint nuclei at the Suna XV site.

клеусах имеются следы (пробного?) скалывания небольших пластинок и пластинчатых отщепов (рис. 4: 1, 3). Обнаруженный в раскопе клад кремневых изделий, судя по их морфологии, относится к эпохе мезолита.

6. Больничный I. В ходе раскопок ранненеолитического поселения с керамикой типа сперрингс выявлено три клада сланцевых изделий. Два зашлифованных топора и заготовка орудия (без следов шлифовки) (рис. 5: 1–3), составляющие первый клад, компактно располагались в культурном слое длинными сторонами параллельно друг другу. Один из топоров имеет на боковой грани следы пиления (рис. 5: 2). Следы охры и ямы в районе обнаружения этого клада не зафиксированы. Второй клад найден в нижней части культурного слоя, в небольшой

ямке, заполненной охрой (рис. 7: 1): заготовка топора без шлифовки, заготовка тесла (?) с двумя зашлифованными гранями, два зашлифованных тесла, одно из которых со следами использования (рис. 5: 4–7). Третий клад состоял из уложенных в яму (без охристого заполнения) (рис. 7: 2) двух заготовок крупных «кирок» – пешней (?) (рис. 6). Иные находки в яме не представлены, видимо, она, как и яма для второго клада, была выкопана специально для сокрытия каменных изделий. Примечательно, что на территории стоянки в ходе раскопок были обнаружены небольшие карьеры, в которых древние люди

добывали валунный сланец для изготовления рубящих орудий, тогда как все предметы из кладов изготовлены из плитчатого сланца, который мог быть получен только из коренных месторождений камня. Ближайшее к поселению Вегорукское месторождение плитчатого сланца, известное по геологическим данным, находится по прямой в 10 км западнее. Очевидно, что рубящие орудия и их заготовки из валунного сланца, найденные в изобилии на стоянке Больничный I, отличались по ценности для жителей поселения от их аналогов, изготовленных из привозного/принесенного плитчатого камня. Клады на стоянке Больничный I, судя по морфологии изделий и условиям залегания в слое, соотносятся с комплексом керамики

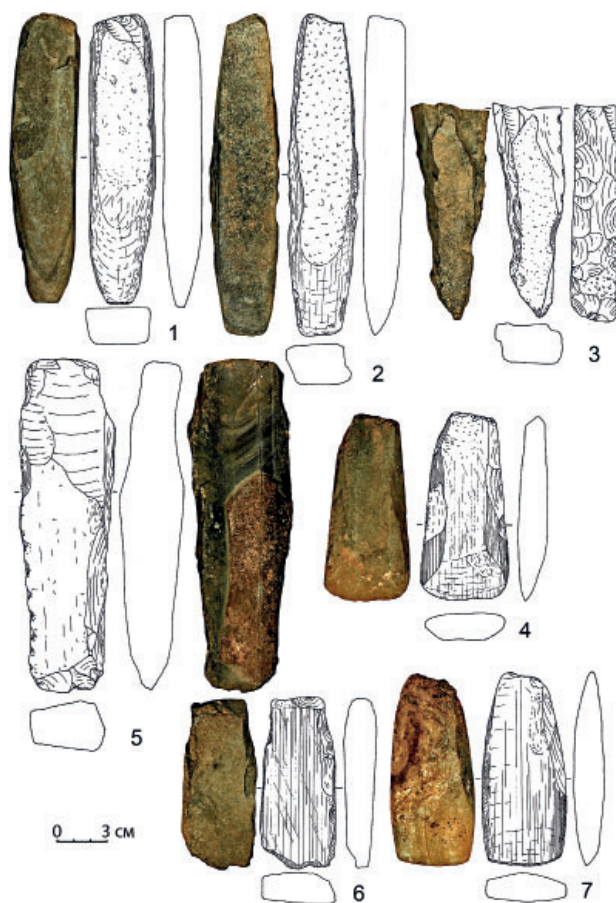

Рис. 5. Два клада сланцевых рубящих орудий и их заготовок на стоянке Больничный I.

Клад 1: 1, 2 – топоры; 3 – обломок заготовки рубящего орудия или кирки. Клад 2: 4, 7 – тесла; 5 – заготовка тесла или топора; 6 – заготовка рубящего орудия (тесла?).

Fig. 5. Two caches of slate chopping tools and their blanks at the Bolnichny I site.

следы шлифовки отсутствуют (Журавлев, 1973). Клад оставлен населением с ромбоямочной керамикой, датируемой по радиоуглеродным данным первой половиной – началом второй половины IV тыс. до н. э. (Васильева, Жульников, 2023). Петрографический анализ сланцевых изделий из клада с поселения Пегрема I и расположенного поблизости (в 10 км) Вегорукского месторождения сланца выявил идентичность материала (Журавлев, 1988).

8. Челмужская Коса XII.

Клад, найденный в основании культурного слоя поселения многократного заселения, состоит из 35 кремневых артефактов: 21 заготовка бифасиального изделия (одна заготовка состоит из двух частей), два нуклеуса, три ножа, отщеп с ретушью, семь крупных отщепов. Пятно находок образовывало подобие круга 40 см в диаметре, в пределах которого кремневые изделия располагались в два-три яруса. Признаки наличия ямы, в которой мог находиться клад, не выявлены. Все заготовки, входящие в клад, были оставлены на самом начальном этапе бифасиального расщепления. Со всех изделий удалена известковая корка, они имеют сходные размеры. В коллекции этого клада преобладают изделия, которые могут рассматриваться в качестве основы или запаса сырья для создания

сперрингс, датируемой на территории Карелии по радиоуглеродным данным последней четвертью VI – первой половиной V тыс. до н. э. (Нордквист, Мёккёнен, 2018).

7. Пегрема I. Клад сланцевых изделий обнаружен А.П. Журавлевым в раскопе на поселении с чистым комплексом раннеэнеолитической ромбоямочной керамики. Клад находился в яме диаметром 60 см, глубиной 15 см, расположенной у обрыва берега озера, в 6 м от полуземляночного жилища. Он состоит из шести заготовок кирок, шести заготовок топоров или тесел, шести заготовок неопределенных рубящих орудий в виде плиток естественного происхождения со следами сколов. Заготовки в яме были плотно прижаты друг к другу. Заготовки изготовлены из плитчатого сланца, подвергнуты грубой обивке,

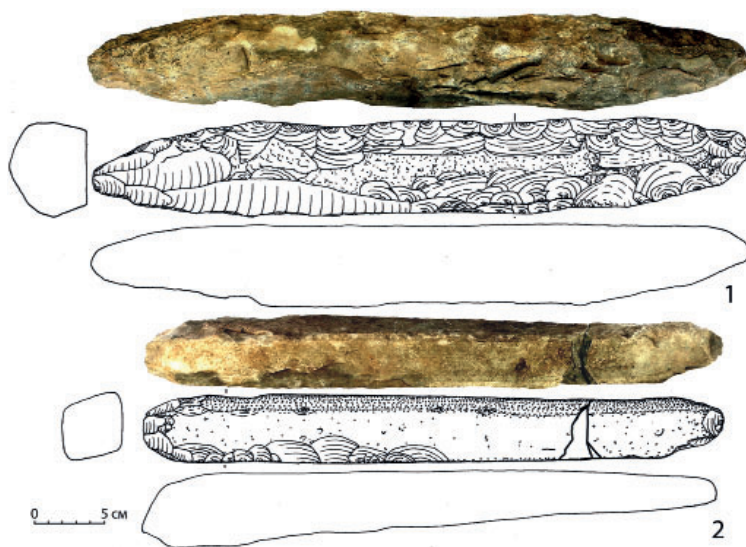

Рис. 6. Третий клад на стоянке Больничный I, состоящий из двух заготовок сланцевых «кирок».

Fig. 6. The third cache at the Bolnichny I site, consisting of two blanks of slate picks.

будущих изделий, преимущественно бифасиальных. Клад по условиям обнаружения и контексту иных находок с поселения относится к комплексу раннеэнеолитической ромбоямочной керамики. Данное скопление находок, состоящее из многочисленной серии кремневых изделий, требует отдельного технолого-морфологического рассмотрения, что в рамках данной статьи не представляется возможным.

9. Тунгуда XV. Клад обнаружен в яме 80×25 см, глубиной до 10 см, ориентированной вдоль края длинной стенки котлована полуземляночного жилища 3, в 1 м от его северо-западного угла. Яма заполнена ярко-охристым песком. Она находилась ниже того места, где в древности располагалось одно из бревен, составляющих основу каркаса строения. Судя по параметрам и заполнению ямы, в которую помещен клад, она была выкопана до момента укладки в котлован бревенчатого каркаса строения. Клад, обнаруженный в виде компактного скопления в центре ямы, включает следующие изделия: два рубящих орудия из зеленокаменной породы – тесло и топор (тесло?) (рис. 8: 1. 2); кварцитовую шлифовальную плитку (рис. 8: 7); кремневые нож, скребок, скобель, наконечник стрелы (заготовка?),

проколка (рис. 8: 3–4, 6, 8, 10); кремневый отщеп с ретушью (нож?) (рис. 8: 9), четыре крупных кремневых отщепа, в том

числе один пластинчатый (рис. 8: 5). Сланцевые орудия не имеют признаков использования в виде характерных следов (царапин) на лезвии, обычно хорошо различимых под лупой. В жилище 3 в слое пола найдена асбестовая энеолитическая керамика типа Оровनावолок, датированная в Карелии радиоуглеродным методом 3300 (3100) – 2500 calBC (Жульников, Тарасов, 2021).

10. Видостров IV. Скопление находок (местонахождение) выявлено на завалунном участке берега оз. Сумозеро: сверленное кварцитовое навершие в виде изогнутой кирки, тесло русско-карельского типа из зеленокаменной породы, кинжал с коротким черенком из красноватого кремня, отдаленно напоминающий по форме бронзовые ножи-кинжалы сейминско-турбинского типа (рис. 9), три крупных отщепа из красноватого кремня. Тесла русско-карельского перестают изготавливаться на территории Карелии около середины II тыс. до н. э., что позволяет, с учетом аналогий кремнево-му кинжалу, датировать клад первой половиной II тыс. до н. э. Признаки размытой стоянки на месте обнаружения клада не выявлены. Скорее всего, в данном случае речь должна идти о

Рис. 7. Виды кладов каменных изделий в момент их расчистки. 1 – клад 2 на стоянке Больничный I; 2 – клад 3 на стоянке Больничный I; 3 – клад 1 в жилище на стоянке Сумозеро XV.

Fig. 7. Types of caches of stone products at the time of their clearing. 1 – cache 2 at the Bolnichny I site; 2 – cache 3 at the Bolnichny I site; 3 – cache 1 in a dwelling at the Sumozero XV site.

кремневых изделий: одна подвеска из наконечника стрелы с прямым насадом (рис. 10: 10), листовидный наконечник дротика со следами воздействия огня (рис. 10: 13), листовидный наконечник дротика (рис. 10: 21), два обломка наконечников дротиков (рис. 10: 14, 17), один кремневый наконечник стрелы со сломанным насадом (рис. 10: 12), четыре крупных скребка (рис. 10: 11, 15, 18, 19), нож (рис. 10: 16), проколка из отщепя треугольного сечения (рис. 10: 20). Эта группа изделий найдена в пределах квадрата 10×10 см, на одном уровне залегания с иными находками в слое пола жилища. Клад напоминает по своему составу условный «ранцевый» набор охотника-рыболова, однако в нем не хватает рубящих орудий.

Вещи из кладов, видимо, не могли быть оставлены в жилище случайно или, например, из-за пожара, поскольку развалы сосудов в слое пола постройки отсутствуют. По аналогиям в керамике из жилища, имеющей признаки влияния лебяжской, клад относится к эпохе бронзы, датируется последней четвертью II тыс. до н. э.

12. Суна I. На стоянке А.Я. Брюсовым найдено два скопления лежащих рядом сланцевых изделий. Первое скопление, обнаруженное на пригорке, состояло из семи крупных заготовок. Второе скопление выявлено у очага, на другом пригорке, состояло из тесла, желобчатого долота и заготовки тесла (Брюсов, 1940, с. 294). На стоянке Суна I выделяются разновременные комплексы, датируемые от начала неолита до раннего энеолита, что

группе предметов (кладе), преднамеренно укрытых древним человеком с определенной (ритуальной?) целью.

11. Сумозеро XV. В центральной части зимнего наземного жилища с сетчатой керамикой эпохи бронзы зафиксировано два клада, располагающихся в 0,8 м друг от друга. Первый клад, обнаруженный в 0,9 м восточнее кострища, состоит из восьми расположенных вплотную друг к другу кремневых наконечников стрел, ориентированных остриями в одном направлении (в сторону берега) (рис. 7: 3). Некоторые наконечники сильно пострадали от воздействия огня, видимо из-за лесного пожара. Наконечники обнаружены в 5 см ниже уровня залегания находок в литологически невыраженном слое пола жилища. Признаки ямы на месте обнаружения клада не выявлены, но вероятность ее наличия, учитывая довольно плотное расположение наконечников в кладе, не исключается.

Второй клад, найденный в 1,1 м северо-восточнее кострища, включает бронзовый нож (определение С.В. Кузьминых) (рис. 10: 9) и 12

Рис. 8. Клад каменных изделий из жилища 3 на стоянке Тунгуда XV. 1, 2 – зеленокаменная порода; 3–6, 8–10 – кремнь; 7 – песчаник. 1 – тесло или топор, 2 – тесло, 3 – нож, 4 – скребок, 5 – пластинчатый отщеп, 6 – скобель, 7 – точильный брусок, 8 – проколка, 9 – отщеп с ретушью (нож?), 10 – наконечник стрелы.

Fig. 8. A cache of stone objects from dwelling 3 at the Tunguda XV site.

тальная часть пластинчатого отщепа, пластинчатый отщеп с ретушью, три крупных отщепа (сколы с бифасов?), кремневый нож на пластинчатом отщепе, отщеп со следами ретуши, два скребка (Герасимов, 2000, рис. 2, 3). Морфология изделий из клада позволяет отнести его к развитому неолиту (Герасимов, 2000, с. 275), возможно к началу энеолита.

не позволяет связать клад с определенным типом керамики.

13. Разлив. Оригинальный набор предметов в клада (местонахождении) Разлив, собранном местными жителями на берегу водоема еще в начале XX века, отсутствие в нем находок поселенческого облика (например, фрагментов керамики) позволили Д.В. Герасимову охарактеризовать это скопление находок как «клад» либо место хранения («склад»), связанное с кремнеобрабатывающей мастерской (Герасимов, 2000, с. 276), следы которой в этом районе обнаружить не удалось. В составе коллекции клада представлен 21 кремневый предмет: пять бифасиальных заготовок наконечников копий (?) листовидной формы, два обломка заготовок, видимо сходной формы, два бифаса неопределенной формы, три обломки бифасиально обработанных предметов, возможно со следами вторичной утилизации, дис-

лита.

14. Мыс Семерка I–II. Два скопления заготовок рубящих орудий были встречены Н.Н. Гуриной в пределах одного квадрата раскопа (2×2 м). Первое скопление, по данным исследователя, образовывали плотно прижатые друг к другу заготовки, что указывает на их первоначальное положение в какой-то таре. Вторая группа предметов располагалась в специально выкопанном углублении под краем крупного камня и была присыпана землей. Изделия из кладов представляли собой крупные, сходные по форме заготовки топоров, слегка суженных у обуха, оббитых со всех сторон мелкими сколами. Признаки шлифовки заготовок не отмечены (Гурина, 1997, с. 92). Клады, судя по морфологии заготовок, могут быть датированы в широких пределах – от раннего неолита до начала эпохи бронзы.

Рис. 9. Клад Видостров IV.
1 – кремневый кинжал;
2 – кварцитовое (?) кирко-
видное навершие; 3 – тесло
русско-карельского типа из
зеленокаменной породы. Му-
зейное собрание Национально-
го музея Республики Карелия.
Fig. 9. Vidostrov IV cache.

15. Неллим. В середине XX века при выемке торфа в районе оз. Инари на севере Финляндии, на значительном удалении от берега, местными жителями были собраны каменные артефакты: 17 целых кварцитовых наконечников с прямым насадом, кремневый наконечник с обломанным насадом, кремневый листовидный наконечник с вогнутым насадом, два шлифованных шиферных наконечника, обломок кварцитового наконечника стрелы с прямым насадом, три кварцитовых заготовки наконечников, ретушированный кварцитовый осколок, кусок шифера, цилиндрический каменный молоток. Место обнаружения находок обследовано К. Карпеланом, который установил, что находки происходят с территории жилой площадки (жилища?) размерами около 6×8 м, находки вокруг которой отсутствуют. Формы наконечников из скопления находок, по мнению исследователя, имеют аналогии на стоянках эпохи бронзы Северной Норвегии (Carpelan, 1962). Группа находок из Неллима близка по составу и морфологии изделиям из кладов в жилище эпохи бронзы на стоянке Сумозеро

XV. Можно предположить, что большая часть находок из местонахождения Неллим также является группой преднамеренно отобранных и сгруппированных древним человеком наконечников метательного вооружения и, возможно, небольшого числа их заготовок, оставленных по неясным причинам в наземном зимнем жилище.

Классификация, аналогии и возможное предназначение кладов

Из 22 рассмотренных кладов к мезолиту – раннему неолиту относятся 10 групп находок, найденных на шести стоянках (рис. 1), три клада – к финалу неолита – началу энеолита, два клада – к энеолиту, три клада на двух стоянках – к эпохе бронзы. Четыре клада выявлены на двух стоянках, где представлены материалы от раннего неолита до эпохи раннего металла, поэтому установить принадлежность этих групп находок к определенной эпохе затруднительно.

Большую часть кладов, обнаруженных на территории Восточной Фенноскандии, образуют скопления изделий, изготовленных из местных зеленокаменных пород (14 кладов). По степени готовности изделий они могут быть подразделены три подгруппы: скопления заготовок (шесть кладов); заготовки и готовые орудия, иногда со следами использования (четыре клада); готовые орудия – целые и обломки (четыре клада). Все клады готовых орудий найдены в мезолитических жилищах на дне заполненных охристым песком ям для угловых

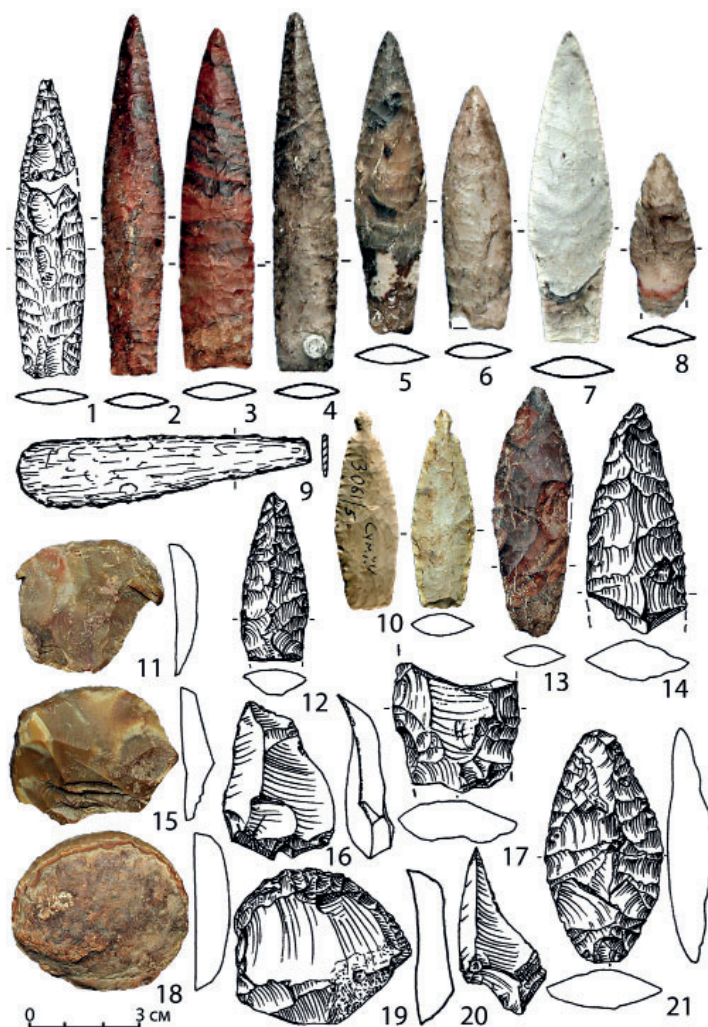

Рис. 10. Два клада находок из наземного жилища эпохи бронзы на стоянке Сумозеро XV. 1–8, 10–21 – кремнь; 9 – бронза. Клад 1: 1–8 – наконечники стрел. Клад 2: 9 – нож; 10 – подвеска из наконечника стрелы; 11, 15, 18, 19 – скребки; 12 – обломок наконечника стрелы; 13, 21 – наконечники дротиков; 14, 17 – обломки наконечников дротиков; 16 – нож; 20 – проколка.

Fig. 10. Two caches of finds from a ground dwelling of the Bronze Age at the Sumozero XV site: 1–8 – cache 1; 9–20 – cache 2.

столбов каркаса строения. Остальные скопления изделий из зеленокаменных пород находились, видимо, за пределами жилых сооружений, а один из таких кладов обнаружен на берегу небольшого водоема на значительном удалении от древних поселений.

Пять скоплений каменных артефактов включают изделия только из привозного кремня. Три таких клада состоят преимущественно из полу-

фабрикатов или нуклеусов, два из них определенно располагались за пределами жилых сооружений. В двух кладах, обнаруженных в жилище эпохи бронзы, представлены готовые изделия (целые и обломки).

Клады, сочетающие в своем составе готовые орудия из местных горных пород и привозного кремня, в двух случаях обнаружены в жилищах, в одном – на берегу озера, за предела-

ми поселения. Эти клады относятся к эпохе бронзы.

Клады, найденные в пяти жилищах на трех древних поселениях Карелии (Оровнаволок XIV, XV, Тунгуда XV), судя по их контексту, уверенно могут быть интерпретированы как «строительные жертвы», которые часто практиковались в традиционных обществах многих регионов мира (Байбурин, 2005); их свидетельства нередко обнаруживаются и в ходе археологических исследований древних жилищ – например, в южных регионах Восточной Европы в виде разного рода костных остатков (Формозов, 1984). Столь широкая распространенность этого обряда в мировой культуре входит в противоречие с редкостью его свидетельств в материалах раскопок древних полужемляночных жилищ на территории региона. Немногочисленны примеры обнаружения «строительных» кладов каменных изделий и на территории иных областей севера Восточной Европы. Можно предположить, что использование при сооружении полужемляночного жилища в качестве строительной жертвы группы каменных изделий происходило во время так называемых окказиональных обрядов, связанных с преодолением неординарных негативных ситуаций в жизни древнего коллектива.

Один из кладов, помещенный, видимо, в качестве строительной жертвы под бревенчатый каркас полужемляночного жилища на стоянке Тунгуда XV, по своему составу вполне подходит под характеристику условного «ранцевого» набора, который мог переноситься и использоваться ежедневно охотником-рыболовом. Похожий по составу «ранцевый» набор найден В.В. Никитиным в яме в одном из волосовских жилищ на поселении Ахмыловское II (Никитин, 2017, с. 143).

Клады, состоящие из заготовок рубящих орудий или включающие заготовки и готовые рубящие орудия из

зеленокаменных пород, датируются от финала мезолита до раннего энеолита. Эта группа скоплений находок, состоящая из наборов довольно массивных изделий, изготовленных из местного сырья, судя по их нахождению преимущественно на территории поселений, видимо, является запасами (складами) полуфабрикатов и готовых изделий. Примечательно, что на территории Восточной Фенноскандии не известны подобные по составу клады, относящиеся к более позднему времени – от середины IV тыс. до н. э. до середины II тыс. до н. э. В этот период в Западном Прионежье появляются стоянки-мастерские по изготовлению в массовых масштабах для обмена рубящих орудий русско-карельского типа из местных зеленокаменных пород. В энеолите эти изделия, отличающиеся высоким мастерством изготовления, путем обмена распространялись на территории многих регионов Северной и Восточной Европы (Тарасов, 2022). Таким образом, наблюдается ситуация, когда резкая интенсификация процессов обмена рубящими орудиями из зеленокаменных пород на территории региона приводит к тому, что древние люди, очевидно, перестают оставлять на поселениях (и изредка за их пределами) запасы заготовок и готовых рубящих орудий. Видимо, в это время у энеолитического населения Обонежья и в целом Восточной Фенноскандии появилась возможность получения высококачественных стандартизированных рубящих орудий в необходимом количестве и достаточно регулярно.

Кремневые клады Восточной Фенноскандии, состоящие из преформ или нуклеусов при незначительной доле полностью готовых орудий, близки по составу ряду скоплений изделий из кремня, обнаруженных в лесной полосе Восточной Европы: стоянка № 17 у оз. Пудоро, стоянки Веретье I (два клада в жилищах), Баранова гора, Кончище II. Эти клады различны по

возрасту, датируются исследователями от финала палеолита до энеолита (Федоров 1959; Гурина, 1970; Ошибкина, 1997; Синицина, 2000; Синицина, Зарецкая, 2002). По мнению Г.В. Синициной, подобные клады представляют собой так называемые «ранцевые» наборы охотников или добытчиков каменного сырья, подготовленные после первичного расщепления к транспортировке (Синицина, 2000). С подобной трактовкой предназначения подобных кладов можно согласиться лишь частично, поскольку вышеуказанные группы кремневых изделий, состоящие преимущественно из полуфабрикатов, обладающих значительным весом, требующих значительных усилий и времени для превращения их в готовые орудия, на мой взгляд, малопригодны для их использования в качестве постоянно перемещаемых и ежедневно применяемых ранцевых наборов охотника-рыболова. Скорее всего, в данном случае речь может идти о тех наборах изделий, которые после первичной обработки сырья были приготовлены древним человеком (мастером?) для последующей транспортировки (обмена?) или были оставлены на местах сезонного проживания в качестве запаса кремня. Клады кремневых изделий, подвергнутых в основном лишь первичной обработке, известны только в юго-восточной части Восточной Фенноскандии.

Наибольшую сложность в определении предназначения кладов вызывает группа скоплений находок эпохи бронзы, состоящих в основном из готовых изделий (Сумозеро XV, Видостров и, видимо, Неллим). Причины оставления древними людьми в постройке на Сумозеро XV и, видимо, в жилище неподалеку от берега оз. Инари групп достаточно ценных орудий, вероятно, не могут быть объяснены необходимостью обеспечения периодически посещаемых зимних строений запасами каменных инструментов, поскольку признаки их сокрытия

отсутствуют. В данных случаях речь может идти об иных причинах, побуждающих древних людей оставлять группы высококачественных готовых орудий труда в жилищах – например, в случае гибели на промысле их владельца. Предназначение найденного на берегу острова Видостров клада, имеющего в своем составе каменное сверленное навершие в виде скипетра, явно иное, чем у групп каменных изделий, оставленных в жилищах. Ритуальный характер этого клада не вызывает сомнений, однако конкретные причины его сокрытия вряд ли пока возможно точно установить.

Выводы

В ходе проведенного исследования установлено, что часть кладов каменных изделий, найденных на территории Восточной Фенноскандии в полужемлячных жилищах, может быть отнесена к разряду так называемых строительных жертв. Вторая группа компактно скомпонованных в древности изделий, состоящих из полуфабрикатов и готовых орудий или исключительно из заготовок, изготовленных из местных зеленокаменных пород, может быть интерпретирована в качестве запасов («складов»), периодически оставляемых древними людьми как на поселениях, так и изредка за их пределами – видимо, на транспортных коммуникациях. Третья группа кладов состоит из кремневых артефактов (в основном полуфабрикатов), обнаруженных на территории региона на сравнительно незначительном удалении от месторождений кремня, поблизости от которых, судя по всему, происходила первичная обработка кремневого сырья. В иных частях Восточной Фенноскандии подобные клады отсутствуют, что, возможно, определялось различиями в характере обмена полуфабрикатами и полностью готовыми орудиями из кремня. Выделена группа кладов, которые состоят преимущественно из наборов готовых орудий, чаще всего это наконечники метательного воору-

жения. Подобные клады, судя по их топографии и составу, видимо, образовались в результате какой-то ритуальной деятельности древних людей (жертвы-подношения, гендерные запреты, похоронные обряды и т. п.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с.
2. Брюсов А.Я. История древней Карелии // Труды государственного исторического музея. Вып. 9. М.: Государственный исторический музей, 1940. 320 с.
3. Васильева Т.А., Жульников А.М. Асбест в культуре древнего населения Карелии с ромбоямочной и гребенчато-ямочной керамикой // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 8–18.
4. Герасимов Д.В. Культурно-хронологическая атрибуция местонахождения Разлив на Карельском перешейке // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 2000. С. 273–276.
5. Гурина Н.Н. Верхневолжские макролиты в свете новых исследований // *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora*. Tallinn: Valgus, 1970. С. 74–80.
6. Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997. 240 с.
7. Жульников А.М., Тарасов А.Ю. О происхождении и хронологии асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволок // РА. 2021. № 4. С. 21–34.
8. Журавлев А.П. Клад заготовок сланцевых орудий на стоянке Пегрема I // СА. 1973. № 1. С. 247–249.
9. Журавлев А.П. Сырьевая база сланцевых орудий в Средней Карелии // КСИА. Вып. 193 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1988. С. 38–44.
10. Колесник А.В. Портативные кремневые «клады-приношения» каменного века и энеолита. Аспект Юго-Восточной Украины // Донецкий археологічний збірник. № 16 / Голов. ред. Р.О. Литвиненко. Донецьк: ДНУ, 2012. С. 29–46.
11. Колесник А.В. Ранцевые наборы кремневых инструментов каменного века как отражение феномена индивидуальности (к постановке вопроса) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2016. № 3. С. 121–127.
12. Костылева Е.Л., Уткин А.В. Волосовские ритуальные клады в составе погребальных комплексов (хронология и типология) // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 340–360.
13. Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности: монография / Материалы и исследования по археологии Поволжья и Урала. Вып. 10. Йошкар-Ола: МарГУ, 2017. 765 с.
14. Нордквист К., Мёккёнен Т. Новые данные по археологической хронологии Северо-Запада России: АМС-датировки неолита – энеолита Карелии // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Материалы 18-го–20-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2018. С. 39–68.
15. Ошибкина С.В. Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука, 1997. 204 с.
16. Сериков Ю.Б. Сакральный аспект кладов каменных изделий на территории Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. IX / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 7–29.
17. Сериков Ю.Б. Клады каменного века как археологический источник // Вестник Пермского университета. Серия История. 2021. Выпуск 1 (52). С. 5–14.
18. Синецына Г.В. «Клады» валдайской культуры и их хронология // Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти Н.Н. Гуриной, Санкт-Петербург, 27 ноября – 2 декабря 2000 г. / Отв. ред. В.И. Тимофеев. СПб.: ИИМК РАН, 2000. С. 69–71.
19. Синецына Г.В., Зарецкая Н.Е. О новой дате валдайской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2002. С. 196–208.

20. Тарасов А.Ю. Индустрия рубящих орудий русско-карельского типа в Карелии и Северо-Восточной Европе: особенности производства и распространения // Престижная экономика первобытных людей / Ред. А.М. Жульников, М.П. Отливанчик, Е.В. Свицерская. Петрозаводск: ПетрГУ, 2022. С. 111–139.

21. Федоров В.В. К вопросу «о кремневых складах» в неолитическое время // МИА. Вып. 39 / Отв. ред. А.П. Окладников. М.-Л.: АН СССР, 1953. С. 286–292.

22. Филатова В.Ф. Некоторые предположения о социальном устройстве и верованиях в обществе эпохи мезолита в бассейне Онежского озера // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере» / Редкол. Н.Г. Зайцева, Е.В. Захарова и др. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2015. С. 52–64.

23. Формозов А.А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // СА. 1984. № 4. С. 238–241.

24. Шахнович М.М., Чайкина Л.Г. Ранненеолитическая стоянка Суна XV // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 1 / Ред. М.М. Шахнович, А.И. Грибушин. Петрозаводск: Карельский государственный краеведческий музей, 1993. С. 28–38.

25. Carpelan C. Nellimin löytö // Suomen museo. 1962. Vol. LXIX. P. 5–26.

Информация об авторе:

Жульников Александр Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия); rockart@yandex.ru

FEATURES OF STONE ARTIFACT CACHES IN EASTERN FENNOSCANDIA

A.M. Zhulnikov

The article presents the results of a morphological and spatial analysis of the stone artifact caches discovered in Eastern Fennoscandia. During the study of this type of archaeological source, which provides information about exchange and religious practices of ancient people, the differences of the sets were studied and the contexts of their discovery were compared. The collected data made it possible to determine the age of most of the considered clusters of finds. A classification algorithm was applied to the caches, aimed at identifying features that could explain the reasons for the formation and, sometimes, the concealment of compact concentrations of stone artifacts by ancient people. Four groups of intentionally grouped artifacts were identified, differing in composition and purpose: caches found in the corners and under the walls of dwellings – construction offerings; caches are warehouses of chopping tools and their blanks from local stone rocks left by ancient people both at settlements and occasionally outside them; caches associated with the exchange of stone raw materials, consisting mainly of flint semi-finished products or cores; hoards formed as a result of as-yet-unclear rituals, including different categories of finished tools, most often projectile points.

Keywords: archaeology, stone cache, exchange, building sacrifice, ritual, Mesolithic, Neolithic, Eneolithic, Bronze Age, Eastern Fennoscandia.

REFERENCES

1. Bayburin, A. K. *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan (Dwelling in the rituals and beliefs of the Eastern Slavs)*. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005. 224 s.
2. Bryusov, A. Ya. 1940. *Istoriia drevnei Karelii (History of Ancient Karelia)*. Series: *Trudy gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum)*. Vol. 9. Moscow: The State Historical Museum Publ. (in Russian).
3. Vasil'eva, T. A., Zhul'nikov, A. M. 2023. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Petrozavodsk State University)*. Vol. 45, No 3, 8–18 (in Russian).
4. Gerasimov, D. V. 2000. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoy arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 4 (I). Tver: Tver State United Museum, 273–276 (in Russian).
5. Gurina, N. N. 1970. In *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora*. Tallinn: "Valgus" Publ., 74–80 (in Russian).
6. Gurina, N. N. 1997. *Istoriya kul'tury drevnego naseleniya Kol'skogo poluoostrova (History of culture of the Kola Peninsula ancient population)*. Saint-Petersburg: "Peterburgskoe Vostokovedenie" Publ. (in Russian).

The research was funded from the federal budget for the implementation of the state assignment of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

7. Zhul'nikov, A. M., Tarasov, A. Yu. 2021. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* 4, 21–34 (in Russian).
8. Zhuravlev, A. P. 1973. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 247–249 (in Russian).
9. Zhuravlev, A. P. 1988. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 193, 38–44 (in Russian).
10. Kolesnik, A. V. 2012. In Lytvynenko, R. A. (editor-in-chief). *Donetskii arheologichnii zbirnik (Donetsk archeological compendium)* 16. Donetsk: Donetsk University Publ., 29–46 (in Russian).
11. Kolesnik, A. V. 2016. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Anthropologia)* (3), 121–127 (in Russian).
12. Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoy arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 8 (1). Tver: "Triada" Publ., 340–360 (in Russian).
13. Nikitin, V. V. 2017. *Na grani epokhi kamnya i metalla. Srednevolzhskiy variant volosovskoy kul'turno-istoricheskoy obshhnosti (Between the Stone and Metal Periods. Middle Volga Variation of the Volosovo Cultural and Historical Community)*. Series: Arkheologiya Povolzhia i Urala. Materialy i issledovaniia (Volga and the Urals Archaeology. Materials and Studies) 10. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
14. Nordqvist, K., Mökkönen, T. 2018. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoy arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 8 (1). Tver: "Triada" Publ., 39–68 (in Russian).
15. Oshibkina, S. V. 1997. *Veret'e I. Poselenie epokhi mezolita na Severe Vostochnoy Evropy (Veretye I Settlement of the Mesolithic in the North of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
16. Serikov, Yu. B. 2016. In Dashkovskiy, P. K. (ed.). *Mirovozzrenie naseleniia Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive (Worldviews of the population of Southern Siberia and Central Asia in Historical Retrospect)* 9. Barnaul: Altay University Publ., 7–29 (in Russian).
17. Serikov, Yu. B. 2021. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of Perm University. History series)* 1 (52), 5–14 (in Russian).
18. Sinitsyna, G. V. 2000. In Timofeev, V. I. (ed.). *Khronologiya neolita Vostochnoi Evropy (Chronology of the East European Neolithic)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS., 69–71 (in Russian).
19. Sinitsyna, G. V., Zaretskaya, N. E. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoy arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 5. Tver: Tver State United Museum, 196–208 (in Russian).
20. Tarasov, A. Yu. 2022. In Zhul'nikov, A. M., Otlivanchik, M. P., Sviderskaya, E. V. (eds.). *Prestizhnaya ekonomika pervobytnykh lyudey (Prestige economy of the primitive people)*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 111–139 (in Russian).
21. Fedorov, V. V. 1953. In Okladnikov, A. P. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 39. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 286–292 (in Russian).
22. Filatova, V. F. 2015. In Zaytseva, N.G., Zakharova, E. V. et al. (eds.). *Materialy nauchnoy konferentsii «Bubrikhovskie chteniya: gumanitarnye nauki na Evropeyskom Severe» (Proceedings of the scientific conference "Bubrikh's readings: humanities in the European North")*. Petrozavodsk: Institute of History, Language and Literature of the Karelian Research Centre RAS Publ., 52–64 (in Russian).
23. Formozov, A. A. 1984. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 4, 238–241 (in Russian).
24. Shahnovich, M. M., Chajkina, L. G. 1993. In Shakhnovich, M. M., Gribushin, A.I. (eds.). *Vestnik Karel'skogo kraevedcheskogo muzeya (Bulletin of the Karelian Museum of Local Lore)* 1. Petrozavodsk: Karelian State Museum of Local Lore Publ., 28–38 (in Russian).
25. Carpelan, C. 1962. In *Suomen museo* LXIX, 5–26 (in Finnish).

About the Author:

Zhul'nikov Alexander M. Candidate of Historical Sciences, Research Associate. Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences. 185910, Pushkinskaya St. 11, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russian Federation; rockart@yandex.ru

Статья принята в номер 01.03.2026 г.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/pa2026.1.55.36.54>

КЕРАМИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ЛЬЯЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКА КСИЗОВО 6 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ¹

© 2026 А.А. Куличков, Р.В. Смольянинов

В данной статье публикуются керамические материалы льяловской культуры из поселения и могильника Ксизово 6 на Верхнем Дону. Памятник изучался в 2004–2005 гг. За два года исследований двумя раскопами изученная площадь составила 253 кв. м. В культурном слое обнаружены керамические материалы и погребения с раннего неолита 6 тыс. до н. э. до раннеславянского времени 4–5 вв. н. э. Среди этого массива находок выделяются группы керамики раннего и позднего этапов льяловской культуры, которая представлена гребенчато-ямочной, накольчато-ямочной и ямочно-гребенчатой керамикой, относящейся к 5 тыс. до н. э. Всего проанализировано 83 сосуда, был выполнен их технико-технологический анализ, проведены первые радиоуглеродные датировки. Сделан вывод о том, что на позднем этапе существования – во второй половине 5 тыс. до н. э. – происходит гибридизация технологий изготовления поздней льяловской керамики и поздней керамики среднедонской культуры. В результате этого образуется гибридная посуда с накольчато-ямочной орнаментацией, в которой доминируют всё же льяловские черты. Именно поэтому для поселения Ксизово 6 её также правильно называть льяловской, тем более и технология её производства аналогична.

Ключевые слова: археология, территория Верхнего Дона, ранний неолит, поселения, ранняя гребенчато-ямочная керамика, гибридная накольчато-ямочная керамика, ямочно-гребенчатая керамика, технико-технологический анализ, орнамент, примеси, льяловская культура.

Введение

Археологический памятник – поселение и грунтовый могильник Ксизово 6 выявлен на южной окраине с. Ксизово Задонского района Липецкой области на территории высокой поймы при стыке её с основанием крутого коренного берега р. Дон. Он исследовался экспедицией Липецкого государственного педагогического университета (руководитель экспедиции А.Н. Бессуднов) в 2004–2005 гг. Р.В. Смольяниновым (Смольянинов, 2004; 2005). Нами было исследовано два раскопа площадью 253 кв. м (Лаврушин и др., 2009). Первый, размером 192 кв. м, был разбит по сторонам света, раскоп 2 – 61 кв. м, заложен вдоль берега р. Дон (рис. 1) (Смольянинов, 2004; 2005).

В заполнении культурного слоя нами были получены многочисленные керамические, кремнёвые, осте-

ологические материалы и погребения от раннего неолита 6 тыс. до н. э. до раннеславянского времени 4–5 вв. н. э. Среди них отмечены группы керамики раннего и позднего этапов льяловской культуры, которая представлена гребенчато-ямочной, накольчато-ямочной и ямочно-гребенчатой керамикой, относящейся к 5 тыс. до н. э.

Данная публикация посвящена рассмотрению керамических материалов льяловской культуры с поселения и могильника Ксизово 6 на Верхнем Дону. Все даты в статье даны в калиброванных значениях (CalBC). Орнамент изучался по методике, предложенной Ю.Б. Цетлиным (Цетлин, 2008). Но в связи с фрагментарностью некоторых групп керамики в определённых случаях мы ограничимся только первыми тремя стилистическими уровнями. Данные

¹ Статья написана в рамках реализации проекта «Изучаем древних, учимся у древних, спасаем древних» № 24-2-001917, поддержанного Фондом Президентских грантов.

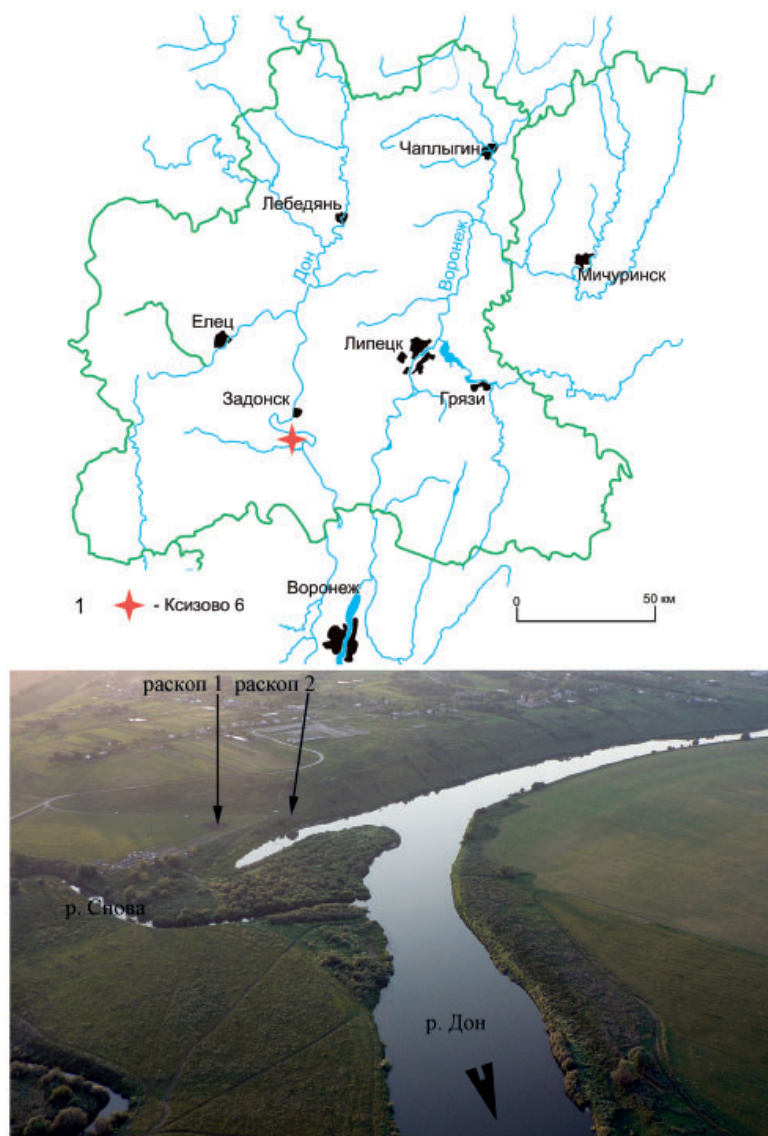

Рис. 1. 1 – местоположение поселения и могильника Ксизово 6 на карте;
2 – вид с воздуха на расположение раскопов 1 и 2 на памятнике.

Fig. 1. 1 – location of the Ksizovo 6 settlement and burial ground on the map;
2 – aerial view of the location of excavations 1 and 2 at the site.

о технологии изготовления керамических сосудов нами получены при помощи бинокля в рамках методик, разработанных А.А. Бобринским (Бобринский, 1978; 1999). Описание форм сосудов, ввиду значительной их фрагментированности и отсутствия целых экземпляров, в основном включает описание лишь верхних частей сосудов и дниц.

Результаты

1 группа. Коллекция гребенчато-ямочной керамики, относящейся к раннему этапу льяловской культуры, представлена фрагментами от 18 сосудов. У трёх из них реконструируется тулово и верхняя часть. Первый исследованный сосуд был яйцевидной формы, он с чуть стянутыми внутрь краями и выпуклым туловом, но при

Рис. 2. Поселение и могильник Ксизово 6.
1–12 – керамика архаичного этапа льяловской культуры.

Fig. 2. Ksizovo 6 settlement and burial ground.
1–12 – ceramics of the archaic stage of the Lyalovo culture.

этом у него прослежен отогнутый наружу венчик (рис. 2: 1). Второй сосуд также был слегка яйцевидной формы, с выпуклым туловом, но, в отличие от первого, с несколько стянутыми внутрь краями (рис. 2: 9). Третий выделенный нами сосуд был со слегка округлым туловом и венчиком, отогнутым наружу (рис. 2: 5). Остальные 15 венчиков представлены: шестью горшками закрытой формы, шестью –

прямостенной и тремя – открытой. Данные измерений диаметров сосудов дали нам колебания в размере венчиков от 18 до 34 см, толщина их стенок 5–10 мм. Единственное выявленное в культурном слое поселения днище было от горшка округло-конической формы (рис. 2: 2).

На керамике раннего этапа льяловской культуры с поселения и могильника Ксизово 6 выявлено 10

Рис. 3. Поселение и могильник Ксизово 6.
1–16 – керамика архаичного этапа льяловской культуры.

Fig. 3. Ksizovo 6 settlement and burial ground.
1–16 – ceramics of the archaic stage of the Lyalovo culture.

элементов орнамента, которые объединяются в четыре орнаментальных типа, три из которых, в свою очередь, имеют свои подтипы:

1 тип представлял из себя отпечатки на изделии гребенчатого штампа. Представленные подтипы делились на: I – прямоугольной формы, узкий, размеры которого варьируются в диапазоне от 1–2×10–15 мм (редко встречаются штампы длиной 8–10 мм)

(рис. 2: 1, 4; 3: 12, 16) – 18%; II – широкий прямоугольный, размерами 5–6×10–15 мм (рис. 2: 1, 5, 6, 9–11; 3: 4, 8, 13) – 25,2%; III – слегка округлой формы, с размерами 1–2×10–15 мм (рис. 3: 9) – 3,6%; IV – широкий прямоугольный, длинный, имеющий размер 4–5×25–30 мм (рис. 2: 8; 3: 11, 14) – 12,6%.

2 тип. Ямочные вдавления. Подтипы: I – округлые вдавления, которые

нанесены с небольшим наклоном к поверхности, диаметром 4–5 мм (рис. 2: 4, 9, 10; 3: 6, 10, 13, 15) – 12,4%; II – ровной округлой формы (белемнитные), диаметром 5 мм (рис. 2: 1, 3, 5, 7, 12; 3: 12) – 15,2%; III – маленькие округлые, диаметром 2–3 мм (рис. 2: 3; 3: 16) – 5,4%.

3 тип. Веревоочный штамп (рис. 3: 6) – 1,8%.

4 тип. Ямчатые вдавления. Подтипы: I – прямоугольные с плоским дном, размером 5×7 мм (рис. 3: 11) – 2,6%; II – фасолевидные, размером 4–5×6–7 мм (рис. 9; 3: 2) – 3,2%.

На гребенчато-ямочной керамике зафиксировано два узора: 1) три диагонально расположенных оттиска узкой прямоугольной гребенки, отклонены влево относительно вертикальной оси сосуда (рис. 3: 14); 2) три диагонально расположенных оттиска узкого прямоугольного гребенчатого штампа, отклонены вправо относительно вертикальной оси сосуда (рис. 3: 14). Оба они расположены на одном сосуде и в сочетании образуют сложный объединяющийся мотив в виде буквы «V», который идет горизонтальной полосой, опоясывая сосуд.

Обнаруженные на изученной керамике простые орнаментальные мотивы из элементов орнамента на ранней гребенчато-ямочной керамике льяловской культуры нами были разделены на пять типов, три из которых, в свою очередь, имеют орнаментальные подтипы.

1 тип представлен орнаментальными мотивами из отпечатков гребенчатого штампа. Нами было выделено семь подтипов: I – в виде двух горизонтальных рядов диагонально или вертикально поставленной гребенки (рис. 2: 9, 10; 3: 4) – 19,8%; II – один горизонтальный ряд диагонально или вертикально расположенных гребенчатых оттисков (рис. 3: 10–12, 16) – 15,6%; III – три горизонтальных ряда вертикально или диагонально расположенных оттисков штампов (рис. 2: 5, 6) – 4,8%; IV – более трёх горизон-

тальных горизонтально поставленных рядов оттисков (рис. 2: 1, 2, 4; 3: 14) – 11,2%; V подтип представлен в виде одного горизонтального ряда, нанесенного на тело сосуда в виде горизонтально поставленных отпечатков гребенчатого штампа (рис. 3: 2) – 3,3%; VI – соответственно, представлен двумя горизонтальными рядами горизонтально поставленных гребенчатых оттисков (рис. 2: 1, 7) – 8,1%; VII подтип, в свою очередь, состоит из более трёх горизонтальных рядов вертикально или диагонально расположенных оттисков гребенчатого штампа, нанесенных на сосуд (рис. 3: 1, 9) – 7,2%.

2 тип представлен орнаментальными мотивами из различной формы и размера ямчатых вдавлений. Всего мы отмечаем два подтипа в виде: I – одного горизонтального ряда ямчатых вдавлений (рис. 3: 11) – 2,3%; II – двух горизонтальных рядов ямчатых вдавлений (рис. 3: 2) – 1,8%.

3 тип представляет из себя мотивы из различной формы и размера ямочных вдавлений. Всего мы отмечаем три подтипа: I – в виде двух горизонтальных рядов отпечатков ямочных вдавлений (рис. 2: 1) – 3,2%; II – в виде одного горизонтального ряда из отпечатков ямочных вдавлений (рис. 2: 3, 5, 7, 12; 3: 16), наносился в 12,2% случаев; III подтип представлен в виде трёх и более горизонтальных рядов отпечатков ямочных вдавлений (рис. 2: 3) – 2,8%.

4 тип представлен на сосудах мотивами из зон без орнамента (рис. 2: 12). Их доля на них всего 4,1%.

5 тип мотива представлен отпечатками разного вида и размера веревочных штампов. Это один горизонтальный ряд оттисков штампов (рис. 3: 6) – 3,6%.

На ранней льяловской керамике с поселения и могильника Ксизово 6 зафиксировано три сложных пересекающихся мотива: 1) отмечено сочетание вертикально или диагонально нанесенных отпечатков гребенчатого

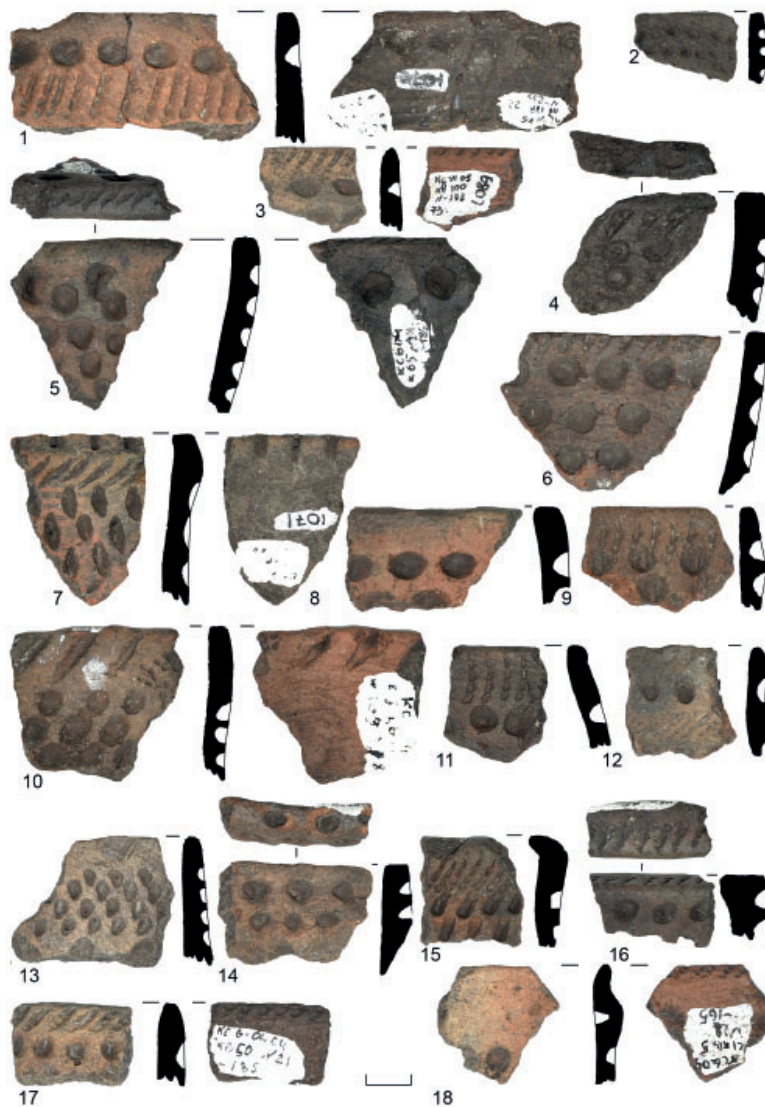

Рис. 4. Поселение и могильник Ксизово 6. 1–18 – керамика льяловской культуры.

Fig. 4. Ksizovo 6 settlement and burial ground. 1–18 – ceramics of the Lyalovo culture.

штампа и различной формы и размера ямочных вдавлений (рис. 2: 5, 6, 9–11; 3: 13); 2) сочетание оттисков отпечатков гребёнки, поставленных в вертикальные, горизонтальные или диагональные ряды (рис. 3: 8); 3) совместное нанесение горизонтально поставленных оттисков гребенчатого штампа и различной формы и размера ямочных вдавлений (рис. 2: 1, 4, 7).

Все образы орнамента на гребенчато-ямочной керамике представлены в

виде отмеченного нами чередования мотивов из различной формы и размера ямочных вдавлений и оттисков гребенчатого штампа, ямчатых орнаментов и гребенчатых оттисков, ямчатых вдавлений и оттисков веревочных отпечатков, а также мотивов из различной формы и размера ямок и зон свободных от орнамента.

Были изучены фрагменты от всех, выделенных по венчикам 18 сосудов, украшенных гребенчато-ямочной ор-

Рис. 5. Поселение и могильник Ксизово 6. 1–11 – керамика льяловской культуры.

Fig. 5. Ksizovo 6 settlement and burial ground. 1–11 – ceramics of the Lyalovo culture.

наментацией. Исходным пластическим сырьем для производства всей этой керамики являлся ил, 16 изученных нами образцов были изготовлены из ожелезнённого, два – из неожезнённого сырья. Для всех изученных фрагментов керамики нами отмечено обязательное присутствие органических остатков в виде полостей от

выгоревшей растительной органики разного вида: стебельков растений, нитевидных водорослей, листьев (рис. 10: 3–6). Начальное сырьё для изготовления сосудов чаще всего использовалось слабо (13 обр.), реже среднезапесоченное (5 обр.). Нами отмечено наличие в тесте сосудов кварцевого окатанного песка с размером

зёрен от 0,2 до 0,4 мм, в единичных значениях присутствуют очень мелкие песчинки размером до 1 мм. В двух фрагментах керамики в их тесте обнаружены кости рыб. Во всей посуде фиксируется наличие естественной примеси раковин речных моллюсков разного вида (рис. 10: 3–6). Всего в трех сосудах выявлены комочки из непромешанной высокопластичной глины светло-серого цвета. Их размер варьируется от 0,4 до 1,5 мм. Также нами отмечено, что сырьё всей изученной керамики древними людьми использовалось в естественном увлажненном состоянии. Нами признаков дробления его не зафиксировано. Вся исследованная керамика с искусственной примесью остроугольной кварцевой дресвы размером от 0,2 до 3 мм, в разной концентрации – от 1:4 до 1:8, встречается и ниже (рис. 10: 3–6).

Конструирование всех изученных нами сосудов происходило по методу лоскутного налёпа с помощью лепешкообразных лоскутков, преимущественных размеров от 1×1 до 1,5×1,5 см. Мы отмечаем всего три способа обработки поверхностей горшков при их изготовлении. Это, заглаживание внутренней и внешней поверхностей сосудов грубо выделанной кожей, заглаживание этих поверхностей керамики пальцами рук, а также сглаживание поверхностей расчёсами, полученными от пучка сырой травы.

Большинство нами выявленных сосудов средней, редко – низкой прочности. Сломы керамических стенок одно и двухслойные. Керамика обжигалась в костре со слабой временной выдержкой при небольшой температуре каления в 650–700°C. Часть изученной керамики обожжена более качественно, так как отмечены и сосуды с полностью прокаленными стенками, при гораздо более высокой температуре в костре.

Изученная нами керамическая коллекция по её технологии изготов-

ления, форме изготовленных древними людьми сосудов, их однородной гребенчато-ямочной орнаментации выглядит очень монолитно. Вся эта посуда, украшенная гребенчато-зубчатыми-ямочными отпечатками, находит практически полные аналогии в керамических комплексах раннего этапа или архаичного этапа льяловской культуры (Древние охотники..., 1997, с. 117–118; Энговатова, 1998, с. 243). С самых ранних памятников льяловской культуры получены радиоуглеродные даты по образцам органики из культурных слоёв – 5920 ± 60 BP (4963–4619 calBC) (ГИН-7476) для стоянки Ивановское 7, 5693 ± 20 BP (4603–4458 calBC) (КИА-39307) для стоянки Озерки 17, 5930 ± 200 BP (5303–4374 calBC) (ГИН-6663) для стоянки Озерки 5 (Радиоуглеродная хронология..., 2016). Мы считаем, что поселение людей раннего этапа льяловской культуры, изготавливавших гребенчато-ямочную керамику Ксизово 6, существовало на Верхнем Дону в первой половине V тыс. до н. э., скорее всего в первой его четверти.

Подтверждают наши выводы радиоуглеродные даты, которые были нами получены по образцам гребенчато-ямочной керамики изученной стоянки Ксизово 6 (рис. 2): 5820 ± 130 (4995–4371 calBC) (Ki-13307), 5800 ± 120 (4938–4367 calBC) (SPb-4171) (Смольянинов, 2020; Smolyaninov, Skorobogatov, Surkov, 2017), и стратиграфические наблюдения. Данная керамика залегала в самых нижних наложениях памятника, совместно с посудой раннего неолита VI – начала V тыс. до н. э. – среднедонской и карамышевской культур. Здесь же располагались погребения, датируемые началом 5 тыс. до н. э. (Васильев и др., 2018). Большинство керамики поздних этапов льяловской культуры встречалась в культурном слое памятника значительно выше.

2 группа. Ямочно-гребенчатая керамика представлена 50 сосудами, 19

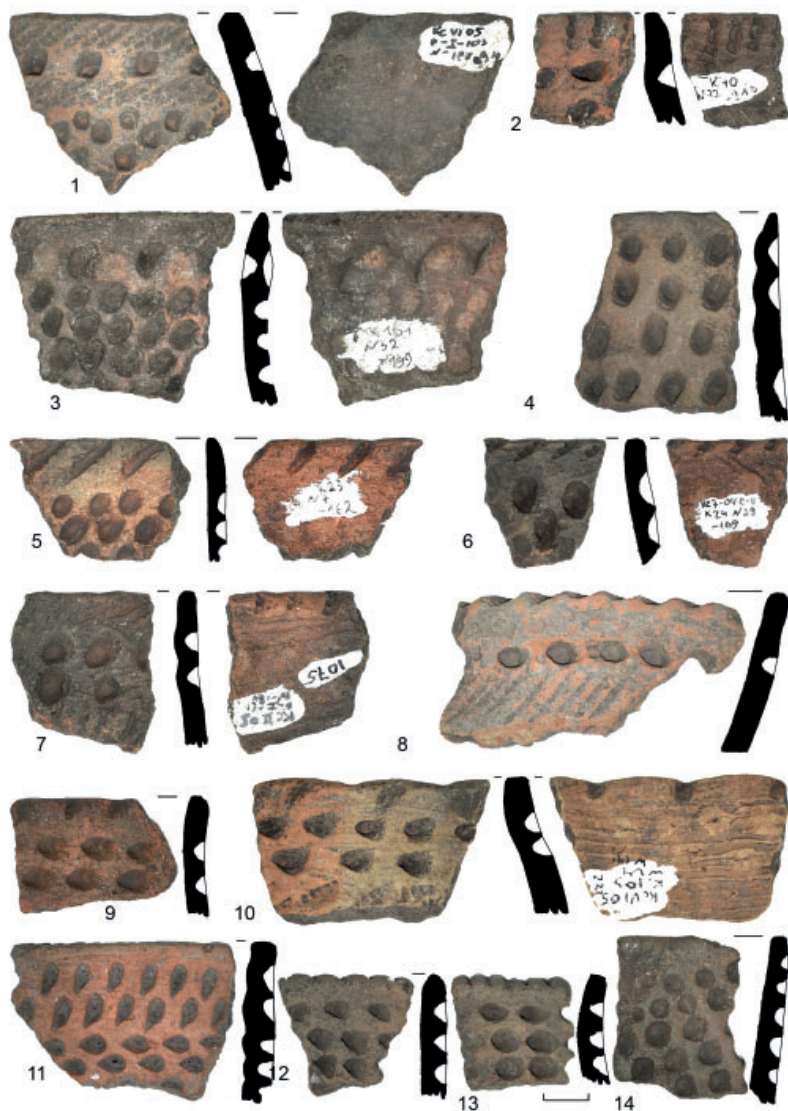

Рис. 6. Поселение и могильник Ксизово 6. 1–14 – керамика льяловской культуры.

Fig. 6. Ksizovo 6 settlement and burial ground. 1–14 – ceramics of the Lyalovo culture.

из них прямостенные, 15 открытой формы и 16 закрытой. Диаметры сосудов по венчикам 22–46 см, толщина стенок 4–8 мм. Три днаща округло-конические (рис. 7: 1, 2, 5), одно слегка приостроено (рис. 7: 3).

Элементы орнамента на ямочно-гребенчатой керамике с поселения и могильника Ксизово 6 разделены на шесть выделенных нами типов, три из которых, в свою очередь, делим еще на подтипы.

1 тип представлен отпечатками гребенчатого штампа. Подтипы представлены: I – узкий прямоугольный штамп, размеры которого варьируется в интервале 1–2×10–15 мм (в единичных случаях 8–10 мм) (рис. 4: 1, 3, 6, 9, 17; 5: 1, 4, 9, 10; 6: 1, 2, 6) – 13,5%; II – слегка округлой формы с размерами 1–2×10–15 мм (рис. 4: 11, 15; 5: 8; 6: 7) – 11%.

2 тип. Ямочные вдавления. Подтипы: I – округлые ямки разного размера,

Рис. 7. Поселение и могильник Ксизово 6. 1–11 – керамика льяловской культуры.

Fig. 7. Ksizovo 6 settlement and burial ground. 1–11 – ceramics of the Lyalovo culture.

нанесенные под небольшим наклоном к поверхности сосудов, диаметром 4–5 мм (рис. 4: 14; 5: 6, 9; 6: 10, 12, 13; 7: 1, 5) – 10,4%; II – каплевидные (рис. 5: 1, 10; 6: 9, 11) – 9,4%; III – круглые (беленитные), диаметром 5 мм (рис. 4: 1, 5, 6, 8–11; 5: 2–5, 7, 11; 6: 3–8; 7: 4, 6, 8–10) – 36,2%; IV – овальные с округлым дном, размерами 3×5 мм (рис. 5: 8) – 2,1%; V – удлиненные узкие, 2×5 мм (рис. 4: 7) – 0,6%; VI –

округлые мелкие, диаметром 2–3 мм – 2,7% (рис. 4: 2); VII – почковидные (рис. 4: 13; 6: 2) – всего 7,2%.

3 тип. Жемчужины (негативы от ямочных вдавлений, нанесённых изнутри сосудов) (рис. 6: 3; 7: 10). Доля их в орнаментации сосудов составила всего 1,3%, как правило, нанесены в верхней его трети.

4 тип представлен отпечатками короткого гладкого штампа размером от

1–2 до 6–10 мм (рис. 4: 10, 15). Таких штампов в коллекции выявлено всего 1,4% от общей доли элементов орнаментов.

5 тип. Ямчатые вдавления. Подтипы: I – прямоугольные с плоским дном, размером 5×7 мм (рис. 5: 9; 6: 1) – 1,8%; II – кольцевидные – 0,8%.

6 тип. Ногтевые вдавления (рис. 4: 7; 6: 10) – 1,6%.

Для данной группы керамики выявлен один узор – диагональная линия из оттисков узкого прямоугольного гребенчатого штампа, отклонённая вправо относительно вертикальной оси сосуда (рис. 7: 6). Он расположен на одном сосуде и в сочетании с зонами без орнамента образует сложный объединяющийся мотив, который идет горизонтальной полосой, опоясывая сосуд под венчиком (рис. 7: 6).

Выявленные нами простые мотивы из элементов орнаментов для этой керамики делятся на семь различных типов, из них четыре мы, в свою очередь, разделили на подтипы.

1 тип представлен мотивами, нанесенными только гребенчатыми штампами разного размера и формы. Подтипы этих отпечатков представлены всего тремя вариантами: I – это два горизонтальных ряда гребенчатых оттисков, их всего 1,8%; II – это более трех горизонтальных рядов гребенчатых оттисков, их всего 1,2%; III – это наиболее массовый – в виде одного горизонтального ряда гребенчатых оттисков (рис. 4: 1, 3, 7, 11, 15–18; 5: 1, 4, 6, 8, 9; 6: 1, 2, 6, 8; 7: 7) – 17,6%.

2 тип представлен мотивами из ямочных вдавлений различной формы или размера. Выделено девять подтипов, разделенных по количеству горизонтальных или вертикальных рядов различной формы или размера ямочных вдавлений, расположенных горизонтально или в шахматном порядке (рис. 5: 1, 5, 7, 8; 7: 1; 4: 1, 6, 8, 12; 6: 10, 13; 7: 10, 11).

3 тип представлен мотивами из различной формы ямчатых вдавлений. Здесь выделено два подтипа:

I – два горизонтальных ряда различного размера ямчатых вдавлений, нанесённых в шахматном порядке (рис. 4: 15) – 0,8%; II – один горизонтальный ряд из различного размера ямчатых вдавлений (рис. 5: 9; 6: 1) – 2,6%.

4 тип мотива представлен отпечатками гладкого штампа различного размера. Выявлено два его подтипа: I – состоит из двух горизонтальных рядов гладкого штампа – 0,8%; II – состоит из одного горизонтального ряда отпечатков гладкого штампа (рис. 4: 10; 6: 5) – 1,3%.

5 тип мотива орнамента состоит из одного горизонтального ряда ногтевых отпечатков (рис. 4: 4). Выявлены на керамике в 2,4% случаев.

6 тип представлен зонами без орнамента. Их всего 2,2% от поля сосудов.

7 тип представлен мотивом из жемчужин. Один горизонтальный ряд жемчужин (рис. 4: 18; 7: 11) – 1,6%.

Кроме ранее описанного, зафиксирован ещё один сложный объединяющийся мотив, который представлен в виде чередования ямочных вдавлений и жемчужин, он применялся для орнаментации четырех сосудов (рис. 6: 3; 7: 10). На одном сосуде с ямочно-гребенчатой орнаментацией с поселения и могильника Ксизово 6 зафиксирован один сложный пересекающийся мотив, который представляет собой нанесенный один на другой горизонтальные ряды гребенчатого штампа, отклоненные в разные стороны относительно оси сосуда.

Все образы на ямочно-гребенчатой керамике с поселения и могильника Ксизово 6 представлены в виде чередования мотивов из ямочных вдавлений и гребенки, гладкого штампа, ямчатых вдавлений, ногтевых наколов, отпечатков жемчужин, а также неорнаментированных участков.

Следует отметить неоднородность ямочно-гребенчатой керамики с поселения и могильника Ксизово 6. По морфологическим признакам, если

Рис. 8. Поселение и могильник Ксизово 6.
1–18 – неолитическая керамика с накольчато-ямочным орнаментом.

Fig. 8. Ksizovo 6 settlement and burial ground.
1–18 – Neolithic ceramics with a punctured-pit ornament.

сравнивать с эталонной стратифицированной для Верхнего Дона стоянкой Долгое (Левенок, 1965), здесь выделяются две хронологические группы. Первая из них схожа с керамикой нижнего горизонта и частью керамики нижнего яруса среднего горизонта Долговской стоянки (рис. 4: 10, 11; 6: 5, 6). На территории бассейна Верхнего Дона в настоящее время выявлено

13 памятников данной группы. По большинству признаков она схожа с керамикой среднего этапа льяловской культуры. Керамика среднего этапа льяловской культуры преимущественно орнаментирована ямочными полями, отпечатки гребенки в украшении используются в качестве их разделителя, отмечается наличие веревочных орнаментов. Сосуды украшены пол-

ностью, уменьшается примесь дресвы и песка в тесте (Древние охотники..., 1997, с. 58–59; Энговатова, 1998, с. 243). Подобные характеристики, кроме присутствия примеси дресвы в тесте сосудов и наличия в украшении горшков незначительного количества веревочного элемента орнамента, также характерны для керамики раннего этапа ямочно-гребенчатой керамики Верхнего Подонья, и в частности поселения Ксизово 6. Появление и существование данной группы населения на территории Верхнего Дона относится к второй четверти V тыс. до н. э. – середине V тыс. до н. э. Это подтверждают радиоуглеродные даты с Верхнедонских памятников: Ксизово 6 – 5753 ± 110 BP (4837–4361 calBC) SPb-3804 (рис. 10: 1), стоянка Долгое – 5885 ± 110 BP (5033–4493 calBC) SPb-3798.

Другая группа керамики второй группы, наиболее многочисленная на памятнике, схожа с керамикой верхнего яруса среднего горизонта и частью керамики нижнего яруса среднего горизонта Долговской стоянки. На территории бассейна Верхнего Дона в настоящее время насчитывается 101 памятник с такой керамикой. Она близка по морфологическим и технологическим признакам к позднелыловской (Древние охотники..., 1997; Энговатова, 1998). Посуду самого позднего этапа лыловской культуры на территории Верхнего и Среднего Подонья, как и керамику Волго-Окского междуречья, можно датировать по радиоуглеродным значениям последней четвертью V тыс. до н. э. – первой четвертью IV тыс. до н. э. Например, по органическим образцам из культурного слоя позднего этапа поселения Воймежное 1 получена дата 5100 ± 70 (4000–3710 calBC) ГИН-6867, а для аналогичных материалов с поселения Ивановского 3 – 5100 ± 70 BP (4000–3710 calBC) ЛЕ-1976 (Энговатова, 1998, с. 245). На территории Верхнего Дона эти памятники с подобными археологическими ма-

териалами датируется точно этим же временем. Не противоречит этому и дата, полученная по ямочной керамике с поселения и могильника Ксизово 6 – 5200 ± 120 BP (4328–3714 calBC) SPb-3801 (рис. 10: 2).

Третья группа. Также на памятнике были найдены фрагменты от 15 сосудов с гибридной накольчато-ямочной орнаментацией. Восемь из них прямостенные, один открытой формы и шесть закрытой. Диаметры сосудов по венчикам от 32 до 44 см, толщина стенок 5–7 мм. Одно днище округлоконическое (рис. 8: 10), два слегка приостренных (рис. 9: 1, 4).

На накольчато-ямочной керамике выделено 16 элементов орнамента, которые образуют семь типов.

1 тип. Наколы. Подтипы: I – мелкие наколы треугольной формы (рис. 8: 5, 7, 8, 12–15, 17, 18; 9: 1–5) – 32,1%; II – овальные (рис. 8: 2, 4, 9, 11, 16) – 17,7%; III – прямоугольные или квадратные (рис. 8: 1, 6) – 3,2%.

2 тип. Ямочные вдавления. Подтипы: I – почковидные (рис. 8: 14) – 3%; II – правильной округлой формы, мелкие, диаметром 2–3 мм (рис. 8: 11, 16) – 4%; III – каплевидной формы (рис. 8: 17) – 4%; IV – округлые вдавления, нанесенные как накол под небольшим наклоном к поверхности, диаметром 4–5 мм (рис. 8: 18) – 4,4%; V – узкие удлиненной формы, 2×5 мм (рис. 8: 9) – 1,5%; VI – круглой правильной формы (белемнитные), диаметром 5 мм (рис. 8: 1, 3, 13; 9: 1, 3–5) – 18,5%; VII – овальные с округлым дном, размерами 3×5 мм (рис. 8: 6) – 4,8%.

3 тип. Отпечатки гребенчатого штампа. Узкий прямоугольный, размеры которого 1–2×10–15 мм (очень редко 8–10 мм) (рис. 8: 14) – 1,2%.

4 тип. Ногтевые и пальцевые вдавления. Подтипы: I – ногтевые (рис. 8: 17) – 0,7%; II – пальцевые (рис. 8: 18) – 0,4%.

5 тип. Ямчатые подтреугольные вдавления. Доля их в орнаментации на сосудах составила 2%.

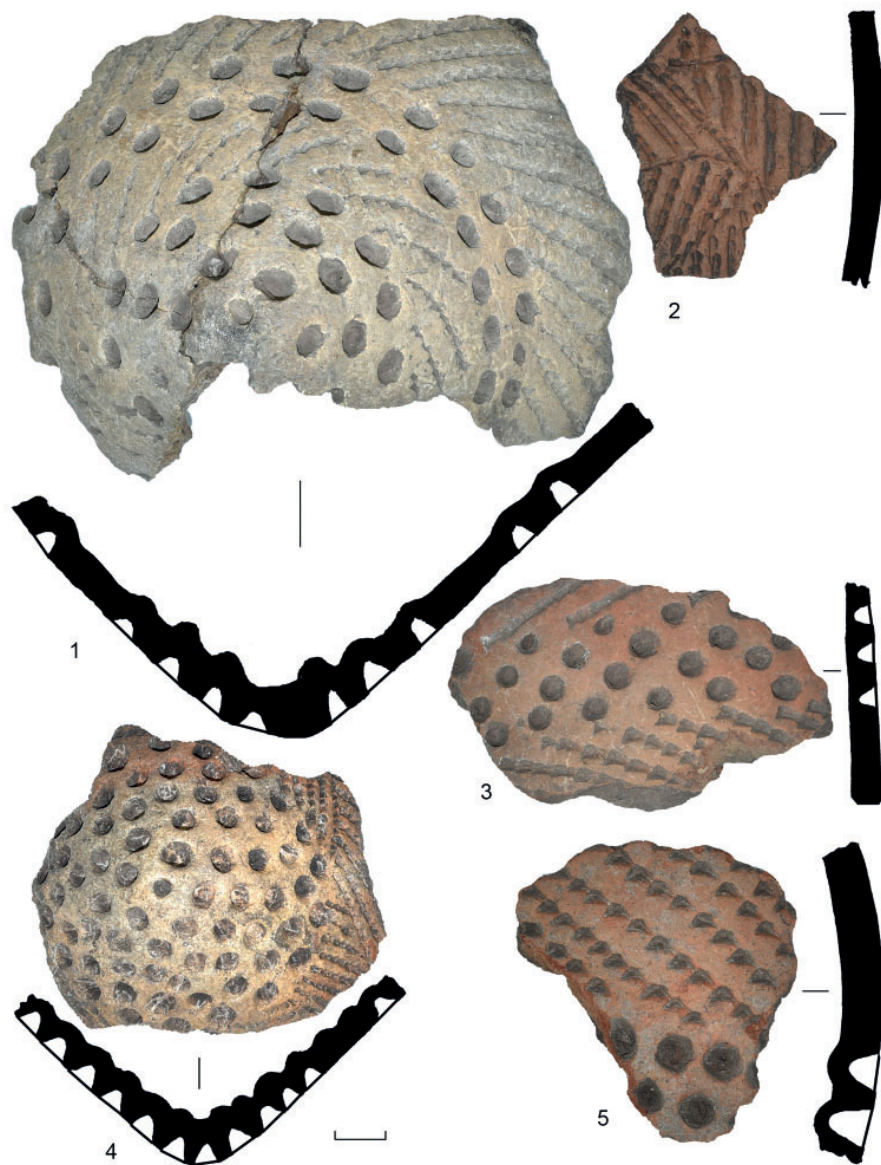

Рис. 9. Поселение и могильник Ксизово 6.
1–5 – неолитическая керамика с накольчато-ямочным орнаментом.

Fig. 9. Ksizovo 6 settlement and burial ground.
1–5 – Neolithic ceramics with punctured-pit ornament.

6 тип. Жемчужины (рис. 8: 3, 16). Доля их в орнаментации на сосудах составила 0,9%.

7 тип. Нарезки. Тонкие, имели размеры 1–2×7 мм. (рис. 8: 1, 7) – 1,6%.

Мы выделяем шесть типов мотивов в орнаментации керамики для этой группы керамики.

1 тип представлен мотивами из наколов, преимущественно треугольной формы. Здесь отмечаются три подтипа: I – состоит из более чем трёх горизонтальных рядов наколов (рис. 8: 2, 8, 15) – 24%; II – состоит только из трёх горизонтальных рядов наколов (рис. 8: 4, 6) – 4%; III – состоит, в свою

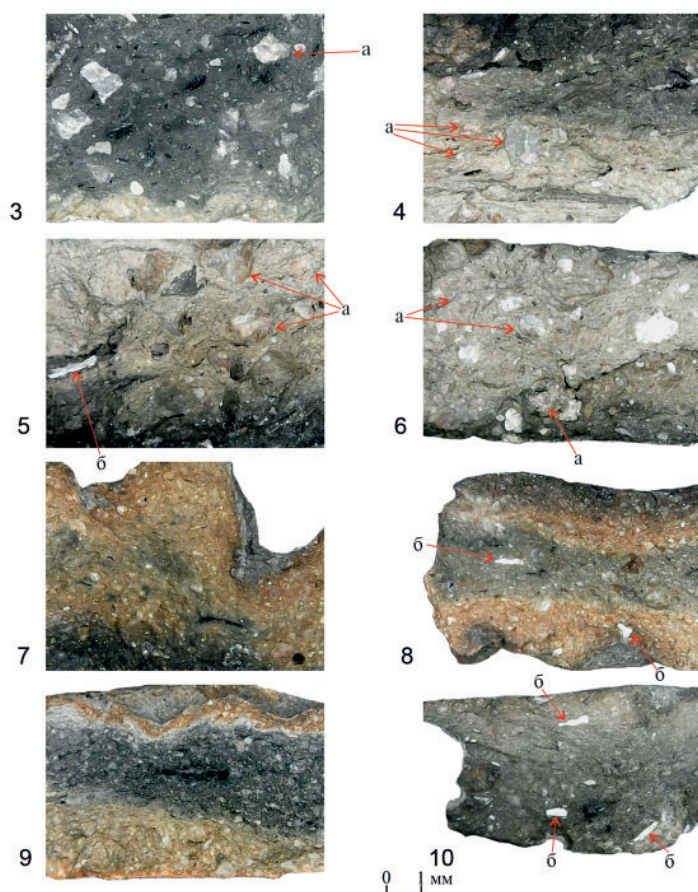
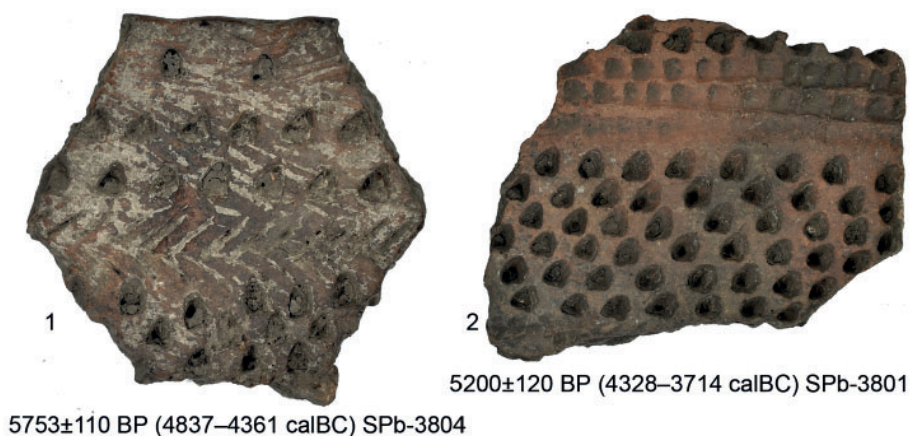

Рис. 10. 1–2 – образцы продатированной керамики льяловской культуры; 3–10 – микроснимки изломов керамики льяловской культуры с поселения и могильника Ксизово 6: 3–6 – гребенчато-ямочная; 7–8 – ямочно-гребенчатая; 9–10 – накольчато-ямочная; а – дресва; б – раковина речных моллюсков.

Fig. 10. 1–2 – samples of dated pottery of the Lyalovo culture; 3–10 – micrographs of fractures of ceramics of the Lyalovo culture from the Ksizovo 6 settlement and burial ground: 3–6 – combed-pit; 7–8 – pit-comb; 9–10 – punctured-pit; а – grit; б – shell of river mollusks.

очередь, из более чем трех, но уже диагональных рядов наколов (рис. 8: 1, 5, 9, 12–14, 16, 17; 9: 1–5) – 32%.

2 тип. Мотивы из ямок. Подтипы: I – более трех горизонтальных рядов ямок (рис. 9: 1, 4) – 2%; II – два горизонтальных ряда ямок (рис. 8: 1, 14, 17, 18; 9: 1) – 18%; III – три горизонтальных ряда ямок (рис. 9: 3) – 6%; IV – один горизонтальный ряд из ямок (рис. 8: 11) – 7,4%.

3 тип. Мотив из подтреугольных вдавлений. Содержит в себе более трех горизонтальных рядов вдавлений – 4%.

4 тип. Мотив из отпечатков различной формы и размера в виде одного горизонтального ряда оттисков гребенчатого штампа (рис. 8: 14) – 0,5%.

5 тип представлен мотивом из различных отпечатков ногтевых или пальцевых вдавлений с двумя подтипами: I – выглядел в виде одного горизонтального ряда из ногтевых вдавлений (рис. 8: 17) – 0,6%; II – выглядел в виде одного горизонтального ряда из пальцевых вдавлений (рис. 8: 18) – 0,4%.

6 тип. Мотив из нарезок. Один горизонтальный ряд из нарезок (рис. 8: 1, 7) – 1,1%.

В двух случаях зафиксирован мотив, который представлен в виде чередования с внешней стороны сосудов ямочных вдавлений и жемчужин, нанесенных изнутри горшков ямочных отпечатков (рис. 8: 3, 16).

Орнаментальные образы представлены на керамике в виде чередования различных мотивов из ямочных и ямчатых вдавлений, наколов, нарезок, гребенки, ногтевых и пальцевых вдавлений.

В связи с большой схожестью в технологии изготовления считаем наиболее целесообразным изложить технико-технологические характеристики ямочно-гребенчатой и накольчато-ямочной керамики совместно. Для всех 50 сосудов с ямочно-гребенчатой и 15 с накольчато-ямочной орнаментацией в качестве исходного пласти-

ческого сырья для их производства применялась ожелезнённая илистая глина. Очень редко в тесте замечены отпечатки выгоревших в результате обжига естественных органических включений, содержащихся в добываемом для производства сырье (рис. 10: 7–10). Сырьё для изготовления керамики сильно запесоченное кварцевым окатанным песком размером от 0,1 до 0,5 мм в концентрации 1:3–1:5 (рис. 10: 7–10). В изломах 17 сосудов выявлена естественная примесь раковины речных моллюсков, которая находилась в полуразложившемся состоянии и имела различные форму, размер и концентрацию. В 12 сосудах обнаружены фрагменты высокопластичной непромешанной глины серого цвета размером, варьируемым от 0,2 до 1,5 мм. У 26 сосудов в бинокляр прослежены темные маслянистые пятна диаметром до 1 мм (имеют очень незначительную толщину), возможно от применения органического раствора при изготовлении посуды. Это наблюдение сделано только для керамики позднего этапа.

Изготовление сосудов происходило на основе налепом из лепешкообразных лоскутков размером от 1×1 до 2×2 см. Мы отмечаем в производстве керамики всего три способа обработки поверхностей: заглаживание обеих поверхностей сосудов грубо выделанной кожей; заглаживание поверхности керамики пальцами рук; нанесение сглаживающих поверхностей расчёсов пучком сырой травы.

Большинство изученных нами сосудов средней, редко – низкой прочности. Сломы керамических стенок одно и двухслойные. Керамика обжигалась в костре краткое время со слабой температурой каления – 650–700°C. Часть керамики обожжена уже более качественно, так как отмечены и сосуды с полностью прокаленными стенками при более высоких температурах.

Мы считаем, что первые единичные случаи появления накольчато-

ямочной керамики с примесью дресвы в тесте, то есть ярких признаков технологии изготовления накольчатой посуды среднедонской культуры и гребенчато-ямочной керамики архаичного этапа льяловской культуры, произошли в первой половине V тыс. до н. э. Но наиболее часто поселения с подобной гибридной накольчато-ямочной посудой появляются во второй половине V – первой четверти IV тыс. до н. э. (Смолянинов, 2020). Изначально следы контактов проявляются в виде нанесения на ямочно-гребенчатую керамику поясков треугольных ямчатых вдавлений, имитирующих наколы. Позже процесс гибридизации получил развитие, накольчато-ямочная керамика найдена более чем на 40 памятниках бассейна Верхнего Дона. Самые большие подобные керамические коллекции получены на стоянках и поселениях Савицкое 1, Университетская 3, Ксизово 6, Доброе 4, Липецкое Озеро, Васильевский Кордон 1, 5, 7, Ямное, на поселении 1 у Первомайского лесничества (Синюк, 2000; Смолянинов,

2009; Сурков, Скоробогатов, 2012; Скоробогатов, 2013).

Обсуждение

Проанализировав посуду льяловской культуры в количестве 83 сосудов, мы пришли к выводу, что изученную коллекцию можно разделить на керамические серии раннего, среднего и позднего этапов льяловской культуры, которые представлены соответственно гребенчато-ямочной, накольчато-ямочной и ямочно-гребенчатой керамикой, относящейся к 5 тыс. до н. э. При этом на позднем и среднем этапах её существования – во второй половине 5 тыс. до н. э. – происходит гибридизация технологий изготовления поздней льяловской керамики и поздней керамики среднедонской культуры. В результате этого образуется гибридная посуда с накольчато-ямочной орнаментацией, в которой доминируют всё же льяловские черты. Именно поэтому для поселения Ксизово 6 её также правильно называть льяловской, тем более и технология её производства аналогична.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
2. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. С. 5–109.
3. Васильев С.В., Смолянинов Р.В., Боруцкая С.Б., Бессуднов А.Н. Население неолита-энеолита Верхнего Подонья и его погребальная обрядность (по материалам грунтового могильника Ксизово 6) // *Stratum plus*, 2018, № 2. С. 167–195.
4. Древние охотники и рыболовы Подмосковья. По материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное 1 / Ред.-сост. А.В. Энговатова М.: ИА РАН. 1997. 283 с.
5. Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Бессуднов А.Н., Смолянинов Р.В. Природные катастрофы в голоцене бассейна Верхнего Дона. М.: ГЕОС, 2009. 64 с.
6. Левенок В.П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита // Палеолит и неолит СССР. Т. 5. / МИА. № 131 / Ред. П.И. Борисковский. М.-Л., 1965. С. 223–251.
7. Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. 456 с.
8. Синюк А.Т., Клоков А.Ю. Древнее поселение Липецкое Озеро. Липецк: Липецкое издательство. 2000. 160 с.
9. Скоробогатов А.М. Энеолит бассейна Верхнего и Среднего Дона в свете новых данных // ТАС. Вып. 9 / Ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2013. С. 264–278.
10. Смолянинов Р.В. Отчёт об археологических исследованиях в Липецкой области в 2004 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 32273, 32374. 194 л., 192 илл.

11. Смольянинов Р.В. Отчёт об археологических исследованиях в Липецкой области в 2005 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 27145-27148. 193 л., 141 л., 147 л., 281 илл.
12. Смольянинов Р.В. Памятники эпохи неолита с накольчато-ямочной керамикой на территории лесостепного Подонья // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2009. С. 199–218.
13. Смольянинов Р.В. Ранний неолит Верхнего Дона: монография. Липецк, Саратов: Десятая Муза, 2020. 400 с.
14. Сурков А.В., Скоробогатов А.М. Многослойная стоянка Ямное: материалы исследований. Воронеж: ВГПУ, 2012. 81 с.
15. Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К, 2008. 352 с.
16. Энговатова А.В. Хронология неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 1998. С. 238–246.
17. Roman Smolyaninov, Andrey Skorobogatov, Aleksey Surkov. Chronology of Neolithic sites in the forest steppe area of the Don River // Documenta Praehistorica. XLIV. Ljubljana, Slovenia, 2017. P. 192–202.

Информация об авторах:

Куличков Алексей Александрович, старший научный сотрудник, ООО «МЦАИ» (Межрегиональный центр археологических исследований) (г. Тамбов, Россия); kulichkov.aleks@yandex.ru

Смольянинов Роман Викторович, кандидат исторических наук, председатель ЛРНОО «Археологические исследования» (г. Липецк, Россия); rws17rws17@yandex.ru

CERAMIC ASSEMBLAGE OF THE LYALOVO CULTURE FROM THE KSIZEVO 6 ANCIENT SETTLEMENT AND BURIAL GROUND IN THE UPPER DON REGION

A.A. Kulichkov, R.V. Smol'yaninov

This article publishes ceramic findings of the Lyalovo culture from the Ksizovo 6 settlement and burial ground in the Upper Don region. The settlement was investigated in 2004-2005. Over two years of research, the excavation area totaled 253 sq. m. Ceramic finds and burials dated from the Early Neolithic (6th millennium BC) to the Early Slavic period (4th–5th centuries AD) were discovered within cultural layer. Among this array of finds, there are groups of ceramics of the early and late stages of the Lyalovo culture, which is represented by comb-pit, punctured-pit and pit-comb ceramics dating back to the 5th millennium BC. A total, 83 vessels were analyzed, a technical and technological analysis was fulfilled as well as the first radiocarbon dating for this ceramic complex. It is concluded that at a late stage of its existence, in the second half of the 5th millennium BC, hybridization of the manufacturing technologies of the late Lyalovo ceramics and the late ceramics of the Middle Don culture took place. As a result, a hybrid pottery with punctured-pit ornaments was formed, which is dominated by the Lyalovo features. That is why it is also correct to call it the Lyalovo for the settlement of Ksizovo 6, especially since its production technology is similar.

Keywords: archaeology, Upper Don, Early Neolithic, settlement, early comb-pit ceramics, hybrid punctured-pit ceramics; pit-comb ceramics, technical and technological analysis, ornament, inclusions, Lyalovo culture.

REFERENCES

1. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Issues of Ancient Pottery: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–109 (in Russian).
3. Vasil'ev, S. V., Smol'ianinov, R. V., Borutskaiia, S. B., Bessudnov, A. N. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 167–195 (in Russian).

The article was written as part of the project "Studying the Ancients, learning from the Ancients, saving the Ancients" No. 24-2-001917, supported by the Presidential Grants Fund.

4. In Engovatova, A. V. (Ed.-comp.). 1997. *Drevniye okhotniki i rybolovy Podmoskov'ya. Po materialam mnogosloynnogo poseleniya epokhi kamnya i bronzy – Voimezhnoye I (Ancient hunters and fishermen of the Moscow region. Based on the materials of a multilayered settlement of the Stone and Bronze Ages – Voimezhnoye I)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
5. Lavrushin, Yu. A., Spiridonova, E. A., Bessudnov, A. N., Smolyaninov, R.V. 2009. *Prirodnyye katastrofy v golotsene basseyna Verkhnego Dona (Natural disasters in the Holocene of the Upper Don basin)*. Moscow: "GEOS" Publ. (in Russian).
6. Levenok, V. P. 1965. In Boriskovskii, P. I. (ed.). *Paleolit i neolit SSSR. (Paleolithic and Neolithic of USSR)* 5. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 131. Moscow-Leningrad, 223–251 (in Russian).
7. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). 2016. *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ. (in Russian).
8. Sinyuk, A. T., Klovov, A. Yu. 2000. *Drevnee poselenie Lipetskoe Ozero (Lipetskoe Ozero Ancient Settlement)*. Lipetsk: "Lipetskoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
9. Skorobogatov, A. M. 2013. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoy arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* (9). Tver: "Triada", 264–278 (in Russian).
10. Smolyaninov, R. V. 2004. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Lipetskoy oblasti v 2004 godu (Report on archaeological research in the Lipetsk region in 2004)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, dossier 32273, 32374 (in Russian).
11. Smolyaninov, R. V. 2005. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Lipetskoy oblasti v 2005 godu (Report on archaeological research in the Lipetsk region in 2005)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, dossier № 27145–27148 (in Russian).
12. Smolyaninov R.V. 2009. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 7. Tver: Tver State United Museum, 199–218 (in Russian).
13. Smolyaninov, R. V. 2020. *Ranniy neolit Verkhnego Dona (Early Neolithic of the Upper Don: Monograph)*. Lipetsk, Saratov: "Desyataya Muza" Publ. (in Russian).
14. Surkov, A. V., Skorobogatov, A. M. 2012. *Mnogosloynnaya stoyanka Yamnoye: materialy issledovaniy (The multilayered Yamnoye campsite: research materials)*. Voronezh: "VGPU" Publ. (in Russian).
15. Tsetlin, Yu. B. 2008. *Neolit tsentra Russkoy ravniny. Ornamentatsiya keramiki i metodika periodizatsii kul'tur (The Neolithic of the Center of the Russian Plain: Ceramica Decoration and Methods of Periodization of Cultures)*. Tula: "Grif i K" Publ. (in Russian).
16. Engovatova, A. V. 1998. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 3. Tver: Tver State United Museum Publ., 238–246 (in Russian).
17. Roman Smolyaninov, Andrey Skorobogatov, Aleksey Surkov. 2017. In *Documenta Praehistorica*. XLIV. Ljubljana, Slovenia, 192–202.

About the Authors:

Kulichkov Alexey A. LLC «Interregional Center for Archaeological Research», Boulevard of Enthusiasts, 2A, Tambov, 109544; Russian Federation, kulichckov.aleks@yandex.ru

Smol'yaninov Roman V. Candidate of Historical Sciences, chairman. Archeological Research Public Organization, Kommunalnaya square 9, Lipetsk, 398059, Russian Federation; rws17rws17@yandex.ru

Статья принята в номер 01.03.2026 г

МЕНЗЕЛИНСКАЯ I СТОЯНКА

© 2026 г. А.А. Чижевский

В статье рассматриваются материалы раскопок Мензелинской I стоянки в 2007 г. На территории поселения был вскрыт двухсекционный котлован сооружения, северо-восточная часть которого была построена с использованием каркасно-столбовой конструкции, юго-восточная – без применения столбов и, по всей вероятности, была выполнена в виде сруба. На основании анализа внутреннего устройства котлована автор пришел к выводу, что юго-восточная часть сооружения была жилой, а северо-восточная, предположительно, использовалась как стойло для содержания скота. В котловане была зафиксирована керамика четырех археологических культур – от энеолита до позднего бронзового века, но, судя по обнаруженной в очаге керамике, сооружение относится к позднему этапу маклашеевской культуры. В сборах на территории размытой части стоянки, кроме того, фиксировалась керамика раннемаклашеевского этапа маклашеевской культуры и ананьинской культурно-исторической области. Время функционирования жилища определено в широких пределах существования позднего этапа маклашеевской культуры – XII–X вв. до н. э. Само поселение, судя по материалам раскопа и подъемному материалу, существовало от эпохи энеолита до раннего железного века.

Ключевые слова: археология, Нижнее Прикамье, энеолит, гаринская культура, поздний бронзовый век, срубная культурно-историческая общность, луговская культура, поздний этап маклашеевской культуры, поселение.

В последние годы существенно увеличился интерес к памятникам эпохи поздней бронзы юго-восточной части Республики Татарстан. Немалая заслуга в этом принадлежит А.В. Лыганову, который обследовал значительное число памятников в этом регионе, в основном связанных со срубной культурно-исторической общностью (КИО) (Лыганов, 2018; 2019; Купцова, Лыганов, 2021).

Введение в научный оборот материалов Мензелинской I стоянки является неким продолжением данной темы, хотя сам памятник был исследован ещё в 2007 г. и только сейчас будет введен в научный оборот.

Мензелинская I стоянка располагается в 1,8–1,9 км к северо-востоку от г. Мензелинска Мензелинского района Республики Татарстан, на мысу второй надпойменной террасы левого берега р. Мензели, левого притока р. Ик, ныне подтопленного Нижнекамским водохранилищем (рис. 1). Высота берега от уровня водохранилища в этом месте составляет 0,3–1 м. У местного населения эта местность называется «Берёзки». Судя по распространению подъемного материала, площадь по-

селения составляет 35×70 м. В настоящее время территория памятника задернована и используется для выпаса скота, но до середины 90-х гг. распахивалась. Площадка мыса, на которой располагается Мензелинская I стоянка, имеет ровную поверхность с понижением к северо-востоку.

Памятник был открыт в 1971 году Р.С. Габышевым (Археологические..., 1989, № 292). В начале 90-х гг. на территории разрушаемой части стоянки осуществляли сборы подъемного материала сотрудники мензелинского краеведческого музея.

В 1996 г. разведочное обследование памятника было произведено отрядом Главного управления государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры Министерства культуры Республики Татарстан под руководством А.А. Чижевского. Сборы подъемного материала выявили здесь многочисленные предметы из кремня (4 экз.), состоящие из отходов производства и скребков (рис. 2: 1–3). Кроме того, была собрана коллекция глиняной посуды (39 экз.), представленная фрагментами керамики эпо-

Рис. 1. Мензелинская I стоянка. Ситуационный план.

Fig. 1. Menzelinsk I campsite. Situational site layout.

хи энеолита – гаринской культуры (1 экз.) (рис. 2: 16); позднего бронзового века – срубной КИО (10 экз.) (рис. 2: 7, 11–13, 18, 20), луговой культуры (11 экз.) (рис. 2: 8–10, 15, 21), маклашеевской культуры раннего – атабаевского – (2 экз.) (рис. 2: 4) и позднего – маклашеевского – этапов (6 экз.) (рис. 2: 14, 17, 19); раннего железного века – ананьинской классической культуры (2 экз.) (рис. 2: 5, 6), три фрагмента не были атрибутированы. С учетом всех атрибутированных фрагментов (35 экз.) в процентном отношении получилась следующая картина: керамика гаринской культуры составляет 3,1%, срубной КИО – 31,3%, луговой культуры – 34,4%, маклашеевской культуры раннего и позднего этапов соответственно 6,25% и 18,7%, ананьинской классической культуры – 6,25%.

По итогам этой разведки было принято решение о проведении охранных раскопок на территории Мензелинской I стоянки ввиду сильной абразии

береговой полосы водами Нижнекамского водохранилища.

Однако финансирование на проведение работ удалось найти лишь в 2007 г. Работы на памятнике производились отрядом Первобытной экспедиции Национального центра археологических исследований, ныне Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, под руководством А.А. Чижевского.

Раскоп площадью 136 кв. м был расположен в центральной, более высокой по отношению к водохранилищу части стоянки (рис. 3).

Стратиграфия раскопа следующая: дёрн 5–6 см, под ним слой жирного, сильно увлажненного темно-серого гумусированного суглинка мощностью 45–65 см, а в районе сооружения № 1 – до 165 см, ниже материк – желтый суглинок (рис. 4).

На глубине от 86 до 105 см от нулевой отметки и на глубине 66–85 см от поверхности было выявлено пятно темно-серого суглинка в виде непра-

Рис. 2. Мензелинская I стоянка. Подъемный материал из раскопок 1996 (1–8, 10–12, 14–18) и 2007 гг. 1–3 – скребки, кремь, 4–21 – керамика.

Fig. 2. Menzelinsk I campite. Surface finds from the 1996 excavations.

вильного овала (11,42×5,54–9,00 м), вытянутое по оси северо-восток – юго-запад.

После вскрытия выявленного объекта стало возможным интерпретиро-

вать его как котлован постройки (сооружение № 1). Юго-западная часть постройки разрушена водохранилищем и частично уходит за пределы западного борта раскопа. Стенки кот-

Рис. 3. Мензелинская I стоянка. Общий план раскопа 2007 г., на подоснове 2025 г.
Fig. 3. Menzelinsk I campite. General plan of the 2007 excavation area, based on the 2025 survey.

лована плавно скошены к центру. Дно сооружения чашевидное, неровное. Котлован имеет на дне две западины, в северо-восточной (глубина 152 см) и юго-западной частях (глубина 165 см), напоминающие две соединенные чаши. Северо-восточная часть

котлована окаймлена по краю столбовыми ямами (рис. 4).

Таким образом, сооружение № 1 представляет собой двухсекционную конструкцию, причем архитектура секций отличалась: юго-восточная часть строилась без применения стол-

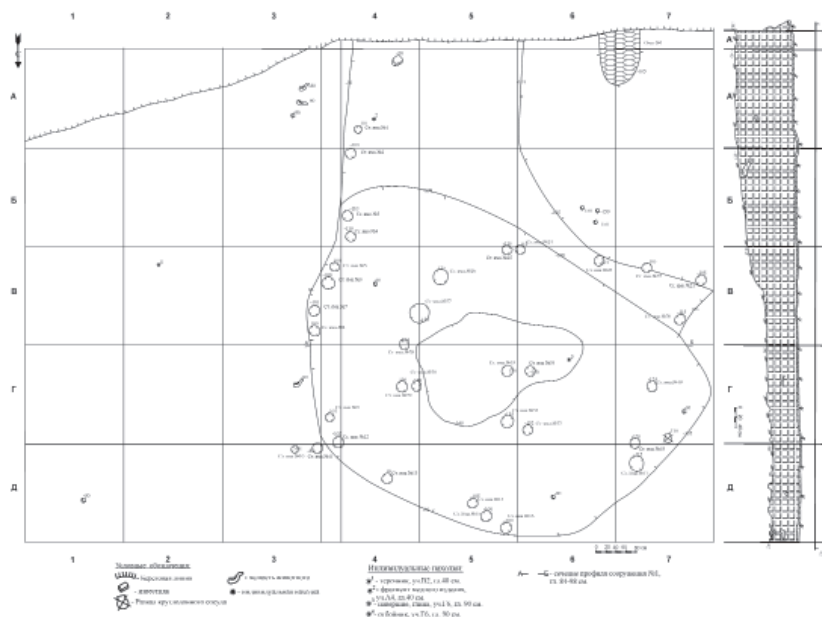

Рис. 4. Мензелинская I стоянка. План раскопа 2007 г. и профиль западной стенки.
Fig. 4. Menzelinsk I campsite. Plan of the 2007 excavation area and profile of the western wall.

Таблица 1

Мензелинская I стоянка. Количественное соотношение керамики археологических культур по глубинам

АК	гл. 20	гл. 40	гл. 60	гл. 80	гл. 90	гл. 100	гл. 110–140	Итого	%
гаринская					1			1	1
срубная	2	2	4	1		1		10	9,3
луговская	6	17	20	18	4	4	1	70	73,2
маклашеевская поздний этап		1	10		2		3	16	16,5
Итого	8	20	34	19	7	5	4	97	100

бов, северо-западная – с их использованием.

По всей вероятности, юго-западная часть постройки была выполнена как сруб, а северо-восточная – как каркасно-столбовое сооружение. Наличие в юго-западной части постройки очага открытого типа размерами 80×130 см свидетельствует о том, что она использовалась для жилья.

Северо-восточная часть постройки была нежилой, однако довольно значительная истертость пола с перепадом глубин от 100 до 152 см, т. е. до полуметра, говорит о том, что она использовалась очень интенсивно. Об этом же свидетельствуют и ямки в центральной, самой глубокой части постройки, которые первоначально интерпретировались как столбовые. Но тогда же было высказано альтернативное предположение о том, что это остатки следов крупных копытных животных, которых содержали в данной постройке. Размеры северо-западной части сооружения № 1 – 5,5×7,6 м – вполне подходят для стойлового содержания животных. Если данная гипотеза верна, то перед нами одно из немногих свидетельств стойлового содержания животных в Нижнем Прикамье в эпоху позднего бронзового века.

Керамический комплекс Мензелинской I стоянки насчитывает 561 фрагмент, из этого числа атрибутировано 97 фрагментов керамики, в основном венчики сосудов. Далее будет рассматриваться только атрибутированная керамика.

Находки с глубины первого и второго пластов (0–40 см от современной поверхности) представлены керамикой срубной КИО, луговской культуры и маклашеевской культуры позднего этапа. Все значения в описании керамики даны в процентах, количественные показатели отражены в табл. 1.

Керамика срубной КИО (рис. 5: 1, 4, 7, 9, 11, 12) на глубине первого пласта составляет 25%, а на глубине второго – лишь 10% от керамики всех культур слоя. Глиняная посуда луговской культуры на глубине первого пласта преобладает, составляя 75%, а на глубине второго пласта достигает ещё больших значений – 85% (рис. 5: 2, 3, 6, 8, 10, 14–17) от керамики всех культур слоя. Керамика маклашеевской культуры фиксируется начиная со второго пласта, где она составляет лишь 5% (рис. 5: 13).

Срубная керамика хорошо диагностируется по примесям шамота и песка, а также орнамента, выполненного крупным раздельным зубчатым штампом. Луговская характеризуется примесями органики и раковины в глиняном тесте, более тонким зубчатым или гладким штампом, прочерченными линиями, иногда крупными овальными или каплевидными вдавлениями в верхней части сосуда. Встречаются сосуды с широкими горизонтальными каннелюрами. Привлекает внимание фрагмент луговского сосуда с лощением, поверх которого тонким гладким штампом нанесен орнамент в виде решетки (рис. 5: 16).

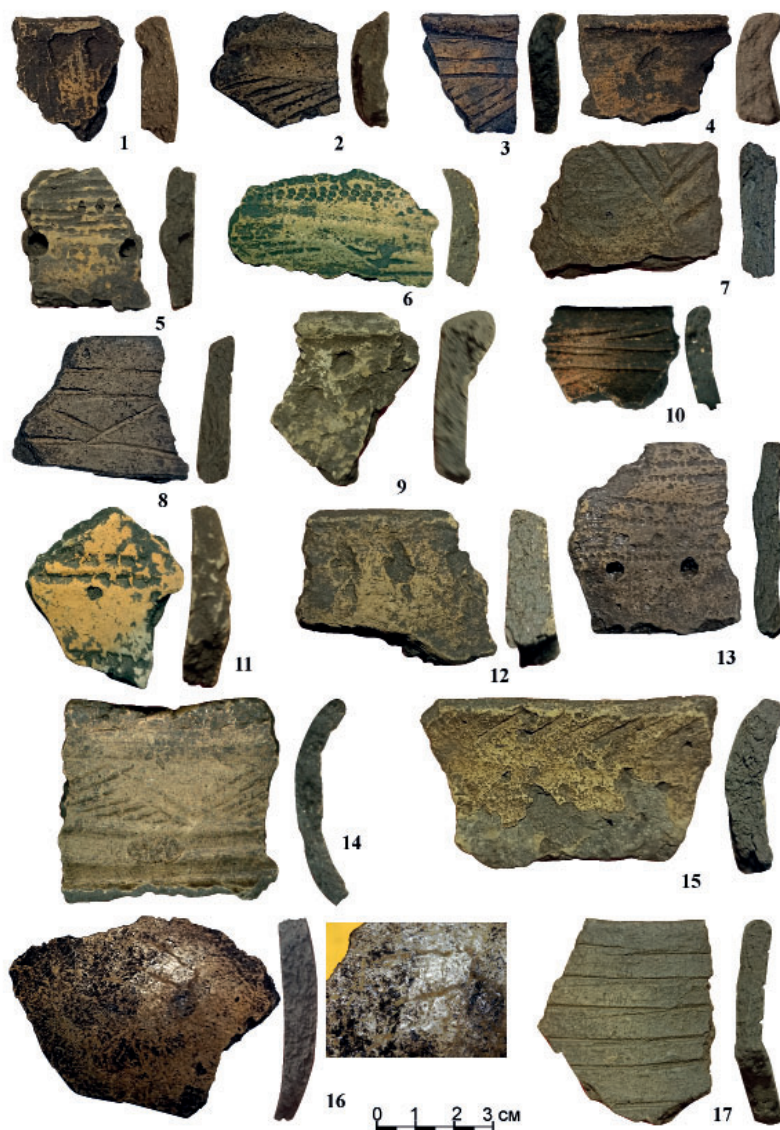

Рис. 5. Мензелинская I стоянка. Находки с глубины первого (0–20 см) (1) и второго (21–40 см) (2–17) пластов. 1 – уч. Д1; 2 – уч. Б6; 3 – уч. В2; 4 – уч. Г2; 5, 7, 9, 11, 15, 17 – уч. В3; 6, 12 – уч. Б2; 8 – уч. Г1; 10 – уч. Б1; 13, 16 – уч. А2; 14 – уч. А3.

Fig. 5. Menzelinsk I campsite. Finds from the first (0–20 cm) (1) and second (21–40 cm) (2–17) strata.

Маклашеевская посуда представлена цилиндрическими сосудами, орнаментированными по горловине ямками и сдвоенным горизонтальным зигзагом. Примеси в глиняном тесте маклашеевской керамики раковинные.

Находки с глубины третьего пласта (41–60 см от современной поверхно-

сти) также представлены керамикой срубной КИО (рис. 6: 8, 9, 11, 12, 21, 22), луговской (рис. 6: 1–3, 5, 15, 20, 23) и маклашеевской (рис. 6: 4, 6, 7, 10, 13, 14, 16–19; 7: 4, 8) культур. Изменилось только их соотношение: 12% относится к срубной КИО, 59% – к луговской культуре, и 29% – к маклашеевской. В орнаментации

Рис. 6. Мензелинская I стоянка. Находки с глубины третьего пласта (41–60 см).

1, 2 – уч. Д5; 3 – уч. Б2; 4, 9 – уч. В6; 5, 12 – уч. Г7; 6 – уч. Б7; 7, 18 – уч. В7; 8 – уч. В4; 10, 17 – уч. Д7; 11 – уч. Д6; 13 – уч. В5; 14, 16 – уч. Г5; 15 – уч. Д5; 19 – уч. Д7; 20 – уч. Д4; 21 – уч. В7; 22 – уч. Г3; 23 – уч. Г6.

Fig. 6. Menzelinsk I campsite. Finds from the third (41–60 cm) stratum.

глиняной посуды срубной КИО преобладают орнаментальные мотивы в виде треугольников, выполненных крупным раздельным штампом. На керамике луговской культуры встречаются полосы горизонтального зигзага, заштрихованные овальными вдавлениями, треугольники с бахромкой, горизонтальная елочка, заштрихо-

ванные ромбы. Керамика маклашеевской культуры покрыта стандартным орнаментом, состоящим из сгруппированных по три и более ямок, и различными вариантами горизонтального зигзага или перекрестных линий гладкого штампа на шейке.

На глубине четвертого пласта выявилось пятно сооружения № 1. На-

Рис. 7. Мензелинская I стоянка. Индивидуальные находки (2, 3, 5, 6, 10) и керамика (1, 4, 7–9) с глубины второго (0–40 см) (10), третьего (41–60 см) (2, 4, 6, 8), четвертого (61–80 см) (9), пятого (81–90 см) (1) и шестого (91–100 см) (3, 7) пластов. Подъемный материал (5). 1 – уч. Б7, соор. №1; 2 – уч. Г6; 3 – уч. А6; 5 – подъемный материал; 4, 8 – уч. Б5; 6 – уч. Д3; 7 – уч. Г5, соор. №1; 9 – уч. Г5, соор. №1; 10 – уч. В2.

Fig. 7. Menzelinsk I campsite. Individual finds (2, 3, 5, 6, 10) and ceramic artifacts (1, 4, 7–9) from the second (0–40 cm) (10), third (41–60 cm) (2, 4, 6, 8), fourth (61–80 cm) (9), fifth (81–90 cm) (1), and sixth (91–100 cm) (3, 7) strata. Surface finds (5).

чая с этого пласта осуществлялась выборка котлована этого сооружения.

На глубине четвертого пласта (61–80 см от современной поверхности) зафиксирована керамика срубной КИО (5%) (рис. 8: 8, 14) и луговской

культуры (95%) (рис. 7: 9; 8: 2, 3, 9, 11, 12, 18).

Следующие пласты выбирались по 10 см. На глубине пятого пласта (81–90 см от современной поверхности) отмечена керамика гаринской (14%)

(рис. 8: 7) и луговской (57%) (рис. 8: 1, 13) культур, а также позднего этапа маклашеевской культуры (29%) (рис. 7: 1; 8: 19).

При выборке шестого пласта (91–100 см от современной поверхности) отмечена керамика срубной КИО (20%) (рис. 8: 10) и луговской культуры (80%) (рис. 7: 7; 8: 5).

Ниже, при выборке придонной части сооружения № 1, на глубинах 110–140 см от современной поверхности отмечены единичные фрагменты керамики луговской культуры (25%) (рис. 8: 6) и позднего этапа маклашеевской культуры (75%) (рис. 8: 4, 16, 17).

Таким образом, в сооружении № 1 (гл. 80–140 см) была представлена керамика четырех археологических культур. В единичном экземпляре отмечена керамика эпохи энеолита – гаринской культуры (1 экз.). Немногочисленна посуда срубной КИО (2 экз.). Больше всего встречено керамики луговской культуры – 27 экз. Маклашеевской керамики позднего этапа относительно немного – 5 экз.

Необходимо отметить, что керамика луговской культуры распределена очень неравномерно, причем отмечено постоянное уменьшение её количества ко дну котлована сооружений № 1 (от 95% – 18 экз. на глубине 80 см – до 25% – 1 экз. на глубинах 110–140 см). В то же время маклашеевская керамика проявляет тенденцию к увеличению своего количества (от 29% на глубине 90 см и до 75% на глубине 110 и глубже).

Гаринская керамика Мензелинской I стоянки представлена стенкой пористого сосуда с примесью раковины в глиняном тесте (рис. 8: 7). Орнамент выполнен в виде поясков косо поставленного короткого гребенчатого штампа, разделенного горизонтальной полосой, которая была выполнена длинными отпечатками гребенчатого штампа. Такая керамика характерна для раннего этапа гаринской культуры, а наличие в подъемном материале

фрагмента керамики, украшенного шагающей гребенкой (рис. 2: 16), подтверждает это предположение (Шипилов, рис. 43; 53; 55; 56; 60: 8, 11, 12; 62, 64; 79; 114 и др.; Мельничук, Шипилов, 2021, с. 198, рис. 3: 4, 10–12).

Керамика срубной КИО Мензелинской I стоянки стандартна по орнаментации и относится к развитому этапу её существования. Она имеет многочисленные аналогии в коллекциях поселений и могильников Казанского Поволжья и Нижнего Прикамья (Купцова, Лыганов, 2021, рис. 8: 1–12, 17, 18; 11: 2, 4, 7–9, 12–14, 17, 18, 20, 21, 23, 24; 13: 1–13, 15; 14: 8–16).

Оригинальны в рамках данной коллекции некоторые фрагменты луговской керамики, сосуд с валиками у горловины (рис. 8: 18) и фрагменты от сосуда с овальным и приостренным венчиком, орнаментированным мелким зубчатым штампом, образующим заштрихованные треугольники (рис. 7: 9; 8: 13, 15).

Вся коллекция луговской керамики Мензелинской I стоянки имеет аналогии в позднелуговских керамических комплексах Нижнего Прикамья (Лыганов, Чижевский, 2021, рис. 4: 2, 4, 6; 5: 2; 6: 1–12; 8: 3–5; 9: 6; 10: 7, 9, 10; 11: 2, 3, 5; Лыганов, 2021, рис. 8: 1–21; 9: 5, 7, 9, 12, 13, 16; 11: 2, 3) и в материалах культур валиковой керамики (Колев, 2021, рис. 6: 1–33; 7: 1–22), а сосуд, орнаментированный мелким зубчатым штампом, можно отнести к керамике переходного типа, связывающего посуду луговской культуры с ранним атабаевским этапом маклашеевской культуры. Близкая по оформлению керамика известна и в межевской культуре Приуралья (Обыденнов, Шорин, 1995, рис. 32: 8; 34: 1, 2, 4, 8; Обыденнов, 2009, рис. 50: 7).

Керамика позднего этапа маклашеевской культуры также стандартна и легко диагностируется по характерной цилиндрической форме шейки и широкому воротничку, на котором располагается орнамент в виде ямок,

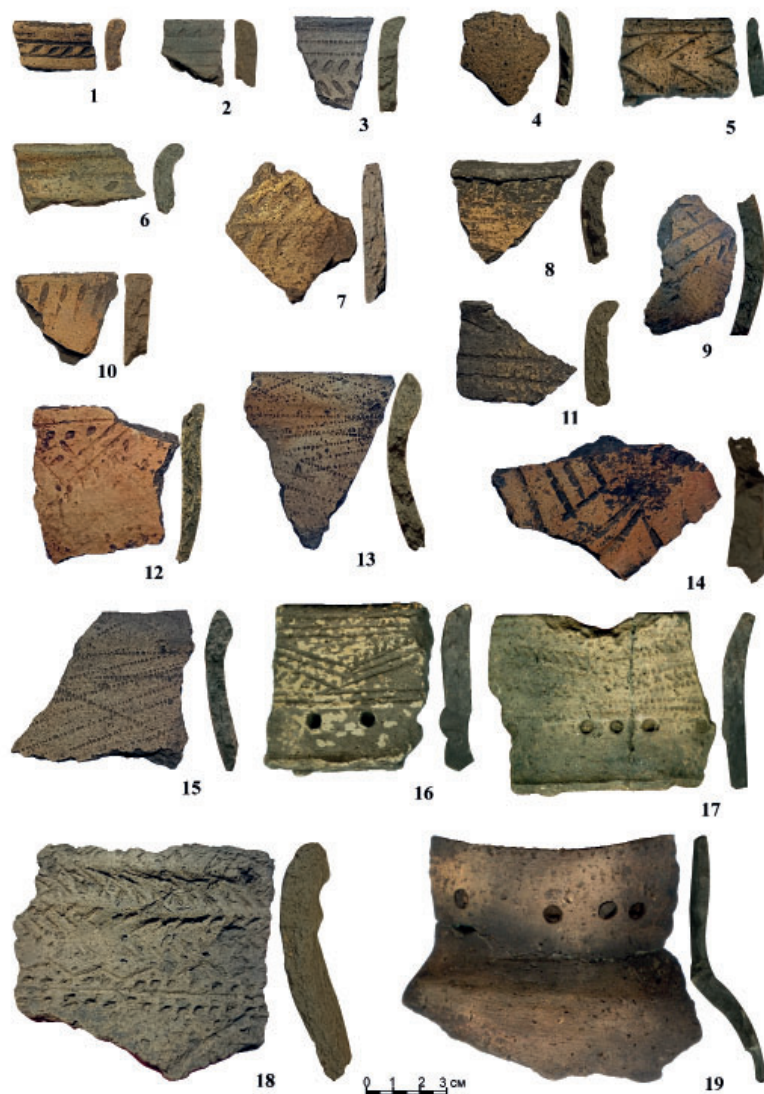

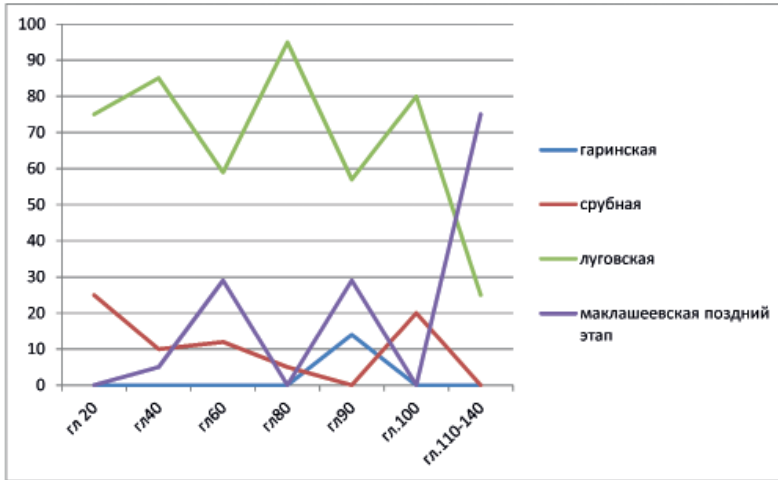
Рис. 8. Мензелинская I стоянка. Находки из сооружения №1 с глубины четвертого (61–80 см) (2, 3, 8, 9, 11, 12, 14, 18), пятого (81–90 см) (1, 7, 13, 15, 19), шестого (91–100 см) (5, 10), седьмого (101–110 см) (6, 17), девятого (121–130 см) (4), десятого (131–140 см) (16) пластов. 1 – уч. Б6; 2 – уч. Г4; 3 – уч. Д5; 4 – уч. А7, очаг; 5 – уч. А7; 6 – уч. Д7; 7 – уч. В5; 8, 12 – уч. Д6; 9 – уч. В3; 10 – уч. Г5; 11 – уч. Б4; 13 – уч. Д6; 14, 18 – уч. В3; 15 – Г6; 16 – Г5; 17 – уч. Б6; 19 – уч. В7.

Fig. 8. Menzelinsk I campsite. Finds from structure No. 1 from the fourth (61–80 cm) (2, 3, 8, 9, 11, 12, 14, 18), fifth (81–90 cm) (1, 7, 13, 15, 19), sixth (91–100 cm) (5, 10), seventh (101–110 cm) (6, 17), ninth (121–130 cm) (4), and tenth (131–140 cm) (16) strata.

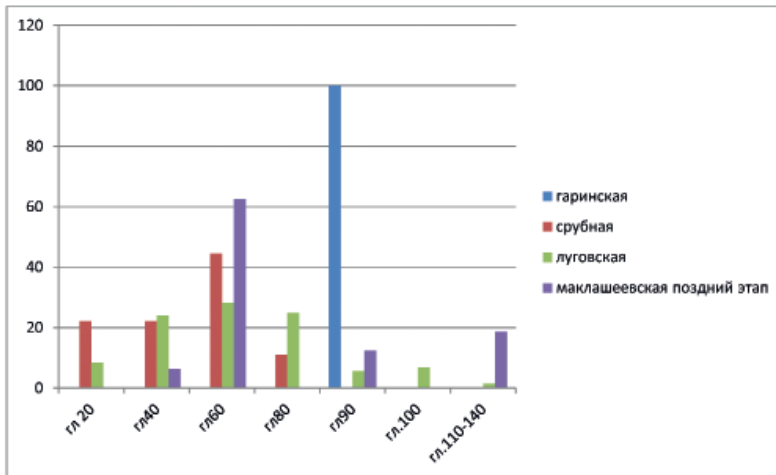
сгруппированных по 2–3, и сдвоенного горизонтального зигзага, иногда окаймленного горизонтальными линиями. Аналогии данной керамике широко представлены на памятниках маклашеевской культуры Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья (Чи-

жевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, рис. 11: 1–17; 12: 1–13).

До полной выборки заполнения принадлежность соор. 1 не была определена. С большей вероятностью, казалось, оно может быть соотнесено с луговской культурой, содержание

А.

Б.

Рис. 9. Мензелинская I стоянка.

А – процентное соотношение керамики археологических культур по глубинам.

Б – распределение керамики археологических культур по глубинам в процентах.

Fig. 9. Menzelinsk I campsite. A – Percentage ratio of pottery of archaeological cultures by depth.

Б – Distribution of pottery of archaeological cultures by depth in percentages.

керамики которой в раскопе составляло 73,2%. Загадка разрешилась после разборки очага, в котором был запечён фрагмент стенки сосуда маклашевской культуры (рис. 8: 4).

Для более полного представления о распределении керамики по глубинам залегания обратимся к графикам. Все цифровые значения здесь указаны в процентах.

На первом графике показано соотношение керамики археологических культур по глубинам (рис. 9: А). На оси абсцисс размещены глубины залегания глиняной посуды, на оси ординат отражена величина процентного отношения керамики определенной культуры к общему количеству посуды данного пласта. Как видим, гаринская керамика даёт лишь один пик на

отметке глубины 90 см, и присутствие глиняной посуды данной культуры в котловане сооружения № 1 можно считать случайным.

Срубная керамика демонстрирует устойчивое падение от максимального значения на глубине 20 см до полного исчезновения на глубинах ниже 90 см. Отсутствие данной керамики на дне сооружения № 1 также указывает на случайный характер попадания в котлован данной посуды.

Луговская керамика до глубины 90 см показывает преобладание над остальными группами керамики, но на глубине 100 см и ниже её количество начинает значительно уменьшаться.

Маклашеевская керамика совершенно не проявляет себя на глубине 20 см, её число увеличивается на глубинах 40–60 см, а потом она исчезает на глубине 80 см. Однако начиная с глубины 90 см мы видим рост числа этой керамики и её полное превосходство над луговской в придонных частях сооружения № 1. Таким образом, и этот график подтверждает принадлежность к маклашеевской культуре сооружения № 1.

Второй график показывает распределение керамики всех четырех археологических культур, выявленных в раскопе 2007 г. на Мензелинской I стоянке, по глубинам (рис. 9: Б). Цифровые значения здесь также представлены в процентах, за 100% взято общее количество выявленной керамики той или иной культуры на раскопе.

Случайный характер присутствия в раскопе гаринской керамики подтверждает 100% размещение её на глубине 90 см. Характер распределения срубной керамики нормальный с постепенным возрастанием от 22,2% до 44,5% к глубине 60 см и падением до 11,1% на глубине 80 см.

Луговская керамика также демонстрирует нормальное распределение с постепенным возрастанием от 8,5% с пиком в 28,3% на глубине 60 см до постепенного падения до 1,5% на глу-

бине 110 см, ниже луговская керамика не встречена.

Это свидетельствует о постепенном заполнении котлована сооружения № 1 на протяжении значительного времени. Вначале керамика попадала сюда из-за эрозии культурного слоя, а на последних этапах – в результате распахки поверхности заброшенного поселения.

Распределение маклашеевской керамики ненормально. Выделяются два пика концентрации посуды: первый – на глубине 60 см (здесь выявлено максимальное процентное содержание керамики – 62,5%), и второй – на глубинах от 110 до 140 см, здесь встречено 18,7% (рис. 9: Б).

Обращает на себя внимание пик распределения маклашеевской керамики на глубине 60 см. Такие же пики зафиксированы здесь для срубной КИО и луговской культуры; по всей вероятности, именно на этой глубине располагалась дневная поверхность поселения эпохи поздней бронзы.

Второй пик распределения маклашеевской керамики относится к придонным участкам котлована сооружения № 1 и образован, вероятно, разбившейся глиняной посудой во время её использования обитателями жилища. Таким образом, и этот график наглядно подтверждает принадлежность сооружения № 1 носителям маклашеевской культуры. Последующее появление маклашеевской керамики на глубине 90 см отражает процесс постепенного заполнения заброшенного котлована постройки в результате эрозии поверхности поселения.

Индивидуальные находки

Все индивидуальные находки были сделаны вне котлована сооружения № 1 и очень немногочисленны. Среди них галечный отбойник (рис. 7: 3), тёрочник (рис. 7: 10), изделие из ребра копытного животного (рис. 7: 6) с орнаментом, процарапанным на торцевой части, в виде перекрещенных линий и горизонтальной чертой над

ними. Возможно, это кочедык. Особый интерес вызывает изделие овальной формы из глины с подчетырёхугольным отверстием на торце (рис. 7: 2). У отверстия присутствуют насечки, возможно это элементы орнамента. Наиболее вероятным способом применения данного изделия было использование его в качестве наконечника на деревянный предмет, аналоги ему неизвестны.

Из фондов мензелинского краеведческого музея происходит бронзовый двулезвийный нож остролистной формы с выраженными перехватом и утолщенным перекрестием, найденный на территории Мензелинской I стоянки в 1990-е гг. (рис. 7: 5). По типологии В.С. Бочкарева он относится к лобойковско-дербедневской группе металлических изделий (Бочкарев, 2017, с. 171–173; рис. 9: 43). Такие изделия на территории Нижнего Прикамья относятся к луговской культуре (Лыганов, 2021, с. 542, 545, рис. 13: 1–3, 9, 14).

Выводы

Несмотря на многослойность Мензелинской I стоянки, говорить о непрерывности её существования нельзя.

Самой древней культурой из числа выявленных на раскопе была гаринская, она традиционно датируется серединой – концом III тыс. до н. э. Тем не менее ряд калиброванных радиоуглеродных датировок позволяет относить начало её существования к рубежу IV–III тыс. до н. э., а окончание – к первой четверти II тыс. до н. э. (Мельничук, Шипилов, 2021, с. 207).

На поселении гаринскую культуру сменяет срубная КИО, время существования развитого этапа которой определено в рамках второй половины XVIII – первой половины XVI вв. до н. э. (Кузнецов, 2014, с. 583; Купцова, Лыганов, 2021, с. 393). По всей видимости, «срубники» пришли уже на заброшенную территорию и осваивали её заново.

Можно предположить какое-то сосуществование носителей срубной КИО и луговской культуры, которая датирована XVII–XV вв. до н. э. (Лыганов, Чижевский, 2021, табл. 3; Лыганов, 2021, с. 545, табл. 1), но свидетельств этому у нас нет, и гибридной керамики на памятнике не обнаружено.

Позднее территорию памятника занимают носители позднего этапа маклашеевской культуры XII–X вв. до н. э. (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, с. 636), которые также пришли на уже заброшенную территорию. Судя по отсутствию следов пожара и минимальному количеству индивидуальных находок, жители ушли из этого поселения не в результате каких-то экстремальных событий, а добровольно, в порядке переселения на другое место.

Обращает на себя внимание отсутствие в коллекции раскопа 2007 г. раннемаклашеевской – атабаевской и ананьинской керамики, которые фиксировались в сборах 1996 г., по всей вероятности, часть поселения, из которой они происходят, была разрушена в результате абразионных процессов Нижнекамского водохранилища.

Причины заселения этой территории различными группами населения очевидны: памятник располагается в приустьевой части р. Мензели у места её впадения в р. Ик. Эти места и поныне богаты рыбой и диким зверем. Мы сами оказались свидетелями импровизированной охоты, которую предприняли местные жители при выезде на рыбалку. Они застали стадо косуль, переплывающее через реку около раскопа, отбили на моторной лодке от стада самца и убили его охотничьим ножом, подобным образом, но с другими приспособлениями могли охотиться в этой местности и древние люди. И ещё одним аргументом для размещения здесь поселения были богатые заливные луга, на которых очень удобно выпасать скот, что и поныне делают жители г. Мензелинска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. 100 с.
2. Бочкарев В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum plus*. 2017. С. 159–204.
3. Колев Ю.И. Культура валиковой керамики (ивановская) // *Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья*. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 395–417.
4. Кузнецов П.Ф. Время культур позднего бронзового века Поволжья (анализ радиоуглеродных датировок) // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. Т. I / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 582–584.
5. Купцова Л.В., Лыганов А.В. Срубная культурно-историческая общность между Волгой и Уралом // *Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья*. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 368–394.
6. Лыганов А.В. Срубная культурно-историческая общность Прикамья и севера Среднего Поволжья. Современное состояние проблемы. // *XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева* / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, Порто-Принт, 2018. С. 126–128.
7. Лыганов А.В. Северная периферия срубной культурно-исторической общности (по материалам памятников Татарстана и Чувашии) // *Археологические памятники Оренбуржья*. Вып. 14 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 103–123.
8. Лыганов А.В. Андронидные культуры Волго-Камья (луговская и сусканская культуры) // *Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья*. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 522–547.
9. Лыганов А.В., Чижевский А.А. Погребения луговской культуры Мурзининского II могильника в приустьевом Закамье // *Археология Евразийских степей*. 2021. № 1. С. 298–323.
10. Мельничук А.Ф., Шипилов А.В. Гаринская культура // *Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья*. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 195–207.
11. Обыденнов М.Ф. Культуры позднего и финального бронзового века // *История башкирского народа в 7-и томах* / Гл. ред. М.М. Кулышарипов. Т. 1. М.: Наука, 2009. С. 147–167.
12. Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург: Урал. университет, 1995. 196 с.
13. Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Маклашевская культура // *Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья*. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 601–637.
14. Шипилов А.В. Энеолит Икско-Бельского междуречья (по материалам поселенческих памятников). Казань: Изд-во АНРТ, 2021. 358 с.

Информация об авторе:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

MENZELINSK I CAMPSITE

A.A. Chizhevsky

This article discusses materials from the 2007 excavations at the Menzelinsk I campsite. A two-section construction trench was discovered at the settlement. The northeastern part of this structure was built using a wattle-and-daub construction, whereas the southeastern part was constructed without posts and was built likely a log-frame structure. Analysis of the construction trench internal features led the author to conclude that the southeastern part was residential, and the northeastern part was probably used as a livestock stall. Ceramics of four archaeological cultures – from the Eneolithic to the Late Bronze Age – were documented in the pit. However, ceramics found in the fireplace indicate that the building belongs to the late stage of the Maklasheevka culture. Moreover, ceramic material from the early Maklasheevka stage of the Maklasheevka culture and the Ananyino cultural-historical area was identified

among the surface finds from the eroded part of the campsite. The period of functioning the dwelling was established within the broad timeframe of the late Maklasheevka culture, i.e., the XII–X centuries BC. The settlement as a whole, based on excavation and surface materials, was occupied from the Eneolithic to the Early Iron Age.

Keywords: archaeology, Lower Kama region, Eneolithic, Garino culture, Late Bronze Age, Srubnaya cultural and historical community, Lugovskaya culture, Late stage of the Maklasheevka culture, settlement.

REFERENCES

1. In Kazakov, E. P. (ed). 1989. *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnogo Zakam'ia (Archaeological Sites of the Eastern Trans-Kama Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
2. Bochkarev, V. S. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 159–204 (in Russian).
3. Kolev, Yu. I. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyy vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 395–417 (in Russian).
4. Kuznetsov, P. F. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* I. Kazan: "Otechestvo" Publ., 146–149 (in Russian).
5. Kuptsova, L. V., Lyganov, A. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyy vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 368–394 (in Russian).
6. Lyganov, A. V. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Ural's Archaeological Congress)*. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education, "Porto-Print" Publ., 126–128 (in Russian).
7. Lyganov, A. V. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 14. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 103–123 (in Russian).
8. Lyganov, A. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyy vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 522–547 (in Russian).
9. Lyganov, A. V., Chizhevsky, A. A. 2017. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 135–142 (in Russian).
10. Mel'nichuk, A. F., Shipilov, A. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyy vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 195–207 (in Russian).
11. Obydenov, M. F. 2009. In Kul'sharipov, M. M. (ed.-in-chief). *Istoriia bashkirskogo naroda: v 7 tomakh (History of the Bashkir People in 7 Volumes)* 1. Moscow: "Nauka" Publ., 147–167 (in Russian).
12. Obydenov, M. F., Shorin, A. F. 1995. *Arkheologicheskie kul'tury pozdnego bronzovogo veka drevnikh ural'tsev (cherkaskul'skaia i mezhovskaia kul'tury) (Archaeological Cultures of the Late Bronze Age of the Ancient Ural Population (Cherkaskul and Mezhovka Cultures))*. Ekaterinburg: Ural University Publ. (in Russian).
13. Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Kuz'minykh, S. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyy vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 601–637 (in Russian).
14. Shipilov, A. V. 2021. *Eneolit Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (po materialam poselencheskikh pamiatnikov) (Eneolithic of the Ik-Belaya Interfluvium (Based on Materials from Settlements))*. Kazan (in Russian).

About the Author:

Chizhevsky Andrei A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2026 г

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/pa2026.1.55.70.81>

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ВОЗНЕСЕНСКОЕ I: РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

© 2026 г. А.В. Новиков, А.А. Швецова

В статье рассмотрены результаты технологического изучения образцов сетчатой керамики из поселения Вознесенское I. Раскопки на памятнике проведены в 2020 и 2022 гг. под руководством А.В. Новикова. Данные технологического анализа показали близость керамики позднего периода эпохи бронзы и начальной стадии раннего железного века в технологии изготовления на подготовительной стадии гончарного производства. Формовочные массы преимущественно сделаны на основе запесоченных глин с добавлением искусственных примесей в виде дресвы и органических компонентов. Дресва изготовлена путем дробления гранитогнейсовых пород камня в основном до крупности частиц в 1–2 мм, введена в формовочную массу в концентрации от 1:4 до 1:6/1:7 (в большинстве случаев 1:5). Органический раствор представлен выжимкой из навоза жвачных животных. При сравнении традиций гончарного производства позднего бронзового и раннего железного веков поселения Вознесенское I можно сделать вывод об их преемственности и устойчивости. В то же время, несмотря на отсутствие кардинальных изменений в технологии изготовления, в керамическом комплексе начала I тыс. до н. э. ощущаются и определенные новшества, возникшие в результате культурных контактов.

Ключевые слова: археология, Верхняя Волга, Галичское озеро, поздний период эпохи бронзы, ранний железный век, поселение Вознесенское I, сетчатая керамика, гончарная технология, историко-культурный подход, исходное пластичное сырье, формовочные массы.

Характеристика сетчатой и подштрихованной керамики эпохи поздней бронзы и начальной фазы раннего железного века из поселения Вознесенское I, а также данные радиоуглеродного датирования опубликованы ранее (Новиков, 2025). Результаты технологического анализа образцов сетчатой посуды из нижнего и верхнего горизонтов памятника являются важным дополнением к рассмотренным материалам.

Поселение Вознесенское I выявлено в 2019 г. отрядом Костромской археологической экспедиции и Русского географического общества под руководством О.В. Новиковой (Новикова, 2020; Новикова, Новиков, 2021). Памятник располагается в северо-западных окрестностях Галичского озера в краевой фронтальной части надпойменной террасы р. Вёксы, вытекающей из озера, на ее правом берегу. Площадка поселения возвышается над уровнем заболоченной поймы р. Вёксы примерно на 3 м (рис. 1). В

2020 и 2022 гг. А.В. Новиковым здесь были заложены раскопы общей площадью 48 кв. м, в которых выделены два стратиграфически определяемых горизонта с четко выраженными пиками концентрации находок эпохи поздней бронзы и финала эпохи бронзы – начальной фазы раннего железного века. Формирование верхнего слоя коричнево-серой супеси приходится на IX–VII/VI вв. до н. э., об этом свидетельствуют в том числе данные радиоуглеродного датирования. Ниже залегает слой желто-коричневой супеси с находками типичной для эпохи поздней бронзы сетчатой керамики (вторая половина II тыс. до н. э.) (рис. 2). В нем же встречаются, хоть и в небольшом количестве, мелкие обломки фатьяноидной посуды. Безусловно, нельзя полностью исключить некоторого смешивания находок в результате различных биотурбаций (Александровский, 2025), что было учтено при анализе. Отметим также, что фрагменты керамики

Рис. 1. Прибрежная часть поселения Вознесенское I. Фото. Вид с северо-запада.

Fig. 1. The coastal part of Voznesenskoye I settlement. Photo. View from the northwest.

иногда образуют отдельные скопления как в нижнем, так и в верхнем слое поселения (рис. 3; 4).

Изучение технологии изготовления древней керамики проведено в рамках историко-культурного подхода, разработанного во второй половине XX в. А.А. Бобринским, и базируется на его методах (Бобринский, 1978; 1999; Цетлин, 2012; Цетлин, 2017). В контексте археологических исследований применение историко-культурного подхода направлено на выявление групп древнего населения и реконструкцию существовавших между ними контактов. Получению исторической информации предшествует процесс изучения навыков труда гончаров на трех последовательных стадиях гончарного производства: подготовительной, созидательной и закрепительной.

Сохранность предоставленных для исследования фрагментов позволила получить целостную информацию только о подготовительной стадии гончарного производства. Основное внимание было направлено на определение состава исходного пластичного сырья (ИПС) и формовочных масс (ФМ). При анализе наблюдаемых образцов собирались данные, характеризующие **использованное ИПС** (определялся вид ИПС и его качественные характеристики: степень запесоченности, вид и количество

естественных включений) и **рецепт ФМ** (определялся вид компонентов, составляющих рецепт, и их концентрация).

Наблюдения проводились путем изучения свежих изломов фрагментов керамики под 20–40-кратном увеличением с использованием биноклярного стереоскопического микроскопа Микромед МС-2-ZOOM. В общей сложности было рассмотрено 23 образца, различающихся стратиграфическим положением в культурном слое поселения: 12 фрагментов происходят из нижнего горизонта, относящегося к периоду позднего бронзового века, и 11 фрагментов происходят из верхнего горизонта, который датируется периодом раннего железного века (IX–VII вв. до н. э.). Дальнейшее описание результатов проведенного исследования будет изложено исходя из принадлежности фрагментов керамики к обозначенным хронологическим группам.

Керамика из нижнего горизонта поселения

Проанализировано 12 образцов, в том числе пять фрагментов венчиков от различных сосудов и семь фрагментов стенок от условно различных сосудов.

Для изготовления сосудов было использовано ИПС одного вида – *ожелезненные среднезапесоченные природные глины*. Основной естественной примесью является мелкий кварцевый песок крупностью около 0,1 мм, содержащийся в концентрации от 30 до 60 включений на 1 см² (рис. 5: 1–6). Также встречаются зерна более крупного песка величиной от 0,2 до 0,8 мм. Их концентрация варьирует от единичной до 15–20 включений на 1 см². Пылевидный песок (крупностью до 0,1 мм) встречается редко. Зерна песка преимущественно имеют полуокатанную или окатанную форму и полупрозрачную или прозрачную структуру, реже встречаются зерна белесого цвета, темно-серого или светло-коричневого.

Рис. 2. Профиль южной стенки раскопа 2020 г.

Fig. 2. Profile of the southern wall of the excavation in 2020 .

Помимо кварцевого песка, прослежены следующие естественные включения: *конкреции окисей железа* (окатанной и слабоокатанной формы, яркого красно-коричневого, оранжевого или бурого цвета, не обладающие твердостью; величина – 0,1–0,9 мм; концентрация – единичная); *оолиты бурого железняка* (шарообразной формы, красновато-бурого цвета, плотные; величина – 0,9–1,5 мм; концентрация – единичная; прослежены в трех образцах); *охристые конкреции*

(окатанной и полуокатанной формы, бордово-красного цвета, плотные, однородные в изломе; величина – 0,2–0,7 мм, концентрация – единичная).

Формовочные массы содержат только один вид минеральной примеси – *гранитогнейсовую дресву* (рис. 5: 7–9). Камень дробился до преимущественной крупности частиц в 1–2 мм и добавлялся в состав формовочной массы совместно с образовавшимися в процессе дробления более мелкими частицами. Наиболее крупные

зафиксированные частицы дресвы имеют размер 4–5 мм. Концентрация дресвы составляет от 1:4 до 1:5 (преобладает). Помимо минеральной примеси, в состав формовочных масс, вероятно, добавлялся и *органический компонент*. Данный вывод сделан на основе наблюдения отпечатков от сильно измельченных растительных волокон, а также круглых в сечении пустот диаметром 0,1–0,2 мм. В ряде случаев удалось проследить хорошо различимые отпечатки частей стеблей растений с продольным расположением волокон (рис. 5: 10–12): темно-серого или черного цвета длиной от 0,1 до 3 мм и шириной от 0,1 до 1 мм. Подобные отпечатки зафиксированы практически в каждом из образцов, их концентрация единичная. Чаще всего происхождение подобных сильно фрагментированных растительных остатков связывают с добавлением в формовочную массу выжимки из навоза жвачных животных (Илюшина, 2016). Однако в этом случае присутствие измельченной органики должно сопровождаться признаками наличия органического раствора. В изломах наблюдаемых фрагментов характерные для органического раствора проявления массово не зафиксированы. Необходимо отметить наличие полупрозрачного светло-коричневого налета на некоторых из отпечатков

Рис. 4. Скопление фрагментов керамики эпохи поздней бронзы в нижнем стратиграфическом горизонте. Фото.

Fig. 4. Accumulation of fragments of ceramics from the Late Bronze Age in the lower stratigraphic horizon. Photo.

Рис. 3. Скопление фрагментов керамики финала эпохи бронзы – начального этапа раннего железного века в верхнем стратиграфическом горизонте. Фото.

Fig. 3. Accumulation of ceramic fragments from the end of the Bronze Age, the initial stage of the Early Iron Age, in the upper stratigraphic horizon. Photo.

растительных волокон и присутствие светло-коричневого налета в месте соединения слоев глины и на некоторых частицах дресвы (рис. 5: 13–15). Данное обстоятельство позволяет предполагать введение в состав формовочных масс выжимки из навоза.

Керамика из верхнего горизонта поселения

Проведено изучение 11 образцов, которые представляют собой пять фрагментов венчиков и шесть фрагментов стенок от условно различных сосудов.

В ходе наблюдений установлено, что для изготовления сосудов гончарами использовались природные глины двух подвидов, которые различаются степенью запесоченности:

– *Ожелезненные слабозапесоченные глины* (2 фр. – 18%). В их составе преобладают зерна кварцевого песка крупностью около 0,1 мм, концентрация которых не превышает 15–20 включений на 1 см² (рис. 6: 3, 6). Также встречаются более крупные зерна величиной до 0,5 мм, их концентрация – единичная. Преобладают зерна песка полуокатанной и слабоокатанной формы, полупрозрачные и прозрачные, реже – белесого цвета. Сре-

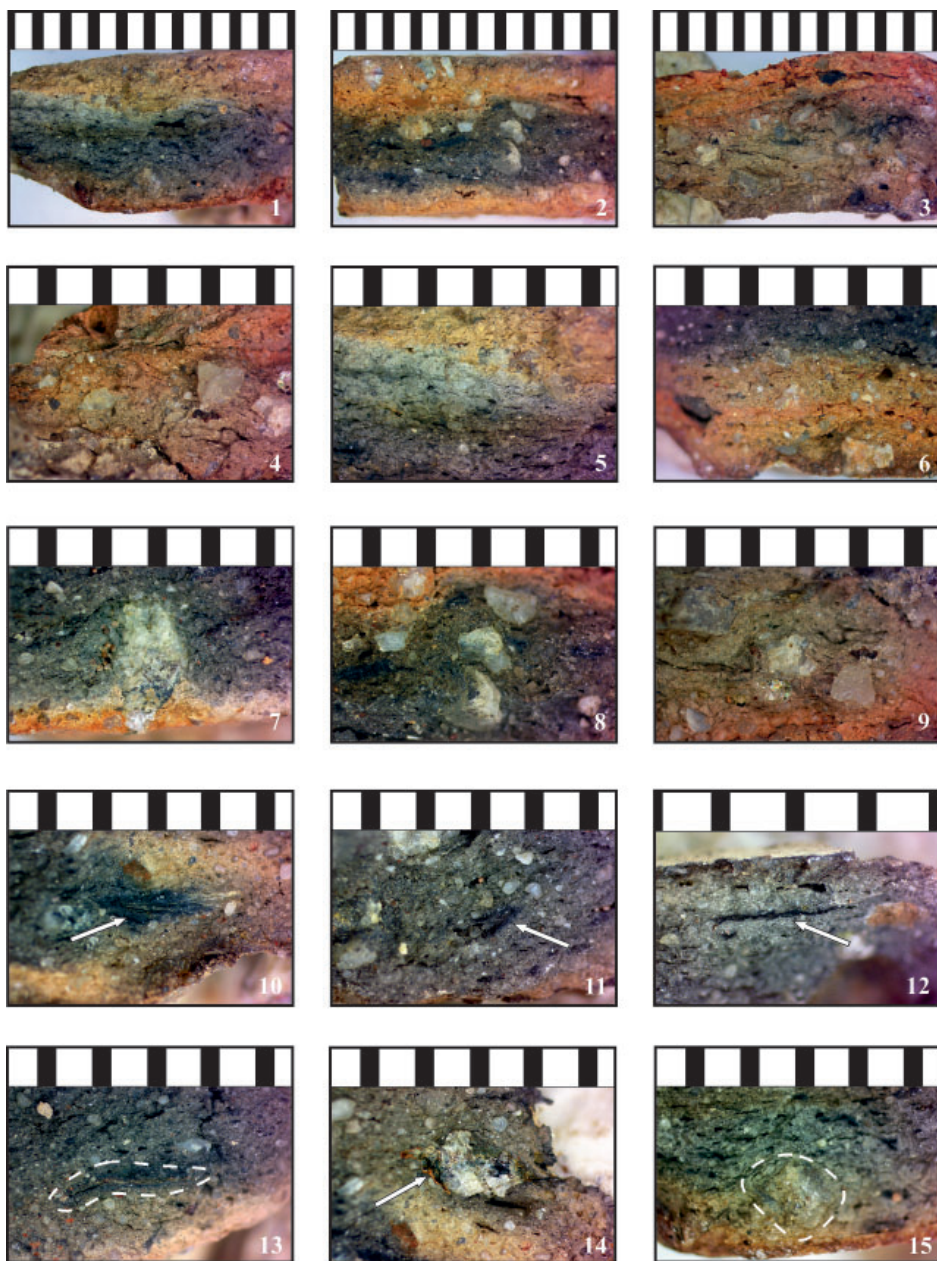

Рис. 5. Образцы керамики из нижнего стратиграфического горизонта. Естественные примеси в составе исходного пластичного сырья (ИПС) и искусственные примеси в составе формовочных масс (ФМ). Масштаб в мм: одно деление белого цвета равно 1 мм. 1–6 – ожезненные среднезапасоченные природные глины; 7–9 – включения дровы; 10–12 – включения растительных остатков (пустоты от выгоревших в процессе обжига частей стеблей растений и их волокон); 13–15 – следы органического раствора (13 – светло-коричневый налет в месте соединения слоев глины; 14–15 – густой коричнево-оранжевый и светло-коричневый налет на фрагментах дровы и на формовочной массе вокруг них).

Fig. 5. Samples of ceramics from the lower stratigraphic horizon. Natural inclusions in the composition of the original plastic raw material and artificial tempers in the composition of the pastes. Scale in mm: one white division equals 1 mm.

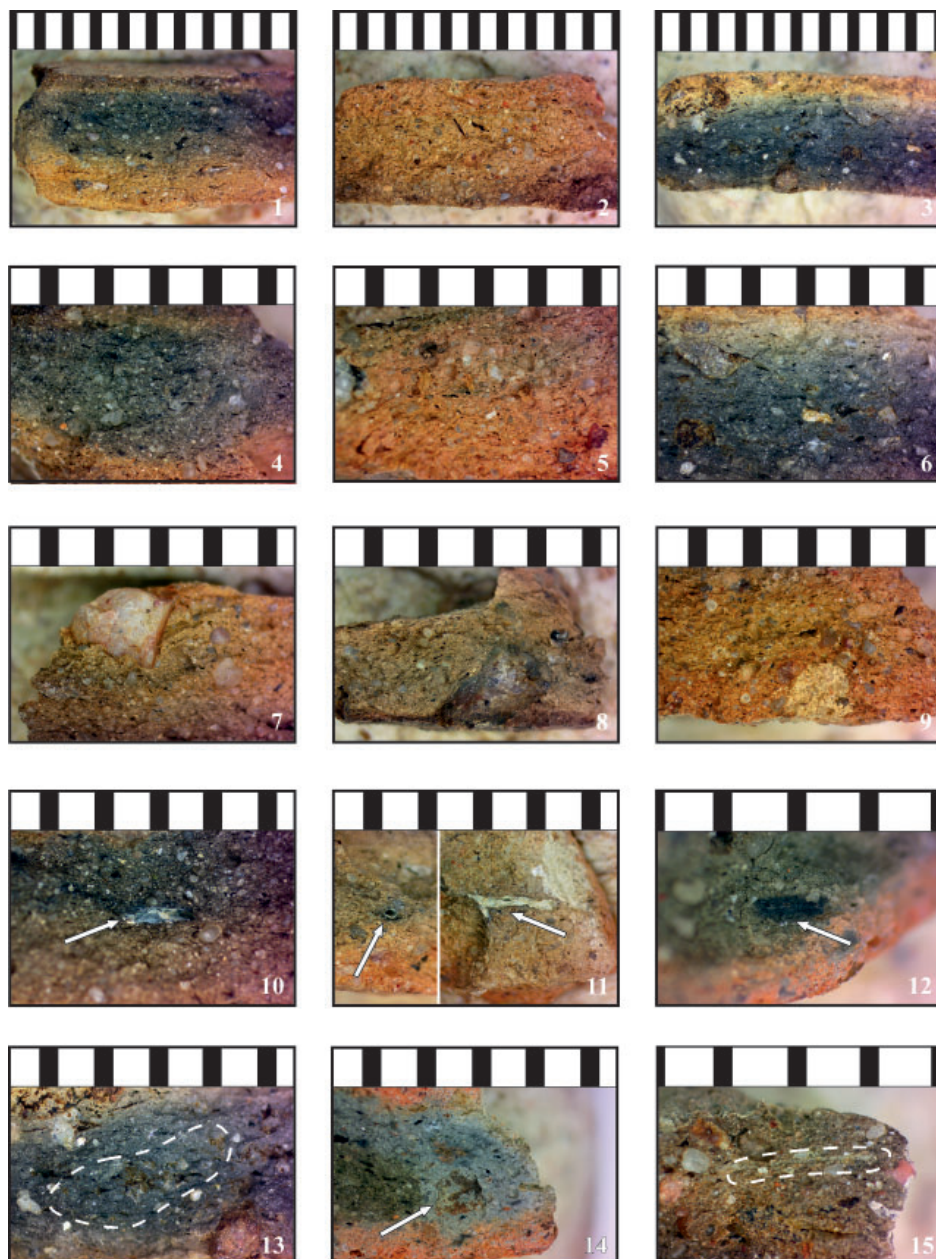

Рис. 6. Образцы керамики из верхнего стратиграфического горизонта. Естественные примеси в составе исходного пластичного сырья (ИПС) и искусственные примеси в составе формовочных масс (ФМ). Масштаб в мм: одно деление белого цвета равно 1 мм. 1, 2, 4–5 – ожелезненные запесоченные природные глины; 3, 6 – ожелезненные слабозапесоченные природные глины; 7–8 – включения дресвы; 9 – включение шамота; 10–12 – включения растительных остатков (пустоты от выгоревших в процессе обжига частей стеблей растений и их волокон); 13–15 – следы органического раствора (13, 14 – бурый налет на стенках крупных пор; 15 – светло-коричневый налет на стенках от выгоревшего растительного волокна).

Fig. 6. Ceramic samples from the upper stratigraphic horizon. Natural inclusions in the composition of the original plastic raw material and artificial tempers in the composition of the molding masses. Scale in mm: one white division equals 1 mm.

ди других естественных включений зафиксированы *конкреции окисей железа* (окатанной и полуокатанной формы, красно-коричневого и оранжево-коричневого цвета, не обладающие значительной твердостью; величина – 0,1–0,3 мм; концентрация – единичная); *оолиты бурого железняка* (шарообразной формы, красновато-бурого цвета, плотные; величина – 0,7–1,1 мм).

– *Ожелезненные запесоченные глины* (9 фр. – 82%). Концентрация мелкого кварцевого песка крупностью около 0,1 мм составляет от 50 до 80 включений на 1 см² (рис. 6: 1, 2, 4, 5). Помимо мелкого песка, в глине содержатся зерна величиной до 1,1 мм. Их концентрация варьирует от 10 до 30–40 включений на 1 см². Также прослеживается пылевидный песок крупностью <0,1 мм, но его концентрация чаще всего незначительна. Зерна песка преимущественно характеризуются полуокатанной и окатанной формой, полупрозрачной и прозрачной структурой. Встречаются зерна белесого, темно-серого и темно-коричневого цвета. Другие естественные примеси представлены *конкрециями окисей железа* (окатанной и полуокатанной формы, красно-коричневого, оранжево-коричневого или бурого цвета, не обладающие значительной твердостью; величина – 0,1–0,7 мм; концентрация – единичная); *охристые конкреции* (окатанной формы, бордово-красного цвета, плотные, однородные в изломе; величина – 0,2–0,6 мм, концентрация – единичная); *фрагменты раковины моллюсков* (частицы пластинчатой формы молочно-белого цвета со светло-коричневым налетом на поверхности; размеры 0,3×0,1 мм и 0,2×0,1 мм; встречены в двух образцах).

В состав формовочных масс добавлялись минеральные и органические компоненты. Минеральные компоненты массово представлены *гранитогнейсовой дресвой*, в единичных случаях использовался *шамот*.

Дресва дробилась до преобладающей крупности частиц в 1–2 мм и вводилась в формовочную массу в концентрации от 1:5 до 1:6/1:7 (в большинстве случаев 1:5) (рис. 6: 7–8). В двух образцах, помимо частиц дресвы, зафиксированы включения шамота. Крупность частиц от 0,5 мм до 1,5 мм, концентрация – единичная (рис. 6: 9). Органический компонент фиксируется по наличию отпечатков от выгоревших растительных остатков – частей стеблей растений и их отдельных волокон (рис. 6: 10–12). Длина отпечатков варьирует от 0,1 до 2 мм, диаметр от 0,1 до 0,3 мм. Стенки некоторых отпечатков покрыты полупрозрачным или густым светло-коричневым налетом. Данное обстоятельство, а также наличие в нескольких образцах буроватого налета на стенках крупных пор (рис. 6: 13–15) свидетельствует в пользу вероятного добавления в состав формовочных масс органической примеси в виде *выжимки из навоза жвачных животных*.

Характеристика традиций гончарного производства

Стратиграфическое разделение фрагментов керамики в культурном слое поселения позволяет охарактеризовать традиции изготовления сосудов отдельно для каждого из этапов существования поселения и определить их близость.

Для периода позднего бронзового века (нижний стратиграфический горизонт) свойственно использование гончарами одного подвида ИПС – среднезапесоченных природных глин. Также зафиксировано использование одного рецепта ФМ, в состав которого входила дресва и органический раствор: *среднезапесоченная глина + дресва (1:5) + органический раствор (выжимка)*. Таким образом, традиции изготовления сосудов в этот период определяются как устойчивые.

Анализ фрагментов керамики из верхнего стратиграфического горизонта демонстрирует наличие вариативности в существующих гончарных

традициях, которая проявляется как в отборе ИПС, так и в составлении ФМ. Выявлено три рецепта ФМ:

1) *слабозапесоченная глина + дресва (1:5) + органический раствор (выжимка) – два образца, 18%;*

2) *запесоченная глина + дресва (1:5) + органический раствор (выжимка) – семь образцов, 64%;*

3) *запесоченная глина + дресва (1:5–1:7) + шамот (единично) + органический раствор (выжимка) – два образца, 18%.*

Факт использования гончарами глин разной степени запесоченности свидетельствует не только о существовании вблизи поселения двух мест добычи сырья, но и о наличии у гончаров навыка работы с сырьем разной степени пластичности. По мнению Ю.Б. Цетлина, степень запесоченности глины является косвенным проявлением ее пластичности (Цетлин, 2017, с. 178–180). Учитывая присущий традициям гончарного производства консерватизм, можно говорить о том, что гончары, умеющие работать с разным по свойствам сырьем, получили навыки работы в разных коллективах. Также необходимо отметить, что при наличии одного доминирующего рецепта ФМ, включающего в состав **примесь дресвы**, существовал другой рецепт, где наряду с дресвой присутствовал шамот. Однако единичная концентрация шамота носит скорее символический, нежели технологический характер. Данный факт также свидетельствует о наличии в среде населения раннего железного века гончаров, происходивших из нескольких культурных групп.

Обсуждение полученных результатов и выводы

Сравнивая традиции гончарного производства населения Вознесенское I в эпоху поздней бронзы и начальной фазе раннего железного века, мы можем сделать вывод об их преемственности. Определяется устойчивость керамических традиций. Об этом свидетельствуют как компонен-

ты, входящие в состав формовочных масс, и их концентрация (дресва 1:5 (преимущественно) и наличие органического раствора), так и предпочтение запесоченных глин. Применение запесоченных глин с добавками в формовочную массу искусственных компонентов, представленных гранитогнейсовой дресвой и органическим раствором, характерно, например, для носителей сетчатых керамических традиций из расположенного в окрестностях Галичского озера поселения Умиление (Новиков, 2021, с. 52; Новиков, Швецова, 2022). Так же дресва, преимущественно из гранитогнейсовых пород камня, является самым массовым компонентом формовочных масс керамики из Дьякова городища. Шамот здесь фиксируется в единичных случаях (Лопатина, 2011, с. 128–129).

Важно, что керамика из культурного слоя поселения Вознесенское I стратиграфически разграничена. Четко выраженный пик концентрации находок IX–VII вв. до н. э. приходится на верхний слой коричнево-серой супеси, а позднего периода эпохи бронзы (вторая половина II тыс. до н. э.) – на нижний слой желто-коричневой. Это обстоятельство в совокупности с данными радиоуглеродного датирования позволяет проследить эволюцию керамических традиций на протяжении относительно небольшого временного промежутка.

Еще в поздний период эпохи бронзы население окрестностей Галичского озера и Костромского Заволжья в целом испытывает влияние носителей культурных традиций поздняяковско-го и аким-сергеевского круга. Данное воздействие отражается в характере орнаментации части сетчатых сосудов чередующимися между собой «жемчужинами» и глубокими ямками в одном горизонтальном ряду. Появление подобной традиции украшения горшков непосредственно на поздняяковских и аким-сергеевских памятниках происходит в XIV–XIII вв. до н. э.

(Ставицкий, 2005, с. 124; Ставицкий, 2008, с. 201, Швецова, 2022, с. 98–100).

Изменения в традициях изготовления сосудов, зафиксированные для периода первой четверти I тыс. до н. э., следует связывать, очевидно, с активизацией культурных контактов местных жителей с появившимися на берегах Галичского озера новыми, инокультурными группами – носителями близких, но отличных сетчатых керамических традиций. О неоднородности состава населения в это время свидетельствует, в частности, появившаяся вариативность в отборе ИПС и составлении формовочной массы. Отметим, однако, что при этом сохраняется и доминирует местная традиция изготовления сосудов из запеченных глин с дресвой.

Для керамических комплексов поселений левобережных верхневолжских районов финала эпохи бронзы – начального этапа раннего железного века характерна слабопрофилированная и плавнопрофилированная посуда, декорированная по внешней поверхности рябчатыми мелкочаеистыми хаотично расположенными отпечатками, орнаментированная различными вдавлениями (реже отгисками гребенчатого штампа) с добавками дресвы в формовочной массе (Новиков, 2021; Новиков, Швецова, 2022; Новиков, 2022, с. 387, 389, 392–394). Именно на такой основе начинают проявляться новые элементы, свидетельствующие о культурных контактах.

Сохранение у населения, изготовлявшего сетчатую керамику в начале I тыс. до н. э., базисных гончарных традиций, сформировавшихся еще в период эпохи поздней бронзы, отражается в морфологических признаках (по-прежнему популярны сосуды S-видного профиля со слабой профилировкой верхней части и плавными, более выраженными формами вогнутости шейки и выпуклости плечиков), характере орнамента и декорирования стенок сосудов мелкочаеистыми ряб-

чатыми отпечатками (Новиков, 2025). Но и здесь мы наблюдаем некоторые изменения в облике посуды, свидетельствующие о взаимодействии и налаживании культурных связей с соседями. Наличие редко встречаемых примесей шамота в формовочной массе керамики IX–VII вв. до н. э. можно рассматривать как проявление намечаемых контактов местных жителей с представителями аказинско-ахмыловской культуры ананьинской культурно-исторической области. Добавки шамота имеются, в частности, в формовочных массах керамики, найденной на памятниках аказинско-ахмыловской культуры региона Поветлужья (Михеев, 2017, с. 35; Новиков, 2023, с. 222). В свою очередь, обитатели поселения «Паново городище» в начале раннего железного века также стали использовать разное исходное сырье (Новиков, 2023, с. 221), что, вполне вероятно, следует связывать с культурным влиянием носителей керамических традиций из более западных районов Верхней Волги и налаживанием контактов между разными группами населения Галичско-Чухломской возвышенности, Костромской низменности и Верхнего Поветлужья.

Присутствие в финале эпохи бронзы – начальной фазе раннего железного века на поселении Вознесенское I и других памятниках из левобережных районов Верхней Волги посуды, декорированной нитчатыми отпечатками, может говорить об установившихся контактах с группами или отдельными представителями культурных образований бассейна средней Оки, где в керамических коллекциях из поселений конца II – начала I тыс. до н. э. преобладают фрагменты с нитчатыми отпечатками (Сулержицкий, Фоломев, 1993, с. 28).

Таким образом, результаты технологического анализа серии сетчатой керамики из поселения Вознесенское I демонстрируют устойчивость гончарных традиций в поздний пери-

од эпохи бронзы и на начальном этапе раннего железного века. Небольшие трансформации, произошедшие в керамическом производстве в начале I тыс. до н. э., можно связывать с ак-

тивизацией взаимодействия между различными культурными группами населения, изготовлявшего сетчатую керамику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александровский А.Л. Почвы и культурный слой поселения Вознесенское I // Археология Евразийских степей. 2025. № 2. С. 202–210.
2. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
3. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: Изд-во СГПУ, 1999. С. 5–109.
4. Илюшина В.В. К проблеме идентификации органических растворов в древней керамике // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики / Ред. О.В. Лозовская, А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 78–81.
5. Лопатина О.А. Некоторые технологические данные о керамике Дьякова городища и городищ дьякова типа // Кренке Н.А. Дьяково городище: Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Москва: ИА РАН, 2011. С. 127–134.
6. Новиков А.В. Сетчатая керамика поселения Умиление // Поволжская археология. 2021. № 1 (35). С. 49–64.
7. Новиков А.В. Культурная трансформация на Верхней Волге в раннем железном веке // Археология Евразийских степей. 2022. № 2. С. 382–405.
8. Новиков А.В. Керамические комплексы железного века поселения «Паново городище» // Археология Евразийских степей. 2023. № 2. С. 214–242.
9. Новиков А.В. Сетчатая керамика поселения Вознесенское I: от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку // Археология Евразийских степей. 2025. № 2. С. 221–243.
10. Новиков А.В., Швецова А.А. Технологическое изучение сетчатой керамики из поселения Умиление // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 151–157.
11. Новикова О.В. Археологическое обследование окрестностей Галичского озера в 2019 г. // Культурное наследие Галичской земли: материалы I и II научно-практических конференций. Галич, 1 ноября 2018 г. – 29 ноября 2019 г. / Отв. ред. А.В. Новиков. Кострома: Стандарт Принт, 2020. С. 26–33.
12. Новикова О.В., Новиков А.В. Новые памятники археологии эпохи поздней бронзы – раннего железного века в окрестностях Галичского озера // Археологические открытия. 2019 / Отв. ред. В.Н. Лопатин. М.: ИА РАН, 2021. С. 139–141.
13. Ставицкий В.В. Бронзовый век Посурья и Примокшанья. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2005. 146 с.
14. Ставицкий В.В. Бронзовый век // Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы: монография / под общ. ред. В.В. Ставицкого, В.Н. Шитова. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. С. 134–209.
15. Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна Средней Оки // Финно-угры России. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Вып. 1 / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993 С. 20–34.
16. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.
17. Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.
18. Швецова А.А. Система орнаментации керамических сосудов поздняяковской культуры позднего бронзового века на территории Волго-Окского Правобережья // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 87–103.

Информация об авторах:

Новиков Александр Викторович, кандидат исторических наук, заместитель генерального директора, ООО «Костромская археологическая экспедиция» (г. Кострома,

Россия); научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); novikov-kostroma@mail.ru; kae44@mail.ru.

Швецова Анастасия Александровна, заведующий сектором археологии, Нижегородской государственной историко-архитектурный музей-заповедник (г. Нижний Новгород, Россия); asendriy@mail.ru

THE POTTERY ASSEMBLAGE FROM THE VOZNESENSKOYE I SETTLEMENT: RESULTS OF A TECHNOLOGICAL STUDY

A.V. Novikov, A.A. Shvetsova

This paper deals with the results of a technological study of net-impressed pottery samples from the Voznesenskoye I settlement. Excavations at the site were conducted under the supervision of A.V. Novikov in 2020 and 2022. Data of technological analysis revealed close similarities in ceramic production techniques between the Late Bronze Age and the initial stage of the Early Iron Age concerning the preparatory phase of pottery making. The ceramic molding masses were primarily based on sandy clays with artificial tempers including grit and organic matter. The grit was produced by crushing granitic-gneiss rock, mostly to a particle size of 1–2 mm and was added into the molding compound in a concentration ranging from 1:4 to 1:6/1:7 (in most cases 1:5). The organic solution was represented by an extract from the manure of ruminant animals. By comparing the pottery-making traditions of the Late Bronze and Early Iron Ages at the Voznesenskoye I settlement, a conclusion can be put forward about their continuity and stability. At the same time, despite the absence of fundamental changes in manufacturing technology, certain innovations, resulting from cultural contacts, are also perceptible in the ceramic assemblage of the beginning of the I millennium BC.

Keywords: archaeology, Upper Volga region, Lake Galichskoye, Late Bronze Age, Early Iron Age, Voznesenskoye I settlement, net-impressed ceramics, pottery technology, historical-cultural approach, initial plastic materials, molding masses.

REFERENCES

1. Aleksandrovsky, A. L. 2025. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 202–210 (in Russian).
2. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya (East European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaya monografiya) (Current Issues of Ancient Pottery Studies: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University Publ., 5–109 (in Russian).
4. Iliushina V.V. 2016. In Lozovskaia, O. V., Mazurkevich, A. N., Dolbunova, E. V. (eds.). *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneyshey keramiki (Traditions and Innovations in Studies of the Earliest Ceramics)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 78–81 (in Russian).
5. Lopatina, O. A. 2011. *Dyakovo gorodishche: kultura naseleniya basseyna Moskvyy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. (Dyakovo Hillfort: culture of the population of the river Moscow basin in the I Millennium BC – I Millennium BC)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 127–134 (in Russian).
6. Novikov, A. V. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 35 (1), 49–64 (in Russian).
7. Novikov, A. V. 2022. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 382–405 (in Russian).
8. Novikov, A. V. 2023. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 214–242 (in Russian).
9. Novikov, A. V. 2025. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 221–243 (in Russian).
10. Novikov, A. V., Shvetsova, A. A. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 41 (3), 151–157 (in Russian).
11. Novikova, O. V. 2020. In Novikov, A. V. (ed.). *Kul'turnoye nasledie Galichskoy zemli (Cultural heritage of the Galych land)*. Kostroma: "Standard Print" Publ. (in Russian).
12. Novikova, O. V., Novikov, A. V. 2021. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 2019 g. (Archaeological Discoveries of 2019)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 313 (in Russian).
13. Stavitsky, V. V. 2005. *Bronzovyi vek Posur'ia i Primokshan'ia (The Bronze Age of the Sura and Moksha Rivers Area)*. Penza: Penza State Pedagogical University Publ. (in Russian).
14. Stavitsky, V. V. 2008. In Stavitsky, V. V., Shitov, V. N. (eds.). *Arkheologiya Mordovskogo kraia: Kamennyi vek, epokha bronzy (Archaeology of the Mordva Land: Stone Age and Bronze Period)*.

Saransk: Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, 134–209 (in Russian).

15. Sulerzhitskiy, L. D., Folomeev, B. A. 1993. In Patrushev, V. S. (ed.). *Finno-ugry Rossii. Pamyatniki s nitochno-ryabchatoy keramikoy (Finno-Ugric Peoples of Russia. Sites with Thread and Speckle Ceramics)* 1. Yoshkar-Ola: Mari State University Publ., 20–34 (in Russian).

16. Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ancient Ceramics. The Theory and Methods of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

17. Tsetlin, Yu. B. 2017. *Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ceramics. The Concepts and Terms of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

18. Shvetsova, A. A. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 39 (1), 87–103 (in Russian).

About the Authors:

Novikov Alexander V. Candidate of Historical Sciences. “Kostromskaia Arkheologicheskaya Ekspeditsiya” Ltd. Marshal Novikov Str., 10, Kostroma, 156013, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; kae44@mail.ru, novikov-kostroma@mail.ru

Shvetsova Anastasia A. The Nizhny Novgorod State Historical and Architectural Museum Reserve. Verkhne-Volzhsкая embankment, 7. Nizhny Novgorod. 603005, Russian Federation; Asendriy@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2026 г

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/pa2026.1.55.82.96>

АРХИТЕКТУРА ЦИВИЛИЗАЦИИ ОКСА: ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ

© 2026 г. Д.М. Жалилов, С.Ч. Расулова

В данной статье рассматривается интеграция древнего Востока – цивилизаций Месопотамии, Инда, Элама, а также северных степняков – андроновской культуры – с цивилизацией Окса. Данная интеграция привела к инновации, связанной с формированием трансформационных процессов и сочетанием традиций, появившихся в области архитектуры, особенно в архитектурных материалах. Установлено, что традиции и новации Древнего Востока в области архитектуры перекликаются с памятниками цивилизации Окса. Анализируются такие ключевые археологические памятники, такие как Алтын-депе, Гонур, Сапаллитепа, Жаркотон, Дашли и Аркаим. Кроме того, приводятся сведения о трансформационных процессах в строительстве культовых сооружений, обнаруженных в памятниках культуры Оксийской цивилизации, признанной пятой цивилизацией Древнего Востока, в памятниках культуры Древней Бактрии и Древней Маргианы, а также на поселениях степных пастухов – ариев. Сравнивается состав строительного сырья, используемого при строительстве храмов и алтарей, их размеры и дается общий вывод о цивилизации Окса. Имеются обширные сведения о размерах кирпича, использованного при строительстве гробниц в памятниках древней Бактрии и Маргианы.

Ключевые слова: археология, Древний Восток, Месопотамия, Элам, древнеиндийская цивилизация, цивилизация Окса, культура Сапалли, культура Дашли, культура Намазга.

Введение. Основные характеристики архитектуры цивилизации Окса – нового центра Древнего Востока – отражены в следующих признаках, выделенных по результатам археологических исследований, ведущихся с 60-х годов прошлого века. Прежде всего, это монументальные храмы, отражающие религиозные взгляды населения городов цивилизации Окса. Во-вторых, наличие дворца, расположенного в арочной части, для проживания правящего класса в городах. В-третьих, Т-образная форма коридоров внутреннего коридора замка. В-четвертых, строительство круглых и квадратных алтарей на площадках для совершения жертвенных обрядов. В-пятых, общей чертой городов является то, что они окружены оборонительными стенами, и, в-шестых, для архитектуры цивилизации Окса характерна симметричная планировка жилых комплексов. В древних обществах Древнего Востока, в частности в эпоху бронзы (III–II тыс. до н. э.), в быту людей, социальной сфере и хозяйственных делах, особенно в

области архитектуры, возникли новые традиции, которые отличались от предыдущих периодов и формировались как новшества. В 2300–1400 годах до н. э. на обоих берегах Амударьи сформировалась цивилизация Окса (Francfort, 2005; Lamberg-Karlovsky, 1994, p. 398–405; Lyonnet et al., 2021), а её благоприятные географические условия, климат и природные ресурсы сделали её главным мостом между культурами двух регионов – северной степью и южными оседло-земледельческими поселениями. На севере от Уральских гор до Сибири афанесовская и синташтинская культуры сформировались в III тысячелетии до нашей эры в результате миграции степных народов, распространившихся по казахским пустыням Средней Азии, особенно от Урала до реки Енисей и Китая, между реками Амударьей и Сырдарьей, II тысячелетии до нашей эры. Согласно историческим источникам, это привело к формированию мультикультурализма в регионе под названием Трансоксиана (Luneau, 2014; Luneau, 2015, p. 303–308).

В ходе трансформационных процессов были хорошо развиты давние культурные и торговые связи, в результате чего произошёл взаимный культурный обмен между древними народами, традициями и укладом жизни народов, формировавшимися веками на основе ряда факторов (социальные, экономические, культурные, политические, религиозные, мифологические), в повседневной жизни народов происходили различные трансформационные процессы. Благодаря актуальности проблематики и развитию новых направлений в исторической науке эта область сформировалась как самостоятельная школа в кругу исследователей Древнего Востока (Cunter et al., 2023).

Центральное место в данном исследовании отведено процессам трансформации инноваций, происходившим под внешним воздействием в местных архитектурных традициях Окской цивилизации. В наших предыдущих исследованиях трансформационные процессы в области скульптуры изучались совместно с соседними народами цивилизации Окса – андроновцами на севере и цивилизациями Элама, Месопотамии и Хараппы на юго-западе и юго-востоке (Rasulova, 2024, с. 131–138), потому что на последних этапах периода неолита и начале бронзового века в древних обществах происходила «великая миграция», охватывающая очень широкие границы от Греции до Индии. Миграционные процессы происходили вследствие социально-экономических, политических, военных и других факторов. Во второй половине III тыс. до н. э. на миграционные процессы из Древней Азии в районы Средней Азии повлияла ксенотермическая обстановка, т. е. уменьшение сезона дождей, понижение уровня рек, снижение продуктивности посевов вынудили представителей Окской цивилизации мигрировать. Сначала они поселились на юго-западе Ирана (Элам) и на границах Месопотамии

(в то время находившейся под властью Саргона I между двумя реками), а затем в Маргуше (на берегах дельты Мургаба), упомянутом в Бехистуне. Следует отметить, что никаких признаков военного давления в ходе миграционных процессов не наблюдается (Сарианиди, 1975, с. 20–29; Sarianidi, 2010, p. 17).

Наряду с культурными контактами в юго-восточном и юго-западном направлениях, цивилизация Окса имела и культурные контакты с жителями степи, считавшимися владельцами рудников и занимавшимися животноводством на севере. Культурные связи жителей Северной степи проявляются в различных аспектах: социально-экономическом, культурном, идеологическом, в области металлургии и архитектуры. Миграция степняков на юг происходила в несколько волн (Беруний, 1967, с. 47).

Основными памятниками цивилизации Окса являются Алтын-депе, Гонур, Сапаллитепе, Джаркутан, Дашли. Монографии, посвященные памятникам и их строительству, а также сходству и различиям архитектурных стилей цивилизаций Месопотамии, Хараппы, Элама, северных степных скотоводов, а также новшествам и традициям, выявленным в упомянутых памятниках, обуславливают актуальность исследования.

Методы исследования. В данной статье были обобщены, сопоставлены сведения в области архитектуры, относящиеся к Окской, Месопотамской, Хараппской цивилизациям, Эламской, Андроновской культурам, а также большое место уделено новым строительным материалам и традициям. В качестве методов исследования широко использовались историческая объективность, хронологическая последовательность и методы сравнительного анализа.

Обсуждение. В дискуссионной части исследования прежде всего рассматриваются культурные контакты цивилизации Окса с жителями круп-

ных географических регионов: Элама и Месопотамии на западе, Иранского нагорья на юге, цивилизации Инда на юго-востоке, горно-пустынного региона на севере. Отмечаются также редкие случаи взаимодействия с Кавказом и Китаем (Аскаров, 1989, с. 158–166; Luneau, 2023, с. 52–55). С точки зрения уровня развития в регионах Средней Азии Окской цивилизации существуют разные историко-культурные регионы, а сила и контрастность различных связей между ними являются результатом существования двух этнокультурных систем (оседлой и кочевой) в новом цикле культурной жизни, осложнённом неравномерностью социально-экономического развития. В результате археологических исследований было установлено, что эти сложные историко-культурные процессы происходили при развитии первых городских центров, таких как Намазга, Олтиндепа, Сапаллитепа, Гонур, Мергар, Шахри Сохта (Эшов, 2006, с. 21).

В нашем исследовании мы остаемся на памятниках и истории их строительства в двух основных исторических регионах – Маргиане и Бактрии, которые считаются составной частью Окской цивилизации.

Культура намазгох цивилизации Окса в первой половине 2-го тысячелетия до н. э. заключалась в освоении Мургобского региона древними земледельческими общинами и возникновении на этой территории ряда поселений, таких как Аучин-депе, Келели-депе и Гонур-депе (Аскаров, 2015, с. 140; Пугаченкова, 1958, с. 13).

В 1949–1950 годах под руководством Б.А. Литвинского в Намазгатепе выявлено 30 памятников, датированных II тысячелетием до нашей эры, исследованы архитектурная структура и размеры памятника Намазга V. Размер кирпичей: длина 42–47 см, ширина 22–24 см, толщина 10–12 см. Иногда размер кирпичей достигает 50–60 см. Эти размеры характерны для памятников, построенных еще

раньше периода Намазгох V, в частности размер кирпичей памятника Актепа, ровесника памятника Анау, составляет 47×22×10 см. Многие специалисты связывают истоки процессов в архитектуре бронзового века Южного Туркменистана с памятниками бронзового века Ирана Тепе-Хиссар, Туренг-Тепе, Тепе-Сиалк в связи с тем, что размер кирпичей на этих памятниках составляет 57×30,5×9 см. В частности, размеры кирпичей в Туренг-Тепе близ Астрабада достигают 68×38×15 см. Исследователь Г.А. Пугаченкова сравнивает здесь алтарь овальной формы с «варой» (в иранской мифологии «убежище, обитель праведников») в «Авесте» и называет бронзовый век Южного Туркменистана «варварским периодом» намазгаской культуры (рис. 1) Основным сырьем строительства в этот период является кирпич-сырец (Пугаченкова, 1958, с. 15–16).

В Бактрии и Маргиане в период Намазга VI во второй половине II тыс. до н. э., в отличие от компактных, полностью застроенных городов Древнего Востока, состоящих из агломераций, возникли первые города нового типа с четко выраженными признаками замка, дворца и храма. Это такие города, как Джаркутан, Дашли-3, Гонур 1, Тоголок 1 и другие. Городские организации в Алтын-депе, Намазга-депе образовались раньше первых городов Бактрии и Маргианы в период Намазга V в первой половине II тысячелетия до н. э. (Ширинов, 1993, с. 215). Первая фаза культуры Сапалли, которая считается составной частью бронзовой цивилизации, совпадает с концом Сапаллитепа Намазга V и началом Намазга VI. Сапаллитепа – раннее земледельческое поселение Северной Бактрии, недалеко от Амударьи (9,53 км), на берегу высохшего Уланбулакская, у подножия горы Кугитанг на юго-западных склонах Гиссара, памятник цивилизации Окса. В 60-е годы прошлого века, в частности в 1969–1971 годах, четырёхсезонные

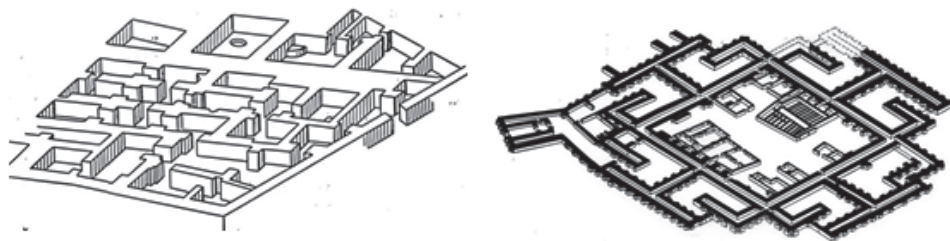

Рис. 1. 1 – Намазгатепе, 2 – Дашлы (по Г.А Пугаченковой и по В. И. Сарияниди).

Fig. 1. 1 – Namazga-tepe, 2 – Dashly (by: G.A. Pugachenkova and V.I. Sarianidi).

полевые исследования проводились АН УзССР (Аскаров, 1973, с. 8). Общая площадь Сапаллитепа составляет 3 га и простирается с востока на запад. Археолог А.А. Аскаров в своей монографии «Сапаллитепа» заявил, что искал поселение, подобное дому, построенному Йимой, в разделе «Вендидад» «Авесты», а не по строительному стилю Сапаллитепа, вопросам фортификации и расположению многокомнатных помещений. Он не отрицал, что оно сравнивалось с домом «Авесты» (Аскаров, 1973, с. 136).

Крепостная часть памятника имеет квадратную форму, площадь 82×82 м, окружена тремя рядами оборонительных стен. Фактически в замок можно войти только через одни ворота, расположенные на южной стороне замка (Аскаров, 2015, с. 143).

Кроме того, коридоры «Г» и «Т»-образной формы служили ловушкой для врага, и подобные архитектурные стили мы можем наблюдать в Месопотамии (Аскаров, 2014, с. 7).

Если обратить внимание на второе строение Сапаллитепа, то размеры кирпичей помещений составляют $20 \times 12 \times 42$, $22 \times 12 \times 44$, $24 \times 13 \times 46$ (Аскаров, 1973, с. 15), $20 \times 10 \times 42$, $20 \times 12 \times 40$ см, сложены они из сырцового кирпича (Аскаров, 1977, с. 33). Сохранность стен составляет 130 см в южной и западной частях, 115 см в северной части, сравнительно хорошо сохранилась восточная часть. На этой стороне лежат четыре необработанных кирпича, высота которых около 60 см (Аскаров, 1973, с. 15). Архитек-

тура Сапаллитепа и изделия, использованные при её строительстве, повторяют вариант Намазга VI (рис. 2).

Формирование древних восточных городов основывалось главным образом на оседлой хозяйственной жизни, благоприятных природных условиях, агротехнике и стратифицированной системе управления обществом (религиозной, военной и политической). Джаркутан – памятник Окской цивилизации Северной Бактрии площадью не менее 100 гектаров (Аскаров, 2001, с. 5).

Строительство храмов во второй половине II тыс. до н. э. – новое явление в идеологии и общественной жизни бактрийских народов (Ширинов, 1993, с. 214). На берегу Бустансая,

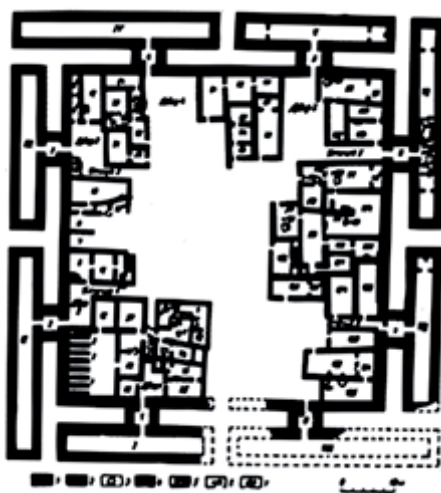

Рис. 2. Сапаллитепа (по А.А. Аскарову).

Fig. 2. Sapallitepa (according to A.A. Askarov).

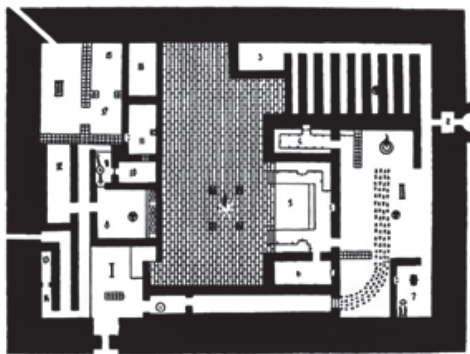

Рис. 3. Джаркутан. Храм
(по А.А. Аскарову).

Fig. 3. Dzharkutan. Temple (by A.A. Askarov).

древнего русла реки Шерабад, стоит памятник Джаркутану, первому поселению городского типа цивилизации Окса. В памятнике Джаркутан найдены остатки храма особой архитектурной формы и проведены археологические исследования (Аскаров, 1989, с. 158–166).

Несмотря на существенные различия в хронологии, можно ли провести параллели между священными огнями древней Индии, изображёнными в Ригведе, и храмом Джаркутана? Учитывая, что многие культы, ритуалы и традиции более поздних религиозных систем произошли от первобытно-общинных систем, намного старше религиозных учений, которые они исповедовали на протяжении длительных исторических периодов, а также весьма консервативны по своей природе, мы считаем, что это возможно и мало что изменит (Ширинов, 1993, с. 169).

Храм Джаркутан – старейшее известное монументальное сооружение явно культового характера на Ближнем Востоке (Ширинов, 1993, с. 214). В бактрийском обществе эпохи бронзы известны два таких храма, один из них храм Джаркутан, а другой – круглый храм Дашли-3. Оба храма имели индоиранский характер, но были посвящены разным культам (Ширинов, 1993, с. 214).

На Джаркутанском кладбище археологами вскрыто около 350 погребений,

78 предметов из инвентаря могил не идентифицированы. Размер кирпичей, использованных при строительстве катакомбных гробниц, составляет $55 \times 23 \times 10,5$ см, $55 \times 22 \times 10$ см (Аскаров и др., 1983, с. 10).

Но к молалинскому периоду Джаркутанского могильника размеры кирпичей несколько увеличились, то есть достигли $55 \times 50 \times 40$ см (Аскаров и др., 1983, с. 49).

Размер кирпичей, использованных при строительстве храма Джаркутан, составляет $50 \times 58 \times 25$ – $27 \times 9 \times 12$ см. В основном они изготавливаются из смеси глины и соломы, между каждым кирпичом кладётся глина толщиной 8 см. Средняя длина кирпичей храма в Джаркутане составляет 50–55 см (рис. 3).

Памятником Окской цивилизации Южной Бактрии является культура Дашли, расположенная в 30 км к северу от реки Ахчи и примерно на таком же расстоянии от Амударьи. Эти памятники были изучены В.И. Сарияниди в 60–70-х годах прошлого века. Дашли состоит из 41 археологического памятника и включает в себя древние городские поселения, расположенные в провинциях Джузджан и Балх на севере Афганистана (Sarianidi, 1986, р. 56–65). Дашли-1 и Дашли-3 являются сравнительно хорошо изученными памятниками (рис. 4). В архитектуре памятника Дашли-1 в качестве строительного материала использован кирпич-сырец, размеры кирпичей от $45 \times 24 \times 10$ см до $50 \times 25 \times 12$ см (Сарияниди, 1977, с. 35).

Недалеко от памятника Дашли-1 (3 км к северо-востоку) находится памятник Дашли-3. Размер жилых кирпичей в памятнике Дашли-3 составляет $52 \times 24 \times 10$ см, $50 \times 23 \times 11$ см, $51 \times 24 \times 11$ см. Он изготовлен из глиняной смеси, поверхность обмазана жёлтой глиной. Размер кирпичей храма отличается на 5 см от размера кирпичей памятника Дашли-1. В этом храме, как и в Сапаллитепа, можно наблюдать коридоры с особой формой

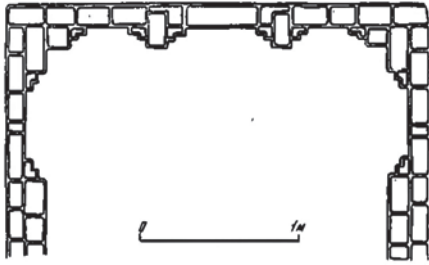

Рис. 4. Дашлы-3. Методы строения кирпичей (по В.И. Сарианиди).

Fig. 4. Dashly-3. Methods of building bricks (according to V.I. Sarianidi).

в виде «Т» и коридоры в форме «Г». Археологи А.А. Аскарлов, В.И. Сарианиди также сравнивают жилища круглой формы с варом в «Авесте». Здесь начинается научная дискуссия. Потому что такой научный вывод отличается от новых взглядов авестийских учёных Б. Брендджеса и К. Йеттмара, а также академика И. Стеблина-Каменского (Стеблин-Каменский, 1993, с. 179). Ученые Авесты сравнивают «вару» в «Авесте» с круглой структурой, окруженной стенами, сначала с девятью рядами, затем с шестью рядами, а затем с тремя рядами, а не с четырехугольной (Sarianidi, 2010, с. 205; Кошеленко и др., 2013, с. 196–209). Затем В.И. Сарианиди также сравнивает памятник Дашлы-3 с варой в Авесте. Кроме того, подобные сооружения типичны для стиля памятника Аркаима, принадлежащего степным чабанам (Массон, 1999, с. 265–285). Аркаим назван в честь горы, расположенной в 4 километрах к югу. Топоним Ар-

каим происходит от тюркского слова «ковчег» – «хребет», «спина», «основание» (<https://uraloved.ru/arkaim>). Структура и параметры поселения в Синташте, расположенного вблизи знаменитого некрополя и изученного после основных раскопок могильника, оказались в основном одинаковыми (Генинг и др., 1992, с. 17; Массон, 1999, с. 265–285) (рис. 5).

Специфику строительства мы можем изучить не только на примере жилых комплексов, но и на процессах строительства религиозно-идеологических центров, храмов и алтарей. В частности, зиккуратное религиозное сооружение древневосточного типа можно встретить в междуречье Ура, Алтын-депе цивилизации Окса, на территории кладбища Каражартас в Казахстане. Конечно, они не совсем одинаковы, но строительная площадка повторяет стиль строительства и традиции зиккурата Ура (Кукушкин и др., 2018, с. 102–109) (рис. 6).

Подобные храмы круглой формы были найдены и в регионе «Маргуш» на юго-западе Туркменистана (Sarianidi, 2010, р. 168). Все храмы Гонур в регионе Мургаб обычно имеют круглые алтари на западном конце, пруды на восточном конце и главные входные двери на западной и южной сторонах. Алтари обычно окружены прямоугольными стенами. Исследования первого десятилетия XXI века показывают, что архитектурно-строительные процессы формировались в непосредственном сотрудничестве с

Рис. 5. 1–2 – Дашлы-3. Круглый храм (по В.И. Сарианиди); 3 – Аркаим (по Г.Б. Здановичу).

Fig. 5. 1–2 – Dashly-3. Round temple (by V.I. Sarianidi); 3 – Arkaim (by G.B. Zdanovich).

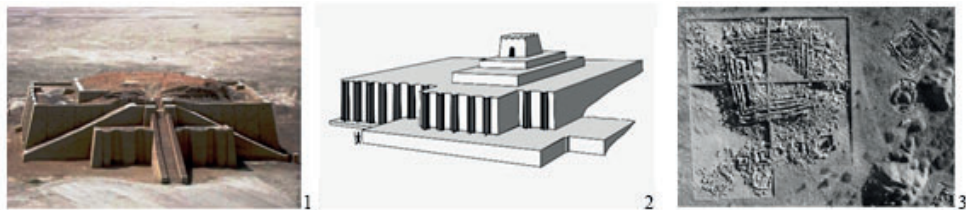

Рис. 6. 1 – зиккурат Ура, 2 – зиккурат Алтындепе, 3 – могила Караджартаса (по В.М. Массону; по И.А. Кукушкину).

Fig. 6. 1 – Ziggurat of Ur, 2 – Ziggurat Altyn-tepe, 3 – Grave of Karadzhartas (by V.M. Masson; by I.A. Kukushkin).

Ближним и Средним Востоком, а также индийской цивилизацией (Dubova, 2019, p. 30–40) (рис. 7).

Исследователи полагают, что неповторимой архитектурой обладает Гонур-депе, главный памятник цивилизации Окса, занимающий площадь более 40 гектаров, с хронологическим пределом 2200–1700 гг. до н. э. Гонур-депе описывается как памятник, типичный по стилю строительства и ориентации памятников для Месопотамии, долины Инда и Иранского нагорья (Bakry, 2020, p. 420–435).

В результате раскопок в Джаркутане найдено всего восемь алтарей, из них шесть круглых и два квадратных. Эти цифры также показывают популярность круглых алтарей. Чаще всего они строятся под открытым небом или на возвышении и внутри здания.

Кроме того, ещё одним памятником цивилизации Окса является Саразм, который расположен в 15 км западнее древнего города Пенджикента и в 45 км восточнее Самаркандской области, простираясь на 700 км от берегов реки Зарафшан, на территории современной Республики Таджики-

стан. Шесть сезонных полевых исследований было проведено А.И. Исаковым в 1977–1983 годах. В центре нашего внимания пять дискообразных алтарей. Что интересно, алтари в Саразме отличаются от алтарей Южного Туркменистана одной особенностью: в Саразме алтари не окружены постройками, а, наоборот, представляют собой обширную территорию, в то же время в Южном Туркменистане каждый алтарь соединён со зданиями внутренними коридорами. Размер сырцового кирпича $47 \times 25 \times 10$, $47 \times 27 \times 10$ см, иногда размер кирпичей достигает $52 \times 32 \times 12$ см (Исаков, 2020, с. 102–109) (рис. 8).

Дальнейшие исследования Саразма проводились местными и американскими исследователями в 80-х годах прошлого века. Преимущественно в западной части Саразма при 12 раскопках были обнаружены алтарь, расположенный на юго-восточной стороне здания № 1, и гробница возле него. Алтари относятся к III–II тысячелетиям до н. э. Размер кирпичиков там $47 \times 33 \times 10$ см. Обычно алтари в форме диска строят на высокой площадке,

Рис. 7. Круглые алтари Гонура (по В.И. Сарияниди).

Fig. 7. Round altars of Gonur (according to V.I. Sarianidi).

Рис. 8. Саразм. Алтарь (по А.И. Исакову).

Fig. 8. Sarazm. Altar (according to A.I. Isakov).

площадь такой площадки 15×15 м, высота 0,75 м. Размер кирпичей, используемых для таких больших алтарей, достигает $57-58 \times 27-28 \times 12-13$ см (Саразм. Сборник, 2019, с. 92–103).

В Месопотамии (Шайдуллаев, 2009, с. 178), где происходили трансформационные процессы до н. э., в религиозных храмах 3000–2340 гг. кирпичи смешивались из глины и формовались в специальных формах, только кирпичи для основания алтарей использовались в обожжённом состоянии (Frankfort, 1970, с. 42–43).

Кроме того, в царстве Ур-Энгул в Ниппуре, существовавшем около 2400 г. до н. э., большая часть кирпича, использованного при строительстве, была из соломы и глины, продолговатой, выпуклой, плоской, квадратной формы. Их размер $20 \times 20 \times 31-32$ дюйма, если принять внутренний равным 2,54 см, то размеры кирпичей в строительстве Ниппура составляют $50,8 \times 50,8 \times 78,74-81,28$ см

(Mesopotamian Archaeology, с. 121) (рис. 9).

Э. Маккей, подчёркивавший, что Месопотамия установила прямые связи (процессы прямых преобразований) с древней долиной Инда и регионами Средней Азии, говорил, что большая часть (99%) обожжённого кирпича использовалась в строительных работах Хараппы и Мохенджадаро и его размеры от $26 \times 12,7 \times 5,7$ см до $52 \times 21,6 \times 5,7$ см указано, что стороны пропорциональны 4:2:1. Для закрытия канализационных каналов использовали преимущественно кирпичи больших размеров. Также размер кирпича обычных жилищ составляет $28 \times 13,3 \times 5,7$ см, а размер необожжённого кирпича – от $35,3 \times 18,7 \times 9$ см до $38 \times 18,2 \times 7,8$ см. Кирпичи обжигали в специальных деревянных формах до светло-красного цвета, но обожжённые кирпичи встречаются редко. Размер кирпичей, уложенных на полы, составляет $24,2 \times 11 \times 5$ см, в меньшем размере также встречаются кирпичи

Рис. 9. 1 – Ур. Кладки кирпичей. 2 – Хафадже, Храм Син, 3 – Хафадже, Овальный храм (по Д. Дарбу).

Fig. 9. 1 – Ur. Brickwork. 2 – Khafaje, Sin Temple, 3 – Khafaje, Oval Temple (by D. Darbu).

Г-образной формы, которые в основном используются для формирования углов. Происхождение кирпича крупных размеров мы связываем главным образом с кирпичами, изготовленными из камней в горах. Учитывая, что в горных районах возможностей приготовления кирпича из глины мало, люди бронзового века строили жилища, превращая камни в кирпичи, иногда обрезая их. Например, на двух поселениях, расположенных на границе долины Инда и Белуджистана, которые были изучены Н.Г. Мамджумдараном, была выявлена ещё одна особенность в строительном искусстве народов Хараппской культуры. Оба поселения построены из крупных необтесанных камней размером до 0,6×0,3×0,3 метра. Вероятно, есть две причины, по которым это поселение было построено из камня: во-первых, если поселение расположено в каменистой местности, почвы мало и нет возможности её приготовить, а во-вторых, это означает, что народы долины Инда регулярно жили под угрозой со стороны народов Белуджистана (Маккей, 1951, с. 63). Монументальные памятники цивилизации Окса, в частности Алтын-депе, демонстрируют возвращение городского планирования в Мундигаке IV, Шахри Сохте с точки зрения уникальных стилей строительства и строительных характеристик алтарей. Городское планирование цивилизации Окса было признано ведущими археологами своего времени «цивилизацией второй линии», а градостроительство древних шумерской и хараппской культур – «цивилизацией первой линии» (Массон, 1970, с. 23).

Результат. Подводя итог вышеизложенным рассуждениям, можно сказать, что изменения, проявившиеся в архитектуре и архитектурном строительстве цивилизации Окса, продолжили традиции предыдущего периода, внешнее воздействие, культурные контакты, миграция народов, изменения в экономике, рост населе-

ния, изменение климата и ряд других факторов приводят к появлению инноваций.

К бронзовому веку, наряду с традициями цивилизации Окса, благодаря контактам с цивилизациями древнего Востока и народами северных степей, в регион проникают и новшества, проявляющиеся в следующих аспектах.

Во-первых, это проявилось в переходе на сырцовый кирпич вместо соломы в качестве строительного материала в жилых районах и строительстве многоквартирных домов из сырцового кирпича.

Во-вторых, хотя исторические корни памятника Алтын-депе цивилизации Окса в Южном Туркменистане напрямую напоминают зиккурат в Месопотамии, построенный в XXII веке до нашей эры, есть и особые случаи. Характерной особенностью месопотамского строительства является то, что зиккураты и храмы пересекались по сторонам света своими углами. В материальных памятниках цивилизации Окса такие линии направлены преимущественно с севера на юг. Но большинством особенностей архитектурного строительства Окская цивилизация напрямую связана с великими цивилизациями Древнего Востока. Эти научные выводы сделали археологи, проводившие в своё время археологические раскопки на этих памятниках (Массон, 1996, с. 36). В продолжение этих исследований в последующие годы были сформированы и подтверждены археологическими источниками представления о прямых культурных связях цивилизации Окса с памятниками бронзового века Хараппы и Элама (Шайдуллаев, 2009, с. 178). Это представляет собой не столько религиозное влияние цивилизации Окса на цивилизации Древнего Востока, сколько заимствование религиозно-архитектурных форм. Пример тому был показан в крепости Караяртос, где проводились археологические исследования в Центральном Казах-

Рис. 10. Ареалы распространения зиккуратных религиозных сооружений в восточном направлении. Ур. Алтындепе. Каражартас.

Fig. 10. Distribution zones of ziggurat religious structures in the east direction. Ur. Altyn-tepe. Karadzhartas.

стане (Кукушкин и др., 2018, с. 102–109) (рис. 10).

В-третьих, отмечается, что строительные процессы цивилизации Окса и многие памятники Древнего Востока были окружены трёхлинейными оборонительными стенами. Исследователи цивилизации Окса сосредоточили своё внимание на том, почему в мирную жизнь Окской цивилизации были построены такие величественные оборонительные стены. В.И. Сарияниди предполагает, что такие стены были построены для предотвращения нападения «в случае крайней необходимости». Профессор Т. Ширинов пишет, что арка Джаркутана имеет толщину стен 1,20–1,50 м, а дворец внутри арки имеет толщину 4,5 метра (Ширинов, 1993, с. 91). Профессор Ш.Б. Шайдуллаев в своём исследовании также затрагивает вопросы укрепления Джаркутанской арки: для чего нужны были эти стены – и ставит вопрос о том, защищало ли оно жителей цивилизации Окса от холодных ветров, как памятники периода энеолита (Шайдуллаев, 2009, с. 113). Среди исследователей нет единого мнения о том, что такая система укреп-

плений была построена для защиты от нападений соседних племен (Аскаров, 2014, с. 7). Зарубежный исследователь Ж. Люлье пишет, что изменения в окружающей среде, климате и обществе побудили людей бронзового века строить прочные жилые комплексы (Bendezu-Sarmiento et al., 2019, с. 98–114). Л.Б. Кирчо, изучая окружение жилых массивов оборонительными стенами на примере памятника Алтын-депе на юго-востоке Туркменистана, связывал его особенности с усилением влияния внешних факторов (Кирчо и др., 2008, с. 175).

В-четвертых, цивилизация Окса служила мостом между культурами Древнего Ближнего Востока на западе, Хараппской цивилизации на юге и культурами степного региона на севере. Это подтверждается материальными находками (Luneau, 2023, с. 52–55; Jalilov, 2024, с. 16–20).

В-пятых, ряд факторов мог вызвать изменения в архитектуре и архитектурных стилях цивилизации Окса: во-первых, увеличение населения, что, в свою очередь, приводит к изменению облика вновь построенных поселений; во-вторых, совершенствование

металлообработки с конца периода энеолита до начала бронзового века приводит к повышению производительности труда в сельском хозяйстве, что ведет к увеличению объема прибавочных продуктов, строительству зернохранилищ внутри поселений; в-третьих, в конце IV тыс. – начале III тыс. до н. э. в результате изменения природной среды и развития интенсивных межрегиональных связей происходят изменения в системе поселений, размерах и внутренней структуре поселения (Кирчо и др., 2008, с. 175).

В-шестых, когда в обсуждаемом выше разделе мы разрабатывали типологию кирпичей, использованных при строительстве памятников цивилизации Окса, размеры кирпичей были практически одинаковыми. Когда кирпичи были разобраны, мы обнаружили на их обратной стороне более десяти знаков. Эти знаки состоят из одной или двух поперечных, косых линий, двух пересекающихся линий, образующих букву «Х», полумесяца, полукруга, овала, треугольной, фигурной линии. Для нанесения этих линий использовались пальцы рук. Археологи, обнаружившие памятники цивилизации Окса, пришли к выводу, что по этим знакам определялось количество кирпичей (Косаров, 2004, с. 154). На наш взгляд, наблюдается процесс специализации каменщиков и их ремесло формируется как отдельная отрасль. Это приводит к использованию для них специальных символов. Если бы эти знаки действительно использова-

лись для количественного измерения, они бы оказались одинаковыми, а не разными.

В-седьмых, монументальные памятники цивилизации Окса (прежде всего Алтын-депе) демонстрируют преемственность градостроительных традиций Мундигака IV и Шахри-Сохты, что проявляется в уникальном архитектурном стиле и устройстве алтарей. При этом ведущие археологи своего времени относили цивилизацию Окса ко «второй линии» городского развития, в то время как Шумер и Хараппская культура признавались «цивилизациями первой линии» (Массон, 1970, с. 23).

Заключение. Наши исследования показали, что статус цивилизации Окса, считавшейся составной частью древне-ближневосточного мира в бронзовом веке, подтверждается археологическими данными. В её архитектурном облике отчётливо прослеживается как влияние культур Древнего Ближнего Востока, так и результат тесных контактов с племенами северных степей. В её архитектурных шедеврах прослеживается единообразие в способах строительства, планах и даже размерах кирпича, используемого при строительстве, но наблюдается разнообразие в строительном сырье. Это объясняется богатством природных ресурсов каждого региона. Цивилизация Окса – пятая цивилизация древнего мира, расположенная на стыке инноваций и традиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскарлов А. Сапаллитепе. Ташкент: Фан, 1973. 172 с.
2. Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977. 232 с.
3. Аскарлов А.А. Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Отв. ред. В.М. Массон. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 158–166.
4. Аскарлов А.А. Энг кадимий шахар. Тошкент: Маънивият, 2001. 24 с.
5. Аскарлов А.А. Ўзбек халқининг келиб чиқиш тарихи. Тошкент: O'zbekiston, 2015. 690 с.
6. Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан. Ташкент: Фан, 1983. 122 с.
7. Аскарлов Ш.Дж. Генезис архитектуры Узбекистана. Ташкент: San'at, 2014. 223 с.
8. Бируни А. Памятники минувших поколений. Т. I: Избранные произведения // Перевод и прим. М.А. Салье Ташкент: АН Уз ССР, 1957. 487 с.
9. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 407 с.

10. Исаков А.И. Саразм (к вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины). Душанбе: Дониш, 2020. 315 с.
11. Кирчо Л.Б. Формирование древнейшей протогородской цивилизации бронзового века Средней Азии (по материалам Алтын-депе) // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди / Отв. ред. М.Ф. Косарев, П.М. Кожин, Н.А. Дубова. М.: Старый сад, 2004. С. 142–160.
12. Кирчо Л.Б. Основные этапы развития технико-технологического потенциала энеолитического населения Алтын-депе // Кирчо Л.Б., Коробкова Г.Ф., Массон В.М. Технико-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации / Труды ИИМК РАН. Т. XXVIII / Отв. ред. Ю.Е. Берёзкин. С-Пб.: Европейский Дом, 2008. С. 175–177.
13. Кошеленко Г., Гаилов В. "Круглые города" Центральной Азии // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 196–209.
14. Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А., Кукушкин А. И. Каражартас – новый социально-стратифицированный некрополь бегазы-дандыбаевской культуры (предварительные результаты исследований) // Археологические вести. Вып. 24 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 102–109.
15. Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М.: Издательство иностранной литературы, 1951. 144 с.
16. Массон В.М. Раскопки на Алтын-Депе в 1969 г. Ашхабад: Ылым, 1970. 43 с.
17. Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. Изд. 2-е, доп. Самара: СГПУ, 1996. 103 с.
18. Массон В.М. Древние цивилизации востока и степные племена в свете данных археологии // Stratum plus. 1999. № 2. С. 265–285.
19. Мукумов Р., Мамаджанова С. Формирование древнейшей цивилизации на территории Таджикистана // Саразм – начало земледельческой, ремесленной и градостроительной цивилизации таджиков. Материалы международного симпозиума, посвященного 5500-летию древнего города Саразма / Отв. ред. Н.К. Убайдулло. Душанбе: Дониш, 2020. С. 100–108.
20. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма / Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Т. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 493 с.
21. Сарияниди В.И. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА. 1975. № 2. С. 20–28.
22. Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М.: Наука, 1977. 172 с.
23. Стеблин-Каменский И. Авеста. Избранные гимны; Из Видевдата. М.: Дружба народов; КРАМДС. Ахмед Ясони, 1993. 208 с.
24. Шайдуллаев Ш.Б. Ўзбекистон худудида давлатчиликнинг пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичлари. Тарих фанлари докторлиги диссертация матни. Самарканд, 2009. 288 с.
25. Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Самарканд: Я. Гуломов номидаги археология институтининг нашри, 1993. 245 с.
26. Эшов Б. Қадимги Ўрта Осиё шаҳарлар тарихи. Тошкент: М. Улуғбек номидаги Ўзбекистон Миллий университети босмахонаси, 2006. 236 с.
27. Bakry A. Prehistoric contacts between Central Asia and India // Transactions of Margiana Archaeological Expedition. Vol. 6. To the Memory of Professor Victor Sarianidi. N.A. Dubova (editor in chief), E.V. Antonova, P.M. Kozhin, M.F. Kosarev, R.G. Muradov, R.M. Sataev, A.A. Tishkin. M.: Saryi sad, 2016. P. 422–436.
28. Bendezu-Sarmiento J., Lhuillier J. Recent work at the cites of Ulug-depe (Turkmanistan) and Dzharkutan (Uzbekistan) // Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids. Learnings and conclusions from new archaeological investigations and discoveries. Harrossowitz-Verlag. Wiesbaden, 2019. P. 98–114.
29. Dubova N.A. Gonur Depe – city of kings and gods, and the capital of Margush country (Modern Turkmanistan) // Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids. Learnings and conclusions from new archaeological investigations and discoveries. Harrossowitz Verlag. Wiesbaden, 2019. P. 29–40.
30. Francfort H.-P. Observations sur la toreutique de la civilisation de l'Oxus // Afghanistan ancien carrefour entre l'est et l'ouest. Indicoeleustoi. Archaeologies of the Indian Ocean. Vol. 3. Brépols, 2005. P. 21–64.
31. Frankfort H.-P. The Art and Architecture of the Ancient Orient. L., 1970. 456 p.
32. Herausgegeben von Ann C. Cunter, Wouter F.M. Henkelman, Bruno Jacobs, Robert Rollinger, Kai Ruffing und Jozef Wiesehofer. Classica Orientalia. Iran and the Transformation of Ancient Near Eastern history: the seleucids (ca. 312–150 BCE) // Band 31. Proceedings of the third Payravi conference an Ancient Iranian history, UC Irvine, February 24th – 25th, 2020 / Harrasowitz Verlag – Wiesbaden, 2023. 325 p.
33. Jalilov, D. Sopolli madaniyatiga dasht aholisi madaniy ta'siri: tarixshunoslik masalalari (1970–1999-yillar ilmiy ishlari misolida) // UzMU xabarlari, No. 1(1.4. 1). 2024. P. 16–20.

34. *Lamberg-Korlovsky C.C.* The Bronze Age khanates of Central Asia // *Antiquity*. No. 68, 1994. P. 398–405.
35. *Luneau É.* A new Assessment of the End of the Oxus Civilization (southern Central Asia, ca. 1750–1500/1400 BCE): Overview of the Transformations of the Society // Oxford: B.A.R., 2015. P. 303–308.
36. *Luneau, É.* La fin de la civilisation de l'Oxus: transformations et recompositions des sociétés de l'âge du Bronze final en Asie centrale méridionale: 1800–1500/1400 avant n. è. // *Memories des Missions archéologiques Françaises en Asie Centrale et en Asie Moyenne*. Tome XVI. Paris: De Boccard, 2014.
37. *Luneau É.* Migrations et échanges sur la «Route de la soie» aux périodes protohistoriques // *Hommes et Migrations*, 2023. P. 52–55.
38. *Lyonnet B., Dubova N.* The World of the Oxus Civilization. Routledge, 2021. 932 p.
39. *Mesopotamian Archaeology*. G. P. Putnam's sons. MDCCCXII. Dedicated to A.M. LORD. New York. 1912. 121 p.
40. *Rasulova S.Ch.* Oks sivilizatsiyasi haykaltaroshlik namunalarida transformatsion jarayonlar // *Жамият ва инновациялар*. (04) 2024. P. 88–96.
41. *Sarianidi V.I.* The art of Old Afghanistan. Leipzig, 1986. 347 p.
42. *Sarianidi V.I.* Long before Zaratushtira (Archaeological evidences of Protozoroastrianism in Bactria and Margiana. Moscow: Stariy Sad, 2010. 167 p.

Информация об авторах:

Жалилов Достон Мухиддин угли, докторант, Термезский государственный университет (г. Термез, Узбекистан); djalilov@tersu.uz

Расулова Севара Чарниеровна, докторант, Термезский государственный университет (г. Термез, Узбекистан); srasulova@tersu.uz

ARCHITECTURE OF OXUS CIVILIZATION: INNOVATIONS AND TRADITIONS

D.M. Jalilov, S.Ch. Rasulova

This article studies how the integration of the ancient Eastern civilizations of Mesopotamia, the Indus valley, and Elam with the northern steppe populations of the Andronovo culture influenced the Oxus civilization. This synthesis spurred innovations in transformational processes and the blending of traditions, most notably in architecture and construction materials. The study confirms that the architectural traditions and innovations of the Ancient East are reflected in the sites of the Oxus civilization. Key archaeological sites such as Altyn-tepe, Gonur, Sapalli-tepe, Dzharkutan, Dashli, and Arkaim are analyzed in detail. The article also presents information on the evolution of religious architecture within the Oxus civilization – considered the fifth great civilization of the Ancient East. It examines sites from Ancient Bactria and Ancient Margiana, as well as Aryan settlements of the steppe herders. By comparing the composition of raw materials and the dimensions used in the construction of temples and altars, the authors offers comprehensive conclusions about this civilization. Additionally, detailed information is given regarding the specific sizes of bricks employed in the tombs of Ancient Bactria and Margiana.

Keywords: archaeology, Ancient East, Mesopotamia, Elam, Ancient Indian civilization, Oxus civilization, Sapalli culture, Dashli culture, Namazga culture.

REFERENCES

1. Askarov, A. 1973. *Sapallitepa*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).
2. Askarov, A. A. 1977. *Drevnezemledel'cheskaya kul'tura epokhi bronzy yuga Uzbekistana (Ancient agricultural culture of the Bronze Age of the south of Uzbekistan)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).
3. Askarov, A. A. 1989. In Masson, V. M. (ed.). *Vzaimodeistvie kochevykh kul'tur i drevnikh tsivilizatsii (Interaction of Nomadic Cultures and Ancient Civilizations)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 158–166 (in Russian).
4. Askarov, A. A. 2001. *Eng qadimiy shakhar (The most ancient city)*. Tashkent: “Ma’naviyat” Publ. (in Uzbek).
5. Askarov, A. A. 2015. *Ўзбек халқининг келиб чиқиши тарихи (The history of the origin of the Uzbek people)*. Tashkent: “Uzbekistan” Publ. (in Uzbek).
6. Askarov, A. A., Abdullaev, B. N. 1983. *Dzharkutan*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).
7. Askarov, Sh. Dzh. 2014. *Genezis arkhitektury Uzbekistana (The genesis of architecture in Uzbekistan)*. Tashkent: “San’at” Publ. (in Russian).

8. Biruni, A. 1957. *Izbrannye proizvedeniya. I: Pamyatniki minuvshikh pokolenii (Selected Works. I: Monuments of Past Generations)*. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 33–42 (in Russian).
9. Gening, V. F., Zdanovich, G. B., Gening, V. V. 1992. *Sintashta. Arkheologicheskie pamiatniki ariiskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepei. Ch. I. (Archaeological Monuments of the Aryan Tribes in the Ural-Kazakhstan Steppes. Part I)*. Cheliabinsk: South Ural Book Publ. (in Russian).
10. Isakov, A. I. 2020. *Sarazm (k voprosu stanovleniya rannezemledelcheskoy kulturi Zeravshanskoy dolini) (Sarazm (on the formation of the early agricultural culture of the Zeravshan valley)*. Dushanbe: "Donish" Publ. (in Russian).
11. Kircho, L. B. 2004. In Kosarev, M. F., Kozhin, P. M., Dubova, N. A. (eds.). *U istokov tsivilizatsii. Sbornik statey k 75-letiyu Viktora Ivanovicha Sarianidi (Near the Sources of Civilizations. The Issue in Honor of the 75-Anniversary of Victor Sarianidi)*. Moscow: "Staryy sad" Publ., 142–160 (in Russian).
12. Kircho, L. B. 2008. In Beryozkin, Yu. Ye. (ed.). Kircho, L. B., Korobkova, G. F., Masson, V. M. *Tekhniko-tehnologicheskii potentsial eneoliticheskogo naseleniya Altyn-depe kak osnova stanovleniya rannegorodskoy tsivilizatsii (The technical and technological potential of the Eneolithic population of Altyn-Depe as the basis of the rise of an early urban civilization)*. Proceedings of IIMK RAS. Vol. XXVIII. St. Petersburg: "European House" Publ., 175–177 (in Russian).
13. Koshelenko, G., Gaibov, V. 2013. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 230, 196–209 (in Russian).
14. Kukushkin, I. A., Dmitriyev, Ye. A., Kukushkin, A. I. 2018. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 24. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS Publ., 102–109 (in Russian).
15. Mackey, E. 1951. *Drevneyshaya kul'tura doliny Inda (Early Indus Civilizations)*. Moscow: "Izdatelstvo inostrannoy literature" Publ., 144 (in Russian).
16. Masson, V. M. 1970. *Raskopki na Altyn-Depe v 1969 g. (Excavations at Altyn-Depe in 1969)*. Ashkhabad: "Ylym" Publ. (in Russian).
17. Masson, V. M. 1996. *Istoricheskie rekonstruktsii v arkheologii (Historical reconstructions in archaeology)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 103 (in Russian).
18. Masson, V. M. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 2, 265–285 (in Russian).
19. Mukimov, R., Mamadzhanova, S. 2020. In Ubaydullo, N. K. (ed.). *Sarazm – nachalo zemledel'cheskoy, remeslennoy i gradostroitel'noy tsivilizatsii tadzhikov (Sarazm — the beginning of the agricultural, craft, and urban civilization of the Tajiks)*. Dushanbe: "Donish" Publ., 100–108 (in Russian).
20. Pugachenkova, G. A. 1958. *Puti razvitiia arkhitektury Iuzhnogo Turkmenistana pory rabovladieniia i feodalizma (Ways of Development of South Turkmenistan Architecture during Slavery and Feudalism)*. Series: Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition) 6. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
21. Sarianidi, V. I. 1975. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 20–28 (in Russian).
22. Sarianidi, V. I. 1977. *Drevnie zemledel'tsy Afganistana. Materialy Sovetsko-Afganskoy ekspeditsii 1969–1974 gg. (Ancient agriculturalists of Afghanistan. Materials of the Soviet-Afghan expedition 1969–1974)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
23. Steblin-Kamenskiy, I. 1993. *Avesta. Izbrannye gimny; Iz Videvdta (Avesta. Selected hymns; From the Videvdat)*. Moscow: Druzhba narodov; KRAMDS. Akhmed Yasovi (in Russian).
24. Shaydullayev, Sh. B. 2009. *O'zbekiston hududida davlatchilikning paydo bo'lishi va rivojlanish bosqichlari (Stages of the emergence and development of statehood on the territory of Uzbekistan)*. Doct. Diss. Samarkand (in Uzbek).
25. Shirinov, T. Sh. 1993. *Rannyya gorodskaya kultura epoxi bronzi yuga Uzbekistana (Early urban culture of the Bronze Age in the south of Uzbekistan)*. Samarkand: Institute of Archaeology of Academy of Sciences of the Uzbekistan Republic (in Russian).
26. Eshov, B. 2006. *Qadimgi O'rta Osiyo shaharlar tarixi (History of ancient urban settlements in Central Asia)*. Tashkent: M. Ulug'bek nomidagi O'zbekiston Milliy universitet bosmaxonasi (in Uzbek).
27. Bakry, A. 2016. In Dubova, N. A. (ed. in chief) *Transactions of Margiana Archaeological Expedition vol. 6*. Moscow: "Staryi sad", 422–436.
28. Bendezu-Sarmiento, J., Lhuillier, J. 2019. In *Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids Learnings and conclusions from new archaeological investigations and discoveries*. Harrossowitz-Verlag: Wiesbaden, 98–114.
29. Dubova, N. A. 2019. In *Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids Learnings and conclusions from new archaeological investigations and discoveries*. Harrossowitz Verlag: Wiesbaden, 29–40.
30. Francfort, H.-P. 2005. In *Afghanistan ancien carrefour entre l'est et l'Ouest*. Indicoeleustoi. Archaeologies of the Indian Ocean. Vol. 3. Brépols, 21–64 (in French).
31. Frankfort, H.-P. 1970. *The Art and Architecture of the Ancient Orient*. L., 456.

32. Herausgegeben von Ann C. Cunter, Wouter F.M. Henkelman, Bruno Jacobs, Robert Rollinger, Kai Ruffing und Jozef Wiesehofer. 2023. *Classica Orientalia. Iran and the Transformation of Ancient Near Eastern history: the seleucids (ca. 312–150 BCE)*. Harrasowitz Verlag: Wiesbaden.
33. Jalilov, D. 2024. In *UzMU xabarlari*, 1 (1.4. 1), 16–20.
34. Lamberg-Korlovsky, C. C. 1994. In *Antiquity* 68, 398–405.
35. Luneau, É. 2015. In *Oxford: British Archaeological Reports*, 303–308.
36. Luneau, É. 2014. In *Memories des Missions archeologiques Francaises en Asie Centrale et en Asie Moyenne*. Tome XVI. Paris: De Boccard (in French).
37. Luneau, É. 2023. In *Hommes et Migrations*, 52–55 (in French).
38. Lyonnet, B., Dubova, N. 2021. *The World of the Oxus Civilization*. Routledge.
39. *Mesopotamian Archaeology*. 1912. G. P. Putnam's sons. MDCCCXII. Dedicated to A.M. LORD. New York.
40. Rasulova, S. Ch. 2024. In *Jamiyat va innovatsiyalar* (04) 88–96 (in Uzbek).
41. Sarianidi, V. I. 1986. *The art of Old Afghanistan*. Leipzig.
42. Sarianidi, V. I. 2010. *Long before Zaratushtra (Archaeological evidences of Protozoroastrianism in Bactria and Margiana)*. Moscow: Stary Sad.

About the Authors:

Jalilov Doston M. Doctoral student of TerDU. “Barkamol avlod” str., 43 Termez, 190111, Uzbekistan; djalilov@tersu.uz

Rasulova Sevara Ch. Doctoral student of TerDU. “Barkamol avlod” str., 43 Termez, 190111, Uzbekistan; srasulova@tersu.uz, sevararasulova1991@yandex.ru

Статья принята в номер 01.03.2026 г

ИССЛЕДОВАНИЯ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ ЧАЙКА (СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН)¹

© 2026 г. Д.Т. Тлеугабулов, М.А. Рысбергенов, А.Р. Мухаметзянов,
С.Н. Тлекишев, А.Г. Омаров, А.М. Тагленов, Ж.К. Укеев

Работа посвящена публикации материалов исследований на археологическом комплексе Чайка, осуществленных Асмолинской археологической экспедицией «Центра по охране и использованию историко-культурного наследия» управления культуры Асмолинской области в 2024 году. В ходе разведочного обследования окрестностей могильника эпохи бронзы Чайка I были обнаружены три ранее неизвестных памятника, относящихся к разным периодам. Также были исследованы два погребальных сооружения алакульской культуры (2 пол. XVIII – XVII вв. до н. э.). Целью работы является внедрение в научный оборот полученного материала. Основное внимание будет уделено анализу погребального обряда и вещественных находок, а также определению места материалов могильника Чайка I в системе алакульских древностей Северного Казахстана.

Ключевые слова: археология, Северный Казахстан, Северная Сарыарка, эпоха поздней бронзы, алакульская культура, погребальный обряд, курган с «усами».

Введение

В 2024 г. группой археологов ЕНУ им. Л.Н. Гумилева в составе Асмолинской археологической экспедиции были проведены полевые исследования на археологическом комплексе Чайка. Группа разновременных памятников расположена в 2 км к северо-востоку от села Владимировка (Сандыктауский район, Асмолинская область), на левом берегу реки Жабай, на первой надпойменной террасе.

Раскопки проводились на двух объектах могильника эпохи бронзы Чайка I. Памятник был обнаружен и обследован в 1972 г. разведочной группой СКАЭ (А.А. Плешаков), раскопки проводились в 1991 г. отрядом СКАЭ под руководством А.М. Кисленко (Кисленко, 1992), а в 2006 г. обследовался КАЭ под руководством В.Ф. Зайберта (Свод памятников, 2009, № 758).

Методы исследования

Для описания и объяснения научных фактов были применены такие методы, как планиграфическое наблюдение (для выявления особенностей планиграфической организации

могильника), стратиграфическое наблюдение (наблюдение за стратиграфией для последующего сравнения со схожими сооружениями), формально-типологический метод (для упорядочения артефактов по внешним признакам), метод аналогий (для датировки объекта по определенному артефакту на основе сопоставления с аналогичным предметом из датированного археологического комплекса), сравнительный анализ (для выявления особенностей алакульского погребального обряда путем сопоставления различий и сходств памятников Северного Казахстана).

Также был применен комплекс геопространственных технологий, данные дистанционного зондирования, методы фотограмметрии. На полевом этапе работ с целью составления топографических планов местности, исследования берегов реки на предмет выявления памятников (стоянок и поселений) использовался комплексный подход поэтапной фиксации с применением беспилотного летательного аппарата, а также данных дистанционного зондирования Земли со спут-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта грантового финансирования научных исследований молодых ученых по конкурсу «Жас галым» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на 2024–2026 гг., ИРН проекта AP22686087.

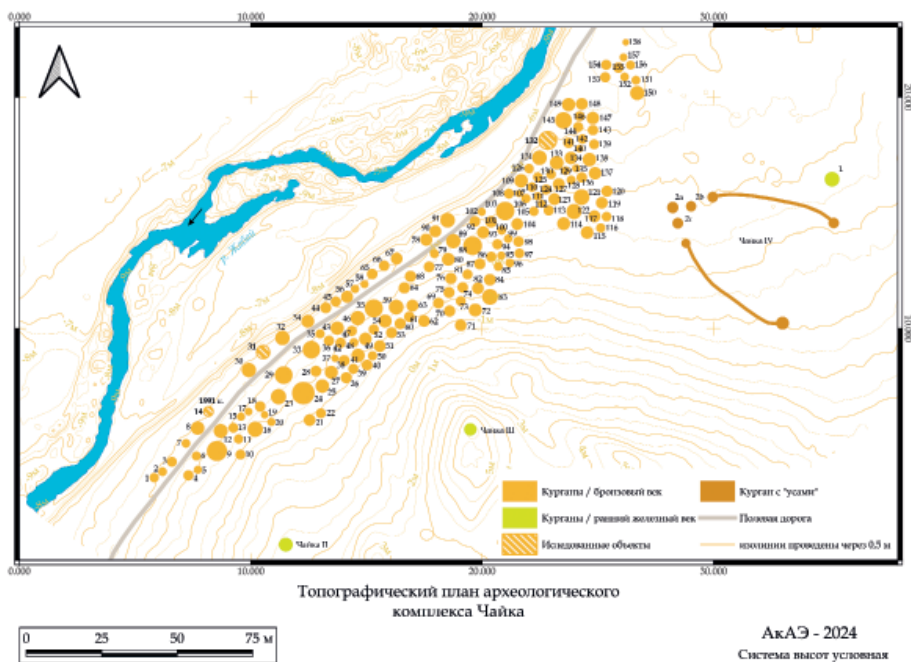

Рис. 1. Топографический план археологического комплекса Чайка.

Fig. 1. Topographical plan of the Chayka archaeological complex.

никовых систем, оснащенных мульти-спектральными камерами.

Кроме того, велась съемка памятника для составления 3D-моделей всех этапов работ, что отвечает запросам современной науки на внедрение цифровизации. Фотограмметрия применялась также для построения ортотрансформированных снимков профилей изучаемых объектов. В ходе камеральных работ обнаруженные артефакты были зафиксированы с применением методов фотограмметрии для создания цифровой базы данных.

Характеристика материала

Результаты разведочных обследований

Первичные данные относительно изучаемого памятника, его топографии были получены с использованием геоинформационной системы «Археологическая карта Акмолинской области» (Мухаметзянов, Хабдулина, 2024). В ходе обследования окрестностей могильника эпохи бронзы Чайка I были обнаружены три новых памятника: одиночные курганы Чайка II

и Чайка III, а также могильник Чайка IV (рис. 1).

Одиночный курган Чайка II. Расположен в 151 м к юго-востоку от русла реки, в 130 м к юго-востоку от кургана № 1 могильника Чайка I. Сооружение представляет собой каменную насыпь округлой формы диаметром 7,5 м, высотой 0,6 м.

Одиночный курган Чайка III. Расположен на вершине сопки, в 312 м к востоку – юго-востоку от русла реки, в 320 м к востоку – северо-востоку от кургана № 1. Сооружение представляет собой каменную насыпь округлой формы диаметром 6 м, высотой 0,7 м.

Могильник Чайка IV. Расположен в 300 м к юго-востоку от русла реки, в 663 м к северо-востоку от кургана № 1. Состоит из каменного кургана № 1 и кургана с «усами» № 2. Курганы № 1 представляет собой каменную насыпь округлой формы диаметром 9,5 м, высотой 0,36 м.

Курган с «усами» № 2 состоит из одной основной насыпи (2а) и двух спутников (2b – северный, 2с – юж-

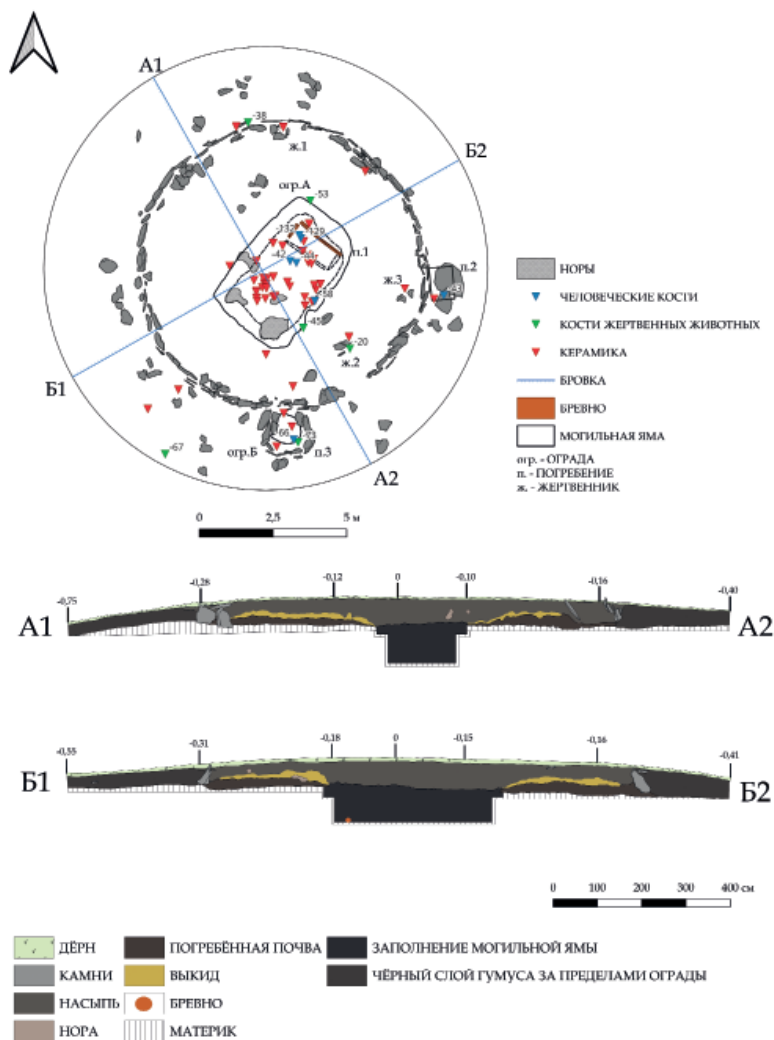

Рис. 2. План и разрезы курган-ограды № 132.

Fig. 2. Plan and sections of the barrow-fence № 132.

ный), от которых в направлении ВЮВ отходят две каменные гряды (тип Пс по И.В. Грудочко) (Грудочко, 2020, рис. 4). Все насыпи сооружены из камня. Диаметр основного кургана 9,5 м, высота 0,13 м, в центре насыпи фиксируется грабительский лаз диаметром 3 м. Диаметр спутников 6 м, высота 0,37 и 0,2 м соответственно. У каждой гряды в начале и в конце есть каменный наброс диаметром 5,0–6,2 м, высотой 0,24 м. Длина северной гряды 120 м, а южной – 130 м, ширина каждой 1,5–2,5 м.

Раскопки на могильнике эпохи бронзы Чайка I

По старым данным, на могильнике насчитывается 172 кургана (Кисленко, 1992, с. 56). В результате новых обследований зафиксировано 158 объектов (рис. 1). Могильник вытянут по направлению СВ – ЮЗ вдоль русла реки, размеры погребального поля 650×120 м. Планиграфически наблюдается скученное расположение погребальных сооружений, расстояние между которыми зачастую составляет 2–6 м. Надмогильные кон-

струкции представлены курганами с земляными насыпями, курган-оградами (курганские насыпи, обрамленные каменными плитами) и оградами без насыпи. Вершина насыпей уплощена.

Практически все надмогильные сооружения имеют округлую форму, в основном диаметром до 10 м, имеются курганы от 10 до 18 м. Высота земляного перекрытия в большинстве случаев до 0,4 м, в крупных сооружениях может достигать до 0,8 м.

Курган-ограда № 132

Сооружение представляло собой земляную насыпь округлой формы диаметром 15 м, высотой 0,64 м. Видимые повреждения в ней отсутствовали. В насыпи выступали отдельные камни ограды. В ходе раскопок было установлено, что данный погребальный комплекс состоит из основной ограды А, пристроенной ограды Б и пристроенного погребения 3 (рис. 2).

Ограда А. Центральное сооружение погребального комплекса. Конструкция курган-ограды представлена надмогильными сооружениями в виде насыпи и каменной ограды. Округлая в плане каменная ограда диаметром 9,5 м возведена из вертикально вкопанных плит.

Насыпь кургана из супесчаной почвы концентрируется внутри ограды, где ее мощность составляет 0,16–0,51 м. Мощность черного слоя снаружи ограды достигает 0,32–0,58 м (это оплывшая насыпь и гумус, между которыми нет видимой границы). Под насыпью имеется супесчаный слой из материковой почвы (выкид из могильной ямы) мощностью 0,06–0,25 м, который равномерно распределен по всей площади внутри ограды. Ниже материкового выкида, также по всей площади внутри ограды фиксируется слой погребенной почвы мощностью 0,05–0,25 м.

В процессе разборки надмогильного сооружения в различных частях внутри ограды и за ее пределами во фрагментарном виде был найден многочисленный керамический материал

(сосуды № 1–26, 28, 30) (рис. 4: 1, 6; 5: 3). Также в разных частях подкурганного пространства были обнаружены остатки жертвенной пищи (зубы лошади, трубчатые кости животных).

В ходе раскопок во внутриоградном пространстве были выявлены три жертвенника. Все жертвенники расположены в насыпи кургана, уровень их дна находится выше нижней границы насыпи.

Жертвенник 1. Расположен в северо-восточной части ограды, вплотную пристроен к каменным плитам изнутри. Представляет собой каменную обкладку размерами 0,66×0,43 м, глубиной 0,1 м. Внутри оградки был найден сосуд № 31 (рис. 4: 5).

Жертвенник 2. Расположен в южной части ограды, близко к могильной яме. Представляет собой каменную обкладку размерами 0,63×0,4 м, глубиной 0,26 м. Внутри оградки были найдены фрагменты сосудов № 27, 29, и сосуд № 32 (рис. 5: 2).

Жертвенник 3. Расположен в юго-восточной части ограды, близко к каменным плитам. Представляет собой каменную обкладку размерами 0,57×0,45 м, глубиной 0,34 м. Внутри оградки были найдены фрагменты сосуда № 33 (рис. 4: 4).

Погребение 1. В центре ограды, на глубине 0,51 м, на материковом уровне, четко выявились контуры могильной ямы прямоугольной формы размерами 4,6×2,7 м, ориентированной по линии ЮЗ – СВ. На глубине 0,78 м могильная яма сузилась до 3,7×2,3 м. Яма сильно повреждена грызунами, норы которых были четко видны в плане.

В ходе разборки заполнения встречались отдельные фрагменты бревен, а также разбросанные кости человеческого скелета и фрагменты двенадцати сосудов (№ 34–45) (рис. 5: 1, 4, 5, 10). На уровне 1,37 м в северо-восточной части могильной ямы удалось расчистить сохранившиеся бревна деревянной конструкции. Судя по длине продольного и поперечного

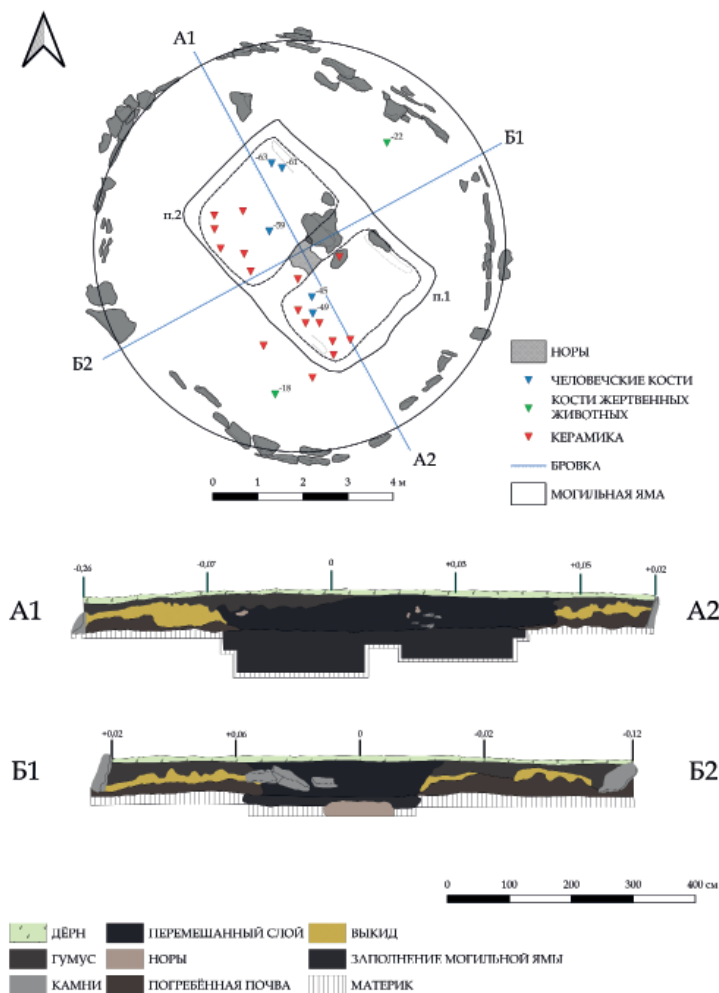

Рис. 3. План и разрезы ограды № 31.

Fig. 3. Plan and sections of the fence No. 31

бревна, размеры погребальной камеры составляли 1,8×0,54 м. Деревянная конструкция ориентирована по линии СЗ – ЮВ. Внутри нее были найдены потревоженные кости погребенного человека. Глубина ямы от уровня материка составляет 0,9 м (от вершины кургана – 1,41 м).

Назначение большого пустого пространства в оставшейся части ямы длиной три метра осталось неизвестным. Каких-либо остатков других конструкций или следов ритуальных действий не было обнаружено. Исходя из концентрации обломков керами-

ки на данном участке, можно предположить, что здесь находились сосуды, найденные в заполнении и над ямой.

Ограда Б. Пристроена к центральному сооружению с южной стороны. Представляет собой небольшую ограду неправильной формы размерами 1,4×1,4 м, сооруженную из вертикально вкопанных плит. Внутри ограды, вне могильной ямы, были найдены фрагменты сосуда № 46–47 (рис. 5: 7), зубы лошади и кости ребенка.

Погребение 2. Могильная яма неправильной формы была выявлена внутри каменной ограды на уровне

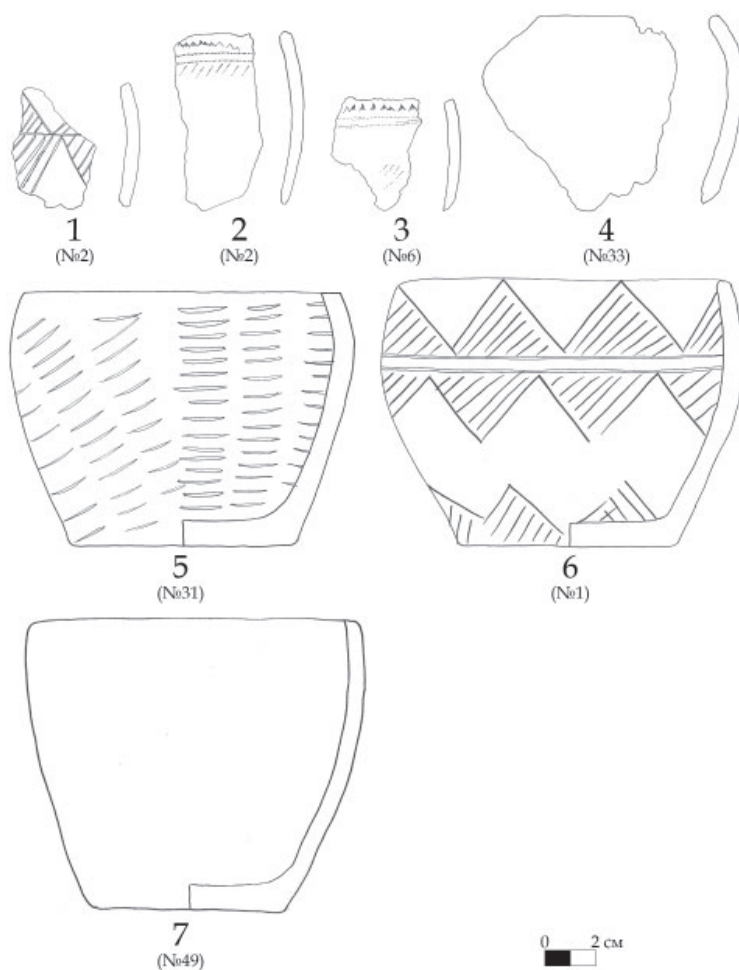

Рис. 4. Сосуды баночной формы. 1, 4–7 – из объекта № 132; 2–3 – из объекта № 31.

Fig. 4. Jar-shaped vessels. 1, 4–7 – from object № 132; 2–3 – from object № 31.

0,47 м. Размеры ямы 0,9×0,9 м, глубина 0,14 м (от вершины кургана – 0,8 м). В ней был обнаружен фрагмент сосуда № 48.

Погребение 3. Расположено в восточной части ограды, вплотную к каменным плитам. После снятия заплыва насыпи на отметке 0,13 м фиксировался наброс каменных плит, под которым находилась грунтовая яма прямоугольной формы размерами 1,0×0,72 м, глубиной 0,18 м (от вершины кургана – 0,46 м). Яма ориентирована по линии С-Ю. В ней были обнаружены детский череп и сосуд № 49 (рис. 4: 7). Судя по расположению черепа и сосуда в южной части

ямы, погребенный был обращен головой на юг.

Ограда № 31

Овальная в плане каменная ограда размерами 9,4×8,7 м возведена из вертикально вкопанных плит. Толщина дернового и гумусированного слоя составляет 0,12–0,35 м. Под гумусом имеется слой из могильного выкида толщиной 0,06–0,22 м. Ниже могильного выкида фиксируется погребенная почва толщиной 0,08–0,3 м (рис. 3).

В процессе разборки надмогильного сооружения, в различных частях внутри ограды и за ее пределами, был найден керамический материал в виде

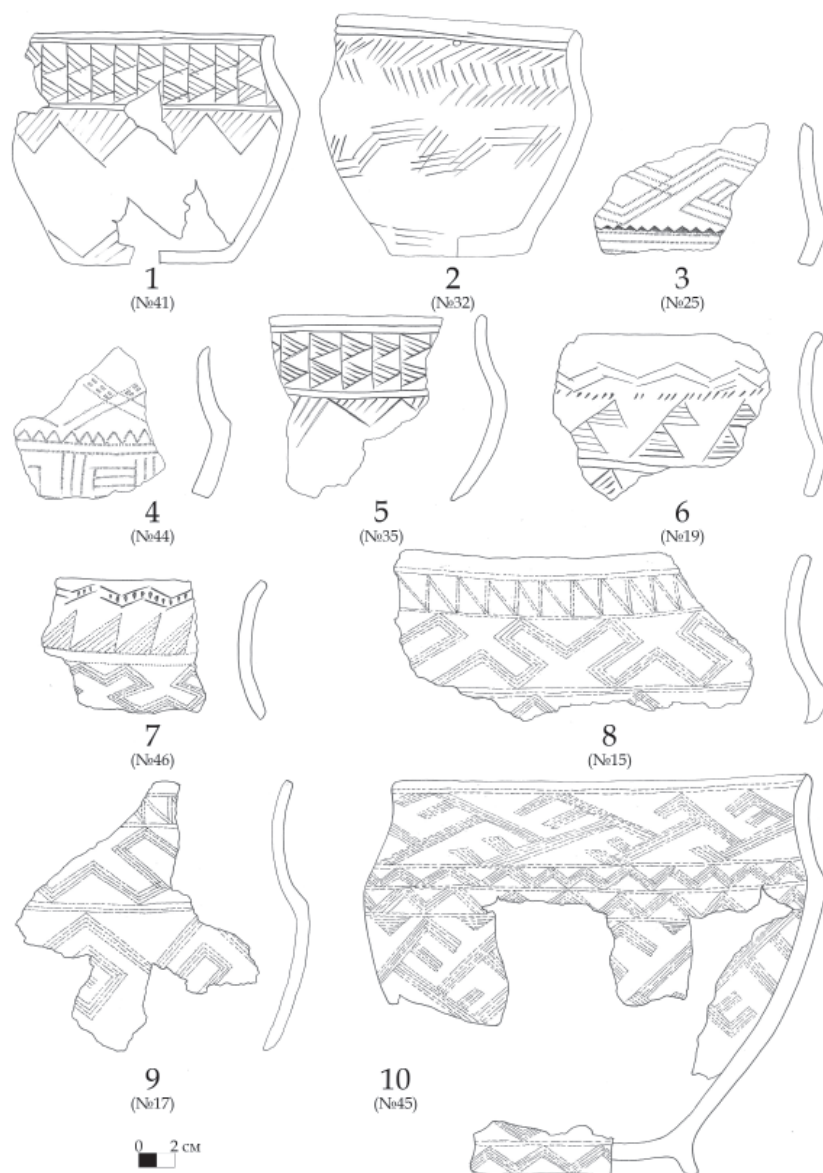

Рис. 5. Сосуды горшечной формы.

1–5, 7, 10 – из объекта № 132; 6, 8–9 – из объекта № 31.

Fig. 5. Pot-shaped vessels. 1–5, 7, 10 – from object № 132; 6, 8–9 – from object № 31.

фрагментов (сосуды № 1–6) (рис. 4: 2–3). Также внутри ограды были обнаружены останки поминальных приношений (нижняя челюсть МРС, зубы лошади).

В центральной части ограды на глубине 0,3 м было зафиксировано скопление каменных плит, что сви-

детельствует о разграбленности данного сооружения. На глубине 0,67 м, на материковом уровне, выявились контуры могильной ямы прямоугольной формы размерами 4,8×2,9 м, ориентированной по линии СВ – ЮЗ. На глубине 1 м могильная яма сузилась до 4,5×2,5 м. В ходе разборки запол-

нения могильное пятно разделилось на две части, из чего стало ясно, что яма является двухкамерной.

Погребение 1. Юго-восточное погребение. В прямоугольной могильной яме размерами 2,5×1,5 м была сооружена деревянная погребальная камера. В северо-восточной поперечной стенке погребальной камеры частично сохранились два венца бревен сечением 10 см. В погребении в хаотичном порядке были найдены черепки десяти различных сосудов (№ 7–16) (рис. 5: 8) и кости человека. Глубина ямы от уровня материка составляет 0,5 м (от современной поверхности – 1,1 м).

Погребение 2. Северо-западное погребение. В прямоугольной могильной яме размерами 2,4×1,8 м также была деревянная погребальная камера. Однако зафиксировать какие-либо параметры конструкции не представилось возможным в силу плохой ее сохранности. В заполнении, также в разбросанном виде, встречались кости человеческого скелета и фрагменты трех различных сосудов (№ 17–19) (рис. 5: 6, 9). Глубина ямы от уровня материка составляет 0,64 м (от современной поверхности – 1,3 м).

Характеристика керамического материала

В ходе раскопок был получен керамический материал, состоящий из 117 фрагментов сосудов. Из массы фрагментарной керамики по визуальным диагностируемым признакам удалось определить общее количество сосудов из двух объектов – 68. В подавляющем большинстве они представлены единичными обломками. Тем не менее имеется представительное количество экземпляров, которые позволяют охарактеризовать форму и орнаментацию сосудов.

Сосуды баночной формы (7 экз.). Сосуды малых размеров, приземистых пропорций. Баночные сосуды можно разделить на две группы: банки с закрытым устьем, имеющие короткие, загнутые внутрь венчики,

которые переходят в слегка раздутое в верхней трети тулово (рис. 4: 1–6); банка с открытым устьем, тулово которой плавно сужается ко дну (рис. 4: 7).

Основные элементы декора – горизонтальные линии (от одной до двух) и косо заштрихованные треугольники, обращенные вершиной вверх и вниз. На поверхности двух сосудов имеются треугольные вдавления.

Из всей коллекции банок выделяется сосуд № 31 из жертвенника 1 (рис. 4: 5). Поверхность сосуда сплошь орнаментирована. Орнамент состоит из пятнадцати столбцов прямых коротких горизонтальных линий. В каждом столбце в среднем по пятнадцать-шестнадцать линий. В первых семи столбцах линии расположены строго горизонтально, а начиная с восьмого столбца их направление становится диагональным и композиция постепенно «скручивается».

Сосуды горшечной формы (10 экз.). По форме это горшки, имеющие уступ, отделяющий шейку от тулова (рис. 5). Орнаментация включает геометрические мотивы, выполненные преимущественно отпечатками гребенчатого штампа. Основные элементы декора – горизонтальные линии (от одной до трех), косо или горизонтально заштрихованные равнобедренные треугольники, обращенные вершиной вверх и вниз, меандры (линейные и ковровые), треугольные вдавления, горизонтальный пояс из двойного зигзага, треугольные флажки, N-образные фигуры. Неорнаментированные полосы на шейках отсутствуют.

Результаты

Таким образом, основными признаками погребального обряда в исследованных сооружениях являются:

1. Конструктивные элементы надмогильного сооружения (насыпь и каменная ограда, могильный выкид);

2. Наличие одной большой прямоугольной ямы в центре и одного-двух основных погребений;

3. Оформление периферийных погребений вокруг центральной ямы (за оградой, в пристройке);

4. Деревянная могильная конструкция;

5. Каменные жертвенники и остатки поминальных обрядов (помещенные в насыпь и на дневную поверхность сосуда, а также кости животных на подкурганной площадке);

6. Наличие керамических сосудов алакульского облика (в частности, горшечных сосудов с уступом на плече).

Алакульские погребальные памятники распространены во всех районах Северного Казахстана – в равнинной (Приишимская и Ишимо-Иртышская равнины) и мелкосопочной (Кокшетауская возвышенность, так называемая Северная Сарыарка).

На равнинных территориях расположены могильники Чаглинка (Акишев, 1959, с. 16–17), Бурлук I (Зданович, 1970), Семипалатное (Зданович, 1988), Новоникольское (Бойко, Хабдулина, 1978), Байкара (Парцингер и др., 2003), Баганаты III (Плешаков и др., 2005), а также относящиеся к алакульской линии развития памятники амангельдинского типа Пестрое Озеро (Тихонов, 2022) и Амангельды I (Зданович, 1988).

К мелкосопочным территориям относятся могильники близ Кокшетау (Селиванов, 1896), Ефимовка, Боровое (Оразбаев, 1958), Кеноткель XII, XIX (Зданович, Хабдулина, 1974; Зайберт и др., 2008), Чайка I (Кисленко, 1992), Шондынкорасы I, II (Хабдулина, 2000; Сакенов, 2013), Нурмагамбет I (Семенов, Касенбеков, 2002), Ормандыбулак (Байтлеу и др., 2013) и памятники амангельдинского типа Айдабул I (Акишев, 1959, с. 15–16), Куропаткино II (Бухонина, 1984).

С точки зрения основных признаков погребального обряда, материалы могильника Чайка I уверенно соотносятся с алакульскими могильниками обоих районов Северного Казахстана.

Было проанализировано 77 погребальных сооружений алакульской

культуры (в том числе амангельдинского типа), включая все три исследованных объекта могильника Чайка I, что позволило установить следующие общие черты памятников обоих районов: 1) округлая форма насыпи и каменной ограды; 2) наличие керамических сосудов и костей животных – остатков тризны и периодических поминальных приношений – на различных уровнях и в разных частях кургана; 3) одно или два центральных погребения; 4) прямоугольная форма могильных ям и могильных конструкций; 5) деревянное перекрытие; 6) грунтовая яма, деревянная могильная конструкция; 7) труположение в скорченном положении на левом боку; 8) одиночные захоронения; 9) ориентировка в западный сектор.

Основными типами могильных конструкций в обоих районах являются грунтовая яма и деревянная камера. Обобщив данные по 147 алакульским погребениям, удалось установить, что их соотношение составляет 3 к 1 (106/34). Внутримогильные деревянные конструкции сооружались в центральных погребениях. Они представляли собой деревянные обкладки из горизонтально и (или) вертикально уложенных плах, а также бревен в 1–3 венца, устойчивость которых обеспечивалась вертикальными столбиками или примитивным срубом, как, например, в кургане № 4 могильника Куропаткино II (Бухонина, 1984, рис. 1).

Вместе с тем есть ряд отличительных черт. Так, земляная насыпь округлой формы имеется во всех погребальных сооружениях Приишимской равнины, но каменные ограды там не встречаются. На Кокшетауской возвышенности представлены оба типа надмогильных сооружений: курганы-ограды и ограды без насыпи (Боровое, Кеноткель XII, XIX, Шондынкорасы II, Ормандыбулак).

Также практика распределения выкида вокруг могилы в большей степени характерна для равнинных могильников. Выкид из могилы за-

фиксирован на таких памятниках, как Семипалатное, курган № 3 (Зданович, 1988, с. 102), Байкара, курган № 4 (Парцингер и др., 2003, с. 115), Баганаты III, курганы № 17–18 (Плешаков и др., 2005, с. 18–19), Амангельды I, курган № 8 (Зданович, 1988, с. 66), Куропаткино II, курганы № 1–2, 4–5 (Бухонина, 1984, с. 45–46). В этих курганах выкид представляет собой равномерно распределенный слой в центральной части кургана, непосредственно окружающий могильную яму. Толщина выкида составляет от 0,1 до 0,4 м, ширина – в пределах 1–3,5 м.

Объединяет исследованные сооружения могильника Чайка I с курганами равнинных районов наличие больших могильных ям прямоугольной формы, длина и ширина которых превышают 2 м. Наличием подобных больших ям выделяются почти все исследованные алакульские могильники Приишимской равнины, а также могильники Куропаткино II и Ормандыбулак на Кокшетауской возвышенности.

Одним из заметных отличий равнинных и мелкосопочных памятников является оформление детских и подростковых погребений. Общей закономерностью остается тот факт, что они располагались за пределами надмогильного сооружения, возведенного над центральной ямой. Отличие заключается в том, что в мелкосопочных районах, помимо земляной конструкции, присутствует каменная ограда. В результате периферийные погребения находятся за пределами ограды и, кроме того, могут быть размещены в специальной пристройке, как, например, в могильнике Шондынкорасы I (Хабдулина, 2000, рис. 1). В то же время в Приишимской равнине могилы детей и подростков устраивали у основания предварительно намеченных кольцевых канавок, что и создавало круговую композицию кладбищ (Зданович, 1988, с. 142).

Таким образом, отличительными чертами равнинных памятников яв-

ляются: 1) отсутствие камня в погребальной архитектуре Приишимья; 2) наличие рва; 3) наличие могильного выкида; 4) большие могильные ямы; 5) характер дополнительных погребений (на периферии центральной ямы в Приишимье, за оградой или в пристройке в сарыаркинских степях). Также одним из второстепенных отличий сарыаркинских памятников (включая центрально-казахстанские) является наличие обложенных камнями жертвенных ям (каменные жертвенники), куда помещались сосуды и жертвенная пища.

Заключение

Представляется, что погребальный обряд могильника Чайка I в большей мере демонстрирует близость с приишимскими памятниками. Чайка I – это крупнейший алакульский могильник на территории Северной Сарыарки (Кокшетауской возвышенности), что говорит о длительном периоде его функционирования. В свою очередь, это характеризует достаточно стабильный период развития культуры, когда привнесенные в сарыаркинские степи приишимские традиции в силу смены природной среды и местного развития претерпевали некоторые изменения.

Что касается радиоуглеродных дат из памятников Северного Казахстана, на сегодняшний день имеются три даты из алакульских погребений могильника Байкара, калиброванные значения которых укладываются в 1740–1520 (1780–1490) гг. до н. э. (Парцингер и др., 2003, с. 143–148).

На основе сравнительного анализа алакульского погребального обряда Северного Казахстана исследованные сооружения могильника Чайка I можно датировать широким хронологическим интервалом второй половины XVIII – XVII в. до н. э.

Облик керамического материала не противоречит этим датам, поскольку среди горшечных сосудов нет экземпляров со сглаженными уступами и с более плавной, усложненной про-

филировкой придонной части тулова, что в совокупности придает поздним алакульским сосудам стройную вытянутую форму (Зданович, 1988, с. 112). Также в эти даты вписывается наличие сосуда № 31. Аналогичная посуда была найдена в раннесрубном могильнике Новая Белогорка (Федорова-Давыдова, 1964, с. 90–91, рис. 5, 1).

Таким образом, новые исследования на могильнике Чайка I позволяют согласиться с выводами, озвученными А.М. Кисленко, согласно которым данный могильник был оставлен алакульским населением, двигавшимся в южном и восточном направлениях (Кисленко, 1992, с. 56).

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишев К.А. Памятники старины Северного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 7 / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: АН КазССР, 1959. С. 3–31.
2. Байтлеу Д.А., Самашев З., Зайберт В.Ф., Магзумов А.М., Тюлебаев А.Ж. Исследование могильника Ормандыбулак в Зерендинском районе Акмолинской области // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. II / Науч. ред. А. Онгар. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. С. 100–112.
3. Бойко Т.А., Хабдулина М.К. Могильник у с. Новоникольское // Отчет. Археологические исследования в Северном Казахстане. Том III. Челябинск, 1978 / Архив НИИ археологии им. К.А. Акишева. С. 18–28.
4. Бухонина Т.А. Могильник эпохи бронзы Куропаткино II на р. Чаглинка // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Межвузовский сборник / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: ЧГУ, 1984. С. 44–58.
5. Грудочко И.В. Типология и культурно-хронологическая интерпретация курганов с «усами» // Поволжская археология. 2020. № 4(34). С. 20–35.
6. Зайберт В.Ф., Ибраев Т.К., Захаров С.В., Толебаев А.Ж. Охранные работы на могильнике Кеноткель XVIII // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2007 году / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2008. С. 196–199.
7. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.
8. Зданович Г.Б., Хабдулина М.К. Могильник Кеноткель XII // Отчет. Полевые археологические исследования в Северном Казахстане в 1973 году. Том II. Караганда-Петропавловск, 1974 / Архив НИИ археологии им. К.А. Акишева. С. 16–21.
9. Зданович С.Я. Могильник эпохи бронзы Бурлук I // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 154–163.
10. Кисленко А.М. Могильник Чайка // Маргулановские чтения. Тезисы / Отв. ред. В.Ф. Зайберт. Петропавловск: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 1992. С. 55–57.
11. Мухаметзянов А.Р., Хабдулина М.К. От традиции к инновациям: ГИС в археологии Акмолинской области // Археология Казахстана. 2024. № 1 (23). С. 115–129.
12. Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии Наук КазССР. Т. V: Археология / Отв. ред. В.Ф. Шахматов, К.А. Акишев. Алма-Ата: Академия Наук КазССР, 1958. С. 216–283.
13. Парцингер Г., Зайберт В., Наглер А., Плешаков А. Большой курган Байкара. Исследование скифского святилища // Archäologie in Eurasien. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 2003. Bd. 16. 280 S.
14. Плешаков А.А., Мартынюк О.И., Баев А.В. Могильник эпохи бронзы Баганаты III. Петропавловск: СКГУ им. М. Козыбаева, 2005. 82 с.
15. Сакенов С.К. Алакульские и нуринские комплексы могильника Шондынкораы II // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2013. № 3 (289). С. 35–49.
16. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область / отв. ред. Г.М. Камалова. Алматы: Аруна, 2009. 567 с.
17. Селиванов А.В. Раскопки в Акмолинской области // Отчет Императорской Археологической комиссии: за 1894 год. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 1896. С. 30–31.

18. Семенов Д.В., Касенбеков Е.М. Археологические работы в Аккольском районе // Отчет. Работы Ишимской стационарной археологической экспедиции на территории Акмолинской области в 2001 году. Астана, 2002 / Архив НИИ археологии им. К.А. Акишева. С. 55–57.

19. Тихонов С.С. Могильник «Пестрое Озеро» в Петропавловске // Степные миры в зеркале археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию ученого-археолога М.К. Хабдулиной / Отв. ред. Б.М. Хасенова. Нур-Султан: ИП ARD-Print, 2022. С. 161–168.

20. Федорова-Давыдова Э.А. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье // Археология и этнография Башкирии. Т. 2 / Под ред. Р.Г. Кузеева, К.В. Сальникова. Уфа: БФАН СССР. С. 84–92.

21. Хабдулина М.К. Алакульский могильник Аксу // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2000. № 1. С. 40–52.

Информация об авторах:

Тлеугабулов Данияр Толегенович, магистр гуманитарных наук, старший преподаватель, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан); danchitto@mail.ru

Рысбергенов Муса Ахатулы, магистр гуманитарных наук, Национальный музей Республики Казахстан (г. Астана, Казахстан); rysbergenov.mussa@gmail.com

Мухаметзянов Артур Робертович, магистр гуманитарных наук, Национальный музей Республики Казахстан (г. Астана, Казахстан); artur.mukhametzyanov.01@mail.ru

Тлекишев Сулейман Нурланович, магистр гуманитарных наук, Национальный музей Республики Казахстан (г. Астана, Казахстан); kvas1ks@mail.ru

Омаров Алдияр Ганиулы, магистр гуманитарных наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан); 49621004a@gmail.com

Тагленов Амир Максutowич, магистрант, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан); Odolodil111@gmail.com

Укеев Жасулан Каримулы, магистр исторических наук, директор, «Центр по охране и использованию историко-культурного наследия» управления культуры Акмолинской области (г. Кокшетау, Казахстан); zhassulan82@mail.ru

RESEARCH AT THE CHAYKA ARCHAEOLOGICAL COMPLEX (NORTHERN KAZAKHSTAN)

**D.T. Tleugabulov, M.A. Rysbergenov, A.R. Mukhametzyanov,
S.N. Tlekishev, A.G. Omarov, A.M. Taglenov, Zh.K. Ukeev**

This paper publishes the results of research conducted at the Chayka archaeological complex by the Akmoла archaeological expedition of the “Center for the Protection and Use of Historical and Cultural Heritage” of the Department of Culture of Akmoла region in 2024. During the reconnaissance survey of the area surrounding the Chayka I Bronze Age burial ground, three previously unknown sites from various periods were identified. Two burial structures of the Alakul culture (2nd half of the XVIII–XVII centuries BC) were also investigated. The research objectives of this work are to introduce the obtained material into scientific discourse. The main focus will be on analyzing the burial rite and grave goods, as well as determining the place of the materials from the Chayka I burial ground within the system of Alakul antiquities of Northern Kazakhstan. Based on a comparative analysis of the Alakul burial rite in Northern Kazakhstan, the studied structures of the Chaika I burial ground are dated to a wide chronological interval of the second half of the XVIII–XVII centuries BC. The authors agree with the conclusions of A.M. Kislenco, according to which this burial ground was abandoned by the Alakul population moving in the southern and eastern directions.

Keywords: archaeology, Northern Kazakhstan, Northern Saryarka, Late Bronze Age, Alakul culture, burial rite, barrow with “moustache”.

This article has been prepared as part of a grant-funded research project for young scientists under the “Zhas Galym” (Young Scientist) competition, supported by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2024–2026 (Project No. AP22686087).

REFERENCES

1. Akishev, K. A. 1959. In Akishev, K. A. (ed.). *Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 7. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 3–31 (in Russian).
2. Baytleu, D. A., Samashev, Z., Zaybert, V. F., Magzumov, A.M., Tyulebayev, A. Zh. 2013. In Ongar, A. (ed.). *Trudy filiala Instituta arkhologii im. A. Kh. Margulana v g. Astana (Proceedings of the Branch of the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology in Astana)* II. Astana: The Branch of the Institute of Archaeology in Astana, 100–112 (in Russian).
3. Boiko, T. A., Khabdulina, M. K. 1978. *Mogil'nik u s. Novonikol'skoye. Otchet. Arkheologicheskiye issledovaniya v Severnom Kazakhstane. T. III (Burial ground nearby the village of Novonikolskoye. Report. Archaeological research in Northern Kazakhstan. Vol. III).* Chelyabinsk. Archive of the Research Institute named after K.A. Akishev, 18–28 (in Russian).
4. Bukhonina, T. A. 1984. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Bronzovyy vek Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia (Bronze Age of the Ural-Irtysh Interfluvium).* Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 44–58 (in Russian).
5. Grudochko, I. V. 2020. In *Povolzhskaya arkhologiya (The Volga River Region Archaeology)* 4(34), 20–35 (in Russian).
6. Zaybert, V. F., Ibrayev, T. K., Zakharov, S. V., Tolebayev, A. Zh. 2008. In Baipakov, K. M. (ed.). *Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniyakh po gosudarstvennoy programme «Kul'turnoe nasledie» v 2007 godu (Report on the Archaeological Investigations under the State Program “Cultural Heritage” in 2007).* Almaty: Institute for Archaeology, 196–199 (in Russian).
7. Zdanovich, G. B. 1988. *Bronzovyy vek Uralo-Kazakhstanskikh stepei (osnovy periodizatsii) (The Bronze Age of the Ural / Kazakhstan Steppes (Periodization Framework)).* Sverdlovsk: Ural State University Publ. (in Russian).
8. Zdanovich, G. B., Khabdulina, M. K. 1974. *Mogil'nik Kenotkel' XII. Otchet. Polevyye arkhologicheskiye issledovaniya v Severnom Kazakhstane v 1973 godu. T. II (Kenotkel XII burial ground. Report. Archaeological field research in Northern Kazakhstan in 1973. Vol. II).* Astana. Archive of the Research Institute named after K.A. Akishev, 16–21 (in Russian).
9. Zdanovich, S. Ya. 1970. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Po sledam drevnikh kul'tur Kazakhstana (In the Wake of the Ancient Cultures of Kazakhstan).* Alma-Ata: “Nauka” Publ., 154–163 (in Russian).
10. Kislenko, A. M. 1992. In Zaybert, V. F. (ed.). *Margulanovskie chteniya (Margulan Readings).* Petropavlovsk: A.Kh. Margulan Archaeology Institute, 55–57 (in Russian).
11. Mukhametzyanov, A. R., Khabdulina, M. K. 2024. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 1 (23), 115–129 (in Russian).
12. Orzbaev, A. M. 1958. In Shakhmatov, V. F., Akishev, K. A. (eds.). *Trudy instituta istorii, arkhologii i etnografii (Proceedings of the Institute for History, Archaeology and Ethnography)* V. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 216–283 (in Russian).
13. Parzinger, G., Zaybert, V., Nagler, A., Pleshakov, A. *Bolshoy kurgan Baikara. Issledovanie skifskogo svyatilishcha (The great Baikara barrow. A study of a Scythian sanctuary).* 2003. In *Archäologie in Eurasien*, 16. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern.
14. Pleshakov, A. A., Martynyuk, O. I., Baev, A. V. 2005. *Mogil'nik epokhi bronzy Baganaty III. (Baganaty III Burial Ground of the Bronze Age).* Petropavlovsk: Manash Kozybayev North Kazakhstan State University Publ. (in Russian).
15. Sakenov, S. K. 2013. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 3, 35–49 (in Russian).
16. In Kamalova, G. M. (ed.). 2009. *Svod pamyatnikov istorii i kultury Respubliki Kazakhstan. Akmolinskaya oblast' (Corpus of Sites of Historical and Cultural of the Republic of Kazakhstan. Akmola Region).* Almaty: “Aruna” Publ. (in Russian).
17. Selivanov, A. V. 1896. *Otchety Imperatorskoi arkhologicheskoi komissii za 1894 g. (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1894).* Saint Petersburg: “Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov” Publ., 30–31 (in Russian).
18. Semenov, D. V., Kasenbekov, E. M. 2002. *Arkheologicheskiye raboty v Akkol'skom rayone. Otchet. Raboty Ishimskoy statsionarnoy arkhologicheskoy ekspeditsii na territorii Akmolinskoy oblasti v 2001 godu (Archaeological works in the Akkol district. Report. The work of the Ishim stationary archaeological expedition in the Akmola region in 2001).* Astana. Archive of the Research Institute named after K.A. Akishev, 55–57 (in Russian).
19. Tikhonov, S. S. 2022. In Khasanova, B. M. (ed.). *Stepnyye miry v zerkale arkhologii (Steppe worlds in the mirror of archaeology).* Nur-Sultan: “ARD-Print” Publ., 161–168 (in Russian).
20. Fedorova-Davydova, E. A. 1964. In Kuzeev, R. G., Sal'nikov, K. V. (eds.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* 2. Ufa: Bashkirian Branch, Academy of Sciences of the USSR, 84–92 (in Russian).
21. Khabdulina, M. K. 2000. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 1, 40–52 (in Russian).

About the Authors:

Tleugabulov Daniyar T. L.N. Gumilyov Eurasian National University. Satpayeva St., 2, Astana, 010000, Kazakhstan; danchitto@mail.ru

Rysbergenov Mussa A. National Museum of the Republic of Kazakhstan. Tauelsizdik Ave. 54, Astana, 010000, Kazakhstan; rysbergenov.mussa@gmail.com

Mukhametzyanov Artur R. National Museum of the Republic of Kazakhstan. Tauelsizdik Ave. 54, Astana, 010000, Kazakhstan; artur.mukhametzyanov.01@mail.ru

Tlekishev Suleiman N. National Museum of the Republic of Kazakhstan. Tauelsizdik Ave. 54, Astana, 010000, Kazakhstan; kvaslks@mail.ru

Omarov Aldiyar G. L.N. Gumilyov Eurasian National University. Satpayeva St., 2, Astana, 010000, Kazakhstan; 49621004a@gmail.com

Taglenov Amir M. L.N. Gumilyov Eurasian National University. Satpayeva St., 2, Astana, 010000, Kazakhstan; 0dolodil111@gmail.com

Ukeev Zhasulan K. Director. "Center for the Protection and Use of Historical and Cultural Heritage" of the Department of Culture of the Akmola Region. Baimukanova St., 23, Kokshetau, 020000, Kazakhstan; zhassulan82@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2026 г

БРОНЗОВЫЕ РАПИРЫ ИЗ ДЖАЛИЛАБАДСКОГО РАЙОНА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

© 2026 г. Д.А. Кириченко

В статье рассмотрены находки бронзовых мечей по типу рапиры, происходящих из юго-восточного региона Азербайджана. Впервые похожие артефакты были обнаружены случайно, в 1941 г., на археологическом памятнике Узунтепе. Количество находок тогда составило 15 изделий. Со временем к ним добавилось еще 10 экземпляров подобного оружия, которые были выявлены случайно, в ходе земляных работ, и переданы на хранение в историко-краеведческий музей г. Джалилабада. Мечи датируются периодом поздней бронзы – раннего железа и, вероятно, происходят из разрушенных погребений. В публикации приводятся размеры оружия и их возможные аналогии в синхронную эпоху. В настоящее время известно 25 артефактов из исследуемого района. Длина мечей 40,5–85 см, а ширина (максимальная) 5–6 см. Изделия относятся к холодному оружию. Аналогии находкам встречаются на территории Лерикского, Ярдымлинского, Масаллинского, Ленкоранского и Астаринского районов Азербайджанской Республики, а также в провинции Гилян в Иране. Ареал распространения подобного типа клинков в эпоху поздней бронзы – раннего железа охватывал регион Талышских гор, прибрежную полосу Каспийского моря (Гилян), а также Муганскую равнину. Прототипы мечей, возможно, попали на юго-восток Азербайджана из западных регионов нашей республики в конце периода средней бронзы и получили здесь свое дальнейшее развитие. Среди исследованных материалов имеются экземпляры с выступающим ребром по центральной оси клинка, что свойственно клинкам эпохи средней бронзы, хотя этот признак не ярко выражен. Время бытования этого вида оружия следует очертить в хронологических рамках XV/XIV–VIII/VII вв. до н. э.

Ключевые слова: археология, Азербайджан, Южный Кавказ, оружие, мечи-рапиры, погребения, эпоха поздней бронзы – раннего железа.

Введение

В статье впервые была предпринята попытка обобщить сведения о находках мечей по типу рапиры из Джалилабадского района Азербайджана. В настоящее время десять исследованных нами рапир (рис. 1, 2) представлены в экспозиции историко-краеведческого музея г. Джалилабада (Азербайджанская Республика). Из ранних публикаций известно еще о 15 (Джафарзаде, 1946) находках подобного рода. Для последних, к сожалению, отсутствуют фото и имеется лишь два графических рисунка из публикации археолога к.и.н. И.М. Джафарзаде. Таким образом, в настоящее время имеется информация о 25 мечах по типу рапиры из Джалилабадского района нашей республики.

Материалы исследования

Материалом для изготовления исследованных рапир явилась бронза. Оружие было отлито, а затем доведено до совершенства методомковки.

Клинок длинный, прямой, обоюдоострый. Конец меча заостренный. Безусловно, оружие было пригодным к использованию в боевых действиях, при этом оно сохранило свою остроту и по сей день.

В сентябре 2021 г. нами было исследовано десять мечей, представленных в экспозиции историко-краеведческого музея г. Джалилабада. По возможности, было установлено место находки, если о нем присутствовала запись в инвентарной книге музея. Некоторые находки были переданы, к сожалению, без указания точного места обнаружения. Вероятно, рапиры были обнаружены случайно, в ходе земляных или строительных работ, и происходят из разрушенных погребений.

Помимо артефактов из музея, в научной литературе имеются сведения о 15 мечах, выявленных на археологическом памятнике Узунтепе, которые также происходили из разрушенных погребений.

Весной 1941 г. в 1,5 км к северо-востоку от с. Узунтепе, на холме, в ходе земляных работ была прорыта траншея длиной 1 км и шириной 30 м, из которой происходили различные находки (керамика, изделия из камня, металлов и т. д.). Исследователями было установлено, что артефакты происходили из разрушенных грунтовых погребений (Джафарзаде, 1946, с. 22–23).

Среди находок из Узунтепе присутствовало также 15 длинных прямых двусторонних мечей. Они отличаются друг от друга только своей длиной, которая колеблется от 42 до 81,5 см. Клинок мечей имеет насад для прикрепления к рукояти. Насад представляет собой стрежень в виде длинного узкого язычка с тупым концом. Размер насада от 5 до 8 см. Насад является непосредственным продолжением верхней части клинка. На конце одного стержня имеется маленькое сквозное отверстие, которое служило для прикрепления насада к рукоятке (рис. 3: 2). Все клинки без рукояток. Можно предположить, что рукоятки их были деревянными или костяными и оканчивались бронзовым набалдашником. Орнамента клинки не имеют, но на одном из них сохранились следы позолоты, главным образом на конце (Джафарзаде, 1946, с. 26).

Все находки из Узунтепе следует отнести к рапирам эпохи поздней бронзы – раннего железа. К сожалению, в публикации И.М. Джафарзаде не приводится более подробная информация о каждом мече, обнаруженном на Узунтепе, а дается лишь общее их описание и два графических рисунка (рис. 3: 1, 2, 9).

Результаты и обсуждение

В экспозиции историко-краеведческого музея г. Джалилабада, как указывалось выше, имеется десять бронзовых клинков по типу рапиры (рис. 1), которые были нами изучены.

Ниже мы приводим сведения о каждом клинке из экспозиции музея (инв. номер, место

находки, если таковое указано, и размеры).

№ 1 (рис. 1: 1). Инвентарный номер, к сожалению, отсутствовал, также неизвестно точное место находки. Длина меча с насадом 78 см, максимальная ширина клинка 3,1 см. Длина насада 10,5 см. Насад стержневидный, узкий. Длина клинка 67,5 см.

№ 2 (рис. 1: 2). Инв. № 27. Место находки: с. Дженгях. Длина меча с насадом 75 см, длина клинка 70,2 см, максимальная ширина клинка 4 см. Длина насада 4,8 см. Насад стержневидный. Он сломан по месту расположения округлого отверстия, диаметр которого 0,4 см. Отверстие служило для прикрепления рукояти к насаду. По центральной осевой линии клинка проходит слабо выраженное ребро жесткости, придающее клинку большую прочность.

№ 3 (рис. 1: 3). Инв. № 28. Точное место находки неизвестно. Длина меча с насадом 83 см, длина клинка 78 см, максимальная ширина клинка 3,1 см. Длина насада 5 см. Насад стержневидный. Насад сломан по месту расположения округлого отверстия (сохранилась его половина). Диаметр отверстия 0,4 см.

№ 4 (рис. 1: 4). Инв. № 25. Точное место находки неизвестно. Длина меча с насадом 82 см, длина клинка 76 см, максимальная ширина клинка 3,7 см. Длина насада 6 см. Насад стержневидный. Насад сломан по месту расположения округлого отверстия (сохранилась его половина). Диаметр отверстия 0,4 см. По центральной осевой линии клинка проходит слабо выраженное ребро жесткости.

№ 5 (рис. 1: 5). Инв. № 33. Точное место находки неизвестно. Длина меча с насадом 74 см, длина клинка 72 см, максимальная ширина 2,9 см. Насад стержневидный. Насад сломан почти у основания. Длина сохранившейся части насада 2 см. По центральной осевой линии клинка проходит слабо выраженное ребро жесткости.

Рис. 1. 1–5 – мечи-рапиры из историко-краеведческого музея г. Джалилабада.

Fig. 1. 1–5 – Swords-rapiers from the Museum of regional studies of Jalilabad.

№ 6 (рис. 2: 1). Инв. № 1736. Точное место находки неизвестно. Длина меча с насадом 55,5 см, длина клинка 50,5 см, максимальная ширина клинка 2,3 см. Длина насада 5 см. Насад стержневидный. Насад сломан по месту расположения крепящего отверстия, диаметр которого не восстанавливается.

№ 7 (рис. 2: 2). Инв. № 1887. Точное место находки неизвестно. Острие клинка сломано. Длина меча

(сохранившейся части) с насадом 46,5 см, длина клинка (сохранившаяся часть) 42,5 см, максимальная ширина клинка 3,4 см. Длина насада 4 см. Насад стержневидный. Насад сломан по месту расположения крепящего отверстия, диаметр которого 0,4 см. По центральной осевой линии клинка проходит слабо выраженное ребро жесткости.

№ 8 (рис. 2: 3). Инв. № 4552. Место находки: с. Ханегях. Длина меча (сохранившейся части) с насадом 42 см, длина клинка (сохранившаяся часть) 40,5 см, максимальная ширина клинка 3,4 см. Насад стержневидный. Насад сломан почти у основания. Длина сохранившейся части насада 1,5 см.

№ 9 (рис. 2: 4). Инв. № 62. Место находки: с. Привольное. Острие клинка сломано. Длина сохранившейся части меча с насадом 37,5 см, длина клинка (оставшаяся часть) 29,5 см, максимальная ширина клинка 2,9 см. Длина насада 8 см. Насад стержневидный. Насад сломан по месту расположения отверстия, диаметр которого 0,8 см. По центральной осевой линии клинка проходит слабо выраженное ребро жесткости, придающее клинку большую прочность.

№ 10 (рис. 2: 5). Инв. № 33. Точное место находки неизвестно. Длина меча с насадом 40,5 см, длина клинка 34,7 см, максимальная ширина клинка 2,8 см. Длина насада 5,8 см. Насад стержневидный.

Мечом называется вид наступательного оружия с прямым обоюдоострым клинком, предназначенным прежде всего для рубки, в длину более 60 см. Мечи длиной от 60 до 70 см относятся к коротким и пригодным в основном для пешего боя. Мечи длиной 70–90 см можно считать оптимальными по размерам, универсальными, одинаково удобными для рубки с коня и в пешем строю. Длина мечей от 90 см и более характерна для специальных всаднических мечей. Но кроме рубки мечи часто использовались и для колющего удара. В случае

Рис. 2. 1–5 – мечи-рапиры из историко-краеведческого музея г. Джалилабада.

Fig. 2. 1–5 – Swords-rapiers from the Museum of regional studies of Jalilabad.

же ярко выраженной колющей функции меча, даже очень длинные, вполне были удобны и для действия в пешем строю. Кроме чисто тактических условий на размеры меча должны были влиять и индивидуальные особенности заказчика или покупателя. Так, воины очень сильные или высокого роста предпочитали мечи более крупные. Кроме того, длина меча обуславливалась и проблемой безопасности: ведь меч, как и любое другое клинковое оружие, являлся не только оружием атаки, но и парирующим, защитным оружием, преграждающим путь оружию противника. Поэтому длинный меч держал противника на

большем расстоянии. Вместе с тем размеры его, а соответственно, и вес зависели и от манеры фехтования. Огромное влияние на признаки меча оказывал характер оборонительного вооружения, распространённого в том регионе, где применялся тот или иной тип меча (Горелик, 1993, с. 28). Узкие колющие мечи-рапиры являлись идеальным оружием против панцирей с мягкой основой, обшитых круглыми бляшками (Горелик, 1993, с. 30).

На Кавказе меч по типу рапиры появился еще в эпоху средней бронзы. В настоящее время, известно 18 таких артефактов с территории южной части Кавказа (Kirichenko, 2020).

В Азербайджане меч-рапира периода средней бронзы был обнаружен в каменной насыпи кургана № 2 долины реки Заямчай с территории Шамкирского района (Kirichenko, 2020).

По поводу происхождения меча по типу рапиры у исследователей существуют различные версии и предположения. Часть исследователей объясняет их появление заимствованием этого вида оружия из эгейского региона, где рапиры уже известны с конца среднеэлладского периода. Однако в последнее время всё больше специалистов склоняется к мнению о независимом от эгейских экземпляров происхождения кавказских артефактов. В задачи нашей работы не входит подробное изложение вопроса появления этого вида древнего оружия, мы ограничимся лишь описанием находок с территории Кавказа и северо-западного Ирана.

Впервые рапиры в юго-восточных районах Азербайджана были обнаружены в конце XIX века, в ходе археологических раскопок, осуществленных французским археологом Ж. де Морганом (Morgan, 1896, p. 62–65) на археологических памятниках в зоне Талышских гор. Поэтому иногда в научной литературе можно встретить название «талышские рапиры», хотя, на наш взгляд, термин не совсем удачный, так как ареал их распро-

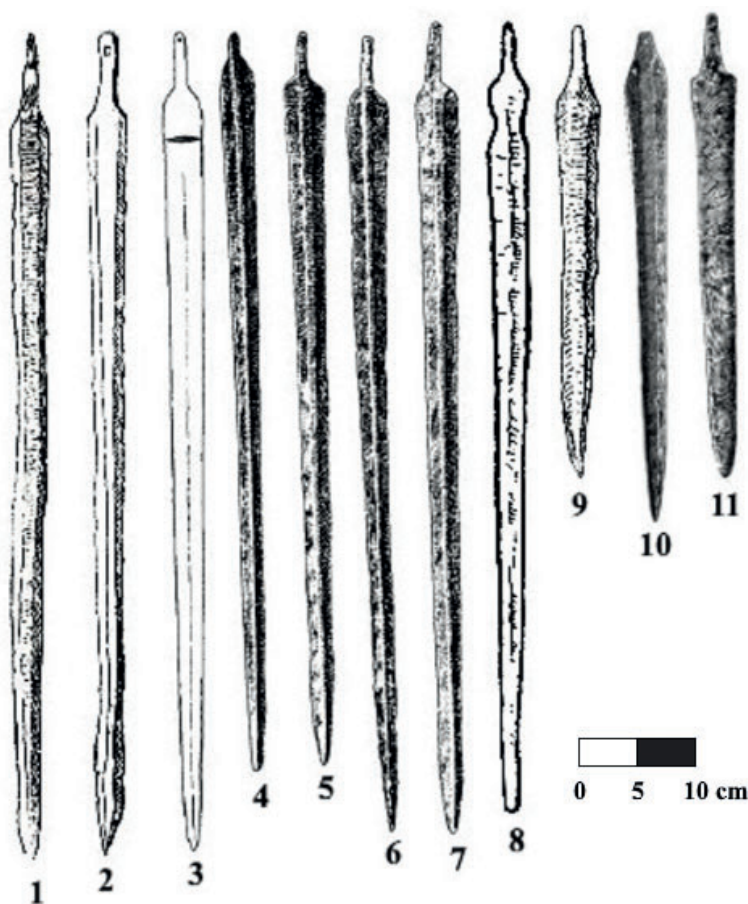

Рис. 3. Бронзовые мечи-рапиры, эпоха поздней бронзы–раннего железа. 1, 2, 9 – Узунтепе, Джалилабадский район, Азербайджан (по Джафарзаде, 1946); 3 – Ходжа Дауд Кепру, Гилан, Иран (по Schaeffer, 1948); 4 – Джоджикаш, Лерикский район, Азербайджан; 5, 7 – Вери, Лерикский район, Азербайджан; 6, 10 – Ховил, Лерикский район, Азербайджан (по Morgan, 1896); 8 – Хуштада, Республика Дагестан, Российская Федерация (по Котович, 1982); 11 – Хивери, Лерикский район, Азербайджан (по Morgan, 1896).

Fig. 3. Bronze swords-rapiers. Late Bronze–Early Iron Ages. 1, 2, 9 – Uzuntepe, Jalilabad district, Azerbaijan (after Jafarzade, 1946); 3 – Khodja Daud Kepru, Gilan, Iran (after Schaeffer, 1948); 4 – Jodjickash, Lerik district, Azerbaijan; 5, 7 – Veri, Lerik district, Azerbaijan; 6, 10 – Hovil, Lerik district, Azerbaijan (after Morgan, 1896); 8 – Khushtada, Republic of Dagestan, Russian Federation (after Kotovich, 1982); 11 – Hiveri, Lerik district, Azerbaijan (after Morgan, 1896).

странения в период поздней бронзы – раннего железа был несколько шире, в частности джалилабадские мечи в географическом плане относятся к Мугани, а многие другие находки были сделаны вне пределов Талышских гор.

Французский археолог д-р Клод Ф-А. Шеффер датирует археологические памятники, из которых происходят бронзовые мечи-рапиры из

раскопок Ж. де Моргана, в пределах 1550–1350 вв. до н. э. (Schaeffer, 1948, p. 443). Бронзовые рапиры из раскопок Ж. де Моргана были обнаружены на территории современного Лерикского района Азербайджана и современной провинции Гилан Исламской Республики Иран.

Грузинский археолог д-р М. Абрамишвили отмечает, что рапиры следует датировать намного раньше, чем

середина II тыс. до н. э. (Abramishvili, 2018, p. 143). По его мнению, мечи могут быть даже предшественниками южнокавказских рапир или, в качестве альтернативы, являться современниками рапир из Триалети (Abramishvili, 2018, p. 147).

Азербайджанский археолог к.и.н. Ф.Р. Махмудов считал, что рапиры попали в зону Талыша в XVI–XV вв. до н. э. и послужили прототипами для многочисленных местных мечей типа рапир эпохи поздней бронзы (Махмудов, 2008, с. 101–102).

Клинки длиной до 70 см, по мнению Ф.Р. Махмудова, следует отнести к периоду XI–IX вв. до н. э. Они постепенно приходят на смену длинным мечам и сочетают в себе функции меча и кинжала (Махмудов, 2008, с. 112).

В связи с распространением железа в южных регионах Азербайджана, известны уже и рапиры из этого металла (Morgan, 1896; Махмудов, 2008), форма которых осталась неизменной. Появление железных рапир Ф.Р. Махмудов относит к X–VII вв. до н. э. (Махмудов, 2008, с. 117, 121).

Помимо Джалилабадского и Ленкоранского районов, мечи-рапиры были обнаружены также и в Масаллинском, Ярдымлинском, Ленкоранском и Астаринском районах нашей республики.

Азербайджанский археолог к.и.н. Ф.Р. Махмудов сообщает о двух клинках из разрушенных погребений в местности Дивалона близ с. Дигях (Ленкоранский район), бронзовой рапире (Махмудов, 2008, с. 101) из пос. Гиркан (Ленкоранский район), о двух узких клинках рапировидных мечей коротких размеров из с. Хишкедере (Масаллинский район), аналогичных найденным в Дивалона (Махмудов, 2008, с. 82), рапире из погребения разрушенного кургана (Махмудов, 2008, с. 78) близ с. Дигеди (Астаринский район).

Одной из последних находок бронзовых рапир (рис. 4: 5) на террито-

рии Азербайджана является находка из раскопок д.ф. по истории, доц. А.М. Агаларзаде в кургане № 1 вблизи с. Арвана (Ярдымлинский район). Длина меча (инв. № 9) составляла 78,5 см, а максимальная ширина 4 см (Ağalarzadə, 2020, s. 23).

Кроме юго-восточных районов Азербайджана в синхронное время на территории Кавказа, в Дагестане (Российская Федерация), вблизи с. Хуштада, была обнаружена бронзовая рапира (рис. 3: 8) (Исаков, 1966; Котович, 1982, рис. 11.4).

Ф.Р. Махмудов связывает находку меча из с. Хуштада с контактами между населением юго-востока Азербайджана и Дагестана в ту эпоху (Махмудов, 2008, с. 149).

Рапиры из юго-восточных районов Азербайджана, помимо рубящей функции меча, сочетали в себе и его колющую функцию.

В погребениях некрополя Марлик с территории провинции Гилан (Иран), судя по фото и по размерам, приведенным в книге иранского археолога др. Э.О. Негахбана «Оружие Марлика» (Negahban, 1995), были обнаружены бронзовые (Negahban, 1995, PL.VII.83, Pl.IX.114; Pl.X.120) и железные (Negahban, 1995, p. 59, fig. 44; Pl.IX.118) клинки по типу рапиры, которые им, ошибочно на наш взгляд, были отнесены к III разновидности копий или кинжалам.

Среди марликих материалов к бронзовым рапирам (рис. 4: 1, 2, 3) можно отнести клинки (Negahban, 1995, PL.VII.83, Pl.IX.114; Pl.X.120), схожие с мечами из юго-восточных районов Азербайджана. В частности, размеры изделий варьируют от 40 до 70 см в длину (Negahban, 1995, p. 116–117).

В некрополе Тоул-е Гилан (провинция Гилан, Иран) была обнаружена еще одна бронзовая рапира (рис. 4: 4) (Khalatbari, 2004, fig. 49.3), схожая с мечами юго-восточного Азербайджана. Бронзовые мечи по типу рапиры из погребений некрополей Марлик и

Рис. 4. Бронзовые рапиры. 1, 2, 3 – некрополь Марлик, Иран (по Negahban, 1995); 4 – некрополь Тоул-е Гилан, Иран (по Khalatbari, 2004); 5 – курган №1, с. Арвана, Ярдымлинский район, Азербайджан (по Ağalarzade, 2020, §.14).

Fig. 4. Bronze rapiers. 1, 2, 3 – Marlik necropolis, Iran (after Negahban, 1995); 4 – Toul-e Gilan necropolis, Iran (after Khalatbari, 2004); 5 – Kurgan №1, Arvana village, Yardymly district, Azerbaijan (after Aghalarzade, 2020, fig.14).

Тоул-е Гилан также относится к периоду поздней бронзы – раннего железа.

Заключение

В эпоху поздней бронзы – раннего железа меч по типу рапиры продол-

жает занимать видное место среди вооружения древнего населения юго-востока Азербайджана и северо-запада Ирана.

Исследованные нами образцы оружия из Джалилабадского района Азербайджанской Республики немного раздвинули ареал бытования этого вида вооружения на территории нашей страны, сюда были включены также и новые регионы.

Мечи-рапиры из Джалилабада дополняют общую картину распространения рапир на Кавказе. Помимо региона Талышских гор, она охватывала также и Муганскую равнину, а находки из Ленкоранского района отодвигают эту границу до побережья Каспийского моря. Мы придерживаемся того мнения, что рапиры попали на юг нашей страны из западных регионов республики, где они впервые появились в эпоху среднего бронзового века, и, вероятно, уже на позднем этапе эпохи средней бронзы, зарекомендовав себя с лучшей стороны в качестве колющего оружия, в период поздней бронзы – раннего железа стали излюбленным видом оружия древних воинов этой части Азербайджана.

О большой ценности бронзового оружия свидетельствует тот факт, что некоторые экземпляры из Узунтепе были подвергнуты «ремонту» для их дальнейшего применения (Джафарзаде, 1946, с. 26–27). Клинок № 6 (рис. 2: 1) из наших материалов показывает, что меч был, вероятно, преднамеренно изогнут и еще более заострен с целью придать ему форму рубящего оружия по типу сабли.

На бронзовых клинках (№ 2, 4, 5, 7, 9), как было указано выше, имелся слабо заметный центральный выступ-ребро. Данная особенность, но более ярко выраженная с двух сторон клинка, была присуща рапирам эпохи средней бронзы с территории Южного Кавказа (Kirichenko, 2020).

Артефакты № 2, 4, 5, 7, 9, по всей видимости, являлись переходной формой от мечей эпохи средней бронзы

к клинкам периода поздней бронзы. Самым архаичным из них является клинок № 2 (рис. 1: 2), который больше всего соответствует мечам эпохи средней бронзы.

Клинки № 6, 8, 10 соотносятся с мечами малых размеров (до 70 см), которые, согласно Ф.Р. Махмудову, следует датировать в пределах XI–IX вв. до н. э. (Махмудов, 2008).

Вероятно, время бытования бронзовых рапир на территории юго-востока Азербайджана следует отне-

сти к периоду XV/XIV–VIII/VII вв. до н. э.

В дальнейшем, после того как бронза была вытеснена более прочным металлом, железом, неизменной в этих краях осталась форма меча, уже привычная для руки бойца, – рапира.

Возможно, новые находки мечей по типу рапиры из других районов нашей республики позволят расширить ареал распространения этого вида вооружения на территории Азербайджана и Кавказа.

Благодарности:

Автор выражает свою благодарность и признательность директору историко-краеведческого музея г. Джалилабада — г-ну Ш.Д. Байрамову за возможность исследовать и опубликовать бронзовые рапиры из действующей экспозиции. Особенно хочется поблагодарить также и местных историков-краеведов — г-на Р.А. Рзаева и А.А. Мирзаде за помощь в работе с материалами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.) М.: Восточная литература, 1993. 352 с.
2. Джафарзаде И.М. Элементы археологической культуры // Известия АН Азербайджанской ССР. 1946. № 9. С. 21–51.
3. Исаков М.И. Археологические памятники Дагестана (Материалы к археологической карте) (Сокращенный вариант). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1966. 120 с.
4. Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука, 1982. 236 с.
5. Махмудов Ф.Р. Культура Юго-Восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. Баку: Нафта-Пресс, 2008. 218 с.
6. Abramishvili M. Die Ursprünge des Langschwerts –Anregungen zu neuen Untersuchungen südkaukasisch-ägäischer Beziehungen in der Bronzezeit / Gold & Wein. Georgiens älteste Schätze, Begleitband zur Sonderausstellung 6. Oktober 2018 – 10. Februar 2019 Archäologisches Museum Frankfurt, Herausgegeben von Liane Giemisch und Svend Hansen. Mainz: Nünnerich-Asmus Verlag und Media GmbH, 2018. P. 240–247.
7. Ağalarzadə A.M. AMEA Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutu “Yardımlı arxeoloji ekspedisiyası”nın 2019-cu ildə gördüyü çöl tədqiqat işlərinin hesabatı. Bakı. 2020. 100 s.
8. Khalatbari M.R. Archaeological excavations in Talesh. Gilan-1. Excavtions at Toul-e Gilan. Tehran: General Office of Iranian Cultural Heritage Organization of Gilan, 2004. 184 p.
9. Kirichenko D.A. The rapier-sword of The Middle Bronze Age from Zayamchay (Azerbaijan) // Revista de Arheologie, Antropologie și Studii Interdisciplinare (RAASI). 2020. №2. P. 81–92.
10. Morgan J. Mission scientifique en Perse: Recherches archéologiques. Vol. IV, part 1. Paris: E. Leroux, Editeur, 1896. 302 p.
11. Negahban E.O. Weapons from Marlik. Berlin: Verlag Von Dietrich Reimer, 1995. 123 p.
12. Schaeffer Cl. F-A. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie occidentale (IIIe et IIe millénaires). London: Oxford University Press, 1948. 653 p.

Информация об авторе:

Кириченко Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и антропологии НАНА (г. Баку, Азербайджанская Республика); dmakirichenko@mail.ru

BRONZE RAPIERS FROM JALILABAD DISTRICT, AZERBAIJAN REPUBLIC

D.A. Kirichenko

The article discusses findings of bronze rapier type swords from Southeast region of Azerbaijan. The first artifacts of the same weapons were found by chance in 1941 at Uzuntepe archaeological site. At that time the number of finds amounted to 15 items. Over time another 10 swords of this type were discovered by chance during earthworks, and then transferred for preservation to the Museum of regional studies of Jalilabad. These swords are dated back to the Late Bronze – Early Iron Ages and, probably, originate from destroyed burials. The article provides the sizes of items and their possible analogies in the synchronous era. To the present, 25 artifacts are known from the studied area. The length of swords is 40–85 cm, and the (maximum) width is 5–6 cm. The items refer to combat weapon. Analogies to the finds are encountered in Lerik, Yardymly, Masally, Lenkoran and Astara districts of Azerbaijan Republic and in Gilan province of Iran. The distribution area of this type of swords of the Late Bronze – Early Iron Ages covered the region of Talysh Mountains, coastal strip (southwestern) of the Caspian Sea (Gilan) and Mughan plain. The prototypes of swords, probably, came to the Southeast of Azerbaijan from western regions of our republic at the end of the Middle Bronze Age and received their further development here. Among the materials studied, there are specimens with a feature of protrusion of a mid-rib – a characteristic of swords of the Middle Bronze Age, although this feature is not strongly expressed. The period of use of this type of weapon should be outlined in the chronological limits of the XV/XIV–VIII/VII centuries BC.

Keywords: archaeology, Azerbaijan, South Caucasus, weapons, swords-rapiers, burials, Late Bronze – Early Iron Ages.

REFERENCES

1. Gorelik, M. V. 1993. *Oruzhie drevnego Vostoka (IV tysyacheletie – IV v.do n.e.)* (Armament of the Ancient East (4th Millennium – 4th Century BC)). Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ., 149–178 (in Russian).
2. Dzhafarzade, I. M. 1946. In *Izvestiya AN Azerbaydzhansko SSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR)* No. 9, 21–51 (in Russian).
3. Isakov, M. I. 1966. *Arkheologicheskie pamyatniki Dagestana (Materialy k arkheologicheskoy karte) (Sokrashchennyy variant) (Archaeological monuments of Dagestan (Materials to archaeological map) (Short variant))*. Makhachkala: “Dagestan book edition” Publ. (in Russian).
4. Kotovich, V. G. 1982. *Problemy kul'turno-istoricheskogo i khozyaystvennogo razvitiya nasele-niya drevnego Dagestana (Issues of cultural-historical and economic development of ancient popula-tion of Dagestan)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
5. Makhmudov, F. R. 2008. *Kul'tura Yugo-Vostochnogo Azerbaydzhana v epokhu bronzy i rannego zheleza (Culture of Southeast Azerbaijan in the Bronze and Early Iron Ages)*. Baku: “Nafta-Press” Publ. (in Russian).
6. Abramishvili, M. 2018. In *Gold & Wein. Georgiens älteste Schätze, Begleitband zur Sonderausstellung 6. Oktober 2018 – 10. Februar 2019*. Archäologisches Museum Frankfurt, Herausgegeben von Liane Giemisch und Svend Hansen. Mainz: Nünnerich-Asmus Verlag und Media GmbH, 240–247 (in German).
7. Ağalarzadə, A. M. 2020. *AMEA Arxeologiya və Etnografiya İnstitutu “Yardımlı arxeoloji ekspedisiyası”nın 2019-cu ildə gördüyü çöl tədqiqat işlərinin hesabatı (Report of Yardymly archaeo-logical expedition of Institute of Archaeology and Ethnography, ANAS, 2019)*. Baku (in Azerbaijani).
8. Khalatbari, M. R. 2004. *Archaeological excavations in Talesh. Gilan-1. Excavtions at Toul-e Gilan*. Tehran: General Office of Iranian Cultural Heritage Organization of Gilan.
9. Kirichenko, D. A. 2020. In *Revista de Arheologie, Antropologie și Studii Interdisciplinare (RAA-SI)* 2, 81–92 (in Russian).
10. Morgan, J. 1896. *Mission scientifique en Perse: Recherches archéologiques*, vol. IV, part 1. Paris: E. Leroux, Editeur (in French).
11. Negahban, E. O. 1995. *Weapons from Marlik*. Berlin: Verlag Von Dietrich Reimer.
12. Schaeffer, Cl. F.-A. 1948. *Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie occidentale (IIIe et IIe millénaires)*. London: Oxford University Press (in French).

About the Author:

Kirichenko Dmitry A., PhD in History, Associate Professor. Institute of Archaeology and Anthropology ANAS. H. Javid Avenue, 115, Baku, AZ 1143, Azerbaijan Republic; dmakirichenko@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2026 г

УДК 903.01/09

<https://doi.org/10.24852/pa2026.1.55.120.128>

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДЕРЕВЯННОЙ ПОСУДЕ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА КАМЕНЬ-2 (ВЕРХНЕЕ ПРИОБЬЕ)

© 2026 г. Н.Н. Головченко

В процессе подготовки к изданию материалов курганного могильника Камень-2, датируемого в рамках IV–III вв. до н. э., было установлено, что в его захоронениях выявлена крупнейшая для Верхнеобского региона ранее нигде не публиковавшаяся серия находок фрагментированных деревянных ёмкостей. Проведенные музейные изыскания позволили выявить сохранившиеся находки и подготовить их к введению в научный оборот. Удалось установить отдельные технологические особенности изготовления деревянных блюд, в частности зафиксированы их овальные и восьмиугольные формы с бортиками. Анализ специфики подбора сырья, использовавшегося для изготовления посуды из дерева населением скифского времени Верхнеобского бассейна, показал, что он осуществлялся в русле северо-центральноазиатской традиций деревообработки. Выяснилось, что большая часть изделий изначально представляли собой блюда, использовавшиеся для расположения на них мясной пищи, сопровождающей умершего в погребении. Контекст обнаружения деревянной посуды в захоронениях традиционен – они располагались слева у черепа погребенного. Анализ половозрастного состава лиц, в могилах которых выявлены деревянные вместилища, показал, что чаще всего они встречаются в погребениях мужчин. В погребальном пространстве деревянная посуда выполняла свою основную функцию – служила ёмкостью, в которую было помещено приличествующее моменту содержимое.

Ключевые слова: археология, деревянная посуда, блюда, погребения, эпоха раннего железа, Верхнее Приобье.

Введение

Деревянная посуда относится к числу редко встречаемых в погребальных памятниках Верхнеобского региона находок. Вследствие отсутствия благоприятных природно-климатических факторов поделки из древесины в захоронениях VI–I вв. до н. э., как правило, не сохраняются, несмотря на то, что в целом этот регион обладает достаточным ресурсом для эффективного развития деревообрабатывающего ремесла (ленточные боры, березовые колки).

В массовом количестве на некрополях эпохи раннего железа Верхнеобского бассейна зафиксированы фрагментированные внутримогильные деревянные конструкции, известны находки выполненных из березовой коры культовых предметов (Головченко, Пилипенко, 2024). Однако деревообработка данного периода и региона самостоятельного исследования в работах археологов так и не получила, в отличие от материалов, выявленных на сопредельной территории Горного Алтая (Мыльников, 1999; Мыльни-

ков, 2008; Мыльников, 2011; Мыльников, 2014; Самашев, Мыльников, 2004; Тишкин, Мыльников, 2016). Во многом данная ситуация связана с отрывочным введением в научный оборот материалов полевых исследований таких крупных памятников, как Камень-2.

Курганный могильник Камень-2, располагавшийся на территории Каменского района Алтайского края в окрестностях города Камень-на-Оби, исследовался совместными экспедициями Барнаульского государственного педагогического института (БГПИ, ныне АлтГПУ) и Института археологии АН СССР в 1974–1976 гг.

Раскопки могильника проводились преимущественно силами студентов БГПИ под руководством А.П. Уманского и В.А. Могильникова. Археологические отчёты по работам в 1974–1976 гг. в ОПИ ИА предоставлялись от имени В.А. Могильникова. При этом отчёты по работам 1974 и 1975 гг. готовились совместно с А.П. Уманским. Всего на памятнике исследовано 23 кургана IV–III вв.

до н. э., отнесенных авторами раскопок к каменной культуре, в которых было зафиксировано 117 погребений. Помимо этого, изучены элитный курган № 4 с шатровой конструкцией без выявленного погребения и два кургана эпохи Средневековья (№ 10 и № 13).

Специфика организации полевых исследований курганного могильника Камень-2 наложила отпечаток на процесс введения полученных материалов в научный оборот. Фактически опубликованными оказались лишь результаты работ 1976 г. (Могильников, Куйбышев, 1982). Кроме того, разрозненной оказалась коллекция находок. Материалы раскопок 1974–1975 гг. хранятся в Историко-краеведческом музее АлтГПУ (далее – ИКМ АлтГПУ), 1976 г. – в Алтайском государственном краеведческом музее (далее – АГКМ).

В процессе работы с полевой документацией и фондами музеев при подготовке монографического исследования, посвященного курганному могильнику Камень-2, были выявлены фрагменты деревянных сосудов, анализ которых позволил получить новые данные об этом редком компоненте материальной культуры населения скифского времени Верхнего Приобья. Введению в научный оборот этих материалов и посвящена настоящая работа.

Материалы

Всего на могильнике Камень-2 зафиксировано шесть погребений, в материалах которых отмечены остатки семи деревянных ёмкостей. От большей части из них сохранилось некоторое количество крупных фрагментов и масса неопределимого древесного тлена.

В могиле 9 кургана 6 слева от предполагаемого месторасположения черепа погребенного было обнаружено блюдо овальной формы (рис. 1: 1; 2: 1), длиной 32 см и шириной около 20 см, толщиной около 1,5 см, на бортиках до 3 см. Этот предмет обладает

лучшей сохранностью из всех выявленных изделий такого рода на памятниках Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа, у него надежно фиксируется бортик, а на внутренней поверхности различимы следы от ножа. Хранится это блюдо в ИКМ АлтГПУ. Кроме того, в фондах АГКМ нами выявлены остатки еще одной ёмкости из этого погребения (в отчетной и музейной документации оно описано как «плошка»). Данный предмет (рис. 1: 1; 2: 2), вероятно, был меньше по размеру, его ширина около 15 см, а длина точно не определяется, толщина около 1,5–2 см. Фиксируемой технологической особенностью «плошки» является угловатое, скошенное оформление краёв, намекающее на то, что изначально изделие, скорее всего, имело восьмиугольное очертание.

Похожее на вышеописанное блюдо было выявлено в могиле 1 кургана 14, за черепом погребенного индивида, пол которого определен не был (рис. 1: 4; 2: 3). Ранее сведения о нем были частично опубликованы, сообщалось, что размеры его были примерно 50×30 см и что оно имело закругленные углы и невысокий бортик (Могильников, Куйбышев 1982, с. 114, рис. 2, 1). Осмотренные нами в АГКМ фрагменты данного изделия демонстрируют его разрушение по сравнению с имеющейся в отчетной документации прорисовкой. Проведенное обследование также позволило нам зафиксировать его толщину до 1,5 см по бортику и 1–1,2 см по дну.

Кроме того, достаточно большие фрагменты еще одного деревянного блюда были выявлены слева от черепа у плеча погребенного мужчины в могиле 6 кургана 11 (рис. 1: 2; 2: 4). Его общие размеры реконструировать не представляется возможным, от него в фондах АГКМ сохранилась масса тлена, среди которого есть три крупных фрагмента, вероятно от донной части. На одном из этих фрагментов сохранился небольшой, еле различимый участок бортика. Толщина деревянно-

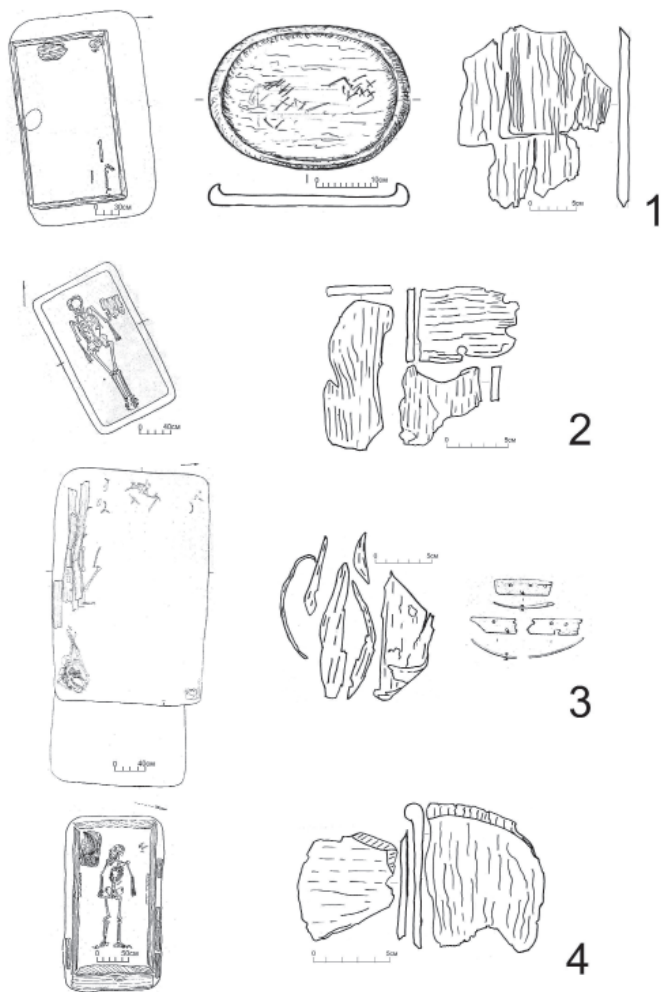

Рис. 1. Деревянная посуда в погребениях курганного могильника Камень-2: 1 – могила 9 курган 6; 2 – могила 6 курган 11; 3 – могила 4 курган 13; 4 – могила 1 курган 14.

Fig. 1. Wooden tableware from the burials of the Kamen-2 barrow field: 1 – burial 9, barrow 6; 2 – burial 6, barrow 11; 3 – burial 4, barrow 13; 4 – burial 1, barrow 14.

го изделия около 1 см, на предполагаемом бортике до 1,3 см. Необходимо отметить, что на сохранившихся фрагментах имеются отдельные круглые отверстия, должно быть от выпавших сучков, что демонстрирует некоторые технологические практики изготовления деревянных ёмкостей.

Если судить по музейной подписи, к деревянной посуде имеют отношение находки фрагментов березовой коры и изогнутых роговых плашек с бронзовыми гвоздиками из заполне-

ния могилы 4 кургана 13, датирующиеся эпохой Средневековья (рис. 1: 3; 2: 5). Можно предположить, что это остатки теска. Однако на коре фиксируется мощный зеленый (от бронзовой коррозии) налет, который вряд ли мог оказаться на посуде. Более обоснованной представляется интерпретация этих находок в качестве элементов колчана, кроме того, роговые накладки могли использоваться и как украшения седла. Подобные находки отмечены в материалах погребений у с. Гилево – курган 5 Гилево XIII (Могильников, 2002, рис. 108) и курган 5 Гилево X (Шульга, 2016, рис. 43).

Также в отчетной документации упоминается обнаружение на курганном могильнике Камень-2 истлевших блюдец за черепом погребенных в могилах 5 (пол не определен) и 8 (мужчина) кургана 11, но их остатки в фондах музеев нами не обнаружены.

Таким образом, результаты исследования курганного могильника Камень-2 демонстрируют самое многочисленное собрание фрагментов деревянной посуды, зафиксированное на погребальных памятниках Верхнего Приобья эпохи раннего железа (см. табл. 1).

Обсуждение

Фрагменты и тлен деревянной посуды зафиксированы в ряде памятников Верхнеобского региона (рис. 3). По опубликованным источникам мо-

Рис. 2. Деревянная посуда курганного могильника Камень-2: 1, 2 – могила 9 курган 6; 3 – могила 1 курган 14; 4 – могила 6 курган 11; 5 – могила 4 курган 13 (фото Н.Н. Головченко).

Fig. 2. Wooden tableware from the Kamen-2 barrow field: 1, 2 – burial 9, barrow 6; 3 – burial 1, barrow 14; 4 – burial 6, barrow 11; 5 – burial 4, barrow 13 (photo by N.N. Golovchenko).

жет быть рассмотрена выборка из 16 случаев обнаружения подобного рода изделий (см. табл. 1). Целых деревянных сосудов не выявлено. От большей части сосудов сохранился только тлен, реже были зафиксированы и описаны их незначительные фрагменты.

Судя по опубликованным данным, в памятниках региона зафиксированы блюда и чаши, а также вместилища типа туеска, выполненные из березовой коры. Лучшую сохранность из данной когорты объектов демонстрируют блюда (вероятно, потому что они больше по размерам). Все блюда выявлены в одинаковом контексте – слева у черепа погребенного вместе с остатками жертвенной пищи.

Анализ половозрастного состава лиц, погребенных в сопровождении с деревянными блюдами, показывает, что помещались они при детях и взрослых, мужчинах и женщинах, в

индивидуальных и парных захоронениях.

В индивидуальных захоронениях ёмкости встречены в двух женских и шести мужских погребениях, в трех случаях пол погребенного определен не был. В парных погребениях – в одном были захоронены двое мужчин, а в другом пол погребенных не определен. Таким образом, намечается определенная тенденция рассмотрения блюд в контексте комплектности мужского погребального инвентаря. Это наблюдение интересно в социально-бытовом аспекте. Во-первых, деревянные блюда – посуда столовая, они не предназначены для приготовления и долгого хранения пищи. Во-вторых, на блюда помещено исключительно мясо (в блюде из Мыльниково-1 помимо костей животных имелись и рыбы позвонки). Косвенным образом данные обстоятельства указывают на

Рис. 3. Карта месторасположения памятников эпохи раннего железа Верхнеобского бассейна на которых выявлены деревянные сосуды: 1 – Масляха-1; 2 – Камень-2; 3 – Новотроицкое-1, -2; 4 – Мыльниково-1; 5 – Верхний Сузун-5; 6 – Усть-Иштовка-1; 7 – Чесноково-1; 8 – Староалейка-2; 9 – Марково-1.

Fig. 3. Map showing the location of Early Iron Age archaeological sites with wooden wares in the Upper Ob region: 1 – Maslyakha-1; 2 – Kamen-2; 3 – Novotroitskoye-1, -2; 4 – Mylnikovo-1; 5 – Verkhny Suzun-5; 6 – Ust-Ishtovka-1; 7 – Chesnokovo-1; 8 – Staroaleyka-2; 9 – Markovo-1.

диету мужчин и их отношение к бытовому, хозяйственному процессу.

Хронология бытования деревянных блюд в погребальной обрядности населения Верхнего Приобья, несмотря на малочисленность находок, охватывает практически весь период эпохи раннего железа: VI–V вв. до н. э. датируется грунтовой могильник Мыльниково-1; V–III вв. до н. э. – курганные могильники Новотроицкое-1, -2, Верх-Сузун-5, Марково-1, Камень-2; III–I вв. до н. э. – Масляха-1. В данном ракурсе заслуживает внима-

ния факт обнаружения рыбных позвонков в блюде из Мыльниково-1 и их отсутствие в находках последующего времени, невзирая на приуроченность всех памятников к гидрологической сети региона. Интересна также и многочисленность деревянных ёмкостей, зафиксированных на могильнике Камень-2, в особенности в кургане 11. Там выявлено пять из 13 (38,46%) экземпляров блюд. Связано ли это с ритуальными и бытовыми предпочтениями или объясняется исключительно условиями археологизации, к сожалению, однозначно ответить нельзя. Вероятно, пополнение источниковой базы позволит более обстоятельно раскрыть эти сюжеты.

Заключение

Активное использование древесины в обустройстве погребальных сооружений надежно зафиксировано для ряда археологических культур юга Западной Сибири. В частности, пазырыкской культуры Горного Алтая, где береза и береста использовались в качестве перекрытия погребальных срубов и колод, оформления средств передвижения, украшений седел и колчанов. Широкой практикой использования березы обладало и население Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа. Здесь береста применялась в качестве настила над перекрытием, подстилки на дне могильной ямы, покрытия тела погреб-

Таблица 1

**Деревянная посуда в материалах погребальных комплексов
Верхнего Приобья эпохи раннего железа**

№ п/п	Памятник	Контекст	Предмет и его описание	Материал
1	Масляха-1 курган 8 могила 12 (Могильников 1997, рис. 63)	слева от черепа, у плеча	Блюдо и чаша (ковш) в сильно фрагментированном состоянии (фрагменты сохранились)	Дерево и кап
2	Масляха-1 курган 4 могила 7	слева от черепа	Блюдо истлевшее (фрагменты не сохранились)	Дерево
3	Камень-2 курган 6 могила 9	слева от черепа	Блюдо овальной формы длиной около 32 см (сохранились фраг- менты). Остатки плошки.	Дерево
4	Камень-2 курган 11 могила 5	за черепом	Блюдо истлевшее (фрагменты не сохранились)	Дерево
5	Камень-2 курган 11 могила 6	слева от черепа, у плеча	Блюдо истлевшее	Дерево
6	Камень-2 курган 11 могила 8	за черепом	Блюдо истлевшее (фрагменты не сохранились)	Дерево
7	Камень-2 курган 14 могила 1	за черепом	Блюдо размерами 50х30 см с закругленными углами и невы- соким бортиком (сохранился фрагмент)	Дерево
8	Новотроицкое-1 раскоп №8 могила 3 (Шульга, Уманский, Могильников 2009, рис. 46)	за черепом	Блюдо с бортиком высотой 1 см, истлевшее (фрагменты не сохранились). Дно берестяного туеска (фрагмент сохранился)	Дерево, береста
9	Новотроицкое-2 курган 6 могила 7 Шульга, Уманский, Могильников 2009, рис. 61)	за черепом	Блюдо с толщиной дна 12–14 мм, истлевшее (фрагменты не сохранились)	Дерево
10	Новотроицкое-2 курган 18 могила 9 (Шульга, Уманский, Могильников 2009, рис. 92)	слева от черепа	Блюдо с широким низким бор- тиком, истлевшее (фрагменты не сохранились)	Дерево
11	Мыльниково-1 могила 1 (Шамшин, Фролов 1998)	за черепом	Блюдо или чаша (фрагменты сохранились)	Дерево
12	Верхний Сузун-5	за черепом	Блюдо, истлевшее (фрагменты не сохранились)	Дерево
13	Усть-Иштовка-1 могила 7 (Кунгуров, Тишкин 1996, с. 129)	в ногах	Чаша круглодонная диаметром 12 и высотой 5 см (фрагменты сохранились)	Дерево
14	Марково-1 курган 18 могила 2 (Полосьмак 1987, рис. 14, 3)	у правого плеча	Древесный тлен предположи- тельно от блюда (фрагменты не сохранились)	Дерево
15	Чесноково-1 курган 2 могила 1 (Шульга 1998)	в ногах	Фрагмент берестяной ёмкости (фрагмент сохранился)	Береста
16	Староайлейка-2 могила 48 Кирюшин, Кунгуров, 1996)	у левого колена	Берестяной туесок (фрагмент сохранился)	Береста

бенного (включая вторичные захоронения); из бересты изготавливалась посуда, предметы культа и, возможно, головные уборы, помещаемые в захоронения. Повсеместно береста и березовые бревна служили основой для сооружения погребальных конструкций.

Несмотря на то, что сам материал изготовления березовых, каповых и берестяных сосудов прочно ассоциируется с одним из вариантов «вселенских» деревьев – березой и круговоротом жизни, связанным с ней, вероятно, назначение изготовленной из нее посуды в рамках погребальной

церемонии было сугубо утилитарным. Это, однако, не исключает того, что сам процесс деревообработки и резьбы сосудов наделялся актуальным сакральным содержанием и сопровождался связанными с этим процессом нам неизвестными обрядовыми действиями (приметами, ритуалами, вербальными знаками и т. п.).

Подбор сырья для изготовления посуды из дерева населением скифского времени Верхнеобского бассейна осуществлялся в русле северо-центральноазиатской традиций деревообработки. Как и в пазырыкской культуре, здесь существовала устойчивая практика отбора материала для изготовления конкретных видов изделий. Блюда выполнены из прикорневой части ствола березы или ее коры, чаши с рукоятями – из березового нароста (капа).

Деревянные сосуды, пусть и сохранившиеся фрагментарно, демонстрируют умение населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа изготавливать сложные, вырезанные из дерева предметы быта. Сложная резьба, согласно В.П. Мыльникову, предполагала знание структурных особенностей той или иной породы дерева, применение специальных способов и приемов обработки поверхности за-

готовки для придания предмету особых качеств: высокой прочности, сбалансированности и т. п. (Мыльников 2011, с. 61).

Одной из главных черт художественной резьбы в скифское время, названных В.П. Мыльниковым (Мыльников 2011, с. 169), является производство деревянных предметов сериями. В данном отношении примечательна как парность каменных и масляхинских находок, так и серийность обнаружения блюд в кургане 11 могильника Камень-2.

Подводя итог, необходимо отметить, что деревянная посуда в погребальном пространстве выполняла свою основную функцию – служила ёмкостью, в которую было помещено приличествующее моменту содержание. Так же, как оно размещалось в других однотипных по назначению объектах из других органических и неорганических материалов (деревянных подносах и ковшах, блюдах, сделанной из глины, кожи или рога посуде). Сложность изготовления изделий определялась квалификацией мастеров, и, вероятно, отношением коллектива к погребаемому индивиду, если допустить, что подобная посуда к акту захоронения изготавливалась адресно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головченко Н.Н., Пилипенко С.А. Антропоморфное берестяное изделие из Новотроицкого некрополя эпохи раннего железа Верхнеобского бассейна // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. №2 (65). С. 57–69. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-65-2-5>
2. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 115–135.
3. Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Результаты исследования памятника эпохи раннего железа Усть-Иштовка-I на Алтае // Археология, антропология и этнография Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГУ, 1996. С. 124–144.
4. Мыльников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
5. Мыльников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Пушкинский научный центр РАН, 1997. 196 с.
6. Мыльников В.А., Куйбышев А.В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 года // СА. 1982. № 2. С. 113–134.
7. Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. 232 с.

8. Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная и Центральная Азия). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2008. 364 с.

9. Мыльников В.П. Резьба по дереву в скифское время (Северная Азия). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. 188 с.

10. Мыльников В.П. Технология изготовления деревянных блюд-столиков со съёмными ножками в скифское время // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2014. С. 235–238.

11. Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

12. Самашев З., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). Алматы: Берел, 2004. 236 с.

13. Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревообработка на Алтае во II в. до н. э. – V в. н. э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 192 с.

14. Шамшин А.Б., Фролов Я.В. Грунтовый могильник Мыльниково-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. № 9 / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: АлтГУ, 1998. С. 124–129.

15. Шульга П.И. Раннескифское погребение на р. Чарыш из могильника Чесноково-1 // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 3 / Отв. ред. В.И. Соёнов. Горно-Алтайск: изд-во ГАГУ, 1998. С. 58–69.

16. Шульга П.И. Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2016. 258 с.

17. Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 329 с.

Информация об авторе:

Головченко Николай Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул, Россия); nikolai.golowchenko@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>

NEW DATA ON WOODEN TABLEWARE FROM THE EARLY IRON AGE BURIAL GROUND KAMEN-2 (UPPER OB RIVER REGION)

N.N. Golovchenko

During the preparation for publication of materials from the Kamen-2 barrow field, dated to the IV–III centuries BC, it was established that its burials contain the largest series of fragmented wooden vessels ever found in the Upper Ob region – a collection that had not been published previously. Museum investigations enabled the identification of the surviving finds and their preparation for scientific introduction. Specific technological features in the manufacture of wooden tablewares were identified, in particular the authors fixed their oval and octagonal forms with side boards. Analysis of the raw material selection for wooden tableware by the Scythian-period population of the Upper Ob basin indicates that this selection followed North and Central Asian woodworking traditions. It was found out that most items were originally dishes used to hold meat offerings accompanying the deceased in the burial. The context of finding wooden wares in burials is traditional – they were placed to the left of dead person's skull. Analysis of the age and sex of individuals in the burials where wooden vessels were found showed that more often they were found in male burials. In burial space wooden ware mainly functioned as container for contents appropriate to the funerary context.

Keywords: archaeology, wooden tableware, food, burials, Early Iron Age, Upper Ob River region.

REFERENCES

1. Golovchenko, N. N., Pilipenko, S. A. 2024. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* (*Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*) 2 (65), 57–69 (in Russian).

2. Kiryushin, Yu. F., Kungurov, A. L. 1996. In Kiryushin, Yu. F., Kungurov, A. L. (eds.). *Pogrebal'nyy obryad drevnikh plemen Altaya (Burial Rite of the Ancient Tribes of the Altai)*. Barnaul: State University, 115–135 (in Russian).
3. Kungurov, A. L., Tishkin, A. A. 1996. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri (Archaeology, Anthropology and Ethnography of Siberia)*. Barnaul: Altai State University Publ., 124–144 (in Russian).
4. Mogil'nikov, V. A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaia v IX–XI vekakh (Nomads of the North-Western Foothills of Altai in the 9th–11th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Mogil'nikov, V. A. 1997. *Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroy polovine I tysyacheletiya do n. e. (Population of the Upper Ob river region in the middle – second half of the I millennium BC.)*. Moscow: Pushchino Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).
6. Mogil'nikov V. A., Kuybyshev, A. V. 1982. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 113–134 (in Russian).
7. Myl'nikov, V. P. 1999. *Obrabotka dereva nositelyami pazyrykskoy kul'tury (Processing of wood by the bearers of the Pazyryk culture)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Press (in Russian).
8. Myl'nikov, V. P. 2008. *Derevoobrabotka v epokhu paleometalla (Severnaya i Tsentral'naya Aziya) (Woodworking in the Paleometal Age (North and Central Asia))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Press (in Russian).
9. Myl'nikov, V. P. 2011. *Rez'ba po derevu v skifskoye vremya (Severnaya Aziya) (Wood carving in the Scythian period (North Asia))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Press (in Russian).
10. Myl'nikov, V. P. 2014. In Derevyanko, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy (Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* XX. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Press, 235–238 (in Russian).
11. Polos'mak, N. V. 1987. *Baraba v epokhu rannego zheleza (Baraba in the Early Iron Age)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Samashev, Z., Myl'nikov, V. P. 2004. *Derevoobrabotka u drevnikh skotovodov Kazakhskogo Altaya (materialy kompleksnogo analiza derevyannykh predmetov iz kurgana 11 mogil'nika Berel) (Woodworking of Ancient Cattle-Breeders of Kazakh Altai (materials of the Complex Analysis of Wooden Objects from Barrow No. 11 of the Berel Burial Ground))*. Almaty: "Berel" Publ. (in Russian).
13. Tishkin, A. A., Myl'nikov, V. P. 2016. *Derevoobrabotka na Altae vo II v. do n.e. – V v. n.e. (po materialam pamyatnikov Yaloman-II i Bosh-Tuu-I) (Woodworking in Altai in the 2nd Century B.C. – 5th A.D. (Based on the Materials of the of the Yaloman-II and Bosch-Tuu-I Monuments))*. Barnaul: Altay University Publ. (in Russian).
14. Shamshin, A. B., Frolov, Ya. V. 1998. In Kiryushin, Yu. F., Shamshin, A. B. (ed.). *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 9. Barnaul: Altai State University Publ., 124–129 (in Russian).
15. Shul'ga, P. I. 1998. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 3. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University Publ., 58–69 (in Russian).
16. Shul'ga, P. I. 2016. *Mogil'nik ranneskifskogo vremeni Gilyovo-10 v predgor'yakh Altaya (Gilyovo-10 early Scythian burial ground in the Altai foothills)*. Novosibirsk: Editorial and Publishing Centre of Novosibirsk State University Publ. (in Russian).
17. Shul'ga, P. I., Umanskiy, A. P., Mogil'nikov V. A. 2009. *Novotroitskiy nekropol' (Novotroitsk necropolis)*. Barnaul: Altay University Publ. (in Russian).

About the Author:

Golovchenko Nikolay N. Candidate of Historical Sciences. Altai State Pedagogical University. Molodezhnaya str., 55, 656031, Barnaul, Russian Federation; nikolai.golowchenko@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>

Статья принята в номер 01.03.2026 г

Междисциплинарные археолого-естественнонаучные исследования

УДК 902/903

ББК 63.4

<https://doi.org/10.24852/pa2026.1.55.129.150>

СТОЯНКА СОКОЛЬНАЯ 12 – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ КАМНЯ ЛЕСНОГО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ¹

© 2026 г. К.М. Андреев, А.А. Выборнов, А.С. Алешинская,
И.Н. Васильева, М.А. Кулькова, Е.В. Пархомчук, А.А. Трошина

В статье подводятся итоги исследований стоянки Сокольная 12. Представлены данные о стратиграфическом и планиграфическом распределении разнокультурных комплексов на изученной площади. Приводится типологическая и морфологическая характеристика керамики раннего (сосуды, украшенные наколами и без орнамента) и среднего (гребенчато-ямочный тип) неолита, а также данные технико-технологического анализа. На основании проведенного радиоуглеродного датирования время бытования первой группы посуды определяется в рамках середины – второй половины VI тыс. до н. э., а второй – второй половины V тыс. до н. э. Спорово-пыльцевой анализ позволил установить в это время постепенную смену смешанных хвойно-широколиственных лесов с большой долей липы на сосновые боры с незначительной примесью березы, ели и широколиственных пород. Представительный комплекс изделий из камня, более 6000 единиц, не поддается четкому культурно-хронологическому разделению. Связь некоторых категорий и типов орудий с керамическими группами нуждается в дополнительном изучении. Высокая доля пластин в коллекции (около 19%) также позволяет предполагать наличие мезолитической примеси в материалах памятника.

Ключевые слова: археология, Республика Марий Эл, неолит, елшанский тип керамики, накольчатая посуда, гребенчато-ямочная керамика, кремневая индустрия, палинологический анализ, радиоуглеродное датирование, гончарная технология.

Введение

Стоянка Сокольная 12 находится на краю надпойменной террасы (высота около 6 м) левого берега реки Волги, в 1 км к ЗСЗ от пос. Сокольный и в 3,3 км к ЮЮВ от с. Кокшамары Звениговского района Республики Марий Эл (рис. 1: 1–2). Склон срезан эскарпом, сооруженным в 1942 году. Памятник имеет размеры 32×18 м и вытянут по линии запад – восток, его территория занята посадкой сосны с редкими лиственными деревьями (рис. 1: 3). Стоянка была обнаружена в 1985 г. В.В. Никитиным, зафиксировано шесть впадин, расположенных двумя параллельными рядами, зало-

жен шурф размером 1×1 м, выявлены изделия из камня и фрагменты керамики неолитического облика (Никитин, 2009, с. 88–89). Экспедиций СГСПУ на протяжении трех полевых сезонов (2019–2024 года с перерывами) проведены раскопки на общей площади 120 кв. м. Всего получено 7796 артефактов, из них керамики 1423 фрагмента (18%) и изделий из камня 6373 единицы (82%).

Стратиграфия и планиграфия

Стратиграфия стоянки относительно простая (рис. 2: 1). Площадка памятника перекрывается тонким слоем лесного дерна. Под ним представлен подзол, мощность которого варьиру-

¹ Основной объем работ в исследовании выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-78-10088) «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья». Палинологическое изучение проводилось в рамках темы НИР ИА РАН «Междисциплинарные основы современных археологических исследований: теория и практика». № НИОКТР 126011315527-2. Технико-технологический анализ керамики осуществлялся в рамках выполнения гранта Российского научного фонда № 24-28-01638 «Энеолит лесостепного Поволжья: традиции и инновации».

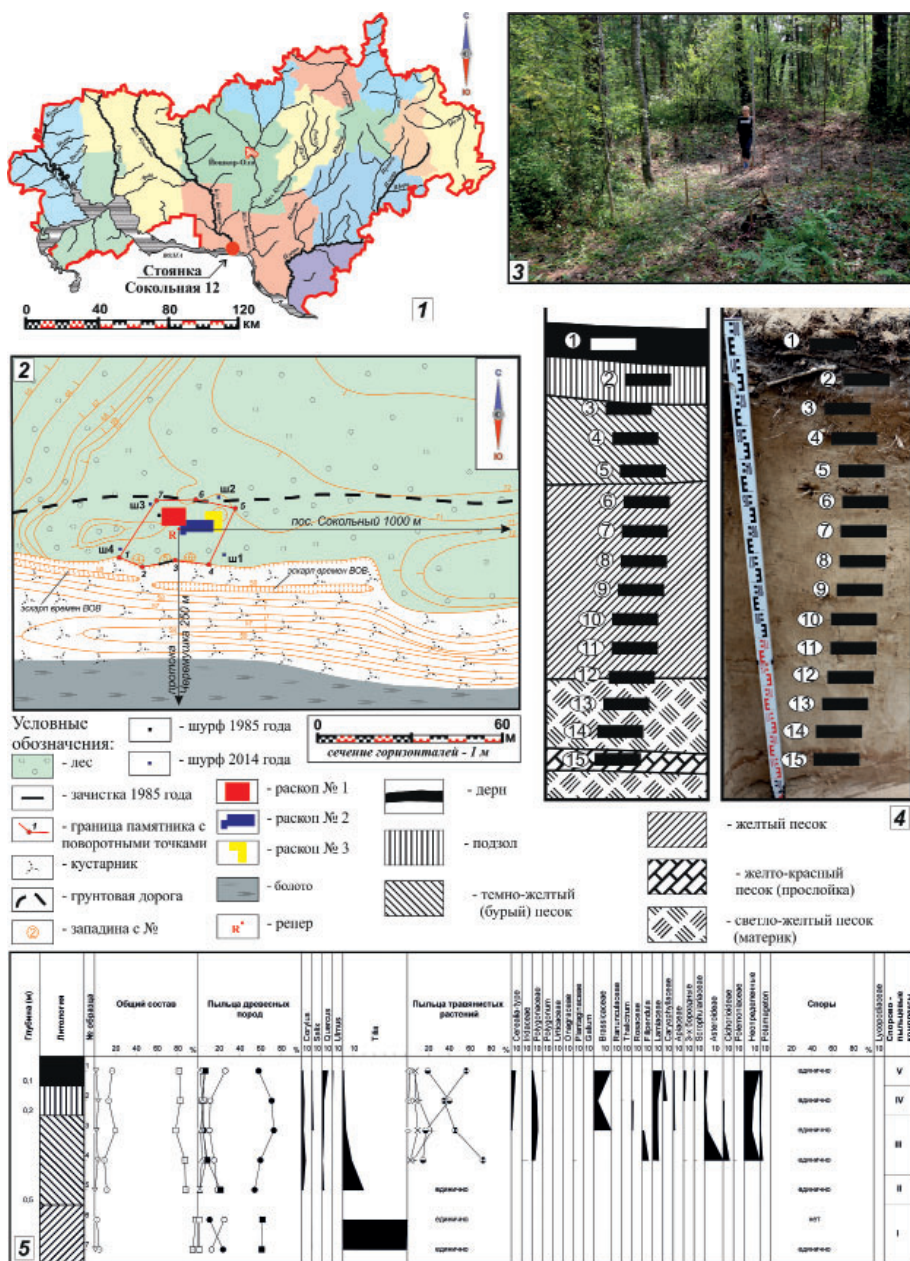

Рис. 1. 1 – расположение стоянки Сокольная 12 на карте Республики Марий Эл; 2 – топографический план памятника; 3 – общий вид на стоянку с северо-запада; 4 – разрез культурного слоя на палинологический анализ; 5 – спорово-пыльцевая диаграмма (Общий состав: □ – сумма пыльцы древесных пород; ○ – сумма пыльцы травянистых растений; ◁ – сумма спор высших споровых растений. Древесные породы: ▷ – ель (Picea); ● – сосна (Pinus); ○ – береза (Betula); □ – ольха (Alnus); ■ – сумма пыльцы широколиственных пород. Травянистые растения: ● – злаки (Poaceae); × – маревые (Chenopodiaceae); + – полыни (Artemisia); ⊕ – вересковые (Ericaceae); ⊙ – сумма пыльцы разнотравья).

Fig. 1. 1 – location of the Sokolnaya 12 campsite on the map of the Republic of Mari El; 2 – topographic plan of the site; 3 – general view of the campsite from the northwest; 4 – section of the cultural layer for palynological analysis; 5 – pollen diagram.

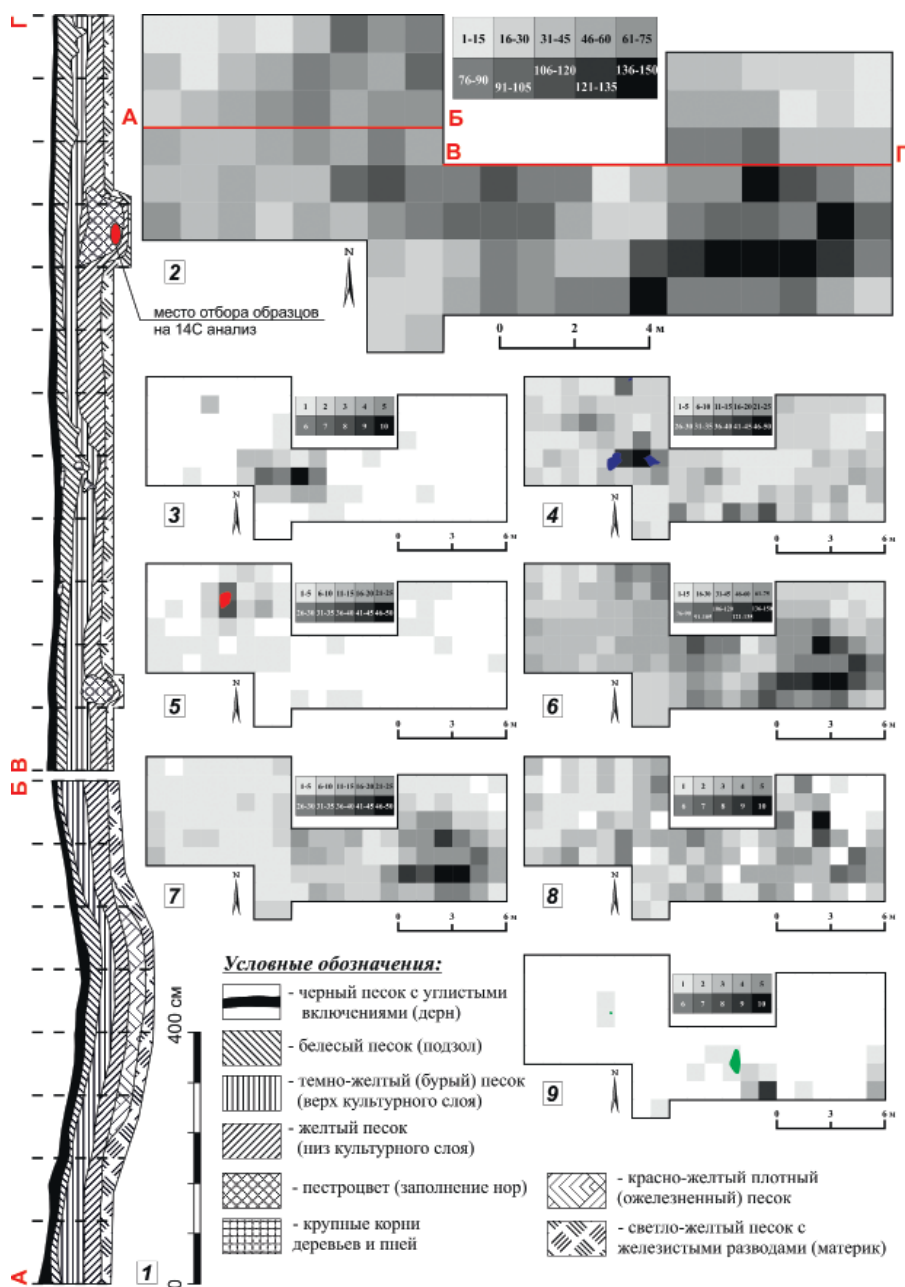

Рис. 2. 1 – стратиграфия стоянки Сокольная 12 по линии запад-восток; 2–9 – планиграфическое распределение артефактов (2 – все находки; 3 – фрагменты керамики елшанского типа; 4 – раннеолитические черепки; 5 – фрагменты с гребенчато-ямочным орнаментом; 6 – все изделия из камня; 7 – фрагменты кремневых пластин и орудия из них; 8 – нуклеусы и орудия из камня; 9 – фрагменты сосудов раннего Средневековья).

Fig. 2. 1 – stratigraphy of the Sokolnaya 12 campsite along the west-east line; 2–9 – planigraphic distribution of artifacts (2 – all finds; 3 – fragments of Elshanka-type pottery; 4 – Early Neolithic shards; 5 – fragments with combed-and-dotted ornamentation; 6 – all items made of stone; 7 – fragments of flint blades and tools made of flint; 8 – cores and stone tools; 9 – fragments of early Medieval ware).

ется от 11 до 62 см. Ниже располагается литологический горизонт темно-желтого (бурого) песка (5–45 см), а затем фиксируется желтый песок от 10 до 50 см. Подстилает данные слои светло-желтый (белый при высыхании) песок с железистыми разводами (материк), который в заполнении западины № 1 перекрыт плотной оже-лезненной прослойкой (15–30 см). Во всех изученных впадинах (№ 1–3 по В.В. Никитину) отсутствовали конструктивные элементы (контур жилища, очаги и столбовые ямы), можно констатировать, что они являлись естественными природными углублениями.

Стратиграфическое положение артефактов в пределах изученной площади весьма неустойчивое. Это, по всей видимости, обусловлено нахождением культурного слоя многие тысячелетия на площадке активного произрастания деревьев с мощной корневой системой. Единичные черепки от двух-трех сосудов раннего Средневековья выявлены в верхних пяти горизонтах (пласт или горизонт = 5 см), но наряду с ними здесь же часто встречаются артефакты эпохи камня. Большая часть фрагментов керамики с гребенчато-ямочным орнаментом обнаружена в 5–7 пластах, в основном на контакте подзола и темно-желтого песка, а также в верхней и средней части последнего. Развал сосуда, орнаментированного наколами, а также черепки без орнамента преимущественно фиксируются в основании слоя темно-желтого песка и кровле – желтого (8–10 горизонты). Важно отметить, что весьма многочисленные фрагменты обеих культурно-хронологических групп посуды встречаются как выше обозначенных максимумов концентрации, так и ниже. Изделия из кремня также обнаружены от подзола до материка, в основном 4–11 пласты.

Планиграфически наблюдается наибольшая концентрация материала в центральной и восточной частях изученной площади (рис. 2: 2). Фраг-

менты сосуда елшанского типа выявлены на компактном участке в центре раскопа (рис. 2: 3). Посуда, украшенная наколами и без орнамента, достаточно равномерно распределена, при этом ее основная концентрация, в том числе развал, фиксируется в западной половине (рис. 2: 4). Большинство фрагментов с гребенчато-ямочным орнаментом обнаружены в северо-западной части изученной площади, на остальных участках они встречаются единично (рис. 2: 5). Изделия из кремня в основном выявлены в восточных квадратах, также они весьма многочисленны в центральном и северо-восточном углах раскопа № 1 (рис. 2: 6). При этом какой-либо закономерности в расположении орудий из камня проследить не удастся (рис. 2: 8). Максимум распределения пластин и орудий из них приходится на восточную половину раскопа и в целом совпадает с основной концентрацией изделий из камня (рис. 2: 7).

Палинологический анализ

Образцы (15 единиц) были отобраны в 2019 году из юго-восточного угла раскопа № 1 (кв. 48) (рис. 1: 4). Из них № 8–15 содержали лишь единичные пыльцевые зерна древесных пород, не достаточные для статистического анализа, по остальным было выделено пять спорово-пыльцевых комплексов, которые имеют близкий качественный и количественный состав доминирующих форм (рис. 1: 5).

Спорово-пыльцевой комплекс I (широколиственные породы с участием сосны и березы) выделяется по образцам 6 и 7 из слоя желтого песка (рис. 1: 4–5). В общем составе пыльца древесных пород составляет 95–98%, на долю трав приходится 2–5%, на споры – менее 1%. Среди первых доминирует пыльца широколиственных (липа (*Tilia*)), достигая 62%, часто встречается пыльца сосны (*Pinus*) и березы (*Betula*). Среди травянистых отмечены лишь единичные пыльцевые зерна злаков (*Poaceae*), подсемейства астровых (*Asteroideae*) и семей-

ства крестоцветных (Brassicaceae). Вероятно, этот период относится к термическому максимуму голоцена около 7200 лет ВР.

Спорово-пыльцевой комплекс II (сосна с участием широколиственных пород и березы) охарактеризован по образцу 5 из слоя темно-желтого (бурого) песка (рис. 1: 4–5). По-прежнему преобладает пыльца древесных пород (88%). На первое место выходит пыльца сосны (*Pinus*) (55%). До 20% сократилось количество широколиственных пород и березы (*Betula*) (19%). Остальные 12% из общего состава представлены травянистыми растениями, среди которых единично присутствует пыльца злаков (Poaceae), осок (Cyperaceae), рода полыней (*Artemisia*), семейства маревых (Chenopodiaceae), разнотравья. Данный эпизод может быть датирован около 6600–6300 лет ВР.

Спорово-пыльцевой комплекс III (сосна с незначительным участием широколиственных пород и березы) выделяется по образцам 3 и 4 из слоя темно-желтого (бурого) песка (рис. 1: 4–5). В общем составе отмечается снижение количества пыльцы деревьев (78–87%) и возрастание травянистых растений до 20%. Среди первых преобладает сосна (*Pinus*) (60–73%). Содержание пыльцы широколиственных снижается до 5–9%, на долю березы (*Betula*) приходится 11–16%. Богаче становится состав травянистых растений. Чаше встречается пыльца разнотравья (46–72%), злаков (Poaceae) (15–18%), рода полыней (*Artemisia*) (6–24%) и семейства маревых (Chenopodiaceae) (3–10%). Время формирования комплекса III, скорее всего, связано с интервалом 5600–5300 лет ВР.

Спорово-пыльцевой комплекс IV (сосна с незначительным участием березы) прослеживается по образцу 2 из слоя подзола (рис. 1: 4–5). Пыльца деревьев насчитывает 83% в общем составе, травянистых растений 14%, споры – 4%. Состав древес-

ных пород практически не отличается от предыдущего комплекса: сосна (*Pinus*) – 71%, береза (*Betula*) – 12%, ель (*Picea*) – 4%, ольха (*Alnus*) – 6%, лещина (*Corylus*) – 3%. Состав травянистых растений отличается высоким содержанием злаков (Poaceae) (41%). Также присутствует пыльца рода полыней (*Artemisia*) (11%) и семейства маревых (Chenopodiaceae) (8%). Разнотравье составляет 35%. Данный комплекс можно осторожно датировать серединой I тыс. н. э.

Спорово-пыльцевой комплекс V (сосна с участием березы) описан по образцу 1 из слоя дерна (рис. 1: 4–5), в общих чертах близок представленному выше и фиксирует аналогичный современному характер растительности.

Керамическая коллекция

Керамический комплекс представлен 1423 фрагментами от примерно 90 сосудов и включает несколько культурно-хронологических групп посуды.

Эпоха раннего Средневековья представлена 30 черепками и развалом от двух-трех сосудов (рис. 2: 9). Фрагменты имеют толщину 0,7–0,8 см, часть из них изготовлена с использованием гончарного круга. Реконструируется сосуд без орнамента баночной формы с профилированным венчиком, донце плоское (рис. 5: 47).

Посуда с гребенчато-ямочным орнаментом сильно фрагментирована (199 ед.), насчитывает около 10–15 сосудов. Черепки имеют толщину 0,7–0,9 см, заглаженную внешнюю и внутреннюю поверхности. Профиль венчиков прямой с плоским, иногда скошенным или округлым срезом (рис. 5: 28, 30, 34, 35, 38, 40, 42, 44). Мотивы орнамента представлены различными сочетаниями глубоких ямок и оттисков среднего и короткого гребенчатого штампа, ориентированных по диагонали или вертикали (рис. 5: 29–34, 36–46). Единичные фрагменты украшены перекрещивающимися отпечатками или сочетанием горизон-

Рис. 3. Ранненеолитическая керамика.

Fig. 3. Early Neolithic ceramics.

тальных и вертикальных зон (рис. 5: 28, 35). На одной стенке вдавления гребенчатого штампа нанесены на внутреннюю поверхность (рис. 5: 36). Выявлено одно плоское дно (рис. 5: 41).

Посуда без орнамента или украшенная наколами представлена одним развалом и 1116 фрагментами (425 размерами менее 2×2 см) от примерно 70 сосудов, из них 55 орнаментированы по внешней поверхности (рис. 3: 1–11, 13–14; 4: 2–35), еще около 15 выделены по специфическому оформлению верхней части (рис. 5: 1–17). Фрагменты в основном толщиной 0,6–0,8 см, хотя встречаются и более тонкостенные (около

0,4–0,5 см). Внешняя поверхность, как правило, залощена, внутренняя заглажена. Венчики имеют прямой профиль (22 ед.) (рис. 3: 1, 7; 4: 6–7, 9, 13, 23, 32, 35; 5: 3–16), реже прикрытый (8 ед.) (рис. 3: 1, 4, 14; 4: 2, 17, 20, 28; 5: 1), единично открытый (рис. 3: 6, 11; 4: 10) или слабо S-видный (по 3 ед.) (рис. 4: 3; 5: 2, 17). Срез горловины плоский (20 ед.), округлый (11 ед.), приостренный (3 ед.) или скошенный (2 ед.), при этом пять торцов украшены треугольными (1 ед.) или округлыми (2 ед.) наколами и насечками (2 ед.) (рис. 3: 7; 4: 3; 5: 4, 15, 17). Бордюрная зона части венчиков имеет сквозные проколы (10 ед.) (рис. 3: 4, 11, 14; 4: 13, 28, 35; 5: 4, 6, 15, 16) или

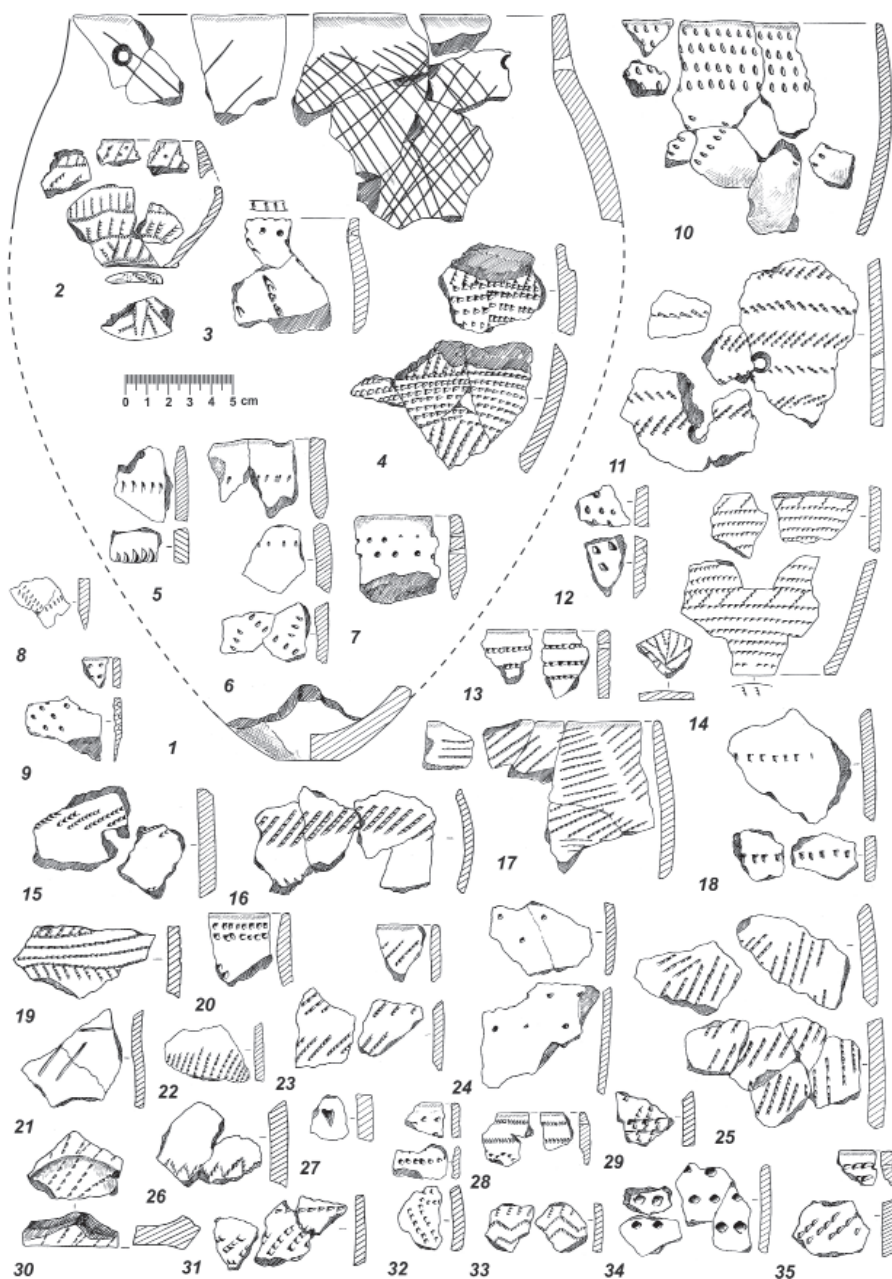

Рис. 4. 1 – сосуд елшанского типа; 2–35 – ранненеолитическая керамика.

Fig. 4. 1 – Elshanka-type pottery; 2–35 – Early Neolithic ceramics.

ямочные вдавления (5 ед.) (рис. 3: 1; 4: 2–3; 5: 1–3), остальные без таковых (21 ед.). Большая часть сосудов украшена наколами, нанесенными в отступающей манере, треугольной (35 ед.), единично пунктирной (2 ед.) (рис. 4: 22, 30) или овальной (1 ед.) (рис. 4: 3)

формы. Примерно на трети емкостей представлены разреженные вдавления треугольной (2 ед.) (рис. 3: 7, 10), округлой (5 ед.) (рис. 4: 7, 9, 20, 24, 34), овальной (4 ед.) (рис. 4: 6, 8, 10, 12), подквадратной (2 ед.) (рис. 4: 18, 32) формы, а также спаренные (1 ед.)

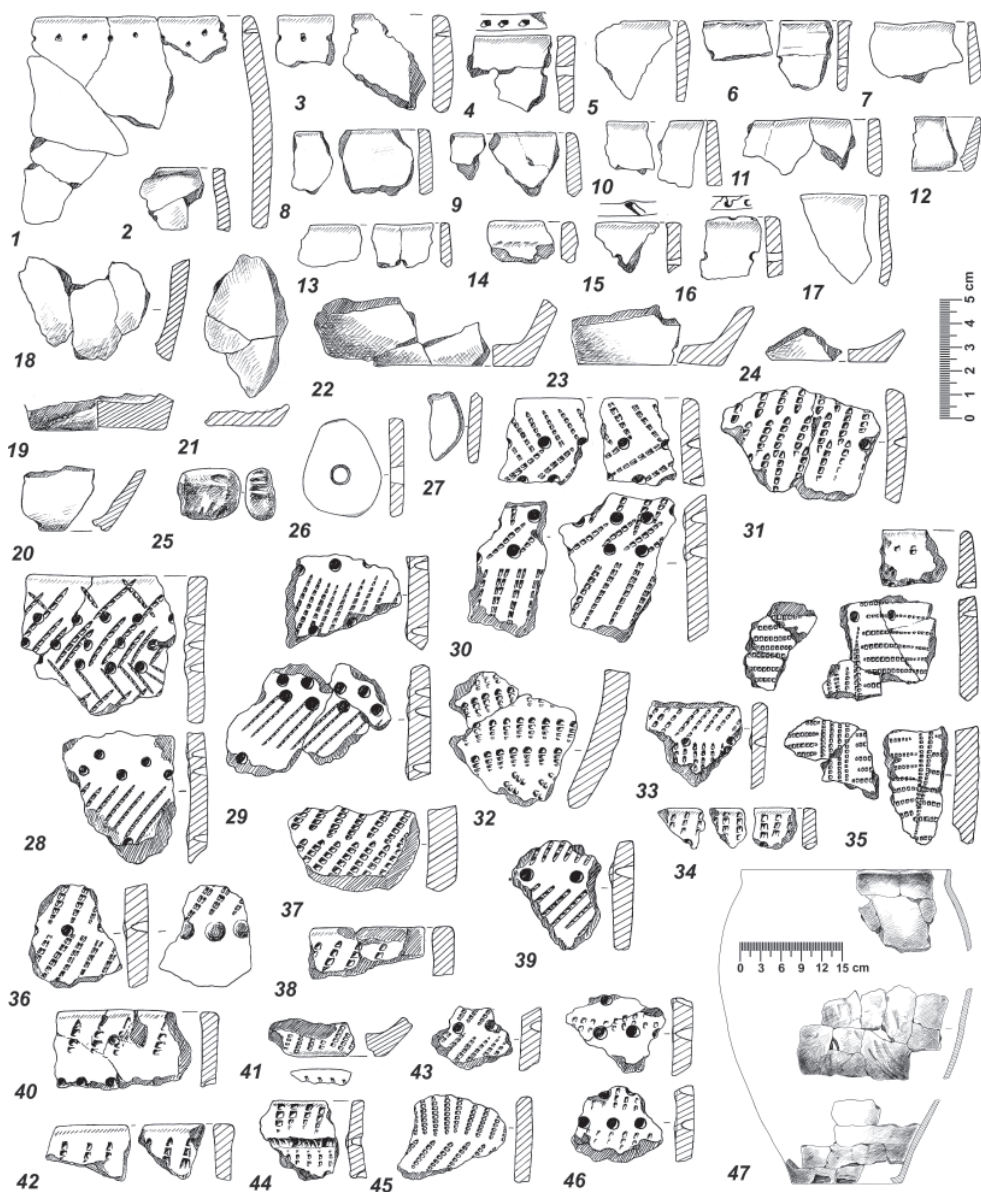

Рис. 5. 1–27 – раннеолитическая керамика; 28–46 – посуда с гребенчато-ямочным орнаментом; 47 – сосуд раннего Средневековья.

Fig. 5. 1–27 – Early Neolithic ceramics; 28–46 – vessels with combed-and-dotted ornamentation; 47 – Early Medieval pottery.

(рис. 3: 8), ногтевидные насечки (1 ед.) (рис. 4: 5) и прочерченные линии (1 ед.) (рис. 4: 21). Данные элементы орнамента в основном образуют простые горизонтальные линии, ряды из коротких диагонально ориентированных линий наколов, зигзага и их сочетания. Семнадцать фрагментов

нижних частей сосудов не имеют орнамента (рис. 3: 12; 5: 18–24), еще шесть украшены спиралью, штриховкой и крестом с заполненными четвертями (рис. 3: 1, 9–10, 4: 2, 14, 30). Также выявлены 292 крупных стенки без орнамента, при этом две из них имеют овальную форму с обработан-

ными (зашлифованными) краями и сверленное отверстие в центре (рис. 5: 26–27).

Изделие из обожженной глины неясного назначения овально-уплощенной формы, на торцах которого нанесены ложбинки заостренным орудием, может иметь отношение как к раннему, так и среднему неолиту (рис. 5: 25).

Наконец, 78 фрагментами толщиной 0,8–1,0 см с залощенной внешней поверхностью представлен реконструируемый графически сосуд со стянутым верхом и раздутым туловом, оканчивающийся миниатюрным плоским донцем, орнаментированный нечеткими прочерченными линиями, образующими мотив косой решетки (рис. 4: 1).

Технология изготовления керамики

Технико-технологическому анализу было подвергнуто 83 образца от разных сосудов неолитического времени. В результате исследования приемов отбора и подготовки сырья было выяснено, что в гончарстве неолитического населения использовались два вида исходного пластичного сырья (ИПС): илстые глины и глины (табл. 1). Для первых характерен специфический состав: присутствие мелких остатков сгнившей растительности, чешуи (1 обр.) и костей рыбы (9 обр.), обломков раковины (2 обр.), окатанных комочков чистой глины. Природные глины не содержат подобных естественных включений. В

керамическом комплексе стоянки преобладают сосуды, изготовленные из илстых глин, которые применялись в естественно увлажненном состоянии. Массовым был отбор «тощих» (сильно- и среднезапесоченных) подвидов ИПС. Только в группе сосудов с гребенчато-ямочной ориентацией наблюдается преобладание навыков отбора природных глин, преимущественно «жирных» (не- и слабозапесоченных), а также традиция дробления сырья в сухом состоянии.

Выделено четыре традиции подготовки формовочных масс (ФМ): 1) только с органическим раствором (ОР) (5%); 2) с ОР и шамотом (Ш) (50%); 3) с ОР и Ш из обожженной сильноожегленной глины (Шо/г) (37%) (Васильева, 2019); 4) с ОР, Ш и Шо/г (8%). Зависимости состава искусственных примесей с характером ИПС (илистой глиной или глиной) не выявлены. Следует отметить, что в рамках выделенных традиций составления ФМ существовала разная рецептура, которая предусматривала определенную размерность минеральных примесей (менее 2 мм и более крупную, до 4–5 мм); разную концентрацию (от 1:3 до 1:5).

На созидательной и закрепительной стадиях гончарной технологии можно предполагать распространение приемов лоскутного налепливания, изготовление сосудов с помощью зонального налета, применение выбивания для придания определенной формы сосуду. Массовым способом

Таблица 1

Исходное пластичное сырье керамики стоянки Сокольная 12

ГРУППЫ КЕРАМИКИ	Исходное пластичное сырье (ИПС)						ИТОГО:
	Илистые глины (ИГ)		Всего ИГ:	Глины (Г)		Всего Г:	
	тощие	жирные		тощие	жирные		
1. С прочерченным орнаментом	2	-	2/100%	-	-	-	2/100%
2. Без орнамента или с ямочно-жемчужным пояском	13	4	17/95%	1	-	1/5%	18/100%
3. С наколычатым орнаментом	31	11	42/91%	1	3	4/9%	46/100%
4. С ямочным орнаментом	2	-	2/100%	-	-	-	2/100%
5. С гребенчато-ямочным орнаментом	2	5	7/47%	-	8	8/53%	15/100%
ВСЕГО:	50	20	70/84%	2	11	13/16%	83/100%

Таблица 2

Формовочные массы керамики стоянки Сокольная 12

ГРУППЫ КЕРАМИКИ	Формовочные массы				ИТОГО:
	ОР (органический раствор)	ОР+Ш (шамот)	ОР+Шо/г (Ш из сильно- ожелезненной обожженной глины)	ОР+Ш+Шо/г	
1. С прочерченным орнаментом	-	-	2	-	2/100%
2. Без орнамента или с ямочно-жемчужным пояском	1	5	12	-	18/100%
3. С накольчатым орнаментом	3	21	15	7	46/100%
4. С ямочным орнаментом	-	-	2	-	2/100%
5. С гребенчато-ямочным орнаментом	-	15	-	-	15/100%
ВСЕГО:	4/5%	41/50%	31/37%	7/8%	83/100%

обработки поверхностей был прием сплошного уплотнения, по-видимому гладким отполированным твердым орудием (типа гальки) или костяным шпателем, по влажной поверхности. Придание прочности и влагонепроницаемости изделиям достигалось термической обработкой: костровым обжигом в окислительной и смешанной газовой среде и кратковременной выдержкой при температурах каления.

Кремневый и каменный инвентарь

Комплекс каменного инвентаря представлен 6373 единицами, около 20% имеют участки, покрытые желвачной коркой. Обитателями стоянки использовалось сырье, обладающее разными качественными и цветовыми характеристиками, наиболее многочисленным является серое (2017 ед.), коричневое (1755 ед.) и бежевое (1399 ед.) с оттенками, также обнаружены изделия и отходы производства из вишневого (762 ед.), белого (214 ед.) и черного (166 ед.) кремня, опоки (59 ед.) и один отщеп из серого кварцита. Отходы производства, 4859 единиц, составляют около 76% всех изделий из камня. Представлены чешуйки (2284 ед.), отщепы (1398 ед.), осколки и куски (526 ед.), поперечные (8 ед.) и продольные (643 ед.) сколы, из них 95 с ретушью или следами утилизации.

Нуклеусы представлены 25 истощенными экземплярами аморфной

формы в заключительной стадии утилизации (рис. 7: 1–18), лишь на нескольких продольных и поперечных сколах удалось зафиксировать следы регулярного расщепления, направленного на получение пластинчатых заготовок (рис. 7: 19–25).

Обнаружена серия пластин и орудий на них – 1209 экземпляров (около 19% от всего каменного инвентаря). Целые представлены 38 изделиями (из них четыре со следами обработки), проксимальные части – 452 единицами (33 с ретушью), медиальные – 510 фрагментами (из них 60 с обработкой) и дистальные – 209 экземплярами (21 с ретушью). Пластины и орудия из них в основном имеют ширину от 0,5 до 1,5 см и толщину от 0,1 до 0,4 см (табл. 3–4). На 85 изделиях представлена регулярная (28 ед.) и бессистемная (57 ед.) ретушь по одной (55 ед.) или двум (30 ед.) граням, в основном с дорсальной (50 ед.), реже с вентральной (17 ед.) стороны или противоположная (18 ед.) (рис. 6: 59–107). В нескольких случаях на рабочем крае оформлена выемка (рис. 6: 63, 76), еще у одной – две на противоположных гранях, возможно для подвешивания (рис. 6: 85). Наконец, у двух пластин ретушью усечен один из торцов, а у одной он скошен (рис. 6: 108–110). Весьма примечательной группой являются специфические микролиты (59 ед.), преимущественно медиальные части пластин, которые с дорсальной сторо-

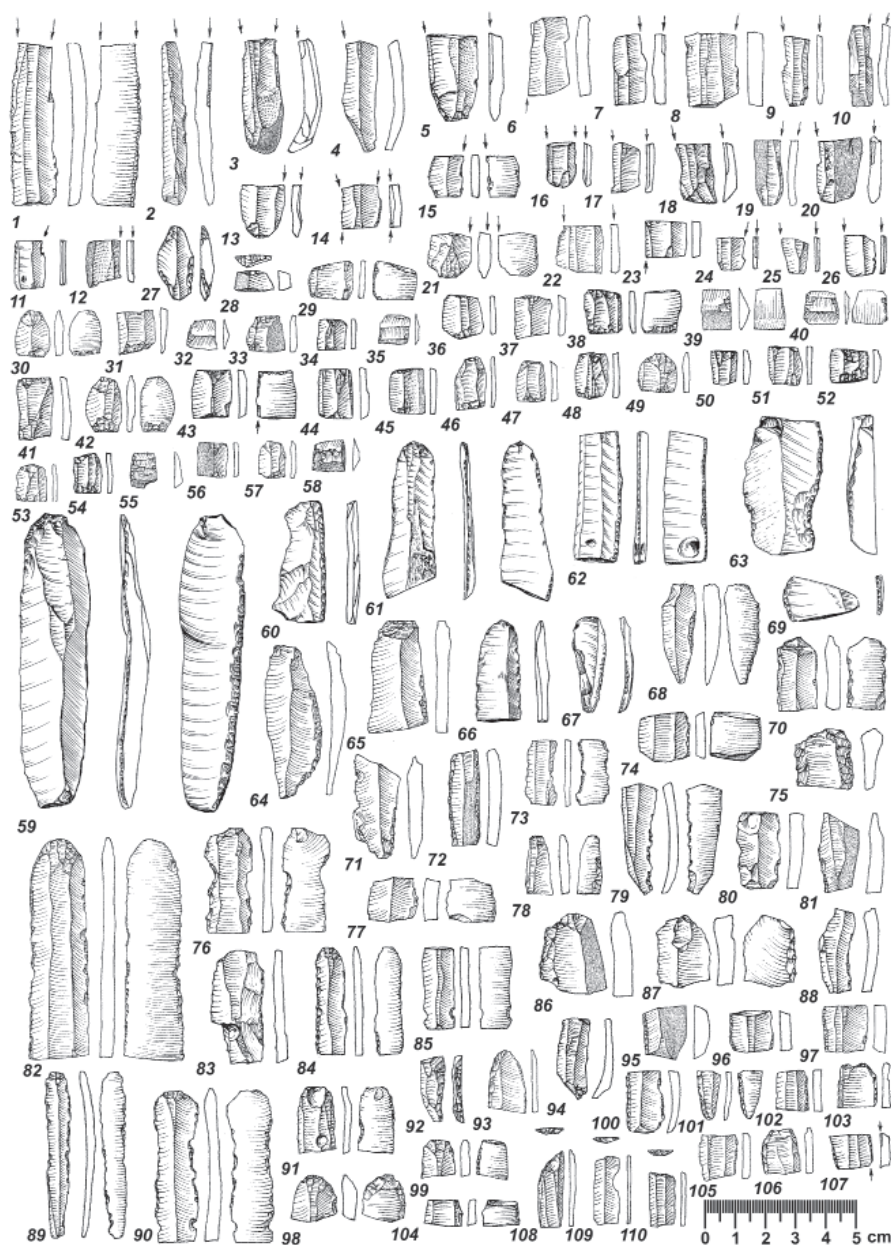

Рис. 6. Изделия на пластинах. 1–26 – резцы; 27 – наконечник; 28 – скребок; 29–58 – фрагменты с «подстругиванием / подтеской»; 59–110 – пластины с ретушью.
Fig. 6. Artifacts on blades. 1–26 – burins; 27 – point; 28 – scraper; 29–58 – fragments with "planing / whittling"; 59–110 – retouched blades.

ны, редко с вентральной, несут следы «подстругивания» или «подтески» (рис. 6: 29–58).

Морфологически выраженные орудия насчитывают 310 единиц, что составляет около 5% от комплекса ар-

тефактов из камня (табл. 5). Пластины послужили заготовкой для 34 орудий, большая часть из которых является угловыми резцами (32 ед.). На четырех из них по противоположной грани также нанесена ретушь (рис. 6: 1–26),

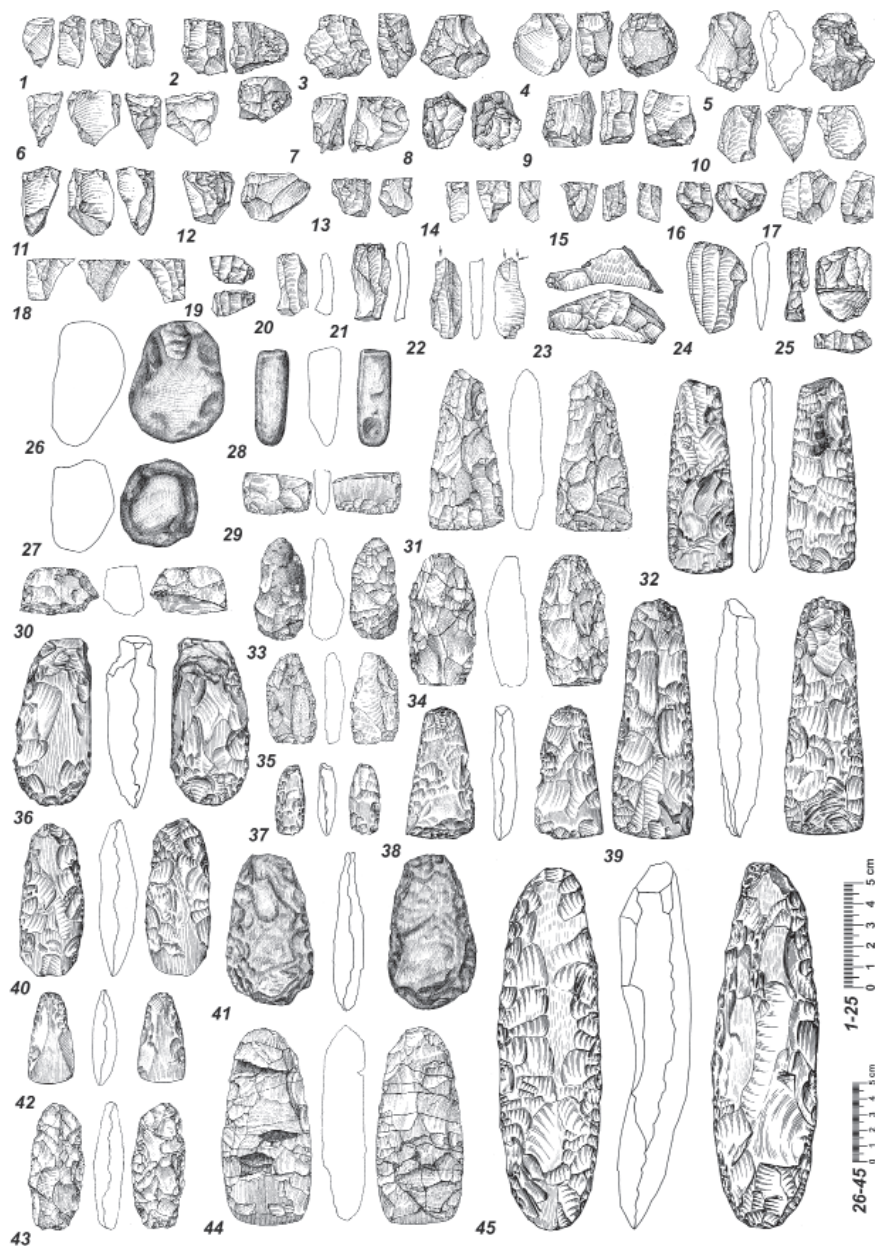

Рис. 7. Изделия из кремня (1–25, 29–45) и гальки (26–28).

1–18 – нуклеусы; 19–25 – продольные и поперечные сколы; 26–28 – отбойники; 29–45 – рубящие орудия.

Fig. 7. Flint (1–25, 29–45) and pebble (26–28) artifacts. 1–18 – cores; 19–25 – longitudinal and transverse flakes; 26–28 – hammerstones; 29–45 – chopping tools.

еще обнаружено по одному обломку концевого скребка и наконечнику стрелы с нерегулярной обработкой пера и насада (рис. 6: 27–28). Остальные изделия выполнены на иных за-

готовках. Наиболее многочисленной категорией являются скребки, которых получено 119 единиц. Все они изготовлены на продольных сколах (68 ед.), отщепах (34 ед.) или осколках

Таблица 3

Толщина пластин и их фрагментов

Толщина (в см)	0,1	0,2	0,3	0,4	0,5	0,6	0,7	0,9	Всего
Количество (ед.)	181	613	283	81	36	9	3	3	1209
Процент	14,97%	50,69%	23,41%	6,70%	2,98%	0,75%	0,25%	0,25%	100%

Таблица 4

Ширина пластин и их фрагментов

Ширина (в см)	0,3	0,4	0,5	0,6	0,7	0,8	0,9	1,0	1,1
Количество (ед.)	5	13	39	71	112	162	133	189	140
Процент	0,41%	1,07%	3,22%	5,87%	9,26%	13,40%	11,00%	15,63%	11,58%
Ширина (в см)	1,2	1,3	1,4	1,5	1,6	1,7	1,8	1,9	2,0
Количество (ед.)	105	82	44	43	24	15	8	5	4
Процент	8,68%	6,78%	3,64%	3,56%	1,98%	1,24%	0,66%	0,41%	0,33%
Ширина (в см)	2,1	2,2	2,3	2,4	2,5	3,0	3,6	Всего	
Количество (ед.)	6	1	2	2	2	1	1	1209	
Процент	0,50%	0,09%	0,17%	0,17%	0,17%	0,09%	0,09%	100%	

(17 ед.), при этом у 31 экземпляра наряду с обработкой рабочего края фиксируется ретушь по боковым граням. Около половины изделий относятся к концевому типу (61 ед.) с округлым (37 ед.) (рис. 8: 1–23), прямым (10 ед.) (рис. 8: 24–32) или скошенным (14 ед.) (рис. 8: 33–44) рабочим краем. В трех случаях также фиксируется «выступ» (рис. 8: 16, 25, 33), еще у трех – шип на углу лезвия (рис. 8: 26, 37–38). Весьма представительны также стрелчатые (20 ед.) (рис. 8: 45–60) и концебоковые (14 ед.) (рис. 8: 61–73) скребки. Остальные обнаружены в меньшем количестве: на три четверти (9 ед.) (рис. 8: 74–81), боковые (8 ед.) (рис. 8: 85–90), угловые (4 ед.) (рис. 8: 91–93) и ложки (3 ед.) (рис. 8: 82–84). Второй по численности группой орудий являются наконечники (62 ед.), изготовленные в бифасиальной технике (11 ед.) или оформленные при помощи краевой ретуши (51 ед.). Из них большая часть листовидной (в т. ч. иволистной) формы (26 ед.) (рис. 9: 59–76), также встречаются треугольные (2 ед.) (рис. 9: 77–78) и черешковые (5 ед.) (рис. 9: 79–83), остальные – невыразительные обломки (рис. 9: 84–89). Ножи (47 ед.) преимуще-

ственно прямолезвийные (33 ед.) (рис. 9: 1–22), реже саблевидные (14 ед.) (рис. 9: 23–35). Они изготовлены на продольных сколах (37 ед.), отщепках (9 ед.) или плитке кремня (1 ед.). Перфораторы (25 ед.) имеют прямое, реже скошенное острие (рис. 8: 95; 9: 36–58), в двух случаях с намеченным плечиком (рис. 8: 96–97), выполнены на продольных сколах (23 ед.) или отщепках (2 ед.), 11 экземпляров дополнительно подработаны ретушью по продольным граням. Орудия деревообработки (22 ед.) представлены топорами (8 ед.) (рис. 7: 34, 36–37, 40–41, 43–45), теслами (6 ед.) (рис. 7: 31–32, 35, 38–39, 42) и их фрагментами (7 ед.) (рис. 7: 29–30), а также одной заготовкой (рис. 7: 33). Около трети изделий (7 ед.) изготовлены в технике оббивки, а остальные имеют пришлифованные участки. Примерно в равном количестве обнаружены артефакты овальных и подтреугольных в плане очертаний. Скобель на продольном сколе с узкими и глубокими выемками на рабочем крае выявлен в одном экземпляре (рис. 8: 94).

Наконец, в коллекции представлены четыре гальки со следами забитости на концах, которые служили

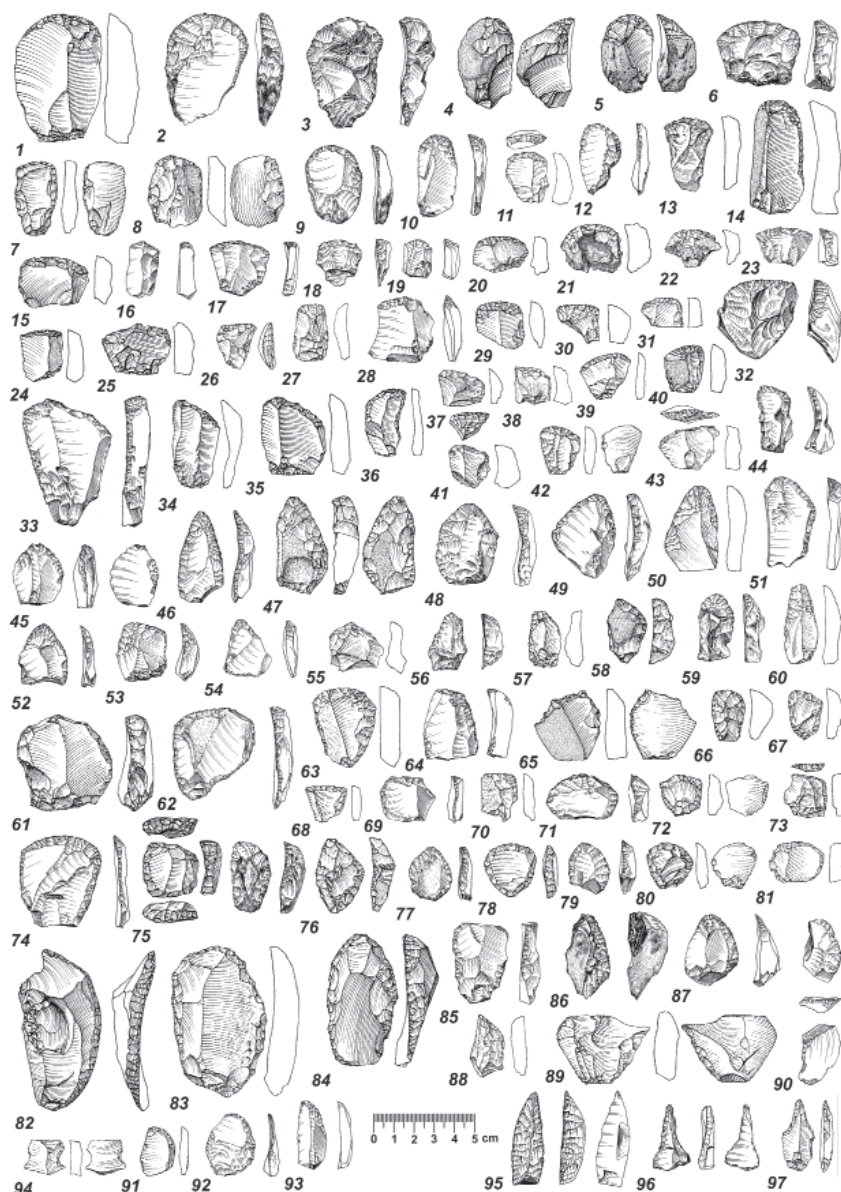

Рис. 8. Кремневые орудия. 1–93 – скребки; 94 – скобель; 95–97 – перфораторы.

Fig. 8. Flint tools. 1–93 – scrapers; 94 – push-plane; 95–97 – perforators.

отбойниками или ретушерами (рис. 7: 26–28).

Радиоуглеродное датирование

По материалам памятника получена серия из 27 радиоуглеродных дат: 18 по органике из керамического теста сосудов, одна по углистой почве и восемь по пищевому нагару, при этом из образцов последнего вы-

делены разные фракции (гуминовая кислота, сажа и др.), по которым выполнены определения. Наиболее ранние значения второй четверти VI тыс. до н. э. (здесь и далее по 1 σ) получены по фрагментам от сосуда елшанского типа (табл. 6: 1–3). Датировки ранненеолитической посуды без орнамента или украшенной наколами

Рис. 9. Кремневые орудия. 1–35 – ножи; 36–58 – перфораторы; 59–89 – наконечники.
Fig. 9. Flint tools. 1–35 – knives; 36–58 – perforators; 59–89 – points.

также относятся к концу второй четверти VI тыс. до н. э. (табл. 6: 4–5) и маркируют бытование данной традиции на площади стоянки до его третьей четверти (табл. 6: 6–11). Стоит отметить, что еще три определения по посуде этого типа укладываются в V тыс. до н. э. (табл. 6: 12–14). Это может, с одной стороны, свидетельство-

вать о длительности существования обозначенной керамической традиции, несколько поздних дат уже было получено ранее (Выборнов, Никитин, 2016, с. 128; Андреев, Кулькова, Петрожицкий, 2024, с. 35–36), а с другой – об их некорректности. Образцы нагара с двух неорнаментированных фрагментов керамики дали значения

Таблица 5

Морфологически выраженные орудия

Категория	Количество	Процент
Скребки	120 ед.	38,7%
Наконечники	63 ед.	20,3%
Ножи	47 ед.	15,2%
Угловые резцы	32 ед.	10,3%
Перфораторы	25 ед.	8,1%
Деревообрабатывающие	22 ед.	7,1%
Скобель	1 ед.	0,3%
Всего	310 ед.	100%

второй четверти – середины VII тыс. до н. э. (табл. 6: 20–22), которые, видимо, являются невалидными и, возможно, косвенно указывают на использование емкостей для приготовления акватических ресурсов, что приводит к систематическому удревнению (Андреев, Кулькова, Петрожицкий, 2024, с. 36–37). Еще пять дат по двум образцам нагара в целом совпали с укладываемыми в широкий диапазон V тыс. до н. э. поздними определениями раннеолитической посуды (табл. 6: 23–27). Мелкие фрагменты, украшенные гребенчато-ямочным орнаментом, датированы второй половиной V тыс. до н. э. (табл. 6: 15–17). Образец углистой почвы из ямы в кв. 81 (рис. 2: 1) дал значение первой четверти IV тыс. до н. э. (табл. 6: 18), которое не может быть сопоставлено ни с одним из приведенных выше хронологических диапазонов. Наконец, фрагменты от развала позднего сосуда получили дату VI–V века до н. э. (табл. 6: 19), которая не противоречит логике формирования культурного слоя памятника, но почти на тысячу лет древнее ближайших типологических аналогий данной ёмкости.

Обсуждение

Первое посещение площадки памятника относится ко второй четверти VI тыс. до н. э. и связано с носителями елшанской культурной традиции. Именно в раннеолитических комплексах лесостепного Поволжья находится ближайшие аналогии сосудов (рис. 4: 1), украшенный прочерками,

образующими косую решетку (Андреев, Выборнов, 2017, с. 195, 204, 206–207, 215 и др.). Полученные даты хорошо согласуются с определениями сопредельного Среднего Посурья, где посуда елшанского типа появляется в конце VII и бытует до середины VI тыс. до н. э. Примечательно, что на стоянке Вьюново озеро I также обнаружено миниатюрное плоское донце (Березина, 2021, с. 124). Первичная неолитизация Марийского Поволжья, на наш взгляд, связана с проникновением отдельных лесостепных групп, знакомых с навыками изготовления посуды из глины. Однако их керамическая традиция была в значительной степени переработана и адаптирована местным населением, а именно не получили широкого распространения S-видные формы горловин, прочерченная орнаментация, острые донца, пояски ямок-жемчужин под венчиком (Андреев, Кудашов, 2024). Данным обстоятельством обусловлена высокая близость кремневых индустрий мезолитических и раннеолитических комплексов региона (Никитин, 2006). Один из начальных эпизодов взаимодействия или подражания, по всей видимости, маркируется скоплением описанного сосуда. Судя по составу спорово-пыльцевых спектров, данный процесс происходил в самый теплый этап, который, вероятно, относится к голоценовому термическому максимуму. В это время в окрестностях стоянки произрастали липовые леса, в составе которых также присутствовали сосна и береза.

Таблица 6

Радиоуглеродные датировки материалов стоянки Сокольная 12

№	Материал	Лаб. индекс	Возраст (BP)	Возраст (calBC)*
1	Фрагменты от сосуда елшанского типа (рис. 4: 1)	SPb** – 3714	6760 ± 130	1σ 5784 (67,8%)* 5553 2σ 5913 (94,3%) 5476
2	Фрагменты от сосуда елшанского типа (рис. 4: 1)	SPb – 3710	6700 ± 125	1σ 5719 (65,7%) 5525 2σ 5845 (91,2%) 5468
3	Фрагменты от сосуда елшанского типа (рис. 4: 1)	SPb – 3715	6640 ± 110	1σ 5642 (68,3%) 5479 2σ 5738 (95,4%) 5372
4	Фрагменты сосуда, украшенного округлыми наколами в разреженной манере (рис. 4: 24)	SPb – 3719	6620 ± 120	1σ 5662 (68,3%) 5474 2σ 5735 (95,4%) 5328
5	Мелкие фрагменты керамики без орнамента от разных сосудов	SPb – 3189	6583 ± 120	1σ 5629 (58,0%) 5471 2σ 5720 (95,4%) 5317
6	Фрагменты сосуда, украшенного треугольными наколами в отстоящей манере (рис. 4: 11)	SPb – 3720	6520 ± 120	1σ 5563 (62,0%) 5373 2σ 5666 (92,0%) 5292
7	Фрагменты сосуда, украшенного треугольными наколами в отстоящей манере (рис. 3: 2)	SPb – 3711	6450 ± 115	1σ 5485 (60,8%) 5307 2σ 5628 (95,1%) 5208
8	Фрагменты сосуда, украшенного на донце овальными наколами (рис. 3: 6)	SPb – 3717	6430 ± 110	1σ 5481 (63,5%) 5304 2σ 5621 (94,4%) 5208
9	Мелкие фрагменты керамики без орнамента от разных сосудов	SPb – 3187	6392 ± 120	1σ 5477 (57,6%) 5296 2σ 5563 (85,0%) 5203
10	Мелкие фрагменты керамики без орнамента от разных сосудов	SPb – 3712	6315 ± 115	1σ 5387 (51,0%) 5207 2σ 5482 (95,3%) 4994
11	Развал сосуда орнаментированного наколами (рис. 3: 1)	SPb – 3182	6308 ± 100	1σ 5380 (54,9%) 5207 2σ 5476 (95,4%) 5036
12	Фрагменты сосуда, украшенного треугольными наколами в отстоящей манере (рис. 3: 11)	SPb – 3713	6060 ± 110	1σ 5072 (58,0%) 4832 2σ 5220 (93,6%) 4717
13	Мелкие фрагменты керамики без орнамента от разных сосудов	SPb – 3186	5627 ± 120	1σ 4556 (60,6%) 4347 2σ 4729 (94,3%) 4247
14	Фрагменты от неорнаментированной тонкостенной придонной части (рис. 3: 12)	SPb – 3183	5370 ± 120	1σ 4333 (46,6%) 4159 2σ 4446 (95,4%) 3964
15	Мелкие фрагменты керамики с гребенчато-ямочным орнаментом от разных сосудов	SPb – 3184	5559 ± 120	1σ 4542 (62,4%) 4323 2σ 4697 (90,3%) 4223
16	Мелкие фрагменты керамики с гребенчато-ямочным орнаментом от разных сосудов	SPb – 3185	5546 ± 120	1σ 4537 (60,2%) 4320 2σ 4682 (88,2%) 4221
17	Мелкие фрагменты керамики с гребенчато-ямочным орнаментом от разных сосудов	SPb – 3181	5375 ± 120	1σ 4336 (47,1%) 4159 2σ 4447 (95,4%) 3967
18	Углистая почва из ямы (нора?) в квадрате № 81	SPb – 3723	5050 ± 80	1σ 3955 (68,3%) 3768 2σ 3983 (95,4%) 3652
19	Фрагменты от лепного неорнаментированного сосуда раннего Средневековья (рис. 5: 47)	SPb – 3716	2400 ± 50	1σ 542 (65,0%) 401 2σ 592 (72,0%) 391
20	Нагар на неорнаментированном фрагменте керамики (кв. 52, гор. 13, -111) (уголь, $\delta^{13}\text{C}\text{‰} = -26,4$)	GV – 4140	7624 ± 51	1σ 6504 (68,3%) 6424 2σ 6591 (95,4%) 6401
21	Нагар на неорнаментированном фрагменте керамики (кв. 52, гор. 13, -111) (гуминовая кислота, $\delta^{13}\text{C}\text{‰} = -32,5$)	GV – 4140	7704 ± 50	1σ 6574 (63,6%) 6478 2σ 6641 (95,4%) 6456
22	Нагар на неорнаментированном фрагменте керамики (кв. 80, гор. 12, -111) (уголь, $\delta^{13}\text{C}\text{‰} = -18,0$)	GV – 4141	7865 ± 76	1σ 6828 (62,3%) 6599 2σ 7040 (94,6%) 6570
23	Нагар на неорнаментированном фрагменте керамики (кв. 113, гор. 9, -85) (гуминовая кислота)	GV – 5028	5525 ± 45	1σ 4373 (35,2%) 4337 2σ 4453 (90,7%) 4325
24	Нагар на неорнаментированном фрагменте керамики (кв. 112, гор. 8, -84) (карбонат, $\delta^{13}\text{C}\text{‰} = -27,6$)	GV – 5027	5469 ± 55	1σ 4361 (34,5%) 4313 2σ 4448 (92,8%) 4233
25	Нагар на неорнаментированном фрагменте керамики (кв. 112, гор. 8, -84) (сажа, $\delta^{13}\text{C}\text{‰} = -25,3$; $\delta^{15}\text{N}\text{‰} = 4,2$)	GV – 5027	5278 ± 45	1σ 4167 (34,2%) 4095 2σ 4241 (95,4%) 3985
26	Нагар на неорнаментированном фрагменте керамики (кв. 112, гор. 8, -84) (гуминовая кислота-сажа, $\delta^{13}\text{C}\text{‰} = -26,3$; $\delta^{15}\text{N}\text{‰} = 5,9$)	GV – 5027	5365 ± 45	1σ 4262 (18,8%) 4226 2σ 4331 (67,6%) 4158
27	Нагар на неорнаментированном фрагменте керамики (кв. 112, гор. 8, -84) (уголь)	GV – 5027	6023 ± 45	1σ 4957 (58,4%) 4846 2σ 5032 (95,4%) 4796

* Калибровка радиоуглеродного возраста в календарный проведена на основе калибровочной кривой Intcal20 в программе OxCal 4.4.

** Образцы с шифром SPb были датированы жидкостным сцинтилляционным методом в Лаборатории изотопных исследований ЦКП «Геоэкология» ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург. Образцы с шифром GV (Golden Valley) были датированы методом ускорительной масс-спектрометрии в ЦКП "УМС НГУ-ННЦ", г. Новосибирск, предварительная пробоподготовка проводилась в Лаборатории изотопных исследований ЦКП «Геохронология кайнозоя» ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск.

*** При получении нескольких диапазонов калиброванного значения дат в рамках стандартных 1σ (68,3%) и 2σ (95,4%) в таблице приведен интервал с наибольшей вероятностью и указан ее процент.

Согласно данным радиоуглеродного датирования примерно в это же время на площадке памятника появляется посуда, украшенная наколами или без орнамента, широко представленная в раннем неолите региона. Определения середины – третьей четверти VI тыс. до н. э. являются одними из древнейших, полученных по посуде с наколами, и частично заполняют лакуну с немногочисленными ранними значениями по неорнаментированным фрагментам (Выборнов, Никитин, 2016). Ближайшие аналогии выявленный на стоянке Сокольная 12 комплекс по технологическим, морфологическим и орнаментальным признакам обнаруживает с опорными ранненеолитическими коллекциями Марийского Поволжья (Дубовская III, Отарская VI, Сутырская V и др.) (Никитин, 1996, с. 76–114; 2011; Васильева, Выборнов, 2015). В районе памятника в данный период были распространены смешанные хвойно-широколиственные леса с большой долей липы, в их состав также входила береза, в подлеске росла лещина, травяной покров был очень бедный.

Следующий эпизод заселения стоянки, который фиксируется на части изученной площади, связан с носителями гребенчато-ямочной традиции орнаментации керамики и относится ко второй половине V тыс. до н. э. Датировки нашего памятника являются наиболее поздними для данного типа посуды региона, но в целом согласуются с серией ранее полученных определений (Выборнов, Никитин, 2016). Согласно данным палинологического анализа, по мере похолодания климата в это время на смену широколиственным лесам приходят хвойно-широколиственные, а затем – сосновые боры с незначительной примесью березы, ели и широколиственных пород (липа, дуб). Венчики и стенки от 10–15 сосудов с гребенчато-ямочным орнаментом находят прямые аналогии в ранее исследованных комплексах (Никитин, 2015). Отдельно стоит про-

комментировать факт обнаружения фрагмента плоского донца (рис. 5: 41). Такая традиция оформления нижней части сосуда не характерна для керамики данного типа. При этом на ряде стоянок встречена синкретичная – накольчато-ямочно-гребенчатая посуда (Никитин, 2015, с. 334–335), что прямо свидетельствует о контактах двух групп населения. Принимая во внимание абсолютное доминирование в раннем неолите емкостей с плоским дном, нельзя исключать заимствования в ходе взаимодействия не только орнаментальных черт, но и морфологических, примеры влияния обратного характера представлены в регионе (Никитин, 2011, с. 399). Однако ввиду плохой сохранности и малого размера выявленного фрагмента необходима верификация обозначенного прецедента.

Специфическая черта стоянки Сокольная 12 – высокий показатель пластинчатости комплекса (около 19%), что не характерно для опорных неолитических памятников региона (Дубовская III, Отарская VI – около 5%) (Никитин, 2011) и изученных в недавнее время стоянок (Сокольный VII и XVII – около 3%) (Андреев и др., 2020; Кудашов и др., 2024). Исключением является поселение Дубовское VIII, где в раскопе № 1 пластины составляют 36%, а в жилище № 6 – около 16% от всего каменного инвентаря (Никитин, 2011, с. 45–60). Стоит отметить, что на площади памятника обнаружена посуда разных культурно-хронологических групп, а в упомянутом жилище № 6 из 40 фрагментов керамики лишь четыре относятся к раннему неолиту. Здесь отличаются и метрические показатели изделий, ширина большинства из которых (77%) составляет 1,2–1,7 см. Обозначенные обстоятельства требуют весьма осторожного оперирования данными стоянки Дубовская VIII и дополнительной верификации полученных на ней результатов. С другой стороны, для комплексов среднего ка-

менного века Марийского Поволжья характерен относительно высокий индекс пластинчатости индустрий, который превышает 10%, достигая на Удельно-Шумецком Х 22%, а на Нижней Стрелке VI – 28% (Никитин, 2018). Весьма примечательно присутствие в коллекции нашего памятника двух изделий с усеченным и одной пластины со скошенным ретушью концом (рис. 6: 108–110): они не фиксируются в неолите региона, за исключением пары экземпляров с уже упомянутой Дубовской VIII стоянки, однако широко представлены в мезолите. Значимой, на наш взгляд, является планиграфическая обособленность максимальной концентрации пластин и орудий из них от развала ранне-неолитического сосуда в восточной половине изученной площади (рис. 2: 4, 7). Выявленные на этих же квадратах и глубинах фрагменты керамики вполне могут быть интерпретированы в качестве механической примеси в результате повторного заселения площадки в неолитическую эпоху.

Разделение орудийной коллекции на культурно-хронологические группы сталкивается с серьезными трудностями. Сырьевая база в среднем и новом каменном веках Марийского Поволжья оставалась аналогичной и была основана на эксплуатации местных источников плитчатого и валунного кремня вишневого, бежевого, коричневого, серого и прочих оттенков. Как отмечает В.В. Никитин, «зачастую желвачное сырье из одного и того же месторождения представлено различными цветовыми гаммами..., где отдельными участками представлено несколько цветов на одном ядрище» (Никитин, 2018, с. 99). Таким образом, анализ комплекса по сырьевому критерию не может быть использован для его надежной дифференциации. Также на стоянке фиксируются близкие планиграфические условия расположения изделий из всех сортовых групп кремня. Наиболее многочисленная категория

орудий – скребки на отщепах, осколках и продольных сколах – широко представлена в мезо-неолитических материалах региона, описанные нами ранее типы составляют большинство в этих коллекциях. Аналогичная ситуация характерна и для рубящих орудий, которые выявлены на всех этапах каменного века Марийского Поволжья. Стоит лишь отметить, что в мезолите и среднем неолите абсолютно преобладают изделия с пришлифовкой, в то время как на раннем этапе нового каменного века относительно часто встречаются двусторонне оббитые экземпляры. Вторая по численности категория орудий – наконечники стрел с бифасиальной и краевой обработкой листовидной и черешковой форм, за исключением единичных экземпляров, – отсутствует на мезолитических памятниках (Никитин, 2018), однако массово фиксируется в ранне- и средне-неолитических комплексах (Никитин, 2011; 2015). Это осложняет определение их связи с той или иной группой керамики. Ножи, резцы на углу пластины и перфораторы также не обладают какими-либо специфическими особенностями и имеют широкое бытование в каменном веке региона, не способствуя культурно-хронологическому разделению каменного инвентаря стоянки. Стоит отметить, что кремневые индустрии мезолита и раннего неолита Марийского Поволжья по набору основных категорий орудий весьма близки, что позволило В.В. Никитину (Никитин, 2006, с. 258) допустить синхронность их бытования на определенном этапе. Это приводит к объективной невозможности разделения «смешанных» коллекций. Аналогичный вывод мы можем сделать и при «наложении» культурных слоев раннего и среднего неолита: в последнем бытуют такие же типы орудий, а отличительные маркеры – крупные бифасиально ретушированные изделия, за исключением рубящих, – на нашем памятнике не обнаружены. Таким об-

разом, проблема культурно-хронологического разделения комплекса изделий из камня стоянки Сокольная 12 не может быть решена на современном этапе изучения. В ней вполне вероят-

но наличие мезолитической примеси, а также, очевидно, должно фиксироваться присутствие компонентов раннего и среднего неолита.

Примечания:

² Памятник долгое время имел несколько отличающееся название – «Сокольный. Поселение XII» (Никитин, 2009, с. 88–89), однако на государственный учет и охрану поставлен как «Сокольная 12 стоянка».

³ Под пластинами авторы понимают сколы с нуклеусов, имеющие более или менее параллельные края и огранку спинки, длина которых более чем в два раза превышает ширину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев К.М., Выборнов А.А. Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура). Самара: Порто-Принт, 2017. 272 с.
2. Андреев К.М., Выборнов А.А., Кудашов А.С., Алешинская А.С., Васильева И.Н. Поселение Сокольный VII – новый памятник раннего неолита Республики Марий Эл // Поволжская археология. 2020. № 3(33). С. 64–83.
3. Андреев К.М., Кулькова М.А., Петрожицкий А.В. Новые радиоуглеродные даты неолитических памятников Среднего Поволжья и Камско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. 2024. № 6. С. 29–42.
4. Андреев К.М., Кудашов А.С. Неолитизация лесостепного и лесного Среднего Поволжья: разные выражения одного процесса // Археология Евразийских степей. 2024. № 4. С. 69–79.
5. Березина Н.С. Каменный век Чувашия // Археология Евразийских степей. 2021. № 1. С. 8–261.
6. Васильева И.Н. О выделении в древней керамике искусственной примеси дробленой обожженной сильноожеженной глины // Вестник «История керамики». Вып. 1 / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М: ИА РАН, 2019. С. 48–62.
7. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье / АЭМК. Вып. 31 / Научн. ред. Б.С. Соловьев, А.В. Михеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2015. С. 68–98.
8. Выборнов А.А., Никитин В.В. Радиоуглеродные данные по неолиту Марийского Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 123–128.
9. Кудашов А.С., Андреев К.М., Выборнов А.А., Алешинская А.С., Васильева И.Н., Сомов А.В., Пантелеева Т.Ю. Исследования нового памятника раннего неолита лесного Среднего Поволжья Сокольный XVII // Поволжская археология. 2024. № 1 (47). С. 8–26.
10. Никитин В.В. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1996. 180 с.
11. Никитин В.В. На стыке двух эпох (к вопросу о раннем неолите лесной полосы Среднего Поволжья) // Тверской археологический сборник. / Отв. ред И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2006. Вып. 6. Т. 1. С. 254–259.
12. Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2009. 416 с.
13. Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья / Тр. МарАЭ. Т. IX. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2011. 470 с.
14. Никитин В.В. Культура носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом в Марийско-Казанском Поволжье. Казань: Изд. Дом Казанская недвижимость, 2015. 364 с.
15. Никитин В.В. Мезолит Марийского Полесья / Труды МарАЭ. Т. 10. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. 260 с.

Информация об авторах:

Андреев Константин Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); konstantin_andreev_88@mail.ru

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

Алешинская Анна Сергеевна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); asalesh@mail.ru

Васильева Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); in.vasil@mail.ru

Кулькова Марианна Алексеевна, доктор геолого-минералогических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия); kulkova@mail.ru

Пархомчук Екатерина Васильевна, кандидат химических наук, заведующая ЦКП «Геохронология кайнозоя», Институт археологии и этнографии СО РАН; директор ЦКП «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ-ННЦ», Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск, Россия); evparkhom@yandex.ru

Трошина Алла Андреевна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); allatroshina89@gmail.com

SOKOLNAYA 12 CAMPSITE – A NEW STONE AGE ARCHAEOLOGICAL RESOURCE OF THE FOREST MIDDLE VOLGA REGION

K.M. Andreev, A.A. Vybornov, A.S. Aleshinskaya, I.N. Vasilieva,
M.A. Kulkova, E.V. Parkhomchuk, A.A. Troshina

The paper deals with the results of the studies at the Sokolnaya 12 site. It provides data concerning the stratigraphic and planigraphic distribution of various cultural complexes across the studied area. Typological and morphological characteristics of the early (vessels decorated with punctured and undecorated ware) and middle (combed-and-dotted type) Neolithic pottery, as well as data from technical and technological analysis are given. Based on radiocarbon dating, the period of use for the first pottery group is determined to be the middle to the second half of the 6th millennium BC, and for the second one, the second half of the 5th millennium BC. Palynological analysis made it possible to establish at this time a gradual change from mixed conifer broadleaved forests with a large proportion of linden to pine forests with an insignificant admixture of birch, spruce and broad-leaved species. A representative collection of stone artifacts, comprising over 6,000 units, cannot be clearly divided into cultural and chronological groups. The connection of some categories and types of tools with ceramic groups requires additional study. The high proportion of plates in the collection (about 19%) also suggests the presence of a Mesolithic admixture in the materials of the site.

Keywords: archaeology, Republic of Mari El, Neolithic, Elshanka type pottery, punctured (punctured-decoration) pottery, combed-and-dotted ceramics, flint industry, palynological analysis, radiocarbon dating, ceramic technology.

REFERENCES

1. Andreev, K. M., Vybornov, A. A. 2017. *Ranniy neolit lesostepnogo Povolzh'ya (yelshanskaya kul'tura)* (Early Neolithic of the Forest-Steppe Volga Region (Elshan culture)). Samara: Porto-Print Publ. (in Russian).
2. Andreev, K. M., Vybornov, A. A., Kudashov, A. S., Aleshinskaya, A. S., Vasilieva I. N. 2020. In *Povolzhskaya Arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 3(33), 64–83 (in Russian).

The main part of the research was carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23-78-10088) "Vectors and dynamics of cultural and historical processes in the Stone Age of the Middle Volga region". The palynological study was conducted within the framework of the research project of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences "Interdisciplinary foundations of modern archaeological research: theory and practice". R&D Center No. 126011315527-2.. The technological and typological analysis of the ceramics was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01638 "The Eneolithic of the forest-steppe Volga region: traditions and innovations."

3. Andreev, K. M., Kulkova, M. A., Petrozhitsky, A. V. 2024. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 6, 29–42 (in Russian).
4. Andreev, K. M., Kudashov, A. S. 2024. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 4, 69–79 (in Russian).
5. Berezina, N. S., 2021. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 1, 8–261 (in Russian).
6. Vasilieva, I. N. 2019. In Tsetlin, Yu. B. (ed.). *Vestnik «Istoriya keramiki» (Bulletin «History of Ceramics»)* 1. Moscow: Publishing house of IA RAN, 48–62 (in Russian).
7. Vasilieva, I. N., Vybornov, A. A. 2015. In Soloviev, B. S., Mikheev, A. V. (eds.). *Voprosy arkheologii epokhi kamnya i bronzy v Srednem Povolzh'ye i Volgo-Kam'ye (Issues of the Archaeology of Stone and Bronze Ages in Middle Volga and Volga-Kama Areas)* 31. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 68–98 (in Russian).
8. Vybornov, A. A., Nikitin, V. V. 2016. In Zaitseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkiewicz, A. N. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Neolithic Chronology of Eastern Europe in the VII–III Millennium BC)*. Smolensk: “Svitok” Publ., 123–128 (in Russian).
9. Kudashov, A. S., Andreev, K. M., Vybornov, A. A., Aleshinskaya, A. S., Vasilieva, I. N., Somov, A. V., Panteleeva, T. Yu. 2024. In *Povolzhskaya Arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 1(47), 8–26 (in Russian).
10. Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyy vek Mariyskogo kraya (Stone Age of the Mari Territory)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific Research Institute of the Language of Literature and History (in Russian).
11. Nikitin, V. V. 2006. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoy arkheologicheskiy sbornik (Tver Archaeological Collection)* 6 (I). Tver: Tver State United Museum, 254–259 (in Russian).
12. Nikitin, V. V. 2009. *Arkheologicheskaya karta Respubliki Mariy El (Archaeological Map of the Republic of Mari El)*. Yoshkar-Ola: “MPIK” Publ. (in Russian).
13. Nikitin, V. V. 2011. *Ranniy neolit Mariyskogo Povolzh'ya (Early Neolithic of the Mari Volga Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition IX. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).
14. Nikitin, V. V. 2015. *Kul'tura nositelei posudy s grebenchato-iamochnym ornamentom v Mariisko-Kazanskom Povolzh'ye (Comb-Pit Ware Culture in the Mari and Kazan Part of the Volga Basin)*. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost” Publ. House (in Russian).
15. Nikitin, V. V. 2018. *Mezolit Mariyskogo Poles'ya (Mesolithic of Mari Polesye)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) X. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

About the Authors:

Andreev Konstantin M. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; konstantin.andreev_88@mail.ru

Vybornov Alexander A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; vybornov_kin@mail.ru

Aleshinskaya Anna S. Candidate of Geographical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; asalesh@mail.ru

Vasilieva Irina N. Candidate of Historical Sciences, Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; in.vasil@mail.ru

Kulkova Marianna A. Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor of the Department of Geology and Geoecology. Herzen State Pedagogical University. Moyki nab., 48/12, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; kulkova@mail.ru

Parkhomchuk Ekaterina V. Candidate of Chemical Sciences, Head of the Center for Collective Use “Geochronology of the Cenozoic”. Institute of Archeology and Ethnography SB RAS; Head of AMS laboratory «Golden Valley». Novosibirsk State University. Pirogova St., 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; evparkhom@yandex.ru

Troshina Alla A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; allatroshina89@gmail.com

Статья принята в номер 01.03.2026 г

ГРОТЫ БАЛКИ ЗАМИЛЬ В КРЫМУ: ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ¹

© 2026 г. Н.Н. Блага, М.Г. Жилин, В.Л. Руев

В статье публикуются результаты новейших междисциплинарных исследований стоянок Замиль-Коба 1, 2 и 3 в Юго-Западном Крыму. Проведенные геоморфологические исследования объяснили процесс формирования балочной системы и привели к выводу, что гроты балки Замиль достигли крупных размеров под влиянием системы линейного склонового стока с примыкающей к балке возвышенности. Археологические исследования гротов позволили установить хронологию и специфику использования стоянок в мезолите, особенности материальной культуры и палеогеографию окрестностей балки Замиль в раннем голоцене. Установлено, что гроты балки Замиль были освоены человеком уже в конце плейстоцена. Древнейшим является нижний культурный слой стоянки Замиль-Коба 1, который сформировался в первой половине аллереда. Тогда стоянка использовалась в холодное время года. Затем стоянка была заселена в позднем мезолите (в пребореале), она отнесена к мурзак-кобинской культуре. Отсутствие очагов и кострищ в данном культурном слое может указывать на использование грота в тёплое время года. Менее глубокий грот Замиль-Коба 2 служил кратковременным пристанищем для мезолитических охотников не менее двух раз в финальном мезолите в раннем атлантическом периоде, а самый маленький грот Замиль-Коба 3 использовался аналогичным образом несколько позже, на переходе от мезолита к неолиту.

Ключевые слова: археология, Крым, Замиль, стоянка, грот, геоморфология, мезолит, мурзаккобинская культура.

Геоморфология района балки Замиль

Внутренняя гряда Крымских гор на юго-западном участке обладает геолого-геоморфологическими особенностями, которые отражаются и на развитии гротов. Из-за примыкания к обрывам нуммулитовых известняков эоцен-неогеновой возвышенности отдельные полости становятся частью склоновых морфодинамических систем. Они в значительной мере открыты для процессов внешней среды, поэтому условия обитания в них древнего человека менее благоприятны. В работах по гротам Внутренней куэсты подобные объекты не рассматривались (Блага, Попов, 2009; Душевский, Блага, 1997).

Участок Внутренней гряды Крымских гор в районе массива Эски-Кермен разделен густой сетью глубоких сходящихся балок. Сливаясь, они об-

разуют долину, по которой протекает один из притоков р. Бельбек. Балка Замиль возникла на левом склоне долины, немного ниже слияния верхних звеньев. Этим объясняется ее ортогональное положение относительно других форм и заложение с запада на восток, то есть не по общему уклону местности. В последующем балка регрессировала в междолинное пространство, где приспособлялась к его поверхностному стоку, плавно изгибаясь на юго-запад (рис. 1).

Поперечный профиль балки Замиль U-образный, ее глубина составляет 15–22 м. Флювиальная форма врезана в толщу нуммулитовых известняков и подстилающие их породы не вскрывает. На среднем отрезке появляется заметная асимметрия, на нижнем – она становится резкой. Правый склон обладает постепенно нарастающими от подошвы средними

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00236 «Стоянки финального палеолита и мезолита балки Замиль в Крыму» (<https://rscf.ru/project/24-28-00236/>).

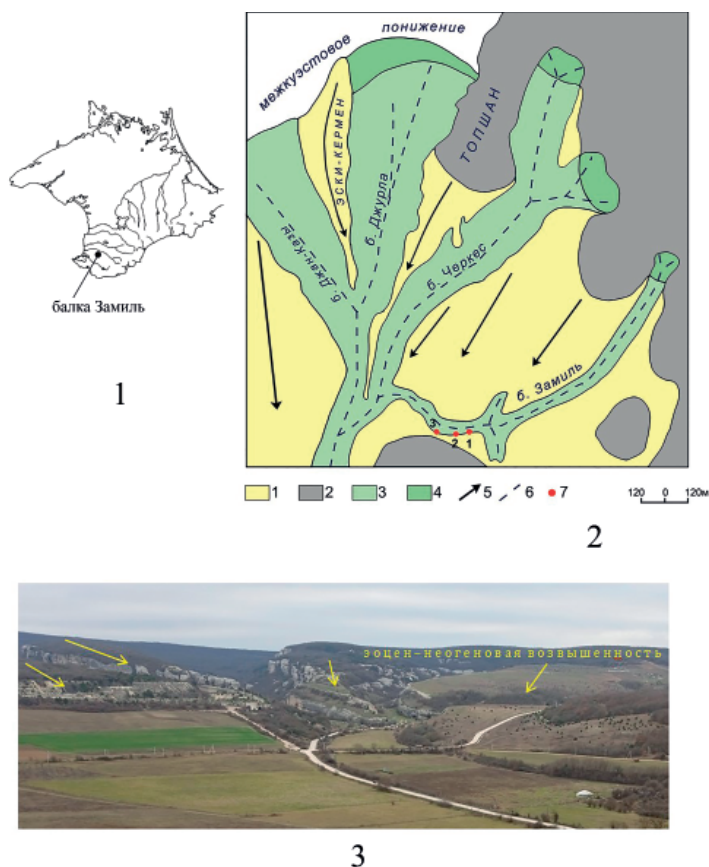

Рис. 1. 1 – расположение балки Замиль; 2 – структурно-геоморфологические условия развития балок на эски-керменском участке Внутренней гряды Крымских гор: 1) измененные плоскостным стоком структурные склоны эоценовой куэсты; 2) структурные и аструктурные склоны эоцен-неогеновой возвышенности; 3) склоны и днища балок; 4) регрессирующие верховья балок; 5) направления преобладающих уклонов поверхности; 6) тальвеги; 7) гроты Замиль-Коба 1, 2, 3; 3 – направления преобладающих уклонов на измененном плоскостным стоком структурном склоне эоценовой куэсты в окрестностях Эски-Кермена (рисунки и фото Н.Н. Блага).

Fig. 1. 1 – location of the Zamil gorge; 2 – structural and geomorphological conditions for the development of gorges in the Eski-Kermen section of the Inner ridge of the Crimean Mountains: 1) structural slopes of the Eocene cuesta modified by planar runoff; 2) structural and astructural slopes of the Eocene-Neogene upland; 3) slopes and bottoms of gorges; 4) regressing upper reaches of gorges; 5) directions of prevailing surface slopes; 6) talvegs; 7) grottoes of Zamil-Koba 1, 2, 3; 3 – directions of prevailing slopes on the structural slope of the Eocene cuesta altered by planar runoff in the vicinity of Eski-Kermen (drawings and photo by N.N. Blaga).

уклонами (от 9–10° до 30–32°), левый склон более крутой, обрывистый.

Продольный профиль эрозионной формы, как и все днище, подверглось антропогенной трансформации в процессе строительства серии прудов и сельскохозяйственной деятельности. Естественные условия сохранились на верхнем участке, где наклон тальвега составляет 4–6° и резко возрас-

тает при переходе в регрессирующие отвёршки до 10–18°.

В низовьях балки Замиль, на ее левом обрывистом склоне, выражены денудационные формы – гроты (рис. 2: 1). Полостные формы в скальных уступах на данном участке возникают при экзогенном раскрытии поверхностей и трещин напластования. По ним первоначально форми-

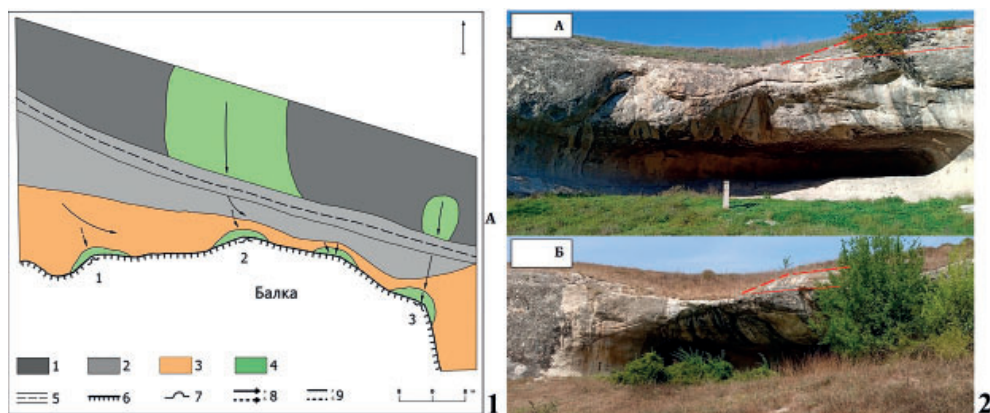

Рис. 2. 1 – обобщенная схема геоморфологического строения склонов эоцен-неогеновой возвышенности в районе стоянок Замиль-Коба 1, 2, 3. 1) структурные поверхности и склоны денудационного останца-холма; 2) делювиальный шлейф; 3) структурный склон эоценовой куэсты, покрытый делювиальным шлейфом; 4) ложбины стока, в том числе сглаженная и погребенная (А); 5) дорога; 6) обрывы; 7) гроты-стоянки Замиль-Коба 1, 2, 3; 8) направления стока поверхностных вод: а – современные, б – древние; 9) границы форм рельефа: а – установленные, б – предполагаемые; 2 – флювиальный срез слоев нуммулитовых известняков в водосборных понижениях над гротами Замиль-Коба 1 (А) и Замиль-Коба 2 (Б) (рисунки и фото Н.Н. Блага).

Fig. 2. 1 – generalized scheme of the geomorphological structure of the slopes of the Eocene-Neogene upland in the area of the Zamil-Koba campsites 1, 2, 3. 2 – fluvial section of nummulite limestone layers in the drainage depressions above the Zamil-Koba 1 (A) and Zamil-Koba 2 (B) grottoes (drawings and photos by N.N. Bлага).

руются ниши, а при их слиянии – и более крупные формы. Условия роста гротов не являются оптимальными, что связано с малой высотой обрывов и сухой южной экспозицией. Релаксационная разгрузка и разрушение преимущественно нижней части уступов является важным фактором зарождения и развития гротов. Но при высоте обрывов до 10 м разгрузка проявляется менее контрастно и в основном нивелирует выпуклые части скалы по всей ее площади.

Скорость выветривания сухих скальных поверхностей нуммулитовых известняков также низкая. Полости растут сравнительно медленно и не достигают необходимого преимущества над скоростью отступления соседних стенок вмещающего их массива. По этой причине они не переходят в зрелую стадию, когда глубина создает собственный микроклимат и грот развивается динамично. Исключением являются гроты Замиль-Коба

1, 2 и 3, у которых более сложный морфогенез.

Реконструкция древнего рельефа показывает, что в прошлом склоны соседней эоцен-неогеновой возвышенности находились ближе к обрывам балки Замиль и составляли с ними единую морфодинамическую систему. Временные водотоки вырабатывали на склонах возвышенности ложбины стока, которые переходили непосредственно в скальные уступы. Прибровочная часть уступов постепенно трансформировалась в циркуобразные понижения, а растущие под ней полости увлажнялись стекающими ручьями. Переменное увлажнение и высыхание увеличило скорость роста гротов и они стали глубже. Так возникли просторные и удобные гроты балки Замиль, которые были использованы древним человеком.

С изменением параметров усилилась роль релаксационно-десквамационного разрушения тыльной части

1

2

Рис. 3. 1 – геолого-геоморфологический разрез левого склона балки Замиль и прилегающей возвышенности по линии грота Замиль-Коба 3; 2 – склон эоцен-неогеновой возвышенности над гротом Замиль-Коба 3. Стрелками показано направление поверхностного стока (рисунки и фото Н.Н. Блага).

Fig. 3. 1 – geological and geomorphological section of the left slope of the Zamil gorge and the adjacent upland along the line of the Zamil-Koba grotto 3; 2 – slope of the Eocene-Neogene upland above the Zamil-Koba grotto 3. The arrows show the direction of surface runoff (drawings and photos by N.N. Blaga).

полостей, что и в дальнейшем поддерживало их сравнительно высокие темпы роста. Со временем податливые породы отступили от балки и поверхностный сток изменил направление. Реликтовые фрагменты ложбин стока сохранились в нуммулитовых известняках гротовых козырьков. Особенности среза пластов в понижении и его форма имеют отчетливое флювиальное происхождение (рис. 2: 2).

Ко времени мезолита стоковая система над гротами Замиль-Коба 1 и Замиль-Коба 2 давно прекратила существование, а над Замиль-Коба 3 продолжала действовать. Здесь возвышенность сохранилась в виде

останцового холма, сложенного мергелями, песчано-глинистыми породами и известняками (рис. 3). Его склон крутизной 12–16° и в настоящее время находится всего в 15–20 м от балки. На данном участке основание склона подрезано дорогой, которая вскрыла разрушенную и погребенную ложбину (рис. 4: 1). Водосборное понижение над гротом является ее продолжением (рис. 4: 2).

На ранних этапах временный водоток все глубже прорезал козырек, но по мере его смещения отступала и тыльная стенка грота Замиль-Коба 3. Вогнутость над гротом еще не распространилась глубоко и широко в

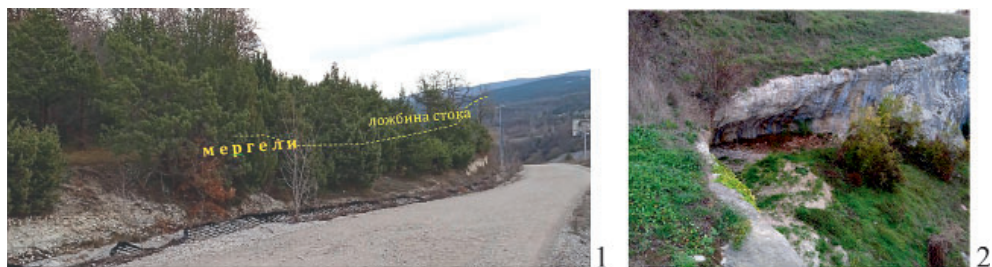

Рис. 4. 1 – сглаженная и погребенная ложбина стока в средней части склона возвышенности; 2 – участок склоновой ложбины стока над гротом Замиль-Коба 3 (фото Н.Н. Блага).

Fig. 4. 1 – smoothed and buried drainage basin in the middle part of the slope of the hill; 2 – section of the slope drainage basin above the Zamil-Koba grotto 3 (photos by N.N. Blaga).

массив и существенно не влияла на затекание дождевых вод в саму полость. Нижние слои отложений формировались в обычном гротовом режиме и не подвергались чрезмерному воздействию падающей с потолка воды. В результате отделения и осыпания обломков нуммулитовых известняков накапливалась мощная толща дресвяных песчано-супесчаных отложений (рис. 5: 1: А, Б).

На границе отступающего козырька грота Замиль-Коба 3 накапливался следующий слой (рис. 5: 1: В, Г). В нем аккумуляровались крупные и мелкие обломки от шелушения нуммулитовых известняков надгротовой ложбины и края козырька, а также кварц и кремнь из неогеновых известняков. Стекающая из эоцен-неогеновой возвышенности вода падала на отложения и насыщала их известью. Тонкозернистое карбонатное вещество заполнило промежутки между обломками и прочно их сцементировало. Данная порода сохраняет брекчиевидную текстуру даже после длительного замачивания. Известь частично проникла и в толщу супеси и слегка упрочнила ее верхнюю зону. Ниже по разрезу она встречается локально и супеси сохраняют свое в целом рыхлое сложение. Указанные слои вскрыты на склоне в 6–7 м от современной границы грота.

За длительный период линейный водоток глубоко прорезал обрыви-

стый склон балки, сместив его границу по оси вогнутости на 5 м. По мере углубления и расширения выработки над полостью все больше дождевых вод затекало в ее пространство. Массовое их затекание в грот Замиль-Коба 3 приурочено ко времени формирования горизонтов, залегающих непосредственно под культурным слоем (рис. 5: 2). Дресва и песок нуммулитовых известняков полностью покрыты цементирующей белой известью, а по всему объему осадка отчетливо выражена каналово-фильтрационная пористость. Контуры каналов также окаймляет тонкозернистая известь. С глубиной содержание привнесенного вещества уменьшается, цементация слабая и щебнисто-дресвяная супесь частично сохраняет свой коричневатый оттенок и преимущественно рыхлое сложение (рис. 6: 1).

И в позднем мезолите грот Замиль-Коба 3 не был защищен от дождей, отчего культурный слой имеет соответствующие структурно-текстурные признаки (рис. 6: 2). Дресвяные супеси слоя насыщены тонкозернистой известью, такие же пористые, легкие и прочные, а вблизи тыльной стенки увеличивается их щебнистость.

Обломки мелкоглыбовой размерности были вскрыты в пределах полости только на глубине более 70 см под культурным слоем. Камнепады могли затрагивать и козырек, но проявлялись локально.

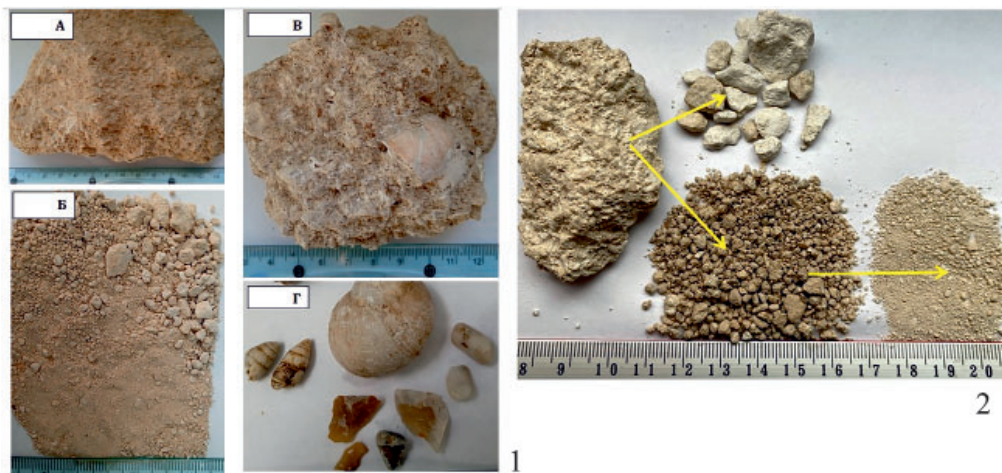

Рис. 5. Отложения грота Замиль-Коба 3. 1 – склоновые отложения, вскрытые перед гротом на глубине 1,05–1,80 м: А, Б – дресвяные песчано-супесчаные отложения; В – брекчированная щебнисто-дресвяная супесь; Г – раковины моллюсков, кремень и кварц из брекчированного слоя; 2 – дресвяная супесь, залегающая под культурным слоем (фото Н.Н. Блага).

Fig. 5. Deposits of the Zamil-Koba grotto 3 (photos by N.N. Blaga).

Примыкание позднемезолитического культурного слоя Замиль-Коба 3 к тыльной северо-восточной стенке грота является репером, показывающим величину роста полости после накопления слоя. За данный период она составляет 0,40–0,50 м. Вероятно, примерно такая же скорость роста была и у Замиль-Кобы 2. Из-за малой глубины и широкой раскрытости грот характеризуется похожим, относительно сухим микроклиматическим режимом. Замиль-Коба 1 более закрытая и глубокая, поэтому темпы ее углубления могли быть и в два раза выше. Но в любом случае, к моменту заселения (около 12 тыс. лет до н. э.) полость уже была вместительной и хорошо закрытой от осадков. В это же время Замиль-Коба 2 была почти на 1 метр короче, что для такой неглубокой полости весьма существенно. Мало-вместительный грот с широким и высоким входом слабо защищал от непогоды. В Замиль-Кобу 3, кроме того, еще и затекал склоновый сток. Когда циркообразная флювиальная выработка над гротом глубоко врезалась в массив нуммулитовых известняков

и расширилась, затекание дождевых вод в его контур стало массовым. Изменение водного режима произошло еще до начала использования Замиль-Кобы 3.

Использование гротов балки Замиль человеком в мезолите

Гроты балки Замиль были освоены человеком уже в конце плейстоцена. Древнейшим является нижний слой стоянки Замиль-Коба 1. Материалы его частично опубликованы (Крайнов, 1938; Жилин и др., 2020; Жилин и др., 2023; Симоненко и др., 2024). Стоянка была раскопана под руководством Д.А. Крайнова в 1935–1937 гг. Всего вскрыто около 250 кв. м, раскопана вся площадь внутри грота (рис. 2: 2: А). В раскопе прослежено два культурных слоя. Нижний слой связан с серовато-желтым суглинком с примесью известкового щебня и камней, лежащим на материке. Он отделён от верхнего стерильной прослойкой суглинка.

По кости благородного оленя и зубу гигантского оленя из нижнего слоя стоянки Замиль-Коба 1 получены AMS-методом радиоуглеродные даты:

Рис. 6. Отложения грота Замиль-Коба 3. 1 – щебнисто-дресвяная супесь нижнего рыхлого горизонта; 2 – дресвяная супесь культурного горизонта с признаками брекчирования привнесенной известью (фото Н.Н. Блага).

Fig. 6. Deposits of the Zamil-Koba grotto 3 (photos by N.N. Blaga).

11910 ± 30 (IGANams – 10204) некал. лет назад (12052–11657 календарных лет до н. э.) и 11760 ± 30 (IGANams – 10201) некал. лет назад (11799–11556 календарных лет до н. э.) (Жилин и др., 2024). Эти даты указывают на заселение стоянки в первой половине аллерёда. Климат в аллерёде был довольно тёплым и влажным. В это время в Юго-Западном Крыму были широко распространены леса, в состав которых входили сосна, береза, ольха, дуб, вяз, липа, лещина, граб, бук, ива (Cordova, 2015; Cordova et al., 2011).

Среди остатков фауны нижнего слоя наиболее многочисленны кости благородного оленя, затем кабана. Представлены также волк, бык (*Bos* sp.), баран (*Ovis*), дикая лошадь и заяц

(Крайнов, 1938, с. 24), единичные кости гигантского оленя, плейстоценового осли и обломок клыка пещерного льва (Жилин и др., 2024). Доминирование лесной фауны среди остатков охотничьей добычи в нижнем слое стоянки Замиль-Коба 1 указывает на господство лесов в окрестностях стоянки. Единичные кости лошади и плейстоценового осли говорят о мозаичности ландшафтов и наличии степных участков на водоразделах.

Первичное расщепление кремня было направлено главным образом на получение пластин неправильной огранки. Среди орудий нижнего слоя наиболее многочисленны геометрические микролиты (рис. 7), преобладают сегменты, значительно меньше трапеций, треугольники единичны. Скребок в два раза больше, чем резцов, почти столько же различных острий. Небольшими сериями представлены пластинки с затупленным краем, проколки, скобели, пластины с ретушью краев, комбинированные орудия, абразивы. Материалы нижнего слоя стоянки Замиль-Коба 1, определенные Д.А. Крайновым в 1938 г. как «зильские», в настоящее время относят к шан-кобинской культуре (Бибиков и др., 1994; Жилин и др., 2023).

Трасологический анализ выявил 44 наконечника стрел. Из них 16 сегментов, треугольников и трапеций служили косозевыми наконечниками (рис. 8: 1–3). 28 сегментов и трапеций были наконечниками стрел с поперечным лезвием (рис. 8: 4–8). Наиболее многочисленны среди орудий нижнего слоя стоянки Замиль-Коба 1 разделочные ножи (106 ед.). Среди орудий для обработки шкур (62 ед.) 55 скребков, шесть проколов и скребок-прокол. Для обработки дерева служили 33 орудия: восемь скобелей, три строгальных ножа, 17 резчиков, пилка и две стамески. 29 орудий использовались для обработки кости: 15 скобелей, скобель-нож, шесть резцов, три скобеля-резца, строгальный нож и два фрагмента песчаниковых плиток.

Для обработки камня применялись три отбойника и три ретушера из галек сланца и песчаника. В нижнем слое стоянки найден полный набор для изготовления красной краски, включающий кусочки красной «охры», пест, плитки для растирания и смешивания краски. Имеется массивная сланцевая плитка для растирания растительных продуктов и песчаниковая галька, служившая курантом. Такой орудийный состав указывает на охоту как основу жизнеобеспечения жителей стоянки, что подтверждается и составом фаунистических остатков. Охота дополнялась собирательством. Соотношение категорий орудий характерно для «базовых» стоянок с неспециализированной хозяйственной деятельностью (Симоненко и др., 2024).

Нижний слой стоянки Замиль-Коба 1 обладает четкой пространственной структурой. В северо-западной части грота расположена «жилая площадка» с очагом, сложенным из известковых камней и плит. К западу, югу и юго-востоку от очага находилось скопление костей животных. У юго-восточной границы «жилой площадки» располагалась «мастерская» по обработке кремня (Крайнов, 1938). В пределах «жилой площадки» к востоку от очага выделяется пустое пространство, где почти нет находок. Оно интерпретируется как «спальное место». Стоянка использовалась в холодное время года. Об этом говорит расположение «жилой площадки» вдали от входа, наличие стационарного очага с обкладкой из массивных камней и почти полное отсутствие следов хозяйственной деятельности у входа в грот (Крайнов, 1938; Симоненко и др., 2024).

Следов заселения балки Замиль в позднем дриасе и пребореальном периоде голоцена не зафиксировано. В это время в гроте Замиль-Коба 1 накапливалась стерильная прослойка желтоватого суглинка, отделяющая нижний слой от верхнего (Жилин и др., 2024). Климат позднего дриаса

был холодным и суровым. В Юго-Западном Крыму в это время господствовала лесостепь. Разреженные леса из сосны, ольхи, березы, лещины, крушины сохранялись в балках и речных долинах, а на водоразделах господствовала степная растительность. В пребореальном и бореальном периодах наблюдается постепенное потепление, хотя климат оставался ещё довольно холодным. Отмечается увеличение лесов в западной части Горного Крыма. В их состав входили сосна, береза, ива, лещина, единично ель. Постепенно увеличивается доля широколиственных пород (Cordova, 2015; Cordova et al., 2011).

Следующий этап заселения балки Замиль представлен верхним слоем стоянки Замиль-Коба 1. Этот культурный слой залегал в слое серовато-желтоватого суглинка с примесью известкового щебня и камней (Крайнов, 1938). По кости благородного оленя из верхнего слоя стоянки Замиль-Коба 1 получена AMS-методом радиоуглеродная дата: 8610 ± 30 (IGANams – 10205) некал. лет назад (7729–7581 календарных лет до н. э.) (Жилин и др., 2024).

Бытовых деталей в верхнем слое не обнаружено. Костей животных немного, среди них преобладает кабан, на втором месте благородный олень, единичными костями представлены сайга, дикий осел, дикая кошка, рысь, собака. В большом количестве встречены раковины улитки *Helix vulgaris*. Охота в это время остается основным занятием, но главным объектом охоты становится кабан. Показательно присутствие собаки. Господство лесной фауны говорит о преобладании лесов в окрестностях стоянки. Единичные кости сайги и дикого осла указывают на мозаичность ландшафтов и наличие степных участков.

Расщепление кремня нацелено на получение узких пластин правильной огранки. Среди орудий преобладают пластины с нерегулярной ретушью, скребки и резцы. Острия, скобели,

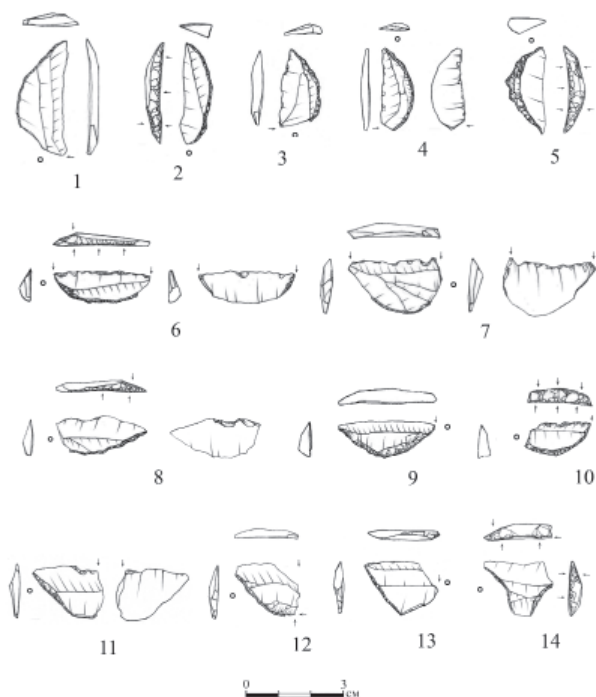

Рис. 7. Стоянка Замиль-Коба 1, нижний слой. 1–5 – сегменты, использованные как косолезвийные наконечники стрел; 6–14 – сегменты (6–10) и трапеции (11–14) использованные как наконечники стрел с поперечным лезвием (по Жилин и др., 2023; рисунки М.Г. Жилина).

Fig. 7. Zamil-Koba 1 site, lower layer. Segments and trapezoids used as arrowheads (by Zhilin et al., 2023; drawings by M.G. Zhilin).

проколки, ножи образуют небольшие серии. Геометрических микролитов немного, трапеций чуть больше, чем сегментов, есть трапеции и сегмент с пологой ретушью. Встречен обломок черешкового наконечника стрелы на пластине и вкладыш кукрекского типа (Крайнов, 1938; Жилин и др., 2020). Такой инвентарь характерен для стоянок мурзак-кобинской культуры позднего мезолита горного Крыма (Биби-ков и др., 1994). Отсутствие очагов и кострищ может указывать на использование грота в тёплое время года.

Следующий этап заселения гротов балки Замиль относится к финальному мезолиту. Он представлен нижними культурными слоями стоянок Замиль-Коба 2 и 3 (Жилин и др., 2020; Жилин и др., 2025). Особенно-

сти кремнёвой индустрии позволяют относить их к памятникам типа Алимовский навес (Биби-ков и др., 1994), существовавшим в начале атлантического периода голоцена около 7320–7285 календарных лет до н. э.) (Жилин и др., 2025). Климат этого времени был тёплым и мягким. В предгорьях и на большей части Горного Крыма господствовали широколиственные леса (Cordova, 2015; Cordova et al., 2011).

Стоянка Замиль-Коба 2 располагается в 100 м к востоку от Замиль-Кобы 1. Представляет собой несколько меньший грот также с южной ориентацией (рис. 2: 2: Б). Она была открыта Д.А. Крайновым в 1935 г. и раскопана им в 1937–1938 гг. Всего вскрыто 288 кв. метров. Внутри грота прослежено восемь культурных слоёв. Два нижних относятся к мезолиту. Коллекция находок из мезолитических слоев стоянки Замиль-Коба 2, хранящаяся в Государственном историческом музее (оп. 824, № 2497–2732), опубликована (Жилин и др., 2025).

В верхнем мезолитическом слое найдено 239 предметов. Среди пластин (156 ед.) преобладают изделия правильной огранки, полученные при помощи отжимной техники. Орудий с вторичной обработкой всего 17: низкий симметричный мелкий сегмент; три низких симметричных трапеции, в том числе трапеция «алимовского типа» (рис. 9: 1–4), концевой скребок на пластине и боковой скребок на отщепе; два симметричных острия на пластинах и скошенное острие; три пластины с поперечно ретуширован-

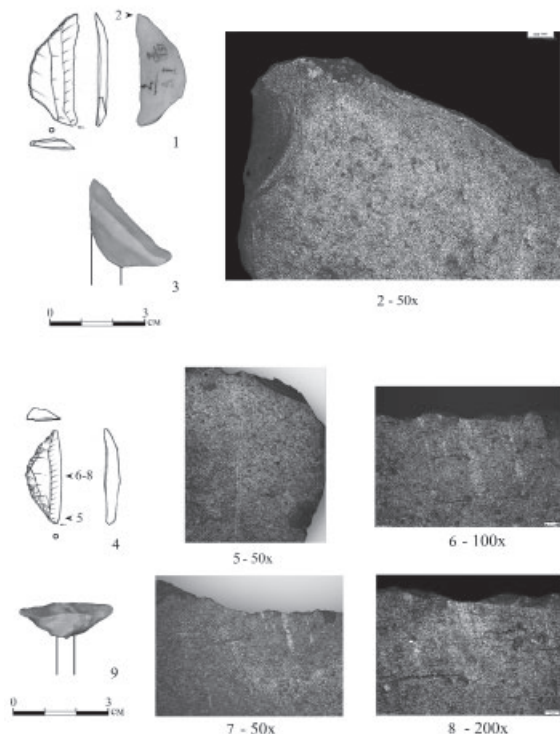

Рис. 8. Стоянка Замиль-Коба 1, нижний слой. 1 – сегмент, общий вид; 2 – следы использования на острие; 3 – реконструкция крепления наконечника; 4 – сегмент, общий вид; 5–8 – следы использования; 9 – реконструкция крепления наконечника (по Жилин и др., 2023; рисунки и фото М.Г. Жилина и А.А. Симоненко).

Fig. 8. Zamil-Koba 1 site, lower layer. Segment and its use-wear as arrowhead (by Zhilin et al., 2023; drawings and photos by M.G. Zhilin and A.A. Simonenko).

ным концом; две пластины с мелкой ретушью по краю, три пластины с выемками. Коллекцию дополняет обломок плоской песчаниковой плитки, служившей, вероятно, для растирания органических материалов.

Трасологический анализ всех кремнёвых изделий из этого слоя выявил три наконечника стрел с поперечным лезвием (рис. 10: 1–4) и 35 разделочных ножей. Орудий для обработки шкур девять. Из них – семь скребков, кожевальный нож и проколка. Орудий для обработки дерева выявлено 25, в том числе скобели, резчики, строгальные ножи, лезвие стамески и комбинированные орудия. Для обработки

кости и рога служили семь орудий: скобели, скобель-строгальный нож, резчик – строгальный нож. Найден ретушер-отжимник, служивший для обработки кремнёвых орудий. Восемь орудий использовались для работы по разным материалам. Встречены комбинации разделочного ножа со строгальным для дерева, скрепка для шкуры со строгальным ножом для дерева. Проколка для шкуры сделана на скобеле – строгальном ноже для дерева. Угол фрагмента бокового скребка по шкуре служил резчиком для дерева.

В коллекции нижнего мезолитического слоя 105 предметов. Среди пластин (58 ед.) преобладают изделия правильной огранки, полученные при помощи отжимной техники. Орудий с вторичной обработкой всего 11, в том числе сегмент «алимовского типа» и три низкие симметричные трапеции, две из которых также относятся к «алимовскому типу» (рис. 9: 6–9). Имеются также скребок на отщепе, две пластины с закруглённым ретушью концом (рис. 9: 10), пластина и микропластина с ретушью по краю, две пластины с выемками и 13 пластин с нерегулярной ретушью и выкрошенностью краёв.

Трасологический анализ выявил четыре наконечника стрел с поперечным лезвием, шесть разделочных ножей и шесть скребков для шкур. Орудий для обработки дерева восемь: скобели, резчик, строгальные ножи, лезвие стамески. Имеется ретушёр-отжимник для обработки кремнёвых орудий. Комбинированные орудия включают разделочные ножи – скобели для дерева и разделочный нож – строгальный нож для дерева (рис. 10: 5–7).

Функциональная структура инвентаря обеих слоёв характерна для кра-

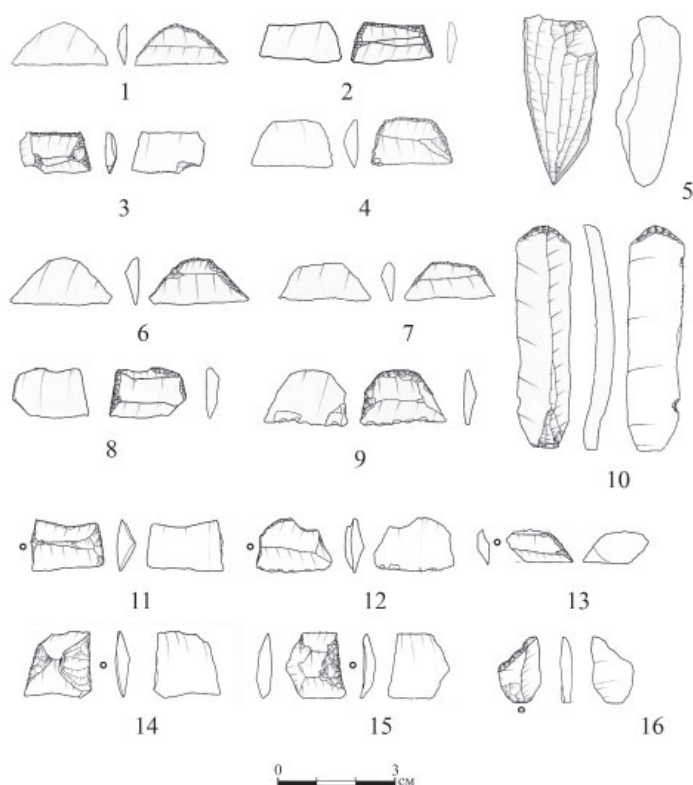

Рис. 9. 1–5 – стоянка Замиль-Коба 2, слой 7: 1–4 – трапеции, 5 – нуклеус; 6–10 – стоянка Замиль-Коба 2, слой 8: 6–8 – трапеции, 9 – пластина с закруглённым концом (по Жилин и др., 2025); 11–16 – стоянка Замиль-Коба 3: 11–15 – трапеции и их фрагменты, 16 – остриё (рисунки М.Г. Жилина).

Fig. 9. 1–5 – Zamil-Koba 2 site, layer 7 (1–5), Zamil-Koba 2 site, layer 8 (6–10), Zamil-Koba 3 site (11–16) (drawings by M.G. Zhilin).

тковременных охотничьих лагерей, где осуществлялась охота, разделка добычи и связанные с этим операции. На это же указывает очень малое число находок на раскопанной площади 288 кв. м. Использование широко открытого, сравнительно неглубокого грота, отсутствие очагов и кострищ в верхнем слое и наличие только небольших кострищ в нижнем слое говорят о функционировании стоянки в тёплое время года.

Основным промысловым зверем в обоих мезолитических слоях стоянки Замиль-Коба 2 был кабан (Дмитриева, 1960). В верхнем слое значительно меньше костей благородного оленя и косули. В нижнем мезолитическом слое помимо кабана найдены единичные кости косули и собаки(?). Такой

состав фауны прямо указывает на охотничью специализацию обоих мезолитических слоёв стоянки Замиль-Коба 2.

Стоянка Замиль-Коба 3 находится в изгибе балки в 200 м к востоку юго-востоку от стоянки Замиль-Коба 2 (рис. 2: 1). Располагается в небольшом гроте с обрушившимся в древности козырьком, обращенном устьем на юг (рис. 3: 2; 4: 2). В 1937 г. Д.А. Крайновым в шурфе прослежен культурный слой VI–XVI вв. Мезолитический культурный слой выявлен и частично раскопан под руководством М.Г. Жилина в 2020 и 2024 гг. (Жилин и др., 2020). Он залегает в нижней части слоя светлого суглинка с щебнем у стены грота, переходящего в светло-серый суглинок с щебнем за

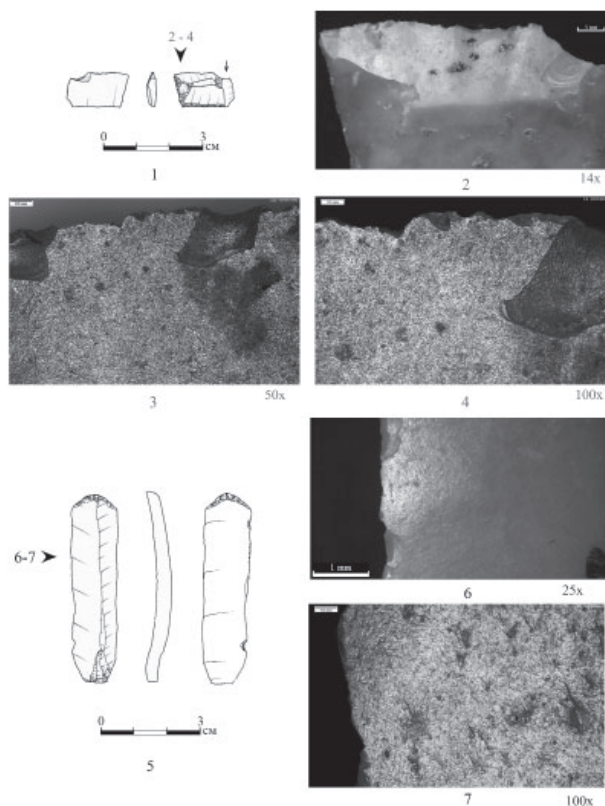

Рис. 10. Стоянка Замиль-Коба 2, слой 8. 1–4 – трапеция, использованная как наконечник с поперечным лезвием: 1 – общий вид; 2–4 – следы использования; 5–7 – нож разделочный и строгальный по дереву: 5 – общий вид; 6–7 – следы использования (по Жилин и др., 2025; рисунки и фото М.Г. Жилина и А.А. Симоненко).

Fig. 10. Zamil-Koba 2 site, layer 8. Trapezoid used as transversal arrowhead (1–4) and woodworking knife (6–7) (by Zhilin et al., 2015; drawings and photos by M.G. Zhilin and A.A. Simonenko).

его пределами. Основное количество находок и сооружения этого культурного слоя связаны с золистой линзой в основании этих слоёв. В нижнем культурном слое исследовано три небольших очага, расположенных на одном уровне рядом друг с другом. Они представляют собой ямы котлообразной или корытообразной формы, вырытые в материке. Заполнение – суглинок с большим количеством золы и угля, обломками раковин *Helix*, костями и кремнёвыми изделиями. На дне очагов пятна прокала.

В нижнем слое найдено 297 кремнёвых артефактов. Среди пластин (66 ед.) преобладают изделия правильной огранки, полученные при помощи отжимной техники. Изделия со

вторичной обработкой включают два концевых скребка, резец на сломе пластинки, пять трапеций (рис. 9: 11–15), из которых три трапеции «алимовского типа», две пластины со скошенным концом (рис. 9: 16), концевой скребок на пластине со скошенным концом.

Трасологический анализ выявил два наконечника стрел с поперечным лезвием, два разделочных ножа, нож-скребок для очистки шкур, три скребка. Орудия для обработки дерева включают два скобеля-резчика; два резчика, строгальный нож и пилку. Для обработки кости служили резчик и сверло. Из комбинированных орудий найден нож-скребок для очистки шкур на разделочном ноже. Не обнаружено следов использования на ряде

изделий со вторичной обработкой, среди них трапеции, концевой скребок на пластине со скошенным концом и две пластины со скошенным концом.

Основные черты каменного инвентаря и функциональный состав орудий позволяют характеризовать стоянку Замиль-Коба 3 как кратковременный охотничий лагерь. Использование неглубокого открытого грота и наличие только небольших кострищ может указывать на функционирование стоянки в тёплое время года. Объекты охоты представлены единичными костями оленя, кабана и косули. Отмеченные черты близки мезолитическим слоям стоянки Замиль-Коба 2. Наличие трапеции, одна сторона которой обработана как у трапеций «алимовского типа», а другая – как у трапеций «со струганой спинкой» (рис. 9: 14), позволяет рассматривать стоянку Замиль-Коба 3 как переходную от мезолита к неолиту.

Антракологический анализ углей из очагов 1 и 2 показал, что в качестве топлива у обитателей этой стоянки использовались граб и дуб. По углю из очага № 1 получена радиоуглеродная дата 6964 ± 70 некал. лет назад (SPb-4386) (5986–5724 календарных лет до н. э.), а по углю из очага № 2 – 6915 ± 70 некал. лет назад (SPb-4389) (5979–5666 календарных лет до н. э.). Это находится в полном соответствии с господством широколиственных лесов в Горном Крыму в раннем атлантическом периоде голоцена. Это позволяет датировать переход от мезолита к неолиту в Горном Крыму около 7000 радиоуглеродных лет назад (около 8000 календарных лет назад), или началом VI тыс. до н. э.

Заключение

Гроты Замиль-Коба 1, 2, 3 достигли крупных размеров под влиянием системы линейного склонового стока с примыкающей к балке эоцен-неогеновой возвышенности. По ложбинам стока в полости затекали дождевые воды. К времени мезолита податли-

вые породы склона над гротами Замиль-Коба 1, 2 отступили и система стока разрушилась, а над гротом Замиль-Коба 3 она сохранилась, что и определило неодинаковые условия для обитания. Морфология склона над последним гротом отчетливо флювиальная и совершенно не имеет признаков обвального типа развития. Крупных обрушений в разрезе склоновых отложений (глубина до 1,8 м) также не обнаружено. Гроты балки Замиль сформировались не одновременно. Образование полости грота Замиль-Коба 1 было завершено уже в позднем плейстоцене, и к аллерёду он заполнился рыхлыми осадками значительной мощности. Формирование грота Замиль-Коба 1, вероятно, завершилось в начале голоцена, а грота Замиль-Коба 3 – к его середине.

Наиболее обширный и глубокий грот Замиль-Коба 1 использовался уже в начале аллерёда, а затем в первой половине бореального периода и, возможно, в начале атлантического периода. Менее глубокий грот Замиль-Коба 2 служил пристанищем для мезолитических охотников не менее двух раз в финальном мезолите в раннем атлантическом периоде, а самый маленький грот Замиль-Коба 3 использовался аналогичным образом несколько позже, на переходе от мезолита к неолиту.

Следует отметить и функциональные различия использовании этих гротов на протяжении мезолита. Грот Замиль-Коба 1 в раннем мезолите был базовой стоянкой в холодное время года. В позднем мезолите все три грота служили в качестве кратковременных стоянок, вероятно в теплое время года. Базовые стоянки этого времени располагались в других местах.

В позднем дриасе, пребореальном и начале бореального периода, как и в его второй половине – начале атлантического периода, следов заселения балки Замиль не отмечено. Это связано с ухудшением климата в указанные отрезки времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бибиков С.Н., Станко В.Н., Коен В.Ю. Финальный палеолит и мезолит горного Крыма. Одесса: Весть, 1994. 240 с.
2. Блага Н.Н., Попов А.В. Некоторые аспекты морфогенеза гротов и скальных навесов Внутренней гряды Крымских гор // Культура народов Причерноморья. 2009. № 155. С. 7–9.
3. Дмитриева Е.Л. Фауна крымских стоянок Замиль-Кобы II и Таш-Аира I // Крайнов Д.А. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма / МИА. № 91. М.: АН СССР, 1960. С. 166–187.
4. Душевский В.П., Блага Н.Н. Исследование карстовых полостей в юго-западной части Крымского предгорья // Археологические исследования в Крыму. 1994 год / Отв. ред. В.А. Кутайсов. Симферополь: СОНАТ, 1997. С. 89–95.
5. Жилин М.Г., Руев В.Л., Симоненко А.А. Многослойные пещерные стоянки в балках Черкез-Кермен и Замиль в Крыму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 6 (72). № 3. С. 149–166.
6. Жилин М.Г., Симоненко А.А., Руев В.Л. Предметы вооружения из нижнего слоя грота Замиль-Коба I в Крыму // Stratum Plus. 2023. № 1. С. 169–190.
7. Жилин М.Г., Симоненко А.А., Руев В.Л. Первые радиоуглеродные даты стоянки Замиль-Коба I в Крыму // КСИА. 2024. № 276. С. 23–34.
8. Жилин М.Г., Симоненко А.А., Руев В.Л. Мезолитические слои стоянки Замиль-Коба 2 в Крыму // Stratum Plus. № 1. 2025. С. 333–368.
9. Крайнов Д.А. Пещерная стоянка Замиль-Коба I // Сборник статей по археологии СССР. Труды ГИМ. Вып. VIII / Отв. ред. А.Я. Брюсов. М.: ГИМ, 1938. С. 7–32.
10. Симоненко А.А., Жилин М.Г., Руев В.Л. Функционально-планиграфический анализ материалов нижнего слоя стоянки Замиль-Коба I в Крыму // Camera praehistorica. 2024. № 1 (12). С. 48–71.
11. Cordova C. Crimea and the Black sea: An environmental history. London, New York: I.B. Tauris & Co Ltd., 2015. 235 p.
12. Cordova C.E., Gerasimenko N.P., Lehman P.H., Kliukin A.A. Late Pleistocene and Holocene paleoenvironments of Crimea: Pollen, soils, geomorphology, and geoarchaeology / Buynovich I.V., Yanko-Hombach V., Gilbert A.S., Martin R.E. eds. // Geology and Geoarchaeology of the Black Sea Region: Beyond the Flood Hypothesis. Geological Society of America. Special Paper 473. 2011. p. 133–164.

Информация об авторах:

Блага Николай Николаевич, кандидат географических наук, доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (г. Симферополь, Россия); sasha_w@list.ru

Жилин Михаил Геннадиевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); mizhilin@yandex.ru

Руев Владимир Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (г. Симферополь, Россия); vl.ruev@gmail.com

GROTTOES IN ZAMIL GORGE IN CRIMEA: GEOMORPHOLOGICAL AND ARCHAEOLOGICAL ASPECTS

N.N. Blaga, M.G. Zhilin, V.L. Ruev

The article presents the results of the latest interdisciplinary studies of the Zamil-Koba 1, 2 and 3 campsites in the Southwestern Crimea. The geomorphological studies explained the formation process of the gorge system, leading to the conclusion that the grottoes of the Zamil gorge reached large size under the influence of a linear slope runoff system from the upland adjacent to the gorge. Archaeological studies of the grottoes allowed to establish their chronology, the specifics use of sites in the Mesolithic, the features of material culture and paleogeography of the surroundings of the Zamil gorge in the early Holocene. It has been established that the grottoes of the Zamil gorge were occupied by humans already at the end of the Pleistocene. The oldest is the lower cultural layer of the Zamil-Koba 1, which was formed in the first half of the Allerød interstadial. At that time the campsite was used during the cold season. Then the campsite was inhabited in the Late Mesolithic (in the Preboreal

The research was financially supported by RSF (project No. 24-28-00236) «The Final Paleolithic and Mesolithic campsites of the Zamil gorge in the Crimea» (<https://rscf.ru/project/24-28-00236/>).

period), it was attributed to the Murzak-Koba culture. The absence of hearths and campfires in this cultural layer may indicate the use of the grotto in the warmer months. The less deep Zamil-Koba 2 grotto served as a short-term shelter for the Mesolithic hunters at least twice in the Final Mesolithic in the Early Atlantic period, and the smallest Zamil-Koba 3 grotto was used in a similar way a little later, during the transition from the Mesolithic to the Neolithic.

Keywords: archaeology, Crimea, Zamil, campsite, grotto, geomorphology, Mesolithic, Murzak-Koba culture.

REFERENCES

1. Bibikov, S. N., Stanko, V. N., Koen, V. Yu. 1994. *Final'nyi paleolit i mezolit gornogo Kryma* (The Final Paleolithic and Mesolithic of the mountainous Crimea). Odessa: "Vest" Publ. (in Russian).
2. Blaga, N. N., Popov, A. V. 2009. In *Kultura narodov Prichernomoria* (Culture of the peoples of the Black Sea region) 155, 7–9 (in Russian).
3. Dmitrieva, E. L. 1960. In Kraynov, D. A. *Peshchernaya stoyanka Tash-Air I kak osnova periodizatsii poslepaleoliticheskikh kultur Kryma* (Tash-Air I campsite as a basis for the periodization of the Post-Paleolithic cultures of Crimea). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 91. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 166–187 (in Russian).
4. Dushevskiy, V. P., Blaga, N. N. 1997. In Kutaysov, V. A. (ed.). *Arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu. 1994 god* (Archaeological research in Crimea. 1994). Simferopol: "SONAT" Publ., 89–95 (in Russian).
5. Zhilin, M. G., Ruev, V. L., Simonenko, A. A. 2020. In *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki»* (Scientific notes of Vernadsky Crimean Federal University. Series «Historical Sciences») 6 (72), № 3, 149–166 (in Russian).
6. Zhilin, M. G., Simonenko, A. A., Ruev, V. L. 2023. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 1, 169–190 (in Russian).
7. Zhilin, M. G., Simonenko, A. A., Ruev, V. L. 2024. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 276, 23–34 (in Russian).
8. Zhilin, M. G., Simonenko, A. A., Ruev, V. L. 2025. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 1, 333–368 (in Russian).
9. Kraynov, D. A. 1938. In Bryusov, A. Ya. (ed.). *Sbornik statey po arkheologii SSSR* (Archaeological Collection of Papers). Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) 8. Moscow: State Historical Museum, 7–32 (in Russian).
10. Simonenko, A. A., Zhilin, M. G., Ruev, V. L. 2024. In *Camera praehistorica* 1 (12), 48–71 (in Russian).
11. Cordova, C. 2015. *Crimea and the Black sea: An environmental history*. London, New York: I.B. Tauris & Co Ltd.
12. Cordova, C. E., Gerasimenko, N. P., Lehman, P. H., Kliukin, A. A. 2011. In Buynevich, I. V., Yanko-Hombach, V., Gilbert, A. S., Martin, R. E. (eds.) *Geology and Geoarchaeology of the Black Sea Region: Beyond the Flood Hypothesis*. Geological Society of America. Special Paper 473, 133–164.

About the Authors:

Blaga Nikolay N. Candidate of Geographical Sciences, Associated Professor. V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Vernadsky Avenue, 4, Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russian Federation; sasha_w@list.ru

Zhilin Mikhail G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; mizhilin@yandex.ru

Ruev Vladimir L. Candidate of Historical Sciences, Associated Professor. V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Vernadsky Avenue, 4, Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russian Federation; vl.ruev@gmail.com

Статья принята в номер 01.03.2026 г

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/pa2026.1.55.166.179>

ОБ УСЛОВИЯХ ЖИЗНИ ОБИТАТЕЛЕЙ СРЕДНЕДОНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ¹

© 2026 г. С.А. Нелюбов, А.Н. Меркулов

В данной статье представлены результаты комплексного антропологического и биоархеологического анализа серии индивидов, обнаруженной на территории трёх грунтовых могильников скифского времени в лесостепном Подонье. В исследование вошли останки 101 индивида, которые происходят из городищ Семилуки, Верхнее Казачье и поселения Ксизово-19. Целью исследования стала реконструкция условий жизни обитателей поселений среднедонской культуры скифского времени. Для этого использованы данные палеопатологии, результаты анализа стабильных изотопов $\delta^{13}\text{C}$, $\delta^{15}\text{N}$ и палеодемографических исследований. В результате выяснено, что представители изучаемой выборки отличаются более низким уровнем жизни по сравнению с населением, захороненным в курганах. Свидетельством этого служат высокая детская смертность, низкая продолжительность жизни (22,5 лет), более скудный рацион питания, который характеризовался преобладанием в пище блюд из проса при более низкой доле мясомолочного компонента, чем в курганных погребениях. Удалось выявить определенные гендерные различия в условиях жизни данного населения. В частности, у женщин отмечен более скудный рацион питания, у мужчин выявлены зубочелюстные патологии в виде наддесневого зубного камня и парадонтоза, которые у женщин практически отсутствовали, пики смертности мужчин и женщин совпадали и приходились на возраст в 25–29 лет, но умерших в этом возрасте мужчин было вдвое больше. Основной же причиной высокой детской смертности могло стать системное поражение инфекциями.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, скифское время, лесостепное Подонье, палеоантропология, палеодемография, биоархеологические реконструкции.

Погребальные памятники скифского времени (V–III вв. до н. э.) в лесостепном Подонье представлены курганами и бескурганными захоронениями. Последние в современной историографии (Березуцкий, 1995, с. 57; Разуваев, 2013; 2014, с. 103) обычно соотносят с насельниками городищ и неукрепленных поселений – рядовыми оседлыми земледельцами и скотоводами (Медведев, 1999, с. 125). В антропологическом плане данная группа населения изучена недостаточно. В частности, отсутствует какая-либо комплексная характеристика условий жизни этих людей, хотя отдельные предположения на этот счёт все же высказывались (Решетова, 2016; Чагаров, Добровольская, 2019; Решетова, Разуваев, 2019; Решетова и др., 2021).

На территории региона имеются как отдельные грунтовые захороне-

ния данного периода, так и целые могильники. Среди последних наиболее масштабным и хорошо изученным является некрополь на городище Семилуки. Здесь, среди жилых и хозяйственных комплексов, выявлено 15 коллективных и одиночных захоронений, содержащих останки 76 индивидов (Разуваев, Пряхин, 1993). Частично обнаруженные антропологические материалы были исследованы Е.А. Шепель (Шепель, 2002). Ею была дана характеристика погребений № 1–9: изучены краниологические и остеометрические показатели, охарактеризованы дискретно варьирующие признаки, а также патологии и искусственная деформация черепов погребённых, произведено сопоставление полученных данных с материалами из Мастюгинских курганов и памятников северного Причерноморья.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10087, <https://rscf.ru/project/23-78-10087/>.

В 2004 М.В. Добровольская обобщила информацию о встречаемости различных патологий, химическом составе костной ткани и других биологических маркерах, дающих представление об образе жизни обитателей Семилукского городища (Добровольская, 2004).

В 2016 году И.К. Решетовой были исследованы останки четырёх индивидов (Решетова, 2016), происходящих из погребального комплекса № 15 (Разуваев, 2015). Выполнена реконструкция внешности одного из погребённых, получены краниометрические, остеометрические данные и сведения о патологиях. Позже часть материалов этого могильника была изучена на предмет особенностей питания при помощи анализа стабильных изотопов азота и углерода (Чагаров, Добровольская, 2019).

Следующим по численности и степени изученности является грунтовый могильник, расположенный на площадке разновременного поселения Ксизово-19. Здесь обнаружено 17 индивидов (Обломский, Разуваев, 2013; Разуваев, 2021). В результате исследования антропологического материала получены данные об изотопном составе коллагена кости, краниометрии, встречаемости патологий, предпринята попытка демографических реконструкций (Решетова и др., 2021).

На городище у с. Верхнее Казачье найдено 14 индивидов скифского времени (Решетова, Разуваев, 2019; Разуваев, Решетова, 2021). В предварительных результатах исследования антропологических материалов могильника отражены половозрастные определения, основные патологии и некоторые антропометрические особенности оставившего его населения.

Таким образом, степень изученности антропологических материалов указанных памятников различна, но сравнительно высока. Однако, несмотря на этот факт, стоит отметить, что обозначенные коллекции рассма-

тривались в основном изолировано в рамках отдельного памятника. Данная же работа ставит цель провести комплексный анализ этих материалов и выяснить традиции питания, условия жизни, патологии и основные палеодемографические характеристики людей, захороненных в этих могильниках.

В исследовании была проанализирована информация о 106 индивидах, погребённых в могильниках на городищах Семилуки и Верхнее Казачье, а также поселении Ксизово-19. Для уточнения информации коллекции были просмотрены заново. К сожалению, для повторного исследования оказались доступны не все материалы. Так, из 76 индивидов с городища Семилуки (табл. 1) удалось изучить лишь 23 (погребения № 11–15), остальная часть коллекции была безвозвратно утрачена. По этой причине для погребений № 1–10 нами использовались результаты определений Е.А. Шепель (Шепель, 2002).

На территории поселения Ксизово-19 были обнаружены останки 19 человек, из которых лишь 11 были доступны для повторного изучения (табл. 2).

В ходе раскопок городища Верхнее Казачье найдены останки 14 индивидов. Все они были доступны для повторного анализа (табл. 3). Отметим, что в исследование не были включены разрозненные и не определённые фрагментированные кости, происходящие из слоя городища.

В Семилукском могильнике преобладают останки детей, подростков и женщин. Их совокупная доля превышает 85%. Выборка доступных для повторного исследования индивидов из могильника Ксизово-19 составила 12 индивидов. Внутри группы преобладают женщины (более 54%), в то время как количество мужчин не превышает 25%, а детей – 19%. На территории городища Верхнее Казачье были обнаружены останки преимущественно взрослых мужчин: четверо

Таблица 1

Палеоантропологические материалы с городища Семилуки

Местонахождение	Пол	Возраст	Место хранения
Заполнение ямы над погребением 1	Мужчина	25-35 лет	Утрачено
Погребение 1, индивид 1	Женщина	35-45 лет	Утрачено
Погребение 1, индивид 2	Женщина	30-35 лет	Утрачено
Погребение 1, индивид 3	Женщина	30-35 лет	Утрачено
Погребение 2 (верх), индивид 1	Женщина	25-35	Утрачено
Погребение 2 (верх), индивид 2	Ребёнок	Ок. 6 лет	Утрачено
Погребение 2, индивид 1	Ребёнок	6,5 лет	Утрачено
Погребение 2, индивид 2	Подросток	14-16 лет	Утрачено
Погребение 2, индивид 3	Ребёнок	4,5-5 лет	Утрачено
Погребение 2, индивид 4	Ребёнок	4,5-5 лет	Утрачено
Погребение 2, индивид 5	Женщина	20-25 лет	Утрачено
Погребение 2, индивид 6	Ребёнок	6,5 лет	Утрачено
Погребение 2, индивид 7	Ребёнок	2 года	Утрачено
Погребение 2, индивид 8	Подросток	12-14 лет	Утрачено
Погребение 2, индивид 9	Мужчина	Adultus- Maturus	Утрачено
Погребение 2, индивид 10	Подросток	14-16 лет	Утрачено
Погребение 3, индивид 1	Женщина	20-30 лет	Утрачено
Погребение 3, индивид 2	Подросток	9,5-10 лет	Утрачено
Погребение 3, индивид 3	Женщина	25-30 лет	Утрачено
Погребение 3, индивид 4 (1)	Мужчина	Ок. 30 лет	Утрачено
Погребение 3, индивид 4 (2)	Ребёнок	8 лет	Утрачено
Погребение 4 (заполнение), индивид 1	Женщина	Adultus- Maturus	Утрачено
Погребение 4 (заполнение), индивид 2	Ребёнок	10-10,5 лет	Утрачено
Погребение 4, индивид 1	Мужчина	25-35 лет	Утрачено
Погребение 4, индивид 2	Мужчина	25-30 лет	Утрачено
Погребение 4, индивид 3	Ребёнок	10,5-11 лет	Утрачено
Погребение 4, индивид 4	Ребёнок	4,5-5 лет	Утрачено
Погребение 4, индивид 5	Ребёнок	6-7 лет	Утрачено
Погребение 5, индивид 1	Женщина	25-30 лет	Утрачено
Погребение 5, индивид 2	Мужчина	25-35 лет	Утрачено
Погребение 5, индивид 3	Женщина	Adultus- Maturus	Утрачено
Погребение 6, индивид 1	Ребёнок	9-10 лет	Утрачено
Погребение 6, индивид 2	Женщина	20-25 лет	Утрачено
Погребение 6, индивид 3	Ребёнок	1,5 года	Утрачено
Погребение 6, индивид 4	Мужчина	Maturus	Утрачено
Погребение 6, индивид 5	Подросток	14-25 лет	Утрачено
Погребение 6, индивид 6	Ребёнок	7-8 лет	Утрачено
Погребение 7, индивид 1	Ребёнок	5 лет	Утрачено
Постройка 15 над погребением 7, индивид 1	Женщина	25-30 лет	Утрачено
Погребение 7, индивид 2	Ребёнок	11 лет	Утрачено
Погребение 7, индивид 3	Женщина	25-30 лет	Утрачено
Погребение 8	Женщина	Adultus- Maturus	Утрачено
Погребение 9, индивид 1	Ребёнок	ок. 7 лет	Утрачено
Погребение 9, индивид 2	Мужчина	ок. 20 лет	Утрачено
Погребение 9, индивид 2а	Мужчина	Adultus- Maturus	Утрачено
Погребение 9, индивид 3	Ребёнок	4-5 лет	Утрачено
Погребение 9, индивид 4	Женщина	25-30 лет	Утрачено

Погребение 9, индивид 5	Ребёнок	16-18 мес.	Утрачено
Погребение 9, индивид 6	Ребёнок	4,5-5 лет	Утрачено
Погребение 10, индивид 1а	Ребёнок	ок. 6 лет	Утрачено
Погребение 10, индивид 1б	Мужчина	40-50 лет	Утрачено
Погребение 10, индивид 2	Мужчина	25-30 лет	Утрачено
Погребение 10, индивид 3	Мужчина	ок. 20 лет	Утрачено
Погребение 11, индивид 1	Ребёнок	Ок. 5 лет	ИА РАН
Погребение 12, индивид 1	Ребёнок	Ок. 1 года	ИА РАН
Погребение 12, индивид 2	Ребёнок	6-7 лет	ИА РАН
Погребение 12, индивид 3	Ребёнок	Ок. 6 лет	ИА РАН
Погребение 12, индивид 4	Ребёнок	6-7 лет	ИА РАН
Погребение 12, индивид 5	Ребёнок	6-7 лет	ИА РАН
Погребение 12, индивид 6	Женщина (?)	12-15 лет	ИА РАН
Погребение 12, индивид "центральный"	Пол не уст.	19-25 лет	ИА РАН
Погребение 13, индивид 2	Ребёнок	ок. 6 лет	ИА РАН
Погребение 13, индивид 5	Ребёнок	До 10 лет	ИА РАН
Погребение 13, индивид 6	Женщина	20-23 года	ИА РАН
Погребение 13, индивид 7	Ребёнок	5-6 лет	ИА РАН
Погребение 14, индивид 1	Ребёнок	6-7 лет	ИА РАН
Погребение 14, индивид 2	Ребёнок	5-6 лет	ИА РАН
Погребение 14, индивид 3	Ребёнок	Ок. 2 лет	ИА РАН
Погребение 14, индивид 4	Ребёнок	4-5 лет	ИА РАН
Погребение 14, индивид 5	Ребёнок	3-4 года	ИА РАН
Погребение 14, индивид 6	Ребёнок	2-3 года	ИА РАН
Погребение 14, индивид 7	Ребёнок	4-5 лет	ИА РАН
Погребение 15, Яма 1, череп 5, сверху	Ребёнок	5-6 лет	ИА РАН
Погребение 15, Яма 1, индивид 2, "южный"	Ребёнок	ок. 1 года	ИА РАН
Погребение 15, индивид 3	Женщина	13-25 лет	ИА РАН
Погребение 15, индивид 4 (северный)	Женщина	12-15 лет	ИА РАН
Итоги			
Половозрастное распределение		Доля от общей численности группы	
Всего индивидов	76		
Детей	39	51%	
Женщин	19	25%	
Мужчин	12	15,80%	
Подростков (в том числе 3 Женщины)	8	10,50%	

в группе от 20 до 32 лет, столько же – старше 30 лет. Также встречены кости одного ребёнка возрастом около года, двух подростков и ещё двух взрослых, чей пол определить не удалось.

Стоит заметить, что имеющаяся выборка является неоднородной – в коллекциях трёх памятников отличается как численность погребённых, так и половозрастное распределение внутри групп. Это может быть обусловлено как разным контекстом возникновения и функционирования

некрополей, так и разной степенью изученности памятников. Тем не менее работа с разрозненными материалами обыкновенна для исследования древних сообществ.

Палеопатологическая характеристика группы. Встречаемость патологий (табл. 4) была рассчитана с поправкой на сохранность останков и, как следствие, возможность наблюдать конкретный патологический маркер. Ввиду небольшого среднего возраста индивидов в выборке,

Таблица 2

Палеоантропологические материалы грунтового могильника Ксизово-19

Погребение	№ индивида	Пол, возраст	Хранение
Погребение 14	1	Мужчина 30-40 лет	ИА РАН
Погребение 21 (раскоп 7)	1	Женщина 40-44 лет	ИА РАН
Погребение 26	1	Женщина (?) 30-40 лет	ИА РАН
Погребение 28	1	Женщина 30-40 лет	ИА РАН
Погребение 34	1	Женщина 30-35 лет	ИА РАН
Погребение 41	1	Женщина 15-20 лет	ИА РАН
Погребение 44 (раскоп 6)	1	Мужчина (?) 25-30 лет	ИА РАН
Погребение 56	1	Женщина 35-40 лет	ИА РАН
Погребение 64 (раскоп 6)	1	Мужчина 50+ лет	ИА РАН
Погребение 76 (раскоп 6)	1	Ребёнок около 4 лет	ИА РАН
	2	Ребёнок 5-6 лет	ИА РАН
Итоги			
Половозрастное распределение			Доля от общей численности группы
Всего индивидов		11	
Детей		2	18.18%
Женщин		6	54.55%
Мужчин		3	27.27%
Подростков		-	-

не учитывались различные возрастные изменения посткраниального скелета.

Наиболее часто встречающейся патологией стала *cribra orbitalia* (40%), причём в 71% случаев данный признак, в разной степени выраженности, встречен у детей. Среди 19 сохранных детских лобных костей следы кривры были обнаружены на девяти (47,37%). Известно, что *cribra orbitalia* в первую очередь является маркером железодефицитной анемии, но связана она не с недостатком железа в рационе питания, а с многочисленными инфекциями, требующими от организма значительных затрат этого элемента (Бужилова, 2005, с. 211). Начало заболевания приходится как правило на шестой – седьмой годы жизни, т. к. к этому времени, в связи с активными ростовыми процессами, организм расходует собственные запасы железа. В этом плане весьма примечательно, что на Семилукомском городище средний возраст смерти детей приходится как раз на этот возраст. Но первые признаки криврозных изменений встречаются там и раньше.

Так, в погребении № 15 (индивид № 2) они зафиксированы уже у ребёнка возрастом около года. Отметим, что такое патологическое проявление наблюдалось и на разрозненных костях детей, происходящих из слоя поселения скифского времени у хутора Титчиха (Меркулов, 2021, с. 72).

На Семилукомском городище, откуда происходит большинство детских останков, встречаемость признака *Cribrar orbitalia* среди детей достигает 47,37%. Такое значение является высоким, превосходя максимальный средний показатель европейских памятников раннего железного века на 10% (Бужилова, 2005, с. 211). При этом стоит отметить, что кривра проявляется только у 50–75% больных анемией. Поэтому в реальности процент детей, страдающих данным заболеванием на указанном памятнике, мог быть еще выше. На наш взгляд, это свидетельствует о частоте поражения детей системными инфекциями.

Второй патологией по встречаемости в выборке является эмалевая гипоплазия (33,3%), также выявленная преимущественно у детей (доля

Таблица 3

Палеоантропологические материалы с городища Верхнее Казачье

Раскоп	Местонахождение	Пол, возраст	Хранение
Раскоп 1	Участок 1, квадрат 9, пласты 2, 4	Взрослый индивид	ИА РАН
	Участок 1, квадрат 10, объект 1	Индивид 1: пол не установлен, 15-18 лет	ИА РАН
		Индивид 2: пол не установлен, взрослый	ИА РАН
	Участок 1, квадрат 10, объект 3	Пол не установлен, 10-20 лет	ИА РАН
	Участок 1, квадрат 10, пласт 3	Ребёнок около года	ИА РАН
	Данные не сохранились	Свод черепа взрослого индивида, пол не установлен	ИА РАН
Раскоп 2	Объект 2, индивид 1	Мужчина 25-29 лет	ИА РАН
	Объект 2, индивид 2	Мужчина 22-32 лет	ИА РАН
	Объект 78	Пол не установлен 20-30 лет	ИА РАН
	Объект 200	Мужчина 30-39 лет	ИА РАН
Раскоп 3, объект 4 (колодец)	1	Мужчина 60+ лет	ИА РАН
	2	Мужчина 30-50 лет	ИА РАН
	3	Мужчина 35-45 лет	ИА РАН
	4	Мужчина 25-29 лет	ИА РАН
Итоги			
Половозрастное распределение			Доля от общей численности группы
Всего индивидов		14	
Детей		1	7.14%
Женщин		-	-
Мужчин		7	50%
Подростков		2	14.29%
Взрослых (пол не установлен)		4	28.57%

в общем количестве случаев составляет 66,67%). В выборке наблюдалась системная бороздчатая гипоплазия эмали, чаще всего поражены были верхние центральные резцы на разных стадиях развития. Хотя этиология данного заболевания до конца не является определённой, вслед за рядом исследователей мы склонны связывать ее с перенесёнными в детстве вирусными инфекциями и другими заболеваниями (Nozaka и др., 1990). Системная эмалевая гипоплазия чаще встречается у «недоношенных детей, у детей с аллергией, страдающих заболеваниями ЦНС, рахитом, перенесших инфекционные болезни» (Мирная и др., 2018, с. 11). Высокая встречаемость таких признаков, как *crista orbitalia* и эмалевая гипоплазия (при низком уровне травматизма), в

комплексе позволяют предположить, что именно системные инфекционные заболевания стали причиной смерти детей в исследованной группе. Напомним, что дискуссия о причинах возникновения могильника на Семи-лукском городище включает в себя две основные гипотезы. Из них наиболее популярным является мнение, о том, что появился он в результате военного разгрома городища (Медведев, 1999, с. 145–149; Пузикова, 2001, с. 266–267; Гуляев, 2010, с. 322–323 и др.). Вторая точка зрения предполагает в качестве причины его возникновения эпидемию, поразившую население этого поселка (Пряхин, Разуваев, 2000, с. 255). Возможно, полученная нами информация позволит подойти к решению этого вопроса более обоснованно.

Таблица 4

Встречаемость патологий в анализируемых выборках

Патология	Семилюкское городище		Городище Верхнее Казачье		Ксизово–19		Грунтовые погребения в целом			
	Встречаемость	Распределение	Встречаемость	Распределение	Встречаемость	Распределение	Встречаемость	распределение		
								мужчины	женщины	дети
Кариес	2 случая из 20	1 реб., 1 муж.	2 случая из 5	Муж. 30–45 лет	1 случай из 16	Муж.	12.2%	80%	-	20%
Эмалевая гипоплазия	8 случаев из 20	2 подростка (12–20 л.), 6 детей (3–7 л.)	Не выявлено	-	4 случая из 16	2 муж., 2 жен.	33.3%	16.6%	16.6%	66.67%
Зубной камень	3 случая из 20	2 реб. (до 7 л.), муж. (40–50 л.)	4 случая из 5	Муж. 25–50 лет	3 случая из 16	3 муж.	24.4%	75%	-	25%
Пародонтоз	1 случай из 20	Муж. (40–50 л.)	2 случая из 5	Муж. 25–45 лет	1 случай из 16	Муж.	9.76%	100%	-	-
<i>Cribra orbitalis</i>	9 случаев из 19	Дети до 7 лет	Не выявлено	-	5 случаев из 16	3 муж., 1 жен., 1 реб.	40%	21%	7.14%	71%
Травмы	1 случай из 40	Реб. ок. 2 лет. Пролонгированная темная кость	Не выявлено	-	Не выявлено	-	1.6%	-	-	100%

Еще одной часто встречаемой патологией (24,4%) является наддесневой зубной камень. Изредка он наблюдался у детей, но почти все зафиксированные случаи заболевания относятся к мужчинам старше 25 лет. Хотя спорный и индивидуальный характер патогенеза таких отложений не позволяет делать далеко идущих выводов, обращает на себя внимание следующая закономерность. В два раза реже встречающийся кариес (12,2%) имеет почти такое же распределение внутри выборки, и у женщин он обнаружен не был. Что характерно, парадонтоз (в патогенезе которого участвует зубной камень) тоже был выявлен только у мужчин. Иными словами, по полученным данным, зубочелюстная система мужчин находилась в худшем состоянии, чем у женщин. Это может быть как следствием неравномерной сохранности антропологических материалов, так и отражением определенной разницы в гигиене полости рта.

Демографические особенности. Палеодемографический анализ группы был проведен на основе половозрастных определений материалов из всех трёх могильников. В выборке

преобладают материалы городища Семилуки, поэтому полученные данные в первую очередь отражают демографию этого памятника. Расчёты производились при помощи программы Д.В. Богатенкова «PDemography 3R Acheron» (Алексеева, Богатенков Лебединская, 2003). Были выведены стандартные показатели, такие как половозрастной состав группы, смертность и рождаемость (табл. 5, 6). Динамика смертности отражена графически (рис. 1, 2).

В выборку было включено 93 индивида: 21 мужчина, 25 женщин и 39 детей. Уровень детской смертности ожидаемо высок и достигает 41,9%. Средний возраст смерти без учёта детей составил 33 года. Невелика доля людей возрастом от 50 лет и старше – всего 7,5%. При этом женщин, доживших до такого возраста, – пять, а мужчин – всего двое.

Подтверждаются эти показатели и пиками смертности (табл. 6; рис. 1–2). Так, пик детской смертности приходится на возраст в 5–9 лет. Такая ситуация не является распространённой: обычно пик детской смертности приходится на возраст до одного года,

Таблица 5

Основные палеодемографические характеристики
обитателей среднедонских поселений скифского времени

Основные палеодемографические характеристики	Total	Males	Females	All adults
Реальный объем выборки (N)	93,0	21,0	25,0	54,0
Средний возраст смерти в группе (A)	22,5	33,8	36,8	33,2
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	33,2	33,8	36,8	33,2
Процент детской смертности (PCD)	41,9	-	-	-
Процент детей в интервале 0-1 от NCD (PBD)	3,1	-	-	-
Процент соотношения полов (SR)	84,0	-	-	84,0
Процент индивидов данного пола (PSR)	-	45,7	54,3	-
Ожидаемая продолжительность жизни в интервале 0-4 (E0)	22,5	-	-	-
Ожидаемая продолжительность жизни в 15-19 (E15)	18,2	18,8	21,8	18,2
Ожидаемая продолжительность жизни в 20-24 (E20)	15,0	13,8	17,6	15,0
Средний возраст смерти при 20% (PCD) (A20)	27,6	28,1	30,5	27,6
Средний возраст смерти при 30% (PCD) (A30)	24,7	25,1	27,2	24,7
Средний возраст смерти при 40% (PCD) (A40)	20,3	22,2	24,0	20,3
Длина поколения (T)	26,29	25,91	26,99	26,29
Общий показатель рождаемости (CBR)	0,044	0,053	0,046	0,055
Среднегодовой уровень фертильности (B)	11,98	22,31	23,97	20,64
Общий репродуктивный уровень (GRR)	2,92	1,57	1,46	1,70
Общий размер семьи без учета детей (MFS)	3,4	2,0	2,0	2,0
Общий размер семьи с учетом детей (TCFS)	5,8	3,1	2,9	3,4
Процент индивидов старше 15 лет (CA)	58,1	100,0	100,0	100,0
Процент «активного» населения (CF)	50,5	90,5	80,0	87,0
Процент индивидов старше 50 лет (C50+)	7,5	9,5	20,0	13,0
Коэффициент «активного» населения (DR)	0,98	0,11	0,25	0,15

когда организм является наиболее уязвимым. Как было упомянуто выше, на возраст около 6 лет приходится начало железодефицитной анемии. Вторым пиком смертности и для женщин, и для мужчин является интервал в 25–29 лет. Примечательно, что мужчин, умерших в этом возрасте, почти в два раза больше, чем женщин, что может быть обусловлено участием первых в военных конфликтах. Для женщин повышенная смертность в этом интервале может быть объяснена рисками, связанными с родами.

Полученные нами результаты в самых общих чертах соотносятся с данными о палеодемографии курганного могильника Терновое-Колбино (Добровольская М.В., 2004). Однако есть и различия, обращающие на себя внимание. Так, группа, оставившая грунтовые погребения, заметно отличается крайне высокой детской смертностью. Пики смертности взрослых мужчин и женщин немного «моложе» и относятся к концу второго десяти-

летия жизни. Также не наблюдается преобладания мужского населения над женским: соотношение полов паритетно. В целом данные демографии свидетельствуют о низком благополучии изучаемого населения – с крайне высокой детской смертностью и средней продолжительностью жизни (E0) в 22,5 года (табл. 4). Об этом же свидетельствует и небольшое количество людей возрастом 50 лет и старше.

Примечательны и показатели, свидетельствующие о среднем размере семьи (табл. 6). Согласно полученным статистическим данным, семья с детьми (TCFS) в среднем состояла из 5,8 человек при коэффициенте активного населения (DR) в 0,98. Такое значение находит отражение и в количестве людей, похороненных в коллективных погребениях на Семилукском городище (табл. 1). Эти захоронения, как правило, содержат останки 5–7 человек, что может выступать косвенным свидетельством погребения в одной могиле близких родственников. Ранее

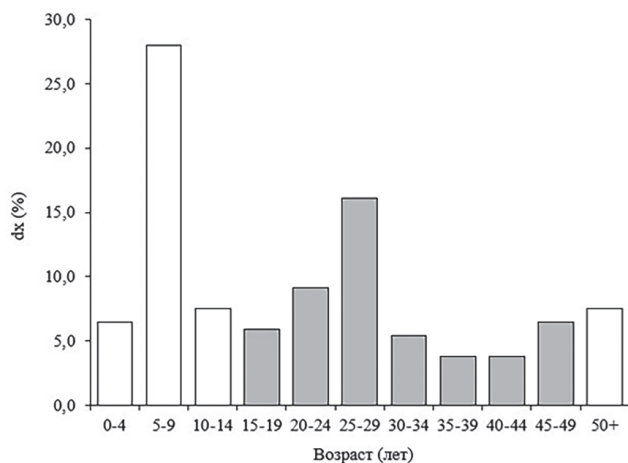

Рис. 1. Общая возрастная динамика смертности

Fig. 1. General age-related mortality dynamics

другие исследователи уже обращали на это внимание (Разуваев, 2023, с. 48). Впрочем, пока не будет произведён анализ ДНК, будет трудно доказать данное предположение.

Особенности питания по данным анализа стабильных изотопов. Целью биоархеологической реконструкции стало обобщение и анализ уже имеющихся данных о питании исследуемой группы индивидов могильника Ксизово-19 и Семилуки (Решетова и др., 2021; Чагаров, Добровольская, 2019). Также эти данные были сопоставлены (рис. 4) с информацией о комплексе питания людей, захороненных в курганном могильнике Девица-V (Нелюбов и др., 2024, с. 399).

Изменчивость показателей $\delta^{13}\text{C}$ у индивидов в Ксизово-19 находится в диапазоне от -14,99 до -17,03‰ (рис. 3). Такие показатели принято связывать с преобладанием в растительной компоненте диеты растений C-4 пути фотосинтеза. Таким растением является культурное просо,

получившее распространение на территории лесостепного Подонья по крайней мере уже к VIII в. до н. э. (Нелюбов и др., 2024, с. 166). Значения стабильных изотопов азота расположены в рамках от 9,9 до 11,95‰, что свидетельствует также о частом потреблении мясомолочной пищи. Таким образом, основу питания людей из могильника Ксизово-19 составляли блюда из проса, при этом присутствие в рационе мясомолочного компонента было регулярным.

Особенности питания населения, оставившего Семилукское городище, отличаются по ряду параметров (рис. 3). Изменчивость значений $\delta^{13}\text{C}$ здесь сильно ниже и находится в диапазоне от -13,91 до -15,27‰. Это может быть обусловлено более гомогенной традицией питания среди детей. В случае анализа изменчивости $\delta^{15}\text{N}$ мы считаем необходимым отнестись критически к «выбросу» в 12,18‰, при

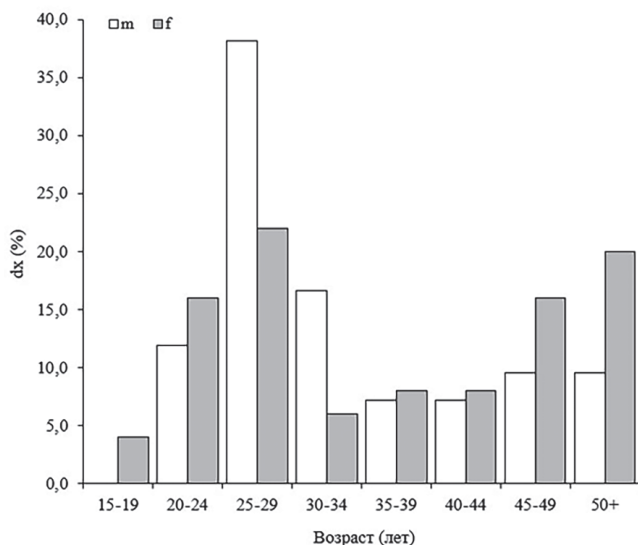

Рис. 2. Половозрастная динамика смертности (взрослые)

Fig. 2. Age and sex dynamics of mortality (adults)

Таблица 6

Показатели смертности мужчин и женщин

Воз- раст	Males					Females					All adult				
	Dx	dx	lx	qx	Ex	Dx	dx	lx	qx	Ex	Dx	dx	lx	qx	Ex
15 - 19	0,0	0,0	100,0	0,00	18,8	1,0	4,0	100,0	0,040	21,80	5,50	10,19	100,0	0,102	18,24
20 - 24	2,5	11,9	100,0	0,12	13,8	4,0	16,0	96,0	0,167	17,60	8,50	15,74	89,81	0,175	15,03
25 - 29	8,0	38,1	88,1	0,43	10,3	5,5	22,0	80,0	0,275	15,63	15,00	27,78	74,07	0,375	12,69
30 - 34	3,5	16,7	50,0	0,33	11,3	1,5	6,0	58,0	0,103	15,60	5,00	9,26	46,30	0,200	13,80
35 - 39	1,5	7,1	33,3	0,21	10,7	2,0	8,0	52,0	0,154	12,12	3,50	6,48	37,04	0,175	11,63
40 - 44	1,5	7,1	26,2	0,27	8,0	2,0	8,0	44,0	0,182	8,86	3,50	6,48	30,56	0,212	8,56
45 - 49	2,0	9,5	19,0	0,50	5,0	4,0	16,0	36,0	0,444	5,28	6,00	11,11	24,07	0,462	5,19
50 +	2,0	9,5	9,5	1,00	2,5	5,0	20,0	20,0	1,000	2,50	7,00	12,96	12,96	1,000	2,50
Сумма:	21,0					25,0					54,0				

Примечание: Dx – число индивидов в возрастной когорте x {n}; dx – процент выборки в возрастной когорте x {%; lx – процент доживших от x возрастного класса до возраста x {%; qx – вероятность смерти индивида в когорте x ; Ex – ожидаемая продолжительность жизни по достижении x лет (Алексеева, Богатенков Лебединская, 2003, с. 17).

том, что значения прочих индивидов не превышают 10,8%. Этот результат соответствует индивиду № 4 (ребёнок 4–5 лет) из погребения № 14. Возможно, что при пробоотборе исследователями мог быть выбран молочный зуб, вследствие чего соотношение стабильных изотопов азота оказалось завышенным. Исключая данный сигнал, мы видим, что у оставшихся пяти индивидов изменчивость $\delta^{15}\text{N}$ небольшая (от 9,36 до 10,8%). Более того, уровень $\delta^{15}\text{N}$ у индивидов с городища Семилуки по сравнению с аналогичными показателями из Ксизово-19 и из подкурганых погребений региона самый низкий. Его среднее значение составляет 10‰ против 10,67‰ и 12,11‰ соответственно (рис. 3, 4). По всей видимости, причиной этого различия является ограниченный доступ населения Семилукского городища к пище животного происхождения. Ранее нами было упомянуто, что употребление в пищу мяса животных, питающихся местным разнотравьем, может понижать значения $\delta^{13}\text{C}$ (Нелюбов и др., 2024, с. 163). Как следствие, более высокие значения $\delta^{13}\text{C}$ также свидетельствуют о большем вкладе растительной С-4 пищи в рацион этой группы.

В целом же средние значения азота и углерода во всей анализируемой выборке составили 11,04 и -16,71‰ у мужчин, 10,4 и -15,5‰ – у женщин.

Более низкие значения $\delta^{15}\text{N}$ и $\delta^{13}\text{C}$ у женщин обусловлены меньшим содержанием в рационе мясомолочного компонента и большим – растительного.

Характеризуя общие особенности питания людей, оставивших грунтовые погребения, мы констатируем меньшее разнообразие рациона и большее содержание в нем растительных продуктов, чем у индивидов из курганных могильников (рис. 4). По данным анализа стабильных изотопов, наименее «благополучным» с точки зрения разнообразия рациона и его насыщенностью мясомолочными продуктами является население Семилукского городища.

Комплексное исследование антропологических материалов из грунтовых погребений скифского времени лесостепного Подонья позволило сделать следующие выводы.

Во-первых, исследуемая группа отличается более низким уровнем жизни по сравнению с населением, захороненным в курганах. Об этом свидетельствует высокая детская смертность, низкая продолжительность жизни, сравнительно скудный рацион питания.

Во-вторых, удалось выявить некоторые гендерные различия в условиях жизни данного населения. При паритете мужчин и женщин в исследуемой выборке, были выявлены различия в

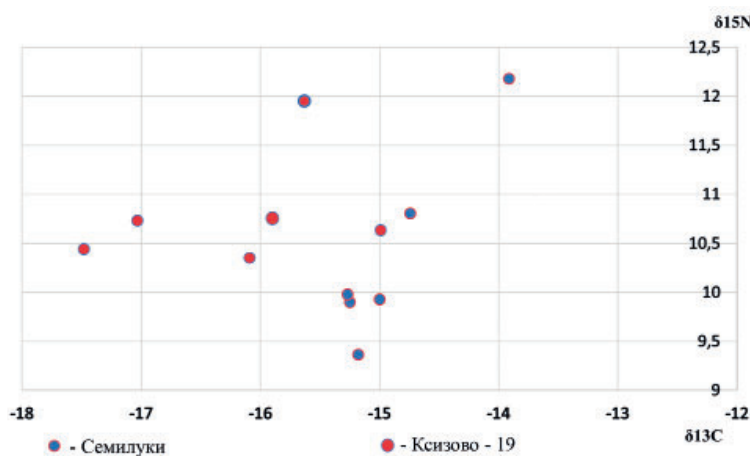

Рис. 3. Показатели $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ у индивидов из могильников на городище Семилуки и поселении Ксизово-19.

Fig. 3. $\delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$ values in individuals from burial grounds at Semiluki hillfort and Ksizovo-19 site.

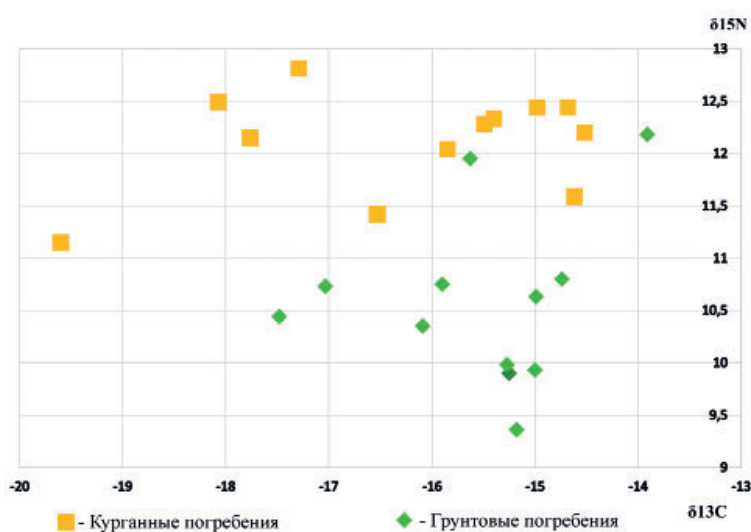

Рис. 4. Показатели $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ у индивидов из курганных и грунтовых погребений скифского времени лесостепного Подонья.

Fig. 4. $\delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$ values in individuals from burials without mounds and barrows of forest-steppe Don region in Scythian period.

их комплексе питания – «женский рацион» оказался более скудным. При этом зубочелюстные патологии, такие как кариес, наддесневой зубной камень и пародонтоз, были выявлены преимущественно у мужчин. Пики смертности у мужчин, и женщин пришлось на возрастной интервал в 25–29 лет, причём умерших в этом возрасте мужчин вдвое больше, чем женщин.

В-третьих, с точки зрения диеты изученная выборка характеризуется преобладанием в пище блюд из проса при более низкой доле мясомолочного компонента, чем в курганных погребениях. Наиболее бедным оказался

комплекс питания детей из Семилукского городища, в то время как серия из Ксизово-19 продемонстрировала большее разнообразие рациона и насыщенность белковой пищей.

Наконец, на основе данных палеопатологии (встречаемости и характера распределения таких признаков, как *cribra orbitalia* и эмалевая гипоплазия при низком травматизме) и палеодемографии (средний возраст смерти) мы выдвигаем гипотезу о том, что причиной смерти большей части детей в анализируемой выборке является системное поражение инфекциями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропо-археологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный мир, 2003. 132 с.
2. Березуцкий В.Д. Курганы скифского времени Лесостепного Дона. Воронеж: ВГПУ, 1995. 73 с.
3. Бужилова А.П. Homo Sapiens: история болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
4. Гуляев В.И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М.: ИА РАН, 2010. 344 с.
5. Добровольская М.В. К антропологии населения Среднего Дона в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской археологической экспедиции ИА РАН 2001–2003 / Отв. Ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 69–106.
6. Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.
7. Меркулов А.Н. Поселение скифского времени у хутора Титчиха на Среднем Дону. Воронеж: ВГПУ, 2021. 108 с.
8. Мирная Е.А., Манак Т.Н., Шумакова Е.В. Некариозные поражения зубов. Минск: БГМУ, 2018. 52 с.
9. Нелюбов С.А., Володин С.А., Добровольская М.В. Биоархеологические аспекты изучения коллективных подкурганных захоронений скифского времени на Среднем Дону // КСИА. 2024. № 274. С. 391–405.
10. Нелюбов С.А., Добровольская М.В., Меркулов А.Н. О роли проса в рационе питания населения лесостепного Подонья в бронзовом и раннем железном веке по данным биоархеологических исследований // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 4. С. 160–170.
11. Обломский А.М., Разуваев Ю.Д. Грунтовые погребения скифского времени у с. Ксизово на Верхнем Дону // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 183–195.
12. Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. Погребения на Семилукском городище поздне-скифского времени (раскопки 1987–1990 гг.) // Древние памятники Окского бассейна / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: Научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры Рязанской области, 1993. С. 13–30.
13. Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья. М.: Индрик, 2001. 272 с.
14. Разуваев Ю.Д. Погребальная практика оседлого населения лесостепного Подонья в скифскую эпоху: историографический аспект проблемы // Археологические памятники Восточной Европы / Отв. ред. И.В. Федюнин. Воронеж: Научная книга, 2013. Вып. 15. С. 239–244.
15. Разуваев Ю.Д. О грунтовых могильниках скифского времени в донской лесостепи // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 2. С. 103–111.
16. Разуваев Ю.Д. Новый погребальный комплекс скифского времени на Семилукском городище // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 157–166.
17. Разуваев Ю.Д. Грунтовый могильник скифского времени у с. Ксизово на Верхнем Дону (новые данные) // КСИА. 2021. Вып. 264. С. 127–147.
18. Разуваев Ю.Д. Дети среднедонских поселений скифской эпохи в жизни и смерти // Stratum Plus. 2023. № 3. С. 43–50.
19. Разуваев Ю.Д., Решетова И.К. Погребения на многослойном городище у с. Верхнее Казачье близ г. Задонска // История: факты и символы. 2019. № 4 (21). С. 55–67.
20. Разуваев Ю.Д., Решетова И.К. Групповое захоронение в заброшенном колоде на городище скифской эпохи близ г. Задонска // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). С. 41–49.
21. Решетова И.К. Некоторые итоги исследования антропологических материалов Ксизовского грунтового могильника скифского времени // Filo Ariadne. 2020. №4. С. 35–40.
22. Решетова И.К., Добровольская М.В. Новые антропологические источники в изучении скифоидного населения Среднего и Верхнего Подонья // Восточноевропейские древности. Вып. 2 / Отв. ред. Ю.Д. Разуваев. Воронеж: Научная книга, 2012. С. 154–165.

23. Решетова И.К., Добровольская М.В., Меркулов А.Н. К вопросу об образе жизни населения лесостепного Подонья в скифское время (по материалам могильника Ксизово-19) // КСИА. 2021. № 263. С 129–144.

24. Чагаров О.С., Добровольская М.В. Система питания среднедонского населения скифского времени: хозяйство и природно-климатический фактор (по данным о составе стабильных изотопов углерода и азота) // Вестник МГУ. Сер. XXIII. Антропология. 2019. № 2. С. 72–83.

25. Шепель Е.А. Население Семилукского городища скифского времени (по антропологическим материалам) // Археологические памятники Восточной Европы / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ, 2002. С. 145–156.

26. Nozaka K., Sato T., Mukaida T., Shimazu A., Hasegawa J., Amari E. Clinical study of enamel hypoplasia and its causes. 2. Permanent teeth // Shoni Shikagaku Zasshi. 1990. 28 (3). P. 561–578.

Информация об авторах:

Нелубов Сергей Алексеевич, младший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); ser.nelubov@yandex.ru

Меркулов Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Воронежский государственный педагогический университет (г. Воронеж, Россия); aleksandrmerkulov@mail.ru

ON THE LIVING CONDITIONS OF THE INHABITANTS OF THE MIDDLE DON SETTLEMENTS IN SCYTHIAN PERIOD

S.A. Nelyubov, A.N. Merkulov

This article presents the results of a comprehensive anthropological and bioarchaeological analysis of a series of individuals found in three burial grounds of the Scythian period in the forest-steppe Don region. The study included the remains of 101 individuals from Semiluki, Verkhneye Kazachye hillforts and Ksizovo-19 settlement. The research objective was to reconstruct the living conditions of Middle Don culture settlement inhabitants in Scythian period. For achievement this purpose the data of palaeopathology, the results of $\delta^{13}\text{C}$ $\delta^{15}\text{N}$ stable isotope analysis and palaeodemographic studies were used. As a result, it was found out that the representatives of studied sample are characterized by a lower standard of living compared to the population buried in barrows. This is evidenced by the high infant mortality, low life expectancy (22.5 years), more meager diet, which is characterized mainly by the predominance of millet-based food, with a lower proportion of meat and dairy component than in barrows. It was possible to identify certain gender differences in the living conditions of this population. In particular, women had a more meager diet, while men had dento-mandibular pathologies in the form of supragingival calculus and paradontosis, which were practically absent in women, the peak mortality rate of men and women coincided, occurring at the age of 25–29 years, but the number of men who died at that age was twice as high. Main cause of high child mortality could be systemic infections.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Scythian period, forest-steppe Don region, paleoanthropology, paleodemography, bioarchaeological reconstructions.

REFERENCES

1. Alekseeva, T. I., Bogatenkov, D. V., Lebedinskaya, G. V. 2003. *Vlaxi. Antropo-arheologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolya Mistixali) (The Vlachs. Anthropo-archaeological research (based on materials from the medieval necropolis of Mistikhali))*. Moscow: "Nauchnyj mir" Publ. (in Russian).

2. Berezutsky, V. D. 1995. *Kurgany skifskogo vremeni Lesostepnogo Podonya (Mounds of the Scythian time of the Forest-Steppe Don region)*. Voronezh: Voronezh state pedagogical university Publ. (in Russian).

3. Buzhilova, A. P. 2005. *Homo Sapience: istoriya bolezni (Homo Sapience: Medical History)*. Moscow: "Yazyki slavyanskoy kultury" Publ. (in Russian).

4. Gulyaev, V. I. 2010. *Na vostochnyx rubezhax Skifii (drevnosti donskix skifov) (On the eastern borders of Scythia (the antiquity of the Don Scythians))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).

The research was carried out at the expense of a Russian Science Foundation grant № 23-78-10087, <https://rscf.ru/project/23-78-10087/>.

5. Dobrovolskaya, M. V. 2004. In Gulyaev, V. I. (ed.). *Arheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Donskoj arheologicheskoy ekspedicii IA RAN 2001–2003* (Archaeology of the Middle Don Region in the Scythian Epoch: Proceedings of the Don Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2001–2003). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 69–106 (in Russian).
6. Medvedev, A. P. 1999. *Rannii zheleznyi vek lesostepnogo Podon'ia. Arkheologiya i etnokul'turnaia istoriia I tysiacheletia do n. e.* (Early Iron Age of the Forest-Steppe Don Region. Archaeology and Ethnic cultural History of the 1st Millennium BC). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Merkulov, A. N. 2021. *Poseleniye skifskogo vremeni u khutora Titchikha na Srednem Donu* (Scythian period settlement nearby the hamlet of Titchikha in the Middle Don region). Voronezh: Voronezh State Pedagogical University Publ. (in Russian).
8. Mirnaya, E. A., Manak, T. N., Shumakova, E. V. 2018. *Nekarioznye porazheniya zubov* (Non-carious lesions of teeth). Minsk: Belarusian State Medical University Publ. (in Russian).
9. Nelyubov, S. A., Volodin, S. A., Dobrovolskaya, M. V. 2024. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 274, 391–405 (in Russian).
10. Nelyubov, S. A., Dobrovolskaya, M. V., Merkulov, A. N. 2024. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* (Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography) 4 (67), 160–170 (in Russian).
11. Oblomskiy, A. M., Razuvaev, Yu. D. 2013. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 231, 183–195 (in Russian).
12. Pryakhin, A. D., Razuvaev, Yu. D. 1993. In Chelyapov, V. P. (ed.). *Drevnie pamyatniki Okskogo basseyna* (Ancient Sites of the Oka Basin). Ryazan: Science and Production Center for Protection and Management of Historical and Cultural Sites of the Ryazan Region, 3–6 (in Russian).
13. Puzikova, A. I. 2001. *Kurgannye mogilniki skifskogo vremeni Srednego Podonya* (Kurgan burial grounds of the Scythian period of the Middle Don region). Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
14. Razuvaev, Yu. D. 2013. In Fedyunin I. V. (ed.). *Arkheologicheskiye pamyatniki Vostochnoy Yevropy* (Archaeological sites of Eastern Europe). Voronezh: "Nauchnaya kniga" Publ., 239–244 (in Russian).
15. Razuvaev, Yu. D. 2014. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya* (Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology) 2, 103–111 (in Russian).
16. Razuvaev, Yu. D. 2015. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 237, 157–166 (in Russian).
17. Razuvaev, Yu. D. 2021. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 264, 127–147 (in Russian).
18. Razuvaev, Yu. D. 2023. In *Stratum Plus. Archaeology and cultural anthropology* 3, 43–50 (in Russian).
19. Razuvaev, Yu. D., Reshetova, I. K. 2019. In *Istoriya: fakty i simvoly* (History: facts and symbols) 4 (21), 55–67 (in Russian).
20. Razuvaev, Yu. D., Reshetova, I. K. 2021. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* (Ural historical journal) 4 (73), 41–49 (in Russian).
21. Reshetova, I. K. 2020. In *Filo Ariadne* 4, 35–40 (in Russian).
22. Reshetova, I. K., Dobrovolskaya, M. V. 2012. In Razuvaev, Yu. D. (ed.). *Vostochnoevropejskie drevnosti* (Eastern European antiquities) 2. Voronezh: "Nauchnaya kniga" Publ., 154–165 (in Russian).
23. Reshetova, I. K., Dobrovolskaya, M. V., Merkulov, A. N. 2021. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 263, 129–144 (in Russian).
24. Chagarov, O. S., Dobrovolskaya, M. V. 2019. In *Vestnik MGU. Ser. XXIII. Antropologiya* (Bulletin of Moscow State University. Ser. XXIII. Anthropology) 2, 72–83 (in Russian).
25. Shepel, E. A. 2002. In Sinyuk A. T. (ed.). *Arkheologicheskiye pamyatniki Vostochnoy Yevropy* (Archaeological sites of Eastern Europe). Voronezh: Voronezh State Pedagogical University Publ., 145–156 (in Russian).
26. Nozaka, K., Sato, T., Mukaida, T., Shimazu, A., Hasegawa, J., Amari, E. 1990. In *Shoni Shikagaku Zasshi* 28 (3), 561–578 (in English).

About the Authors:

Nelubov Sergey A. Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences. Dm. Ulyanov St., 19, 117292, Russian Federation; ser.nelubov@yandex.ru

Merkulov Aleksandr N. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Voronezh State Pedagogical University. Lenin St., 86, Voronezh, 394043, Russian Federation; aleksandrmerkulov@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2026 г

Изучение петроглифов эпохи первобытности

УДК 902.2 (903.5)

<https://doi.org/10.24852/pa2026.1.55.180.193>

MESOLITHIC AND NEOLITHIC CULTURE OF GOBUSTAN

© 2026 N.A. Museibli

The Gobustan archaeological assemblage is one of the most important resources for studying the ancient history of Azerbaijan and the broader Caucasus. This collection of sites – comprising campsites, settlements and burials from the Mesolithic, Neolithic, and Bronze Ages, along with thousands of rock engravings – has consistently drawn the interest of archaeologists. Located in eastern Azerbaijan on the shore of the Caspian Sea, the Gobustan sites have been excavated for decades. In Gobustan monuments, archaeologists have discovered more than 6.000 petroglyphs during the excavations, which were carried out in rock shelters, barrows and other monuments, starting from the 40s of the last century. The excavations at campsites such as “Ovchularzagasi”, “Anazaga”, “Qayaarasi”, “Qayaarasi-2”, “Keniza”, “Firuz”, “Firuz-2”, “Okuzler-2” and others have shown that the Mesolithic and Neolithic periods are continuously connected in this sites. This connection is evident both in the stratigraphic sequence and in the succession of technical-typological characteristics of stone tools. Single and multiple burials from the Mesolithic and Neolithic periods were discovered during excavations in “Kenize” and “Firuz” sites. Unique rock carvings of Gobustan stand out from the others across Eurasia due to their technique, style, and themes. The Mesolithic and Neolithic campsites of Gobustan, together with the burials, stone tool assemblages, and petroglyphs discovered there, provide clear evidence for the existence of a distinct Gobustan archaeological culture, forming a unified complex in the region.

Keywords: archaeology, Azerbaijan, Gobustan, Mesolithic, Neolithic, ancient sites, stone tools, burials, petroglyphs, archaeological culture.

Introduction

One of the most relevant issues for Azerbaijan and South Caucasus archaeology in general, is the study of Mesolithic and Neolithic cultures in this region. Among the monuments of these periods, the archaeological complex of Gobustan, located in the Caspian coastal region, occupies an important place (Fig. 1: 1). Sites from both eras and thousands of rock carvings have been discovered here. In general, the Gobustan monuments are concentrated in the Beyukdash, Kichikdash, Cingirdag-Yazilitepe, Shongardag, Shikhgaya, Dashlidag mountainous and rocky areas situated in the local site. The latter is located near Sangachal settlement, at 35 km distance to south of Baku city.

Gobustan has been known to science since 1939, but continuous exploration on these monuments began in 1947. Investigations have been carried out for nearly 20 years under the leadership of the first researcher of the monument, I.M.Dzhafarzade, and more than 3 thou-

sand petroglyphs and dozens of rock shelters were recorded. It was under his leadership that the first archaeological excavations were conducted in Gobustan, in “Ovchular zagasi” cave in the area of Beyukdash Mountain (Dzhafarzade, 1965). I.M.Dzhafarzade presented up to 1500 petroglyphs of Gobustan and summarized his views on their chronology and semantics in the book published by him on the results of his researches (Dzhafarzade, 1973).

Starting from 1965, for nearly thirty years, field researchs have been carried out in Gobustan by J.Rustamov and F.Muradova. As a result of their research, more than 3.000 rock paintings were discovered, and excavations were carried out in about 20 rock shelters, about 40 Bronze Age burial kurgans, and several settlements. J.Rustamov and F.Muradova carried out the excavations in all the remaining sites in Gobustan, except for “Ovchular zagasi” (Rüstəmov, Muradova, 2008a; Rüstəmov, Muradova 2008b; Rüstəmov, Muradova 2008c and etc.).

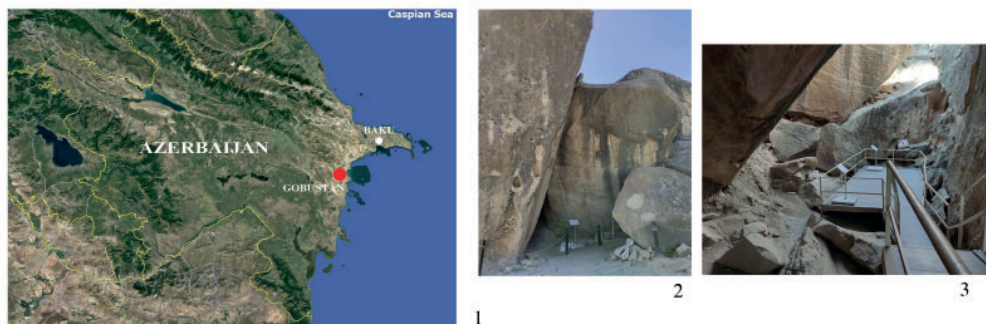

Fig. 1. 1 – geographical location of Gobustan monuments;
2 – entrance of Anazaga campsite in Gobustan; 3 – interior view of Anazaga campsite

Рис. 1. 1 – географическое расположение памятников Гобустана;
2 – вход в стоянку Аназага в Гобустане; 3 – внутренний вид стоянки Аназага.

However, it should be noted with regret that the thousands of material culture remains and rock carvings discovered as a result of decades of excavations by I.Dzhafarzade, J.Rustamov and F.Muradova in the world-important archaeological complex of Gobustan have not been fully published, and the necessary scientific analyses have not been carried out until today. Almost all of the known ancient sites of Gobustan were excavated by J.Rustamov and F.Muradova. The results of those excavations and field investigations reports have remained inaccessible to researchers for decades. Relatively extensive information about rock paintings is given in the works of I.Dzhafarzade. However, this data do not fully cover Gobustan petroglyphs.

In 2001-2002, during the archaeological exploration in that and neighboring areas in connection with the construction of the Sangachal terminal, a rock shelter was discovered on the slope of the nearby Dashlidag mountain. A cultural layer deposit inside the shelter was determined, and several zoomorphic drawings were revealed on its inner wall. Among them, a realistic style, large-scale bull image (Fig. 5: 6) belongs to the Neolithic period, and other images belong to the Bronze Age (Müseyibli, Həsənov, 2004). It can be said that only in this shelter the cultural layer has remained untouched in the entire historical and cultural area of

Gobustan, and that the layers belonging to the Mesolithic and Neolithic periods will be discovered in its lower layers is not an exception. The bull image recovered here also strengthens this possibility. In this case, it will be possible to get new information about the mentioned periods of Gobustan.

M.Farajova, one of the researchers of Gobustan, discovered new drawings, organized radiocarbon analyses based on the samples of several campsites (Qay-aarasi, Anazaga, Firuz) and published the results (Farajova, 2021). Those analyses have clarified the issue of absolute chronology of Gobustan monuments.

In recent years, the new generation researchers of Gobustan, R.Abdullayev and S.Shirinli, as a result of their field investigations have discovered multiple images, especially in the Cingirdagh-Yazilitepe area (Abdullayev, Shirinli, 2016).

On the chronology of Gobustan monuments

As a result of more than 70 years of investigations in Gobustan, monuments belonging to almost all historical stages from the Mesolithic to the Middle Ages have been discovered. It is precisely the date when life began here that has caused scientific discussions for many years. Until recently, only archaeological methods and comparative analyses were used to determine the chronology of the monument.

I.M.Dzhafarzade, who was the first to study the monument, considered the full face and profile silhouette drawings of men and women to be the oldest images of Gobustan and attributed them to the 8th millennium BC – the beginning of the Neolithic period. Along with this, as a result of further research I.M.Dzhafarzade assumed these images to belong to a much older period (Dzhafarzade, 1973, c. 14).

Based on the excavations conducted by J.Rustamov and F.Muradova in the rock shelters, in the ancient sites of Gobustan, and on the stone tools they discovered, it has been proven that the oldest stage of these monuments belongs to the Mesolithic period. However, not content with this, these researchers attributed the oldest monuments of Gobustan to the Upper Paleolithic period, that is to the 18th millennium BC. For this, they were based on the fact that some bull images were drawn in natural size or only the head parts, as in the Upper Paleolithic, as well as the discovery of several archaic tools recovered from the Qayaarasi site in the Kichikdash area (Rüstəmov, 2003, s. 19; Rüstəmov, Muradova, 2008a, s. 7).

In her previous publications, M.Farajova also attributed the oldest monuments of Gobustan - some bull images and the Qayaarasi site, to the Upper Paleolithic. For this, she based on the researches of J.Rustamov and F.Muradova, but attributed the monument to older times - 31-34 thousand years ago (Farajova, 2009, p. 245, 260–261). But later, based on the results of radiocarbon analyses M.Farajova has revised this periodization (Farajova, 2021).

The investigations carried out so far, including the results of radiocarbon analyses, indicate that the oldest monuments of Gobustan (Qayaarasi) belong to the 12th millennium BC – the early stage of the Mesolithic period (Cal BC 11770-11450). Analyses of the Mesolithic layer in the Ana zaga site, where the most extensive excavations were carried out indicated 9th-8th millennia BC,

the results of the Mesolithic and Neolithic layers of the Firuz site indicated the 7th - first quarter of the 6th millennium BC.

Clearly that, attempts to over-antiquate the monuments of Gobustan were mainly related to the discovery of archaic stone tools in some sites. However, as already mentioned above, information about the results of archaeological excavations, the stratigraphic sequence of cultural layers, and the relationship of findings with these layers have not been fully published. There is no information about the discovery of a cultural layer belonging to the Upper Paleolithic in Gobustan so far. No researcher doubts that the cultural layers in the oldest sites belong to the Mesolithic and Neolithic periods. This is confirmed by both the discovered archaeological materials and radiocarbon analyses. Therefore, the discovery of archaic stoneware is not enough to confirm the belonging of the oldest stage of the monument to the Upper Paleolithic. In certain historical stages, discovery of findings that have preserved some features of earlier periods, is common. This was due to the preservation of previous traditions to a certain extent. In the Qayaarasi site in Kichikdash, items considered typical of the Upper Paleolithic were revealed together with tools from the Mesolithic and Neolithic periods. Those items make up only 10% of the total finds of the site. Therefore, it is quite controversial to talk about the existence of a separate Upper Paleolithic period here. Certainly, future research (excavations, radiocarbon analyses) will allow us to draw more accurate conclusions about the first settling period of Gobustan (Museibli, 2017, p. 20-23).

As for the bull images of Gobustan referred to by the above-mentioned authors, I should note that there was no tradition of drawing on purpose only the head of the bull in Gobustan, as in the Upper Paleolithic of Europe. In the images mentioned by these authors, the bulls were either incompletely drawn, or

Fig. 2. Beyukdash. Mesolithic anthropomorphic images (Dzhafarzade, 1973).

Рис. 2. Бейюкдаш. Мезолитические антропоморфные изображения (Dzhafarzade, 1973).

the rock surface was damaged for various reasons, and the body parts of the image were erased. Sometimes, the limited capacity created by the size of the rocks was also taken into account. For the same reasons, half-depicted goat and deer images from the Bronze Age are rarely encountered as well in Gobustan.

The date for the end of the Neolithic period in Gobustan has not been fully determined. J.Rustamov has come to the conclusion based on the archaeological materials that the advanced and final stages of the Neolithic period are poorly traced in Gobustan. At the same time, he dates the Neolithic period to the 7th-6th millennia BC (Rüstəmov, 2003, s. 20). Radiocarbon analyses based on animal bones from the Neolithic layer of the Ovchular zagasi site indicated the beginning of the 5th millennium BC (Cal BC 4930-4720) (Farajova, 2012, fig. 10).

Fig. 3. Beyukdash. Anthropomorphic images (Dzhafarzade, 1973).

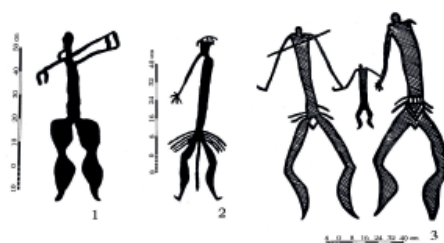
Рис. 3. Бейюкдаш. Антропоморфные изображения (Dzhafarzade, 1973).

All these indicate that Mesolithic period lasted in Gobustan from the 12th millennium to the mid of the 7th millennium BC, the Neolithic period lasted from the second half of the 7th millennium to the first half of the 5th millennium.

Thus, relatively large full face anthropomorphic images of Gobustan (Fig. 2; Fig. 3: 1-3), as well as a certain number of bull images in a realistic style (Fig. 4: 6) can be attributed to the Mesolithic period. Silhouette women images (Fig. 4:1-5) can also be attributed to the same period. The same drawing tradition continued with minor differences in the Neolithic period as well. Boat drawings (Fig. 6) are dated to the late Mesolithic and Neolithic periods.

Discussion

J.Rustamov and F.Muradova, who have conducted excavations on the unique monuments of Gobustan for many years, noted their distinctive features. In

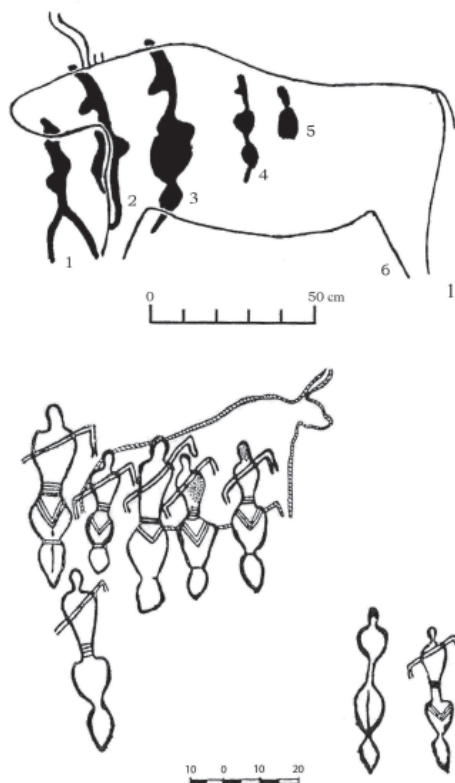

Fig. 4. Anthropomorphic and zoomorphic images. 1 – Kichikdash; 2 – Beyukdash (Dzhafarzade, 1973; Rüstəmov, Muradova, 2008).

Рис. 4. Антропоморфные и зооморфные изображения. 1 – Кичикдаш; 2 – Бейукдаш (Dzhafarzade, 1973; Rustamov, Muradova, 2008).

views on this matter were often unsystematic and not coordinated. Although these researchers have repeatedly noted that Gobustan is an ancient culture, they have not systematically analyzed the fact that Gobustan monuments are a separate archaeological culture.

Russian archaeologist Kh. Amirkhanov, in his papers published in recent years, separated the Neolithic period of Gobustan from the previous Mesolithic period and presented it as a separate archaeological culture. As the only diagnostic and culture-determining material of this culture, he took a certain group of types of blade tools made of flint, which he called “Uytash type”, as a basis. The blade of such tools was sharpened by vertical notching (retouching) on one or both sides, and the lower end was cut straight or diagonally by vertical notching. Kh. Amirkhanov attributed this culture to the 6th millennium - the beginning of the 5th millennium

their various published works, expressions are mentioned such as “Culture of rock paintings of Gobustan” (Rüstəmov, 2003, s. 20), Gobustan is a “small archaeological district” (Rüstəmov, Muradova, 2008a, s. 12) etc. At the same time, these researchers proposed to “present the Gobustan Mesolithic accompanied by rock engravings under the name of a special culture” (Rüstəmov, Muradova, 2008b, s. 146).

Surely, J. Rustamov and F. Muradova wanted to point out the uniqueness of the Gobustan monuments, which they have studied for many years. But, a more scientific-popular style prevailed in their analyses, results of excavations of monuments, especially ancient sites, remained in the background, and their

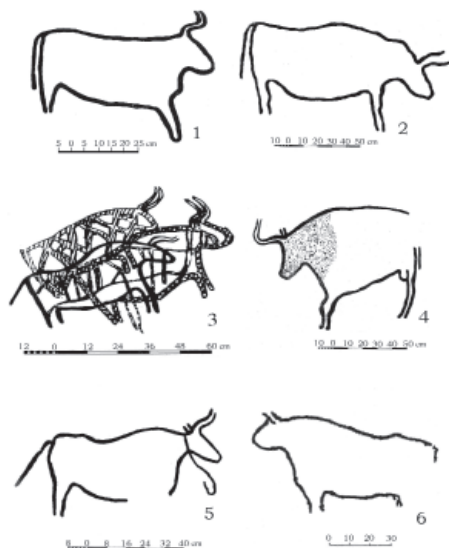

Fig. 5. Bull paintings. 1–5 – Beyukdash (Dzhafarzade, 1973); 6 – Dashlidag (Müseyibli, Həsənov, 2004).

Рис. 5. Рисунки быков. 1–5 – Бейукдаш (Dzhafarzade, 1973); 6 – Дашлыдаг (Мусейбли, Гасанов, 2004 г.).

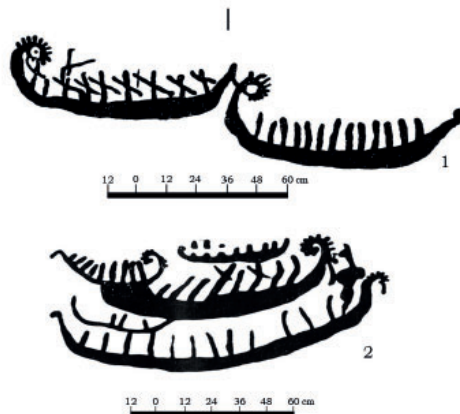

Fig. 6. Boat drawings. Beyukdash (Dzhafarzade, 1973).

Рис. 6. Изображения лодок. Бейюкдаш (Dzhafarzade, 1973).

BC. Uytash-2 is a find site discovered by V.I.Markovin in the Caspian coastal region of Dagestan, 22 km south of Makhachkala. Kh.Amirkhanov identified the type of blade tools collected from here as “Uytash type” and indicated their number as 7. He identified the Caspian coastal strip beginning from Gobustan to Uytash as the area of this culture. There are hundreds of such tools in Gobustan, which Kh.Amirkhanov considers “Uytash type” (Amirkhanov, 2022, p. 8, table 2; 2023a; 2023b). Research on the Ana zaga cave, including the results of radiocarbon analyses, suggest that such tools were made in Gobustan since the Mesolithic period.

Clearly, unlike the Paleolithic period, when archaeological cultures were determined based on a certain group of stone items, the Neolithic period is multi-component, and all these should be taken into account when defining the culture of this period. Especially, it is not enough to use only one type of stone tools as a basis to determine the archaeological culture of a monument with rich and diverse material culture remains like Gobustan. Thus, the Mesolithic and

Neolithic cultural layers in Gobustan are closely linked by inheritance, and the Neolithic period is a direct continuity of the Mesolithic. In Gobustan there was no break (sterile layer) between these periods, and accordingly, considering those periods separately in this matter does not lead to complete results. A number of stone tools recovered from the Mesolithic layers are also found in Neolithic layers with certain changes. All these were repeatedly noted by archaeologists who have conducted excavations for many years in the ancient sites of Gobustan. Therefore, in our opinion, it would not be correct to consider the Neolithic period of a rich monument complex like Gobustan separately based on one type of tools only and especially to present it as an independent archaeological culture. Because archaeological culture consists of the community of material culture components that existed within a specific time and place. In the best case, the blade tools, defined by Kh.Amirkhanov as “Uytash type”, can be only one of the indicators of the multi-component culture of Gobustan.

The Mesolithic and Neolithic monuments of Gobustan have almost the same characteristics and are concentrated in a local area within a framework of specific time. Life in this area did not cease during the Mesolithic period and continued consistently during the following Neolithic period. In both periods, one being a logical continuity of the other, people’s lifestyle, occupation, livelihood, burial customs, and spiritual culture were almost the same. Therefore, it would be more correct to define the collection of all these monuments (caves,sites, grave monuments, rock art) from the Mesolithic and Neolithic periods as “Gobustan archaeological culture”. The bearers of this culture lived in rock shelters, buried their dead in the caves where they lived

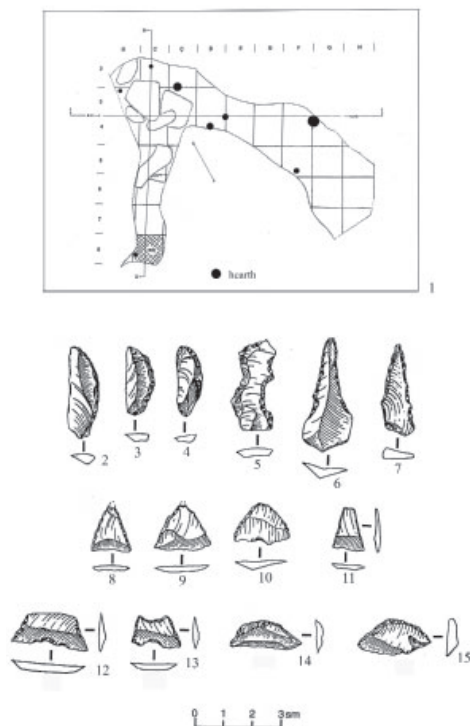

Fig. 7. Qayaarasi campsite. 1 – plan; 2–15 – stone tools (Rüstəmov, Muradova, 2008b).

Рис. 7. Стоянка Гаяарасы. 1 – план; 2–15 – каменные орудия (Rüstəmov, Muradova, 2008b).

type Anazaga shelter, which is the largest of them, covers an area of about 100 sq/m (Fig. 1: 2-3). The longest term residence was here. During the excavation, the Mesolithic, Neolithic and later periods' layers have been discovered in this cave. Both periods were represented in most of the caves. In some caves, such as Qayaarasi (Fig. 7), Qayaarasi -2, Okuzler-2 (Fig. 8), only the Mesolithic layer was discovered.

The material culture remains recovered from the caves are mainly stone tools. Most are made of flint, and some

and in the immediate vicinity, and drew images on the rocks.

Thus, in my opinion, the main indicators of the "Gobustan archaeological culture" can be grouped as follows.

1. Sites and Excavation materials. The Neolithic societies of the central regions of the South Caucasus settled in the fertile lands of the plains, in the river valleys, and were engaged in farming and cattle-breeding. Hunting was an auxiliary field of the farm and covered 3-4% of the total activity. The remains of the settlements of these societies have been preserved in the form of hills to this day.

The Mesolithic-Neolithic inhabitants of Gobustan lived in caves in rock shelters of various sizes, and were engaged in hunting and gathering. The number of such caves is more than 20. The cave-

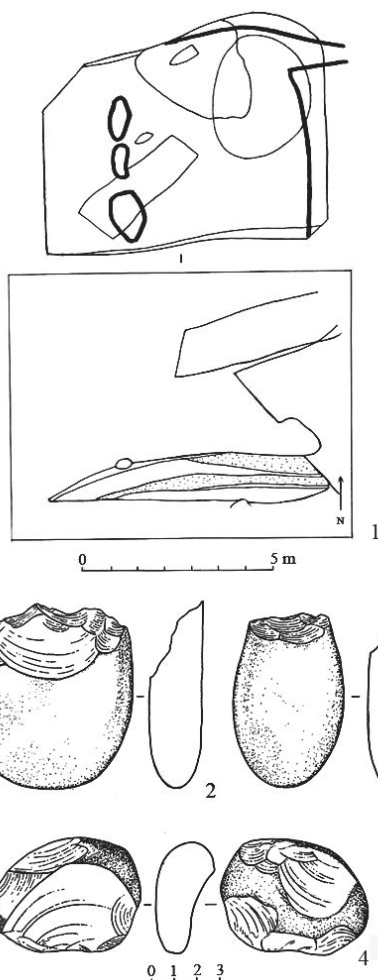

Fig. 8. Okuzler-2 campsite. 1 – plan and profile of the excavation area; 2–4 – stone tools (Rustamov, 1984).

Рис. 8. Стоянка Окюзляр-2. 1 – план и профиль раскопа; 2–4 – каменные орудия (Rustamov, 1984).

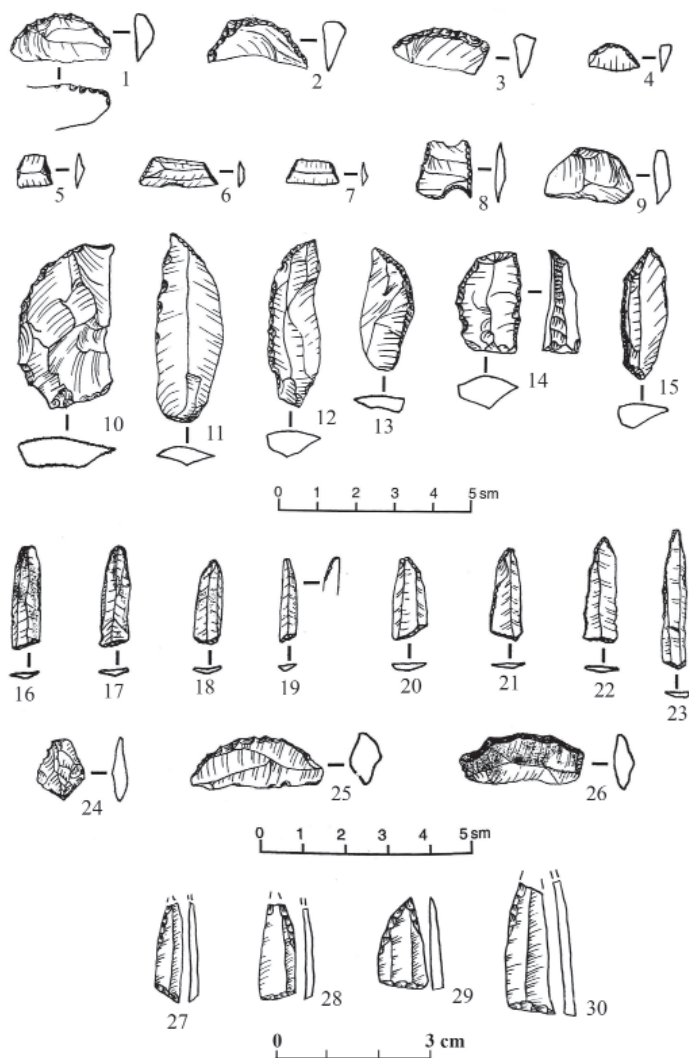

Fig. 9. Stone tools from Keniza campsite. 1–15 – Mesolithic period; 16–30 – Neolithic period (1–26 – Rüstəmov, Muradova, 2008b, Rüstəmov, Muradova, 2008c; 27–30 – Amirkhanov, 2023a).

Рис. 9. Каменные орудия стоянки Кяниза. 1–15 – период мезолита; 16–30 – период неолита (1–26 – Rüstəmov, Muradova, 2008b, Rüstəmov, Muradova, 2008c; 27–30 – Amirkhanov, 2023a).

are made of river stones. Obsidian tools are rarely found, which was due to natural-geographical conditions and the absence of obsidian deposits in Gobustan and the immediate surrounding area. While, the obsidian tools from the contemporary monuments of the western zone of Azerbaijan make up 85-90% of the total items. In addition to the different, local traditions of the stone tool production in Gobustan, these facts also

indicate the weak relationships of the Gobustan residents with the western zone, the Lesser Caucasus.

Geometric microliths made of flint, trapezoid, segment, triangular tools, various types of scrapers, including end chisels, mortise chisel, borers, punches, cutting tools, sharp-pointed items, microlithic teeth of a combined tool (reminiscent of the sickle), plates with a beak-like projection, and other tools have been

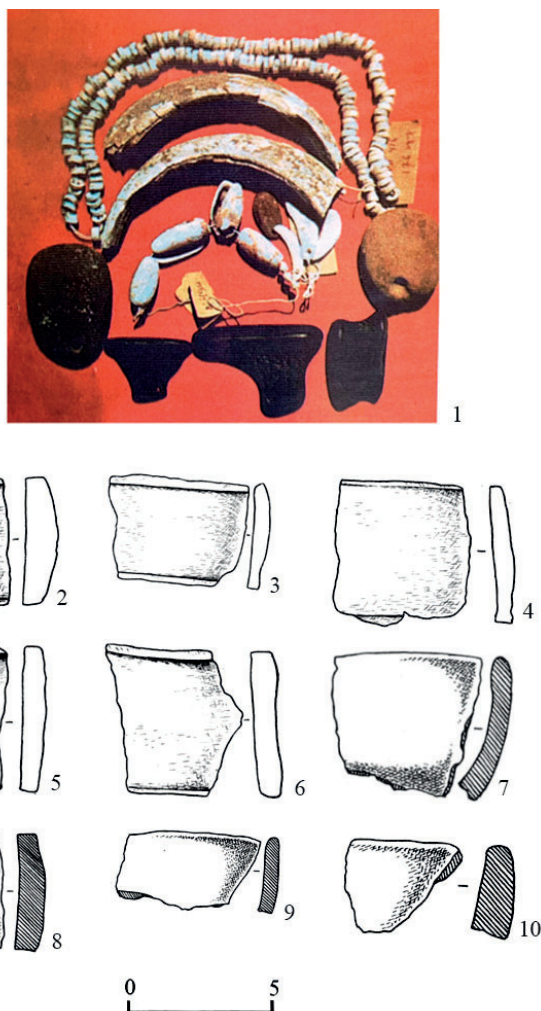

Fig. 10. 1 – Jewelry from burial of Firuz campsite (Rüstəmov, 2003);
2–10 – ceramic from Anazaga campsite (Muradova, 2021).

Рис. 10. 1 – украшения из погребения стоянки Фируз (Rüstəmov, 2003);
2–10 – керамика из стоянки Аназага (Muradova, 2021).

discovered from the Mesolithic layers of the Gobustan sites. Although the production of a number of tools from the Mesolithic period continued in the Neolithic period, some changes are observed (Fig. 9). Using the twisting method, there are tools for hollowing, methods of polishing some stone tools, and combined tools with a cutting (sickle) function. The number of trapezoids worked with a symmetric sharpening tooth is decreasing, there are segments worked with a mutual blunt tooth, stone vessels, graters were made from river stone. In Go-

bustan, the Neolithic belongs to the first stage before ceramics. The developed, ceramic phase of the Neolithic is weakly traced here. It seems that during that period, life was interrupted in some camps of Gobustan, but after a certain interval it was restored again (Rustamov, 1984, p. 44–45; Rüstəmov, Muradova, 2008b, s. 146; Rüstəmov, Muradova, 2008c, s. 150–152).

The oldest ceramic samples discovered in Gobustan (Muradova, 2021) were most likely brought here as a result of contacts from settlements be-

longing to the region's early agricultural culture.

Thus, the life that started in the Mesolithic period in the under-rock and near-rock caves of Gobustan continued uninterruptedly in the Neolithic period, and both periods are closely linked by heritage. In both periods, the livelihood of people in Gobustan was almost the same: hunting, including fishing, gathering. In the Neolithic period, partial domestication of animals began, production habits relatively increased. The drawing of a bull with a rope tied around its neck in Beyukdash also shows that neat cattle were domesticated in Gobustan during the Neolithic period. Unlike the others, the head of this bull is elongated, as in farm animals (Fig. 5: 6). In the Caucasus region, during the Mesolithic and Neolithic periods, only the people inhabited in Gobustan used boats for fishing in the Caspian Sea.

The afore-said shows that during the Neolithic period, when the farming culture developed in the fertile lands of the South Caucasus, hunting tribes depending on the natural conditions still lived in the Gobustan zone (Narimanov, 1966, p. 126).

2. Grave monuments and burial customs¹. Graves were also explored in the Firuz site in the Kichikdash mountain area of Gobustan and in the Kenize site on the upper terrace in the Beyukdash mountain area. During the excavations carried out in the 1970s, grave monuments had been discovered in the cultural layers of those sites, that is, directly in the ancient residential area.

The grave in the Firuz site was located at a depth of 50-85 cm from the contemporary ground surface and had an area of 2 sq/m. In this grave, 11 human skeletons, one of which belonged to a child, were found on top of each other. The dead were buried on their sides in tightly wrapped position. The anthropologist determined that seven of the skeletons belonged to male, three to female, and one was a child. Each of them had stone bead pendants around their necks.

There were 54 such beads on the neck of the child skeleton alone. Along with stone beads, beads made from teeth of various animals, including boar teeth, were found around the necks of some skeletons. Next to the skeleton No. 2, a 60 cm long piercing-digging tool from the horn, a string of beads consisting of 20 boar teeth were found. Weight stones, various tools made of stone (plummet) and bone (harpoon) were revealed in the grave. The authors of the excavation attributed this grave to the end of the Mesolithic period or the transition phase from the Mesolithic to the Neolithic, that is to the end of the 8th millennium BC (Rüstəmov, 2003, s. 23; Rüstəmov, Muradova, 2008c, s. 168–169).

The archaeologists who conducted the excavations believed that the people buried here were members of a tribe who died and were buried at the same time as a result of a mass disaster (poisoning, infectious diseases, etc.) (Rüstəmov, Muradova, 2008c, s. 168–169).

Of course, to agree with these ideas is difficult. So, from the written, can be concluded that this grave is located just in the residential area, not outside. In this grave, the dead were not buried in a chaotic manner, but in accordance with certain customs, that is, on their sides, in a bended position. Moreover, enough rich things for that time were placed in the grave, each of the dead had string of beads around their necks. It does not seem realistic that the corpses of people who died from any mass disaster, especially from an infectious disease, should be treated with such care. Burials were performed here at different times.

3 graves belonging to the next stage were discovered in Gobustan, at a depth of 1.1-1.4 m in the Kenize camp in the Beyukdash mountain area. A child (about 10 years old) was buried in each of two. In the first of these graves, it was not possible to determine the position of the skeleton, as the bones were very decayed. In the second grave, the child was buried on his right side tightly bent, facing south. The third grave covered an

area of 1.5 sq/m. 3 people were buried in this grave in a bent position. The first skeleton was found on the right side, with its head to the south, face to the east. It is believed to belong to a woman. A second skeleton was found parallel to the first one in the same position. The leg bones of the third skeleton were attached to the leg bones of the second skeleton. A white marble stone mace, a polished axe of river stone, oblong pendants of river stone and cockleshells, a bone tool with a hole at one end for hanging, a fragment of a shin bone ornament with incised patterns on it, a large segmented tool of gritstone, a grater of river stone and some flint tools has been recovered from the grave. The grave was later placed in the Mesolithic layer. In total, the thickness of the cultural layer of the camp was 2.2 m. The grave was attributed to the Neolithic period, that is to the end of the 6th millennium BC (Rustamov, Muradova, 1978, p. 6–7; Rüstəmov, Muradova, 2008c, s. 152).

Clearly that the number of grave monuments of the mentioned period in Gobustan are limited. Besides, unfortunately, neither the plan, nor the materials, nor the photo of these graves have been published until today. Some conclusions can be made, although it is not possible to make a comprehensive analysis based on the limited information published about these graves.

In the territory of Azerbaijan, the custom of burying the dead in residential areas had been practiced since the Neolithic period. Grave monuments from this period were discovered in three zones - Nakhchivan, Karabakh and Western - Ganja-Kazakh territories. Most of these graves are single burials. At the same time, graves with two, three, four and more burials were also revealed. Grave equipment consisted mainly of decorative items (Ismayilov, Əliyev, 1972, p. 39–40; Abibullaev, 1982, p. 39–51; Narimanov et al, 1984; The Kura Project, 2017, p. 163–175).

The single-burial graves of Gobustan correspond to the burial customs of the

individual graves of Nakhchivan, Karabakh and Western regions of Azerbaijan. However, in the multi-burial graves in the monuments of those regions, the burials were performed unsystematically and mixed. In contrast to them, in such graves in Gobustan, many dead were buried in accordance with the customs of that time, i.e. on their sides, with their legs and arms curved inwards. While other contemporary grave monuments of the region belonged to Neolithic farming-cattle breeding societies, the graves of Gobustan belonged to the hunter-gatherer societies of Mesolithic-Neolithic periods.

3. *Rock art.* As a monument, Gobustan became famous primarily for its petroglyphs - rock carvings. More than 6.000 rock carvings on limestone rocks have been recovered here. Paintings are very random. Most of the drawings belong to the Mesolithic-Neolithic period. With some exceptions (Dashlidag), the drawings of this period were found mainly in the areas of Beyukdash and Kichikdash mountains. On the rocks that make up the inner walls of the caves, the images are more densely carved, one on top of the other. This was due to the long duration of life in the same place.

The subject of Gobustan images is diverse. Images from the Mesolithic and Neolithic periods are distinguished by their drawing style and themes. Human images are drawn mostly in big sizes, full face and profile, in outline, silhouette styles and thick lines (Fig. 2-4). Men are depicted armed with bows and arrows, sometimes in clothing that covers the waist. In rare cases, headdresses are also shown. Men's legs and women's legs, coxal and breasts are prominently drawn. Women are more abstractly depicted in a silhouetted and outlined style lined from the inside. A group of women figures whose heads, arms and legs are not shown and who lined from the inside (Fig. 3: 4) remind the clay female figurines of the Shomutepe culture of the Neolithic period in the middle Kura basin. On a rock in Kichikdash a bull is

depicted on top of a silhouette woman image (Fig. 4: 1). In Beyukdash, on the contrary, abstract woman image was engraved on the image of a bull (Fig. 4: 2). Most likely, these compositions were not accidental, but related to religious rituals. One of the main features of Mesolithic-Neolithic human drawings of Gobustan is that, as a rule, the arms are lowered, and in rare cases, they are weakly folded from the elbow. On the contrary, in the petroglyphs of the later periods, people are usually depicted with their arms raised.

The animal drawings of the period in question are mostly realistic depictions of big bulls (Fig. 5). As a rule, bulls are depicted facing right or left, singly, in pairs or in herds. Images of bulls drawn on top of each other are also found (Fig. 5: 3).

One of the specific features of Gobustan monuments is the depiction of boats (Fig. 6). I.M.Dzhafarzade attributed these described boats to the 7th-6th millennia BC (Dzhafarzade, 1973, p. 15, 148, 158). The ancient people inhabiting in Gobustan, who settled on the shores of the Caspian Sea, built boats (most likely from reeds) and went out to sea for fishing. The are more than 160 boat images in Gobustan. Sometimes there are schematic drawings indicating the people in them. Of course, sometimes the drawings of large boats, which can accommodate dozens of people, are the product of the fantasy of an ancient artist (Museibli, 2017, p. 66–67).

In terms of style, theme and chronology, rock carvings of Gobustan related to the Mesolithic and Neolithic periods, especially the images of people, bull and boats, have no analogues in the Caucasus, the Near East, and the nearby regions.

In the highlands of Dagestan, more than 20 rock images drawn with paints have been discovered. Among them, the paintings in cave (den)-type rock spaces in places called Chinna-Khitta, Chuval-Khwarab-Nokho and Kharitani-I are relatively numerous. The paintings

consist of images of people, various animals, signs and symbols. Valentina M. Kotovich, the investigator of these images, attributed them to the Mesolithic and Neolithic periods (Kotovich, 1976). However, V.I.Markovin and R.M.Munchayev did not agree with such an ancient dating, and they emphasized in particular, the lack of archaeological excavation materials for dating together with these paintings (Markovin, Munchayev, 2003, p. 148–149).

In my opinion, there is no reason to attribute the painted images of Dagestan to be older than the Late Bronze-Early Iron Age based on such factors as theme and schematic style. Accordingly, petroglyphs from the Mesolithic and Neolithic periods in the region are only in Gobustan.

The conclusion

Thus, Gobustan is a separate archaeological culture with its own, distinctive caves, grave monuments, petroglyphs, hunter-gatherer society, which is different from the farming-cattle-breeding society of other contemporary cultures, and the outlook and spiritual culture of its people, which arise from all of this. This culture covered the Mesolithic and Neolithic periods, and lasted from the 12th millennium to the beginning of the 5th millennium BC. In contrast to the Neolithic farming-cattle-breeding cultures of the South Caucasus, the livelihood of the Gobustan culture carriers of the same period was related to hunting and gathering. Unlike the farming-cattle-breeding inhabitants of the region, who settled in open areas, the inhabitants of Gobustan lived in shelters rock shelters under and around rocks. After the Neolithic, living in Gobustan ceased, and later, during the Bronze Age, settlements took place intermittently. These periods do not belong to the archaeological culture of Gobustan.

The life of the Gobustan culture bearers was closely connected with the Caspian Sea. The core of this culture is the archaeological complex of Gobustan. At the same time, it is not exception that as

a result of future investigations the geography of Gobustan culture will be determined in a wide area - in the western, southwestern and southern coastal strip of the Caspian Sea.

Annotation:

¹ Excavations of Mesolithic and Neolithic burials were conducted in Gobustan during the 1970s and 1980s. Unfortunately, detailed photographs and plans of these burials remain unpublished. The only available visual documentation consists of low-quality black-and-white photographs in the expedition reports, which were not deemed suitable for inclusion in this article.

REFERENCES

1. Abdullayev, R., Shirinli, S. 2016. Kamni Gobustana (Stones of Gobustan). In *YOL*, 6, 18–29 (in Russian).
2. Abibullaev, O. A. 1982. *Eneolit i bronza na territorii Nakhichevanskoj ASSR (Eneolite and Bronze Age on the territory of the Nakhichevan ASSR)*. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).
3. Amirkhanov, Kh. A. 2022. Neoliticheskiye mestanakhozhdeniya Uytasha v primorskom Dagestane: k geografii izdeliya tipa «trapetsiya so struganoy spinkoy» (Neolithic sites of Uytash in coastal Dagestan: on the geography of products of the type "trapezoid with a planed back"). In Zhilin, M. G. (ed.). *Mikrolity pozdnego paleolita i mezolita Vostochnoy Yevropy i Kavkaza: tipologiya, tekhnologiya, trasologiya (Microliths in the Late Paleolithic and Mesolithic of Eastern Europe and the Caucasus: typology, technology, traceology)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 8–22 (in Russian).
4. Amirkhanov, Kh. A. 2023a. Gobustanskaya neoliticheskaya kul'tura (Gobustan Neolithic Culture). In *Istoriia, arkhologiiia i etnografiia Kavkaza (History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus)* Vol. 19, No. 2, 435–459 (in Russian).
5. Amirkhanov, Kh. A. 2023b. Tri tipa industrii v kamennom veke Gobustana (Three types of industry in the Stone Age of Gobustan). In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 3, 7–22 (in Russian).
6. Dzhaferzade, I. M. 1965. Naskal'nyye izobrazheniya Kobystana (Rock paintings of Kobustan). In Vaidov, R. M. (ed.). *Arkheologicheskiye issledovaniya v Azerbaidzhane (sbornik statey) (Archaeological research in Azerbaijan (collection of articles))*. Baku: Publishing House of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR, 15–28 (in Russian).
7. Dzhaferzade, I. M. 1973. *Gobustan (Gobustan)*. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).
8. Kotovich, V. M. 1976. *Drevneyshye pisanitsy gornogo Dagestana (The oldest petroglyphs of mountainous Dagestan)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Markovin, V. I., Munchaev, R. M. 2003. *Severnyy Kavkaz. Ocherki drevney i srednevekovoy istorii i kul'tury (The North Caucasus. Essays on Ancient and Medieval History and Culture)*. Tula: "Grif i K" Publ. (in Russian).
10. Narimanov, I. G. 1966. *Drevneyshaya zemledel'cheskaya kul'tura Zakavkaz'ya (The oldest agricultural culture of Transcaucasia)*. In Rybakov, B. A. (ed.). *Doklady i soobshcheniya arkheologov SSSR (Reports and communications of archaeologists of the USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ., 121–126 (in Russian).
11. Narimanov, I. G., Azimov, M. S., Aliyev, N. G. 1985. *Otchet I otryada Mil'sko-Karabakhskoy arkheologicheskoy ekspeditsii za 1984 g. O-343. 60 s. (Report of the 1st team of the Mil-Karabakh archaeological expedition for 1984. O-343)*.
12. Rustamov, D. N., Muradova, F. M. 1978. «Kyaniza» – stoyanka kamennogo veka (Kenize" – a Stone Age site). In Akhmedov, G. M. (ed.). *Arkheologicheskiye i etnograficheskiye izyskaniya v Azerbaydzhanе (1975 g.) (Archaeological and ethnographic research in Azerbaijan (1975))*. Baku: "Elm" Publ., 5–10 (in Russian).
13. Rustamov, J. N. 1984. Mezoliticheskaya stoyanka v Gobustane (Okuzlar-2) (Mesolithic site in Gobustan (Okuzlar-2)). In Guseynov, M. M. (ed.). *Kamenny vek i eneolit v Azerbaydzhanе (Stone Age and Eneolithic in Azerbaijan)*. Baku: Azerbaijan State University Publ., 40–52 (in Russian).
14. Faradzheva, M. 2012. Neolit Gobustana (Neolithic period of Gobustan). In Ragimova, M. N. (ed.). *Rannezemledel'cheskie kul'tury Kavkaza: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Early agricultural cultures in Caucasus: Proceedings of International scientific conference)*. Baku, 62–68 (in Russian).
15. Faradzheva, M. 2021. O datirovke naskal'nykh izobrazheniy Gobustana (Azerbaydzhan) (On the dating of rock paintings of Gobustan (Azerbaijan)). In *Istoriia, arkhologiiia i etnografiia Kavkaza (History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus)* Vol. 17, No. 3, 658–683 (in Russian).
16. Ismayilzadə, Q. S., Əliyev, V. H. 1972. Baba-Dərviş qədim yaşayış yerində qəbir abidələri (Grave monuments in the ancient settlement of Baba-Dervish). In *Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyasının Xəbərləri. Tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası (News of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. History, philosophy and law series)* 2, 38–51 (in Azerbaijani).
17. Muradova, F. 2021. Qobustanda "Leylatəpə" mədəniyyəti ("Leylatepe" cult in Gobustan). In *Azərbaycan arxeologiyası (Azerbaijan archaeology)* 2, 16–36 (in Azerbaijani).

18. Müseyibli, N., Həsənov, N. 2004. Daşlıdağ petroqlifləri Dashlidagh petroglyphs. In *Azərbaycan arxeologiyası (Azerbaijan archaeology)* 1-4, 85–89 (in Azerbaijani).
19. Museibli, N. 2017. *Gobustan: researches and hypothesis*. Baku: “AFPoliqrAF” Publ.
20. Rüstəmov, C. N. 2003. *Qobustan petroqlifləri (Gobustan petroglyphs)*. Baku: “Kooperasiya (Cooperation)” (in Azerbaijani).
21. Rüstəmov, C. N., Muradova, F. M. 2008a. *Qobustan. Kiçikdaş abidələri. (Gobustan. Kickikdash monuments)*. Baku: “E.L.” (in Azerbaijani)..
22. Rüstəmov, C. N., Muradova, F. M. 2008b. Azərbaycanın mezolit düşərgələri. (Mesolithic sites of Azerbaijan). In *Azerbaijan archaeology. Stone Age*. Vol. I. Baku: “Şərq-Qərb (Sherq-Qerb)”, 142–148 (in Azerbaijani).
23. Rüstəmov, C. N., Muradova, F. M. 2008c. Azərbaycanın neolit düşərgələri. (Neolithic sites of Azerbaijan). In *Azerbaijan archaeology. Stone Age*. Vol. I. Baku: “Şərq-Qərb (Sherq-Qerb)”, 149–172 (in Azerbaijani).
24. In Helwing, B., Aliyev, T., Lyonnet, B., Guliyev, F., Hansen, S., Mirtskhulava, G. (eds.). 2017. *The Kura Project. New research on the Later Prehistory of the Southern Caucasus*. Berlin..

About the Author:

Museibli Najaf A. Doctor of Historical Sciences, professor, department head. Institute of Archaeology and Anthropology of the Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku, Republic of Azerbaijan); necef_museibli@mail.ru; museibli.najaf@gmail.com

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ И НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ГОБУСТАНА

Н.А. Мусейбли

Гобустанский археологический комплекс является одним из важнейших ресурсов для исследования древней истории Азербайджана и Кавказа в целом. Этот комплекс памятников, состоящий из стоянок, поселений и захоронений периодов мезолита, неолита и бронзы наряду с тысячами наскальных рисунков, всегда привлекал внимание археологов. Расположенные на востоке Азербайджана, на побережье Каспийского моря, памятники Гобустана раскапывались на протяжении десятилетий. В памятниках Гобустана археологи обнаружили более 6.000 петроглифов во время раскопок, которые проводились начиная с 40-х годов прошлого века в скальных навесах и курганах и других памятниках. Раскопки на таких стоянках, как «Овчуларзагасы», «Аназага», «Гаяарасы», «Гаяарасы-2», «Кяниза», «Фируз», «Фируз-2», «Окюзлер-2» и др. показали, что в этих памятниках представлены без перерыва периоды мезолита и неолита. Эта связь наблюдается как в стратиграфической последовательности, так и в технико-типологических характеристиках каменных орудий. При раскопках в «Кяниза» и «Фируз» были обнаружены одиночные и многоразовые захоронения эпохи мезолита и неолита. Уникальные петроглифы Гобустана выделяются среди петроглифов всей Евразии своей техникой исполнения, стилем и тематикой. Мезолитические и неолитические стоянки Гобустана, и обнаруженные в них захоронения, коллекции каменных орудий и петроглифов свидетельствуют о существовании особой гобустанской археологической культуры, составляющей в регионе единый комплекс.

Ключевые слова: археология, Азербайджан, Гобустан, мезолит, неолит, древние стоянки, каменные орудия, захоронения, петроглифы, археологическая культура.

Информация об авторе:

Мусейбли Наджаф Алескер оглу, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом, Институт археологии и антропологии НАН Азербайджана (г. Баку, Азербайджанская Республика); necef_museibli@mail.ru; museibli.najaf@gmail.com

Статья принята в номер 01.03.2026 г

УДК 902-903 94(574)"3/12"

<https://doi.org/10.24852/pa2026.1.55.194.210>

ПЕТРОГЛИФЫ МЕСТНОСТИ ЖОЛБАРЫСКАМАЛ (МАЛЫЙ КАРАТАУ)¹

© 2026 г. Б.А. Железняков, Е.Ш. Акымбек², В.Л. Железнякова

В статье подводятся итоги изучения петроглифов нового памятника наскального искусства Жолбарыскамал, расположенного в горах Малого Каратау. Местность, река, ущелье носят название в честь Жолбарыс-хана, второго хана Старшего жуза. Вероятно, личная тамга Жолбарыс-хана была идентифицирована в общем скоплении петроглифов. Всего здесь было задокументировано более 400 изображений. Проведен статистический анализ всех изображений ландшафта. Основное их число относится к средней бронзе, но широко представлены изображения поздней бронзы и раннего железного века. Выделяется пласт изображений, которые входят в общий круг изобразительной культуры юга степной зоны Евразии средней бронзы: адоранты, колесница, другие каноничные образы «андроновской изобразительной традиции». Обладают высокой ценностью сцены охоты и жертвоприношения, многофигурные сцены с животными: верблюдами, быками, лошадьми разных эпох. Зафиксированы изображения в «битреугольном» стиле раннего этапа эпохи бронзы. Уникальным для Каратау является изображение знамени тюркского периода. Приводится история изучения петроглифов региона, это пятый известный памятник Малого Каратау.

Ключевые слова: археология, Южный Казахстан, Малый Каратау, ущелье Жолбарыскамал, петроглифы, танба, эпоха бронзы, ранний железный век, тюркское знамя, Жолбарыс-хан.

Введение.

Хребет Каратау, протянувшийся с юго-востока на северо-запад от хребтов горной системы Северо-Западного Тянь-Шаня, состоит из трех основных хребтов: Большой Каратау (западный хребет), Малый Каратау (восточный) и хребет Боралдай (южный), расположенный между Большим и Малым Каратау. Это северо-западный отрог горной системы Тянь-Шань. Большой Каратау имеет протяженность около 420 км, Малый Каратау – 180–200 км, а хребет Боралдай – около 70 км. Этот регион, представляющий интерес для исследования благодаря своей природной красоте, благоприятным условиям климата, богатой растительности и животному миру, был заселен с самой древности. Сотрудниками Терис-Асинского археологического отряда Института археологии им. А.Х. Маргулана в 2023 г. было проведено обследование ущелья Жолбарыскамал. Местность расположена в средней части Малого Кара-

тау, на его северо-восточных склонах (рис. 1). Ущелье выделяется среди соседних постоянным водным источником, густой растительностью по берегам речки (рис. 2). В ущелье находится современная база лесничества. Местонахождение петроглифов в ущелье Жолбарыскамал было выявлено в 2009 г. Е.Ш. Акымбеком и Ч. Кудабаевым в ходе проведения полевых работ по формированию данных для «Свода памятников» Таласского района Жамбылской области (Свод, 2010, с. 126).

Исследования 2023 г. включали в себя пешую разведку местности, расположенной в средней части Малого Каратау, в том числе ущелья Жолбарыскамал, осмотр всех скал с патинированными поверхностями, полную фиксацию выявленных петроглифов и выявление границ всего комплекса археологических памятников ландшафта. Было зафиксировано основное скопление петроглифов на скальном выходе значительных размеров,

¹ Работа выполнена в рамках проекта: BR24992939 «Сырдарья и Каратау в древности и средневековье: генезис и трансформация культур».

² Автор-корреспондент данной статьи.

Рис. 1. Карта местности Жолбарыскамал, хребет Малый Каратау в разных масштабах.

Fig. 1. Zholbaryskamal site map, Kishi Karatau Ridge, in different scales.

расположенном на северном, прогреваемом берегу речки (рис. 3). В этой местности на относительно небольших по числу памятниках с петроглифами встречаются совершенно типичные образы и сцены, но также есть и в полном смысле уникальные. Сцены с охотой имеют особое значение и встречаются на всем протяжении времени создания петроглифов (Кадырбаев, Марьяшев, 1973, с. 23–25), включая современность. В изображении широко представлены верблюды, кошачьи хищники, сцены поединков и другие типичные, иногда и вполне редкие и уникальные образы, запечатленные на скалах микрорегиона. Для изучения ландшафтных памятников с петроглифами применяются неразрушительные и малозатратные методы проведения исследований, такие как визуальный осмотр широких площадей, проводится фотодокументирование отдельных изображений, плоскостей и групп и обработка полученных данных с использованием компьютерных графических программ. Это самый трудо-

емкий вид археологических разведок (Шер, 1980, с. 60).

Интерес вызывают отдельные немногочисленные петроглифы раннего железного века, его кангюйского этапа, подражания «звериному стилю». Результаты исследования добавляют ценную информацию по истории и культуре данного района.

Хребет Каратау – один из наиболее богатых регионов Казахстана и Северного Тянь-Шаня на петроглифы разных эпох. Наскальное искусство хребта демонстрирует постоянные связи его населения и значительные миграции на протяжении веков и тысячелетий. Петроглифы служат свидетельством превращения природных ландшафтов в культурные, являются отражением генезиса комплексной культуры населения, отдельных примеров посетительских выбивок, оставивших неповторимую «летопись» каждого отдельного ущелья.

Материалы. Топоним «Жолбарыскамал» в переводе с казахского – «тигровая крепость» или «крепость Жолбарыс (хана)». В Каратау до XX в. водились тигры (туранский тигр), другие кошачьи хищники. Их изображения встречаются на памятниках

Рис. 2. Общий вид нижней части ущелья Жолбарыскамал, вид на северо-восток. Скалы концентрируются в нижней части у реки.

Fig. 2. General view of the lower part of the Zholbaryskamal gorge, northeast view. Rocks are concentrated in the lower part by the river.

Рис. 3. Более десятка петроглифов на скальном выступе с «алтарной» плоскостью в центре. Жолбарыскамал.

Fig. 3. More than a dozen petroglyphs on a rock ledge with an "altar" panel in the center. Zholbaryskamal site.

Каратау, относятся к эпохе бронзы. Возможно, изображения кошачьих хищников выбивались и по другим причинам (Байпаков, Марьяшев, Байтанаев, 2007, с. 34–35) на многих других локациях региона. В ущелье Жолбарыскамал отмечено несколько изображений льва, пантеры, гепарда. При этом название местности происходит по ее принадлежности к Жолбарыс-хану, известной исторической личности. В 1723 году Жолбарыс-хан как правитель Старшего жуза был вынужден признать свою зависимость от Джунгарского ханства. В конце 1720-х гг. после ослабления джунгаров Жолбарыс-хан получил фактическую независимость. Пересеченность рельефа, заросли создавали эффект естественного убежища, своеобразной крепости. Подобный тип памятников, таких как ландшафты-убежища, еще не обоснован в типологии памятников, но его выделение, возможно, вполне назрело.

Речка Жолбарыскамал достаточно полноводная, с постоянным стоком получает питание от родников в верхней части ущелья, расположенного к востоку от плоскогорья Малого Каратау. Длина ущелья Жолбарыскамал составляет чуть более 10 км (по прямой). Абсолютные высоты его верхней и нижней частей меняются от 1130 до 730 м над у. м. Ущелье протянулось с юго-запада на северо-восток. Береговые террасы реки поросли различными видами деревьев, такими как ива, осина (эндемики), кустарники, создавая уникальную экосистему и места обитания богатой фауны.

В результате проведенных исследований выявлено более четырех сотен новых петроглифов в нижней и средней частях ущелья. Верхняя часть ущелий представляет собой непригодные места для поселений и могла применяться лишь для выпаса, охоты и др.

К истории изучения петроглифов Малого Каратау. Весьма многочисленные, значимые по художественной ценности местонахождения петроглифов хребта Каратау известны в урочищах Койбагар, Арпаозен, Майдамтал, Улкентура, Кысан, Жынгылшак, Кошкарата, Суюндиксай, Габаевка (Кадырбаев, Марьяшев, 1977). Большинство из них относится к Большому Каратау. Расположение региона на пересечении древних путей между оседлыми цивилизациями Средней Азии и областью Сарыарки, богатой ископаемыми, предопределило постоянное движение населения вдоль хребта, по его поперечным ущельям, богатым водой, дичью и минералами.

Систематическое изучение наскального искусства в Южном Казахстане началось в 1972 г. (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 8–9). Методика изучения наскального искусства (разведок, документации памятников и отдельных плоскостей) совершенствовалась в течение нескольких столетий. Была применена М.К. Кадырбаевым и А.Н. Марьяшевым на выявленных ими же памятниках хребта Каратау (Кадырбаев, Марьяшев 1977, с. 197–211). Датировка петроглифов была разработана ими же, в том числе с опорой на наработки А.Г. Максимовой по Тамгалы (Танбалы) (Рогожинский, 2011, с. 181–206), Т.Н. Сениговой по гравировкам Бабааты, в начале 1960-х гг. (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 21; Сенигова, 1962).

Первым исследователем петроглифов Аксужабаглы в середине 20-х гг. XX в. был В.А. Городцов. Им были предложены датировки петроглифов – XIX – I вв. до н. э. (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 17). Вклад в периодизацию петроглифов всего региона Центральной Азии внес Я.А. Шер (Шер, 1980, с. 170–256). В целом петроглифы Каратау значительно разнообразят типологию, символику наскального искусства Северного Тянь-Шаня. Это проявляется в близости множества образов к среднеазиатской символике земледельческой культуры, своеобразном наборе животных, в котором, в отличие от степной зоны, где «царствует» образ кошачьего, преобладает образ верблюда.

Обследованное 120 лет назад местонахождение петроглифов Боралдая находится всего в 30–40 км от ущелья Жолбарыскамал на юго-запад. Памятники юга Малого Каратау, например Актобе (Габаевка), находятся на расстоянии более 90 км на юго-восток. В 1904 году петроглифы Боралдая обследовал Петр Иванович Комаров (Байтанаев, Потапов, Грищенко, 2007, с. 12). В дальнейшем эти петроглифы изучались не раз. В 1980–1990-е гг. петроглифы региона исследовал А.С. Мирзабаев (Мирзабаев, 1986). В монографии Б.А. Байтанаева, С.А. Потапова и А.Н. Грищенко содержится наиболее полная информация по наскальным изображениям Боралдая (Байтанаев, Потапов, Грищенко 2007, с. 12).

Изучение петроглифов Малого Каратау проводится более полувека. На первом этапе изучено и опубликовано три памятника наскального искусства, ставших известными. Памятники относятся к его южной части. В начале 2000-х гг. комплексные разведки памятников археологии проводились по проекту, руководителем которого был М.Е. Елеуов (Елеуов и др., 2006). **Маймак и Габаевка** – памятники Малого Каратау, расположенные на южной оконечности хребта (Кадыр-

баев, Марьяшев, 1973; Байпаков, Марьяшев, 2013). Второй памятник также имеет названия Актобе, или Доланы-сай (Рогожинский, 2019, с. 276). Третий – **Еликсай** (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 9) – расположен в ущелье на северо-восточных склонах напротив оз. Биликколь. Однако в дальнейшем результаты его исследования не были опубликованы. З.С. Самашев сообщал о том, что в отрогах Малого Каратау (без указания местности) в 30 км к западу от г. Джамбула (Тараза) были выявлены многочисленные изображения быков, пары противостоящих хищников и козлов. Привлекает внимание рисунок оленя, рога которого трактованы в виде солнечного диска с отходящими от него волнистыми лучами (Самашев, 1983, с. 463–463). А.Н. Марьяшевым были подведены итоги изучения петроглифов Каратау в течение 1972–2010-х гг. Проведена хронологическая дифференциация изображений, их типология (Байпаков, Марьяшев, 2013). Относительно исследованным участком Малого Каратау может считаться лишь его южная часть, но и там большинство ущелий не были обследованы.

Еще один памятник наскального искусства, **Улкен Шабакты**, расположен в Малом Каратау, в 13 км северо-восточнее от Жолбарыскамала, содержит ряд уникальных петроглифов (Железняков, Акымбек, Железнякова, 2023). Всего в Улкен Шабакты было зафиксировано 358 петроглифа, изображенных на 83 плоскостях ландшафта Улкен Шабакты. По количеству изображений они делятся на следующие хронологические эпохи: бронзы – 40 изображений (11%), раннего железного века – 251 (70%), древнетюркского периода – 31 (9%), Нового времени – 18 (5%), XX век – 9 (3%), неопределенные – 10 (2%) (Железняков, Акымбек, Железнякова, 2023).

Петроглифы ущелья Жолбарыскамал. Всего на скалах, располо-

Рис. 4. Разновременные изображения животных, в том числе, двое в «битреугольном» стиле. Эпоха бронзы.

Fig. 4. Multi-temporal animal depictions, including two in the "bi-triangle" style. Bronze Age.

женных в нижней части ущелья, от места соединения трех ущелий до его устья (более 3 км в длину) было зафиксировано 408 выбивок изображений или знаков на 114 плоскостях. Основное их число сосредоточено локально в нижней части долины в устье ущелья. Здесь, в широкой и закрытой части долины, располагались поселения. В широком устье ущелья размещали скот и было возможно ведение ограниченного земледелия, как богарного, так и выведением арыков из реки выше по течению. Среди каменных фундаментов верхнего культурного горизонта на поселениях были собраны инструменты земледельцев рубежа XIX–XX вв. и переданы в Жамбылский областной историко-краеведческий музей. Под поздними слоями имеются ранние культурные слои.

Первая группа петроглифов (насчитывает более 94% от всего их числа на памятнике) имеет размеры до одного километра протяженностью, расположена растянуто вдоль реки, занимая большинство удобных и патицированных поверхностей. Ширина полосы культурного ландшафта – от нескольких выбивок на верхней границе, в каньоне реки, до 200 м в устье ущелья. Центральная локация – каменный выступ с хорошим качеством поверхностей каменных плит, сплошь с выбивками изображений. Именно на выступе и вокруг него ко-

личественно выделяются петроглифы средней бронзы; среди них верблюды, быки и лошади в геометризированных стилях «андроновской» изобразительной традиции (Новожинов, 2014). Выбивки размерами 20–27 см в длину, чаще обращены головой «направо». Фигуры адорантов, участников поединков выбиты небольших размеров локально, преимущественно на горизонтальных плоскостях, расположенных в верхней части крупного выступа. Эти плотно расположенные изображения маркируют, как мы предполагаем, сакральную часть пространства – верхнюю часть «каменного подиума», обращенную к реке. Все пригодные для выбивки изображений плоскости выступа были плотно заняты петроглифами от средней до финальной бронзы и раннего железного века.

При анализе хронологии изображений Жолбарыскамала выделяется малочисленный древний пласт петроглифов ранней бронзы, всего порядка 10–12 изображений. Петроглифы ранней бронзы в Жолбарыскамале весьма немногочисленны и относятся к его позднему этапу. Имеются два изображения животных в «битреугольном» стиле, возникновение которого, согласно Я.А. Шеру, восходит к бронзово-железной эпохе (Шер, 1980, с. 205–207) (рис. 4). Изображения в подобном изобразительном стиле были зафиксированы на широком географическом пространстве от Саймалыташа до Восточного Казахстана (Шер, 1980, с. 206–208). На памятнике имеются изображения людей, выполненных в «битреугольном» стиле. Трудно сказать, когда прекратилось его развитие, в ранней, скорее уже в средней бронзе. Изображения (в «битреугольном» стиле) в большем числе имеются на

Рис. 5. «Алтарная» плоскость со сценой жертвоприношения верблюда. Поздняя бронза. Другие изображения: охоты, животных, акинака составляют разновременный палимпсест: поздняя бронза – первые века н. э.

Fig. 5. The "Altar" panel with a camel sacrifice scene. Late bronze. Other depictions: hunting, animals, akinak (Scythian short sword) make up a multi-temporal palimpsest: Late Bronze – first centuries AD.

памятнике Актобе (Габаевка) (Байпаков, Марьяшев, 2013, с. 58–59). По комплексу параметров: манера изображения, локализация (отдельно от основных петроглифов средней бронзы), патина на выбивке – можно предложить датировку этих изображений поздним периодом ранней бронзы.

Особое внимание привлекают значительные плоскости, занятые выбивками изображений с сюжетом «небесного стада», составленного многочисленными животными, а также сценами с жертвоприношениями отдельных животных. Подобные сюжеты выбивались в позднюю бронзу. Центральная сцена этого времени была выбита на крупной «алтарной» плоскости, ровной и патинированной поверхности. Уже издавна различимо изображение грацильного верблюда, главного персонажа эпической сцены. Сам сюжет – «жертвоприношение верблюда-гиганта» (рис. 5). Сцена занимает верхний левый угол плоскости, где выделяются еще три композиции с охотой и животными, разнесенными по углам плоскости.

Небольшое по числу изображений скопление, расположенное непосредственно на правом берегу реки, напротив основного скопления, дополняет первую группу петроглифов. Наиболее ценные петроглифы правого берега были выбиты на горизонтальной, слабо патинированной плоскости размером 0,95×0,55 м, где основную часть занимает верблюд крупных размеров (37×45 см) (рис. 6). Размеры и аморфность туловища, стремление к реализму, в том числе в трактовке позы животного, деталей, указывает

на достаточно ранние датировки этого изображения (поздний этап ранней бронзы). Ниже этого крупного изображения изображена пара (мужчина и женщина) с младенцем на левой руке у первого. Правой рукой мужчина держит за повод верблюда. Сюжет можно трактовать как «жена передает младенца мужу». Вероятно, за изображением стоит некая реальная история. Сюжет может быть датирован эпохой средней бронзы, как и двое животных между людьми и верблюдом. Всего восемь изображений от ранней бронзы до раннего железного века на плоскости в этом месте дополнены еще несколькими изображениями животных гунно-сарматского века рядом. Еще три плоскости здесь заняты разновременными петроглифами, вплоть до пешего лучника раннетюркского времени.

Вторая группа петроглифов Жолбарыскамала представляет собой единственную плоскость с петроглифами. Находится на расстоянии около 1 км выше основного скопления петроглифов на слабо патинированной, крупной плоскости скал каньона. Выбиты крупные изображения животных: двугорбые верблюды, быки. Датированы поздней бронзой. *Третья группа петроглифов* зафиксирована на месте слияния трех рек в сред-

ней части ущелья. Там, над плотно задернованными слоями поселения, частично открытыми фундаментами жилищ XIX–XX вв., было выбито несколько петроглифов средней бронзы: кошачий хищник, верблюд и человек, небольшой бык с неестественно длинными рогами. Эти небольшие местонахождения второй и третьей группы могут быть отнесены к типам «у тропы» и «у поселения».

Наличие в репертуаре изображений, связанных с обрядами жертвоприношения (поздняя бронза), сценами с воздевшими к небу руками адорантами и поединками (средняя бронза), может свидетельствовать о высоком статусе этого сакрального места.

Датировка петроглифов. Среди общего числа изображений было задокументировано 171 изображение **средней бронзы** (42% от всех изображений). Изображения животных: быков (в том числе в «тамгалинской» изобразительной манере), лошадей, верблюдов (с мощным торсом и короткими ногами). Статистика анималистических изображений следу-

Рис. 6. Разновременные изображения эпохи бронзы, раннего железного века. Сцена передачи ребенка мужчине, с верблюдом.

Fig. 6. Multi-temporal depictions of the Bronze, Early Iron Ages, featuring a scene of a child being handed over to a man, with a camel.

ющая: козлов – 81, верблюдов – 28, лошадей – 18, быков – 15, пять изображений оленей, четыре льва и три пантеры, несколько хищников, возможно гепардов. Несколько изображений собак или лис. Отмечается значительное внимание к антропоморфным образам. Отмечено разнообразие в деятельности людей, прежде всего это сцены с охотой. Также выбиты сюжет с поединком двух людей (размеры двух фигур 22–23 см в высоту), человек в позе «боксера» (с большими кулаками), размеры выбивки 13×6 см (рис. 7: 1). У «боксера» (рис. 7: 2) форма головы подтреугольная, трудно сказать, из-за головного убора или прически. Фигуры участвующих в поединке выбиты в «бित्रеугольном» стиле (широкие плечи, узкие талии), вероятнее всего, выбиты на позднем этапе ранней бронзы.

Изображения и композиции с участием «адорантов» и мужчин, участвующих в поединках на топориках, выбиты на единственном камне с горизонтальной поверхностью, в верхней части каменного выступа. Среди изображений периода невозможно не отметить заметную в ландшафте вторично патинированную (до блеска) фигуру лучника, обращенного с натянутым луком влево, к огромному противостоящему льву. Неглубокая выбивка лучника заполнилась черной патиной. Сцена расположена на нижней плоскости скального выхода в устье ущелья. Размеры выбивки льва 20×14 см. У лучника (высота 12 см) явно подчеркнуты мужские половые признаки, на поясе подвешен колчан, лук простой. Лев изображен с узкой передней частью морды, пышной гривой (видимо, этим подчеркнута половая принадлежность), загнут-

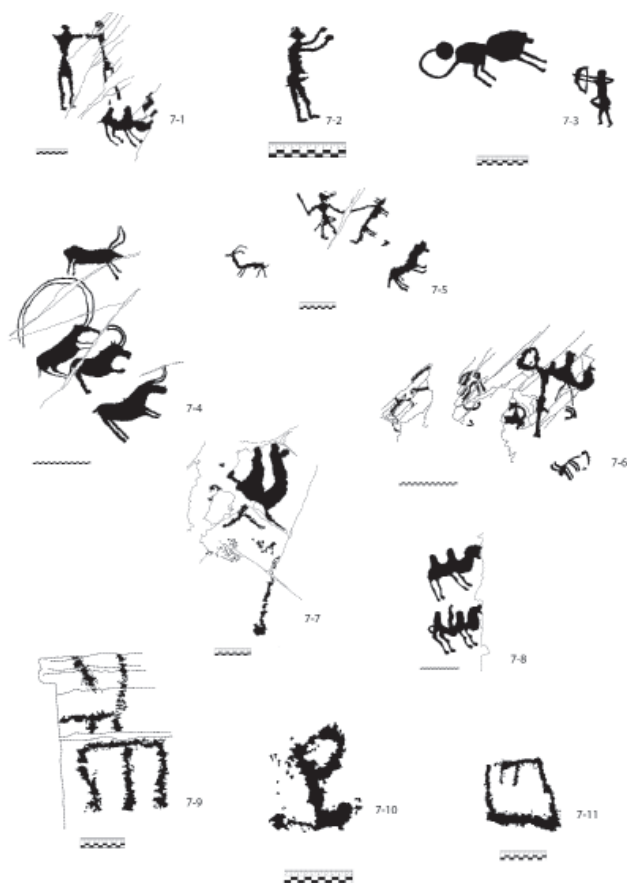

Рис. 7. 1 – сцена поединка между двумя мужчинами, двугорбый верблюд. Эпоха бронзы; 2 – мужчина в стойке (поединка). Эпоха бронзы; 3 – сцена противостояния льва и лучника. Эпоха бронзы; 4 – быки в «тамгалинском» изобразительном стиле. Средняя бронза; 5 – «охотник» с собакой на поводке, животные. Эпоха бронзы; 6 – неоконченное изображение «повозки» или «верблюда», (тягловых) животных. Эпоха бронзы; 7 – неоконченное изображение верблюда, эпоха бронзы; 8 – изображения двугорбых верблюдов, нижний – с наездником верхом. Поздняя бронза; 9 – Танба. Новое время; 10 – знак (соларный), эпохи бронзы (?); 11 – знак.

Fig. 7. 1 – the scene of a duel between two men, a two-humped camel. Bronze Age; 2 – man in a stance (of a duel). Bronze Age; 3 – a lion and archer confrontation scene. Bronze Age; 4 – bulls in the "Tamgaly" pictorial style. Middle bronze; 5 – "hunter" with a dog on a leash, animals. Bronze Age; 6 – unfinished depiction of a "cart" or a "camel", (draft) animals. Bronze Age; 7 – unfinished depiction of a camel, Bronze Age; 8 – depictions of two-humped camels, the lower one with a rider mounted. Late Bronze; 9 – tanba (the sign). Modern period; 10 – sign (solar), Bronze Age (?); 11 – sign.

тым «крючком» длинным хвостом и пышной (круглой, символизирующей солнце) кистью (рис. 7: 3). Художнику удалось передать фактуру этого огромного «царя зверей» в художественной манере общей «андроновской» традиции (Новожинов, 2014). В ней не так много львов, они представлены в «каратауском» варианте. В изо-

бражении сочетаются реализм бронзового века и значительные динамизм и мощь огромного зверя – хищника, у которого особенно проработаны грива и хвост с кисточкой, наделяющего этого льва явно соларной символикой сродни «божественности».

Весьма типичны изображения змей (отмечено четыре изображения),

часть из них передана «треугольным» меандром, другая часть реалистично – плавными изгибами. Имеются и прямые изображения – черты. В этом случае пресмыкающиеся не идентифицируются без дополнительных маркеров. Датируются эпохой средней бронзы.

На плоскости размерами 70×45 см было выбито четыре крупных быка (один над другим) сплошной силуэтной выбивкой. Все имеют различную форму и длину рогов (рис. 7: 4), выполнены в близкой к «тамгалинской» манере средней бронзы, в которой массово выбиты быки на II группе петроглифов Тамгалы. Также можно найти быкам чуть отдаленные аналогии этого же хронологического этапа в прорисовках и тексте монографии по петроглифам Каратау (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 180). К средней бронзе относится изображение человека с дубинкой в правой руке и поводком для собаки в левой руке (рис. 7: 5). Стилистика образа человека в сходной с «битреугольной» манерой выбивки, подчеркивающей тонкую талию и мощный торс охотника. Неширокие бедра в битреугольную стилистику вписывает некое орудие – нож (?), подвешенный на пояс и тем расширяющий нижнюю их часть. Подобную изобразительную трактовку героя можно увидеть и в Сауыскандыке (Самашев, Мургабаев, Елеуов, 2014, с. 9), а также во многих других памятниках этой поры, в том числе и в Тамгалы (ряженные). На плоскости выбиты также конь и козел.

Качество поверхности скал не всегда позволяло полностью воплотить задумки древних художников, на каком-то этапе произведения выбивки патинированная поверхность разрушалась. Было выявлено крупное неоконченное изображение колесницы (?) (рис. 7: 6) размерами 47×42 см. Изображение может быть сопоставлено и с верблюдом. Выбивка не была закончена. Поверхность камня отслаивается толщиной до 1 см, по-

крыта разнонаправленными трещинами. Трудно идентифицируются на поврежденной поверхности фигуры, среди которых угадываются тягловые животные, а также отдельные конструктивные части: колеса, площадка. Идентифицируется левое колесо и оглобля (?). В случае как колесницы, так и верблюда изображения датируется «андроновским временем» (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 148–164; Самашев, Мургабаев, Елеуов, 2014). К незавершенным произведениям наскальных художников, но которые также остаются в памяти, относится рисунок передней части верблюда (размерами 50×40 см) (рис. 7: 7). На плоскости отдельного камня с сильно поврежденной поверхностью были изображены изначально весьма характерные голова с длинной шеей, его высокий горб. Ниже животного аналогичной выбивкой выбито нечто, напоминающее палицу. Все это чередуется с утраченными участками поверхности. Широко представлены антропоморфные образы служителей, бойцов, охотников. В последующую эпоху преобладают массовые выбивки животных, значительно реже людей.

На одном из наклонных камней выбито шесть аккуратных лунок, до 5 см в диаметре, с заглаженными поверхностями. Просматривается их ритуальное назначение. Вопрос подробно рассматривается А.-S. Hygen. Большинство исследователей интерпретируют его как универсальный женский символ (Hygen, Bengtsson, 2000, p. 121–128).

Вопросы датировок отдельных образов, в первую очередь ранней и средней бронзы (быков, человека с различными орудиями, других животных, символики), относящихся к данному периоду, подробно рассматриваются (Hygen, Bengtsson, 2000, p. 100–146). Датировка петроглифов на памятниках хребта Каратау была рассмотрена М.К. Кадырбаевым и А.Н. Марьяшевым (Кадырбаев, Ма-

Рис. 8. Многофигурная анимистическая композиция: «стадо животных и лев». Поздняя бронза.

Fig. 8. Multi-figure animistic composition: "herd of animals and a lion." Late Bronze.

рьяшев, 1977, с. 162–183), а также З.С. Самашевым и соавторами (Самашев, Мургабаев, Елеуов, 2014, с. 231–281), термин андроновская изобразительная традиция обоснована, в частности, В.А. Новоженным (Новоженнов, 2014), сопоставлена с абсолютными датами бытования этого этапа (Новоженнов, 2014, с. 458–463). Также выделяются опорные персонажи андроновского изобразительного ряда (Новоженнов, 2014, с. 463).

К поздней бронзе отнесены 88 рисунков (22%). Около половины изображений относятся к весьма презентабельным крупным изображениям животных. Люди, как мы предполагаем, участвуют в том числе в ритуальных сценах. На этапе поздней бронзы, несмотря на значительное число ранних изображений, была необходимость в создании новой «алтарной» плоскости с близкой современному населению тематикой и стилистикой изображений. Над «шагающим» крупным и длинноногим грацильным верблюдом выбит акинак, занесенный над «жертвенным» животным. Замысел выбить акинак возник на этапе гунно-сарматского этапа раннего железного века (рис. 5). Некая неви-

димая рука занесла нож над верблюдом в верхней левой части плоскости. Изначально, на раннем этапе поздней бронзы, был изображен крупный грацильный верблюд огромных размеров (сравнительно с изображенными в сцене людьми). Трое людей держат (ведут) животное за толстые веревки, очевидно, к месту жертвоприношения. От одной из пут животному удалось высвободиться. Два других человека плотно держат животное за веревки. *Благодарим за консультацию археолога С.С. Иванова, содержание которой приводим ниже.* «У изображенного кинжала уже нет характерного для бронзовых акинаков перекрестья с разделением на два крыла. Зато показан характерный прием наклепывания железного, прямого или слабо изогнутого перекрестья на основную часть кинжала, который ковался в виде единого целого от рукояти до лезвия, но перекрестье, как правило, наклепывалось сверху». Акинак датируется гунно-сарматским временем, то есть был выбит позже самой сцены, но тем самым был «обновлен» для новых жителей местности. Динамика широко шагающего верблюда, его совершенная «грацильность»,

Рис. 9. Разновременные изображения животных.

Поздняя бронза – ранний железный век. Древнетюркское знамя.

Fig. 9. Multi-temporal animal images. Late Bronze – Early Iron Age. Ancient Turkic banner.

переданная длиной нижних конечностей, в комплексе свидетельствует о датировке выбивки поздней бронзой. В средней бронзе явно приоритет отдавался массивным изображениям здоровых особей скота. Цвет патины, а также зернистость и глубина выбивок с акинаком заметно разнятся. На плоскости имеется два не до конца выбитых изображения. Между сценой жертвоприношения и охоты на оленя выбит нож или акинак не полностью. По-видимому, он также был выбит в позднее время для понимания сцены охоты на оленя с последующим ритуалом жертвоприношения. Ближе к сцене жертвоприношения была выбита голова и шея другого верблюда. Большинство верблюдов изображено с упряжью явно уже прирученных двугорбых верблюдов, что могло быть актуальным именно в позднюю бронзу.

В правой верхней части плоскости с жертвоприношением верблюда выбита сцена охоты человека со сложносоставным луком на крупного оленя с древовидными рогами, раннего этапа железного века или финальной

бронзы. Основная часть изображений, выбитых ниже этого крупного и утонченного верблюда, относятся к поздней или финальной бронзе и переходному этапу к раннему железному веку, за исключением небольших козчиков, выбитых в ранний железный век. В двух случаях верблюды выбиты с поводом (погонщик сидит верхом) (рис. 5).

Среди изображений периода выделяется достаточно крупная, хорошо патинированная плоскость отдельного камня размерами 1,8×1,4 м, покрытая в основном однородным хронологически слоем выбивок. Плоскость расположена на отдельном крупном камне в устье ущелья (рис. 8). На плоскости изображено 28 различных животных, основу которых составляет стада из верблюдов и козлов. Также выбито два оленя в самой верхней части плоскости. Стадо изображено в движении «направо». У (неудачно изображенного) крупного льва изображен толстый хвост с мощной кисточкой. Хищник обращен налево. Среди стада можно заметить еще трех небольших львов с загнутыми вверх хвостами с кисточ-

Рис. 10. Анимистическая композиция. Эпоха поздней бронзы – ранний железный век.

Fig. 10. Animistic composition. Late Bronze Age – Early Iron Age.

тана, как предыдущего этапа. Можно отметить работу Ковалевой О.В. (Ковалева, 2011). Если в монографии М.К. Кадырбаева и А.Н. Марьяшева петроглифы поздней бронзы не выделялись, то спустя недолгое время во всех подобных исследованиях эти петроглифы выделяются (Рогожинский, 2011, с. 192–197). Датировка северо-европейских петроглифов, в том числе и этого периода, рассматривается (Hugen, Bengtsson, 2000, p. 169–184). Вопросы идентификации отдельных изображений, в частности птиц, и их датировки поздней бронзы также рассматриваются (Железняков, 2019).

К раннему железному веку отнесено 104 рисунка (25% от всех изображений). Рисунки этого периода отличаются от предшествующего прежде всего по стилистике. Наиболее интересными, относящимся к последним векам до н. э. – рубежу эр можно назвать крупные силуэтные изображения животных на двух плоскостях. Остальные рисунки относятся к чуть более позднему периоду, к так называемым массовым выбивкам первых веков н. э., в основе которых был образ Фарна и его множественное воспроизведение. Рисунков в чисто сакском «зверином» стиле не было зафиксировано. Небольшое число характерных и крупных изображений относятся к раннему кангюйскому периоду. Сделать такое заключение можно по уже упоминавшейся публикации Т.Н. Се-

ками на конце. В целом передается образ некой гармонии «небесного стада» в его «каратаусском» варианте стилистики.

На другой крупной плоскости в разное время от поздней бронзы до тюркского периода было выбито несколько животных (рис. 9), животные обращены в обе стороны. Плоскость с изображением двух верблюдов, одного над другим, выбитых в позднюю бронзу. Животным придан некий «динамизм». Размеры композиции 52×24 см (рис. 7: 8). На нижнем верблюде изображен наездник. Морды животных частично сколоты. Выбивка датируется поздней бронзой. Иконография традиции изображений этого этапа не так подробно разрабо-

Рис. 11. Изображения коня, оленя и козла (?), ранний железный век.

Fig. 11. Depictions of horse, deer and goat (?). Early Iron Age.

ниговой. Редкие изображения силуэтные, хорошо проработанные (прошлифованные) крупные выбивки животных, выполненных в условно в «зверином» стиле. Эти изображения несколько отличаются от «звериного» стиля сакского времени (Сенигова, 1962, с. 96–97).

Крупное, но крайне плохо сохранившееся изображение сцены терзания козачьим хищником козла зафиксировано на плоскости соседнего памятника Улкен Шабакты (Железняков, Акымбек, Железнякова, 2023, с. 30). Изображения сакского периода в Малом Каратау характеризуются весьма значительными размерами, отдельностью выбивок. Изображения кангюйского периода в Жолбарыскамале лишь отчасти сохраняют подобные характеристики.

Одна из крупных выбивок – изображение оленя с приданием его фигуре малодинамичной массивности животного в его «сакской» стилистике. Морда животного на мощной шее несколько задрана вверх («поза внезапной остановки»). Изображенные в профиль передняя и задняя ноги в статичной позе. Поджатый живот и мощные грудь и задняя ляжка передают особенности кангюйской манеры реминисценции «звериного» стиля. Может быть датирован последними веками до н. э. (рис. 10). Дальнейшие исследования изобразительных памятников региона позволят говорить об идентификации подобных рисунков позднесакским, юэчжийским или раннекангюйским временем более определено.

Еще одна весьма заметная издалека плоскость с одним крупным и двумя мелкими изображениями животных рубежа эр (поздняя интерпретации «звериного» стиля) расположена непосредственно в каньоне реки над нижней береговой террасой. Крупное изображение лошади выбито частично контурной выбивкой, остальные животные – козел и грациозный олень. Последний наиболее

близок к «звериному» стилю силуэтной выбивкой (рис. 11). Размеры изображения лошади 26×22 см. Все три образа животных высоко почитались на рубеже эр у последовательно сменявшихся друг друга народов и античных государственных образований от саков до кангюев. Вопросы датировки этого периода рассматривается в трудах по наскальному искусству региона (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 183–198; Самашев, Мургабаев, Елеуов, 2014, с. 231–281).

К древнетюркской эпохе может быть отнесено всего около десяти рисунков (2–3%). Выделение пласта изображений тюркского времени достаточно проблематично. Основную их часть составляют публикуемые ниже, а также непубликуемые изображения знаков и тамг, которые пока неатрибутированы. Знаки, или танба, могли быть выбиты на протяжении полутора тысячелетий начиная с VI–VII вв. Некоторые, например знак «круг с ручкой», выбитый контурной выбивкой, сопровождается выбивкой козла. Этот тип тамги может быть сопоставлен с типом 28 (Рогожинский, 2012, с. 93–95). Имеются изображения нескольких лучников с луком, охотящихся на животных, выбитые в прежние эпохи. Один из них – на трех верблюдов поздней бронзы и двух козлов раннего железного века. В целом петроглифы этого хронологического периода представлены очень бедно.

Изображения тамг (танба) или знаков занимают незначительную по численности долю, но важную по значению для идентификации территориальной принадлежности в разные периоды. Определение тамг и знаков носит пока предварительный характер, поскольку знания о конкретных изображениях накапливаются и систематизируются (Рогожинский, 2012, с. 91). Один из тамговидных знаков состоит из двух изображений, выбитых одно над другим на камне, поверхность которого разделена глу-

бокой трещиной. Знаки выбиты выше и ниже нее. Нижнее изображение «тарак-тамга», «хан-тамга», по определению А.Е. Рогожинского: «в виде готической буквы «М» без каких-либо добавлений сверху. Выше было выбито стилизованное изображение архара, которое зачастую сопровождает династийные тамги. Стилизация отражает крупные, значительно превышающие размеры животного, загнутые вниз рога, очень небольшую голову. Животное изображено строго в профиль и обращено вправо. Тамга может относиться к простейшей форме тамги казахских торе, представлявших старшую ветвь казахских джучидов (Рогожинский, 2014, с. 263). Учитывая название ущелья Жолбарысхан и однозначные предания о принадлежности местности хануджучиду Жолбарысу, можно сделать уверенное предположение о том, что эта тамга была выбита как его личный династийный знак (рис. 7: 9). Общие размеры: 23×37 см.

Другой знак напоминает «круг на ножках». Подобные знаки известны для эпохи бронзы Скандинавии. Может быть интерпретирован как солярный знак или антропоморфный стилизованный образ, несущий солярную символику. Размеры: 17×13 см (рис. 7: 10). Массовое изображение людей с солярной символикой могло спровоцировать появление подобного значка, возможно, как некоего маркера, что подобные обряды здесь совершались. Еще один пока не определенный знак, или тамга, зафиксированный в Жолбарыскамале, — геометрическая фигура «квадрат-параллелограмм с двумя перпендикулярными черточками, пересекающими верхнюю сторону фигуры» (рис. 7: 11). Размеры изображения: 16×13 см. Еще около пяти знаков, танба или неких изображений, нами не идентифицированы.

Кроме того, семь изображений XIX–XX вв. наряду с руинами более десятка жилищ и хозяйственных помещений, занимающих всю удобную

часть широкой речной террасы в долине перед его устьем, свидетельствуют о длительной жизни населения, занимавшегося комплексным хозяйством. Все знаки и тамги, а также современные выбивки или гравировки заняли пустующие плоскости

Тем самым идентифицировано и датировано 390 изображений из 408. Остальные не были определены по разным причинам: их неоконченное состояние или сильное повреждение поверхности. Поверхностей, заросших лишайником, немного. Также около 10 знаков определены предварительно или не определены.

Заключение. Проведенные на памятнике Жолбарыскамал исследования дополняют знания об отдельных памятниках Малого Каратау, о регионе в целом. Это пятый известный памятник наскального искусства региона наряду с расположенным в соседнем ущелье Улкен Шабакты (изученный теми же авторами) и тремя крупными памятниками, впервые изученными и опубликованными М.К. Кадырбаевым и А.Н. Марьяшевым (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 142–150; Байпаков, Марьяшев, 2013). Вероятно, именно локальные памятники с несколькими сотнями петроглифов составляют основную изобразительную часть культурных ландшафтов микро-региона. Большинство шедевров, как пока считается, были выбиты на таких крупных памятниках, как Актобе (Габаевка). Установление связи изображения танба в ущелье Жолбарыскамал с исторической личностью Жолбарысхана представляет значительный интерес. Как и на других памятниках Каратау, среди животных эпохи бронзы значительное внимание уделяется верблюду и льву, наряду с традиционными для андроновской изобразительной традиции образами быка и лошади.

Всего в Жолбарыскамале зафиксировано более 400 изображений на более чем 100 плоскостях. Обнаружены три весьма различные по числу

группы петроглифов: одна крупная, две локальные. Статистический анализ изображений свидетельствует о том, что основная часть изображений выбита в эпоху бронзы, начиная с раннего этапа – 2%, средний этап – 41%, поздний – 22%. К раннему железному веку относятся 25%, древнетюркскому периоду – 2–3%, к рубежу XIX–XX вв. – 2%. Среди петроглифов имеются очень интересные изображе-

ния, публикуемые здесь. Таким образом, благодаря активным миграциям и движению населения по маршрутам, известным с древности, периодам оседлой жизни местного населения изучаемая средняя часть Малого Каратау, судя по результатам изучения ущелья Жолбарыскамал, играла значительную роль в формировании традиции наскального искусства контактной зоны Тянь-Шаня и Степи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Малого Каратау и западной оконечности Киргизского Алатау. Алматы: Археологическая экспертиза, 2013. 120 с.
2. Байтанаев Б.А., Потанов С.А., Грищенко А.Н. Петроглифы Боралдая. Алматы: Кумбес, 2007. 112 с.
3. Елеуов М., Акымбек А., Қалиев С., Мургабаев С., Бақтыбаев М. Қаратаудың археологиялық ескерткіштері ғылыми жобаның аралық 2006 ж. есебі. 2006 // Архив ИА им. А.Х. Марғұлана. Фонд II. Опись 48. Дело № 2779. 155 л.
4. Железняков, Б.А. Образы птиц на скалах Жетысу: к постановке проблемы // Археология Казахстана. 2019. № 1 (3). С. 73–82.
5. Железняков Б.А., Акымбек Е.Ш., Железнякова В.Л. Петроглифы Улкен Шабакты, Малый Каратау (исследования 2022 г.) // Маргулановские чтения – 2023. Т. 2 / Отв. ред. Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА им. А.Х. Марғұлана, 2023. С. 21–33.
6. Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977. 232 с.
7. Ковалёва О.В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. 160 с.
8. Мирзабаев А.С. Петроглифы Боралдая // Археологические открытия 1986 года / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1988. С. 486–487.
9. Новоженев В.А. Андроновская изобразительная традиция в петроглифах эпохи бронзы Центральной Азии // Арии степей Евразии: Эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сб. памяти Е.Е. Кузьминой / Отв. ред. В.И. Молодин, А.В. Епимахов. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 455–468.
10. Рогожинский А.Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: Signet Print, 2011. 342 с.
11. Рогожинский А.Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана: итоги новейших исследований и перспективы дальнейшего изучения // Историко-культурное наследие и современная культура / Отв. ред. А. Байдаева, М.К. Семби, Е.Ж. Оразбек. Алматы: Service Press, 2012. С. 91–104.
12. Рогожинский А.Е. Сословно-династические знаки казахских торе // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Материалы научной конференции (Астана, 18-19 ноября 2014 г.) / Отв. ред. И.В. Ерофеева. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 262–271.
13. Рогожинский А.Е. Флаги на скалах (изображения знамен в ландшафтах с петроглифами тюркской эпохи Казахстана) // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2) / Труды САИПИ. Вып. XII / Отв. ред М.А. Дэвлет. М.; Кемерово: «Кузбассвуиздат», 2019. С. 275–289.
14. Самашев З.С. Исследование наскальных изображений в Казахстане // Археологические открытия 1982 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 463–464.
15. Самашев З., Мургабаев С., Елеуов М. Петроглифы Сауыскандыка. Астана: Филиал ИА им. А.Х. Марғұлана, 2014. 374 с.
16. Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Таласский район. Алматы: Археологическая экспертиза, 2010. 223 с.
17. Сенигова Т.Н. Наскальные изображения у поселения Актобе // Археологические исследования на северных склонах Каратау / Труды Института истории, архео-

логии и этнографии Академии наук КазССР. Т. 14 / Отв. ред. Е.И. Агеева. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962. С. 87-97.

18. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

19. Hygen A.-S., Bengsson L. Rock Carvings in the Borderlands: Bohuslän and Østfold. Savedalen: Forlag Warne bokforl, 2000. 224 p.

Информация об авторах:

Железняков Борис Анатольевич, PhD, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Республика Казахстан); boriszheleznyakov@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-5269-6407>

Акымбек Ералы Шардарбекулы, PhD, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, (г. Алматы, Республика Казахстан); eraly_a@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-0603-4514>

Железнякова Вера Леонидовна, реставратор, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, (г. Алматы, Республика Казахстан); <https://orcid.org/0000-0002-9335-7812>

PETROGLYPHS OF ZHOLBARYSKAMAL (KISHI KARATAU RIDGE)³

B.A. Zheleznyakov, E.Sh. Akymbek⁴, V.L. Zheleznyakova

The article summarizes the results of studying the petroglyphs of a newly documented rock art site at Zholbaryskamal, located in the Kishi (Small) Karatau ridge. The area, river, gorge are named in honor of Zholbarys Khan – the second khan of the Senior Zhuz (tribal union) of the Kazakhs. It is likely that the personal tamga (the sign) of Zholbarys Khan was also identified within the general cluster of petroglyphs. There are more than 400 rock engravings were documented here in total. Statistical analysis of all the depictions on the landscape was conducted. The main number of them refers to the Middle Bronze, but images of the Late Bronze Age and the Early Iron Age are widely represented. A distinct layer of imagery belongs to the broader artistic culture of the southern part of the Eurasian steppe zone during the Middle Bronze Age, including adorants, chariot, other canonical images of the "Andronovo pictorial tradition". Unique scenes of hunting and sacrifice, multi-figure scenes featuring animals such as camels, bulls, horses of different periods were also documented. "Bi-triangular" styled depictions of the Early Bronze have also been recorded. Unique find for Karatau is an image of a small banner of the Turkic period. The paper also provides a history of petroglyph research in the region, this is the fifth known Rock Art site of the Kishi Karatau.

Keywords: archaeology, South Kazakhstan, Kishi Karatau, Zholbaryskamal gorge, petroglyphs, tanba-sign, Bronze Age, Early Iron Age, Turkic banner, Zholbarys Khan.

REFERENCES

1. Baypakov, K. M., Mar'yashev, A. N. 2013. *Petroglify Malogo Karatau i zapadnoy okonechnosti Kirgizskogo Alatau (Petroglyphs of the Small Karatau and the western tip of the Kyrgyz Alatau)*. Almaty: "Arkheologicheskaya ekspertiza" Publ. (in Russian).
2. Baytanaev, B. A., Potapov, S. A., Grishchenko, A. N. 2007. *Petroglify Boraldaya (Petroglyphs of Boralday)*. Almaty: "Kumbez" Publ. (in Russian).
3. Eleuov, M., Akymbek, A., Kaliev, S., Murgabaev, S., Baktybaev, M. 2006. *Қаратаудың археологиялық ескерткіштері зылыми жобаның аралық 2006 ж. Есебі (Archaeological monuments of Karatau report of the scientific project in 2006)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Fond II. Op. 48. D. 2779 (in Kazakh).
4. Zheleznyakov, B. A. 2019. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archeology)* 3 (1), 73–82 (in Russian).
5. Zheleznyakov, B. A., Akymbek, E. Sh., Zheleznyakova, V. L. 2023. In Mamirov, T. B. (ed.). *Margulanovskie chteniya-2023. (Margulan Readings-2023)* 2. Almaty: A.Kh. Margulan Archaeology Institute, 21–33 (in Russian).
6. Kadyrbaev, M. K., Mar'yashev, A. N. 1977. *Naskal'nye izobrazheniya khrebtа Karatau (Rock engravings of the Karatau ridge)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

³ The work was carried out as a part of the project: BR24992939 "The Syr Darya and Karatau in Antiquity and the Middle Ages: Genesis and Transformation of Cultures."

⁴ The corresponding author of this article.

7. Kovaleva, O. V. 2011. *Naskal'nye risunki epokhi pozdney bronzy Minusinskoy kotloviny (Rock Art of the Late Bronze Age of the Minusinsk Basin)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

8. Mirzabaev, A. S. 1988. In Shilov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1986 goda (Archaeological discoveries 1986)*. Moscow: "Nauka" Publ., 486–487 (in Russian).

9. Novozhenov, V. A. 2014. In Molodin, V. I., Epimakhov, A. V. (eds.). *Arii stepey Evrazii: Epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriyakh: Sbornik pamyati E.E. Kuz'minoy (The Aryans in the Eurasian Steppes: the Bronze and Early Iron Ages in the Steppes of Eurasia and Contiguous Territories: Elena Kuz'mina Memorial Volume)*. Barnaul: Altai State University Publ., 455–468 (in Russian).

10. Rogozhinsky, A. E. 2011. *Petroglify arkheologicheskogo landshafta Tamgaly (Petroglyphs within the archaeological landscape of Tamgaly)*. Almaty: "Signet Print" Publ. (in Russian, English).

11. Rogozhinsky, A. E. 2012. In Baidlayeva, A., Sembi, M. K., Orazbek, E. Zh. (eds.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie i sovremennaya kul'tura (Historical and cultural heritage and modern culture)*. Almaty: "Service Press" Publ., 91–104 (in Russian).

12. Rogozhinsky, A. E. 2014. In Erofeeva, I.V. (ed.). *Problemy izucheniya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov Kazakhstana i Tsentral'noi Azii: toponimika, epigrafika, iskusstvo (Challenges Related to the Study of the Intangible Cultural Heritage of Kazakhstan and Central Asian Peoples: Toponymy, Epigraphy and Art)*. Almaty: "EVO PRESS" Publ., 262–271 (in Russian).

13. Rogozhinsky, A. E. 2019. In Devlet, M. A. (ed.). *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii rannikh form iskusstva (Iconographic and Technological Traditions in the Early Forms of Art (2))*. Series: Occasional Publications of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers. Vol. XII. Moscow, Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 275–289 (in Russian).

14. Samashev, Z. S. 1984. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1982 goda (Archaeological Discoveries 1982)*. Moscow: "Nauka" Publ., 193 (in Russian).

15. Samashev, Z., Murgabaev, S., Eleuov, M. 2014. *Petroglify Sauyskandyka (Petroglyphs of Sauyskandyk)*. Astana: The Branch of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan (in Kazakh, English, Russian).

16. 2010. *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Zhambylskoy oblasti (Code of historical and cultural monuments of Jambyl region. Talas district)*. Almaty: "Arheologicheskaya ekspertiza" Publ. (in Russian).

17. Senigova, T. N. 1962. In Ageeva, E. I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya na severnykh sklonakh Karatau (Archaeological research on the northern slopes of Karatau)*. Series: Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR) 14. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 87–97 (in Russian).

18. Sher, Ya. A. 1980. *Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii (Petroglyphs of Middle and Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

19. Hygen, A.-S., Bengsson, L. 2000. *Rock Carvings in the Borderlands: Bohuslän and Østfold*. Savedalen: ForlagWarne bokforl.

About the Authors:

Zheleznyakov Boris A. PhD. Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010; boriszheleznyakov@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-5269-6407>

Akymbek Yeraly Sh. PhD. Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010; eraly_a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0603-4514>

Zheleznyakova Vera L. Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010; jew_eller_22.06.05 <https://orcid.org/0000-0002-9335-7812>

Статья принята в номер 01.03.2026 г

КОЧЕВНИКИ ВОСТОЧНОГО ЖЕТЫСУ ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ ТАМГ-ПЕТРОГЛИФОВ¹

© 2026 г. С.А. Ярыгин, С.К. Сакенов

В статье публикуются материалы по ранее не изданным и новым тамгам, обнаруженным на территории Восточного Жетысу в 2020–2024 гг. в Жетысуской области Республики Казахстан. За период исследований выявлено сорок восемь знаков и тамг. Выделяются шесть локальных групп и два одиночных местонахождения на краях ареала. Первая группа в горах Каракуртай – пять тамг; вторая группа в урочище Таусамалы – четыре тамги; третья группа в ущелье реки Аксу – пять тамг; четвертая группа на плато Суук – двадцать семь знаков; пятая группа на северном склоне гор Кайракколь – четыре тамги; шестая группа на западном склоне гор Сарытау – четыре тамги. По одному знаку выявлено в центральном ущелье длинного северного склона гор Кызыртау и в ущелье реки Баскан. Наиболее важная коллекция тамг находит аналоги в знаках кочевников позднескифского и гунно-сарматского времен, расселявшихся или участвовавших в миграциях от Монголии до Северного Причерноморья. Основные группы с тамгами, вероятно, связаны с расположенными рядом могильниками, датируемыми от позднесакского до гунно-сарматского периода и имеющими ярко выраженные восточные черты в архитектуре насыпей и погребальном обряде: это Таусамалы, Суук 3, Баласаз, Тастыбуйен. Судя по количеству и типам тамг, составу могильников, в конце I тыс. до н. э. на территорию Жетысу проникает крупная племенная группа, сменившая местное позднесакское население и в дальнейшем принявшая участие в миграциях кочевников рубежа эр. Полученные в ходе исследования новые данные позволяют расширить имеющиеся представления о культурных и этнических процессах, протекавших в Восточном Жетысу во второй половине – последних веках I тыс. до н. э.

Ключевые слова: археология, кочевники, миграции, тамги, петроглифы, могильники, Восточный Жетысу.

Введение. В полевых сезонах с 2019 по 2024 г. на территории Аксу-ского, Сарканского, Ескелдинского районов Жетысуской области Республики Казахстан был осуществлен ряд мероприятий, включающих исследование погребальных памятников, поиск и фиксацию памятников наскального искусства. Регион проведения научных работ расположен в Восточном Жетысу, раскопки проводились в окрестностях поселка Таусамалы и на плато Суук в горах Кайракколь. Разведывательные маршруты пролегали по предгорьям и платообразным вершинам горных хребтов Кайракколь, Каракуртай, Кызыртау, Сарытау и Маркаколь, входящих в систему Жетысуского (ранее – Джунгарского) Алатау (рис. 1).

Всего за период исследований было раскопано тринадцать курганов на могильнике Таусамалы, семь из которых надежно датированы второй половиной – концом I тыс. до н. э., одна погребальная конструкция и два ритуальных ящика на могильнике Суук 3, по одному кургану на могильниках Баласаз и Тастыбуйен. Зафиксировано более 130 групп наскальных изображений, которые занимают весь южный склон плато Суук в западной части гор Кайракколь и восточные склоны гор Каракуртай в ущелье реки Аксу. Отдельные пункты с петроглифами выявлены во всех ущельях, пересекающих хребты с юга на север. Порядка десяти разных групп обнаружено на западных склонах Сарытау и в ущелье реки Тастыбуйен. Несколь-

¹ Работа выполнена по теме BR31714853 по теме «Археологическая наука Казахстана: анализ состояния, проблемы и перспективы развития».

Рис. 1. Регион исследования в Восточном Жетысу.

Fig. 1. The study region in Eastern Zhetysu.

ко небольших групп изображений отмечены в ущелье реки Баскан и горах Коньртау.

Группы с петроглифами имеют разную плотность – от пятидесяти до двухсот и более петроглифов. Некоторые идут сплошным массивом по скальным плоскостям южных склонов плато и ущелий и выделены условно. В отдельных локациях, к примеру в горах Каракунгей и на восточных склонах плато Суук, они малочисленны и расположены на расстоянии до 1 км друг от друга. Репертуар, за редким исключением, достаточно однообразен: сцены охоты или шествия животных, изображения козлов и архаров, верблюдов, быков и коров, хищников – собак, волков, кошачьих. Встречают разные антропоморфные фигуры, в том числе всадники, лучники, воины с оружием ближнего боя.

По аналогиям среди изображений в скоплениях Жетысу и Саяно-Алтая, наличие палимпсестов, манере исполнения и степени патины выделяются петроглифы бронзового века, раннего железного века и Средневековья. На фоне остальных рисунков привлекает к себе внимание серия специфических знаков, тамг, идео-

грамм и меток, которые датированы концом раннего железного века и рубежом эр (рис. 2).

Тамги и знаки распределены в исследованном регионе неравномерно. Основная группа, состоящая из 38 знаков, расположена достаточно компактно на западной оконечности хребта Кайракколь, в ущелье реки Аксу и на восточных склонах Каракунгей. Выделяется еще одна локальная группа из четырех тамг, зафиксированных на западных склонах Сарытау. По единичной тамге выявлено в западной части гор Коньртау и в ущелье реки Баскан. Выделяются пункты с несколькими тамгами: по три тамги в ряд – три случая, по две тамги – пять местонахождений.

Знаки, за исключением серии из трех трикветров на плато Суук к югу от одноименного могильника, оригинальны, однако по внешним признакам некоторые из них также можно объединить в несколько близкородственных типов. Три Г-образных знака выбиты к востоку от могильника Таусамалы. Три крестообразные тамги обнаружены в трех разных пунктах: у могильника Таусамалы, на северо-западном склоне гор Кайракколь,

Рис. 2. Тамги и знаки Восточного Жетысу.

Fig. 2. Tamgas and signs of Eastern Zhetysay.

в ущелье Аксу на правом берегу и на северо-восточной оконечности гор Каракунгей. Семь очевидных знаков, четыре из которых можно отнести к тамгам, три – к символическим изображениям повозки. Две стреловидные тамги выявлены в Коныртау и Сарытау. Две тамги, состоящие из округлых секторов, зафиксированы в горах Каракунгей и на плато Суук, а два У-образных знака – на западном и восточном краю плато Суук (рис. 3).

Обнаруженные тамги хорошо укладываются в схему традиционных конно-кочевых маршрутов скотоводов, которые, судя по наблюдениям и опросу местного населения, про-

должают использоваться и сейчас. Основные зимники находились в бассейне реки Аксу, на плато Суук в горах Кайракколь и на южных плато гор Каракунгей. Отсюда скотоводы в весенний период постепенно перемещались в горы Коныртау на западе, на Аман-Боктер между горами Кайракколь и Жельдыкарагай, в горы Сарытау. С востока к этой скотоводческой системе примыкали маршруты, выводящие пастухов с северных предгорий и приречных долин в горы Маркаколь и ущелье реки Баскан.

Основные пути для перегона скота проходили от ущелья Аксу через плато Суук на Аман-Боктер и далее через

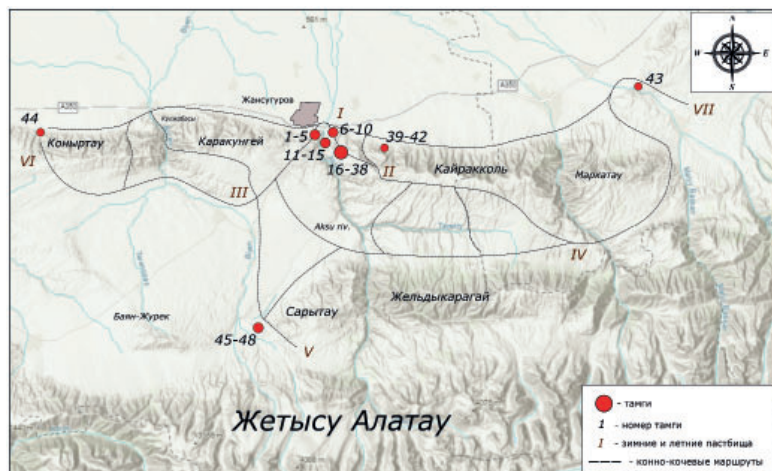

Рис. 3. Карта тамг и традиционных кочевых маршрутов региона.

Тамги: 1–5 – группа Каракунгей; 6–10 – группа Таусамалы; 11–15 – группа Аксу; 16–38 – группа Суук; 39–42 – группа Кайракколь; 43 – тамга в ущелье Баскан; 44 – тамга в Коньртау; 45–48 – группа Сарытау.

Пастбища: I – зимние в ур. Таусамалы; II – зимние, весенние и летние на плато Суук в горах Кайракколь; III – зимние на южном склоне гор Каракунгей; IV – летние в горах Аман-Боктер; V – летние между горами Сарытау и Алатау; VI – весенние и летние в горах Коньртау; VII – летние на правом берегу р. Баскан.

Fig. 3. Map of tamgas and traditional nomadic routes of the region.

перевалы в горах Каракунгей до гор Сарытау. В соответствии с этим самая крупная коллекция тамг получена на плато Суук и на восточных склонах гор Каракунгей, которые благодаря ландшафтным особенностям, в том числе множеству неглубоких ущелий с южной стороны склона и наличием водных источников, активно используются скотоводами практически круглогодично. Некоторые регионы, через которые проходили интенсивные перемещения пастухов, в том числе в древности, остались пока не исследованными, однако в будущем планируется продолжить поиски и составить полную карту памятников данного типа.

Материалы. Двадцать тамг и знаков были ранее опубликованы (Ярыгин и др., 2024, с. 186–201). В этой статье приводятся данные по двадцати восьми знакам и тамгам, прежде не обнаруженным и обнаруженным после выхода наших материалов. Часть из них выявлена в уже известных группах на вос-

точных склонах гор Каракунгей и на плато Суук, остальные обнаружены в виде новых групп или одиночных местонахождений.

В 2024 г. в результате плановой разведки, проведенной на восточной оконечности гор Каракунгей, в 2,5 км к югу от поселка Жансугуров, обнаружен новый пункт с тремя тамгами (№ 3–5). Он располагался на западной оконечности длинной гряды, вытянутой по оси запад – восток, в начале маршрута, ведущего через перевал Гасфорта от северного подножия гор в Капал-Арасанскую котловину. К востоку от пункта вдоль всей гряды выявлено пятнадцать каменно-земляных курганов раннего железного века. Тамги расположены сепаратно по отношению к другим разнообразным петроглифам, которые включают кавалькады всадников, сцены охоты, изображения в зверином стиле и сложные идеограмматические рисунки. Три знака выбиты последовательно друг за другом на горизонтальной плоскости небольшого скального вы-

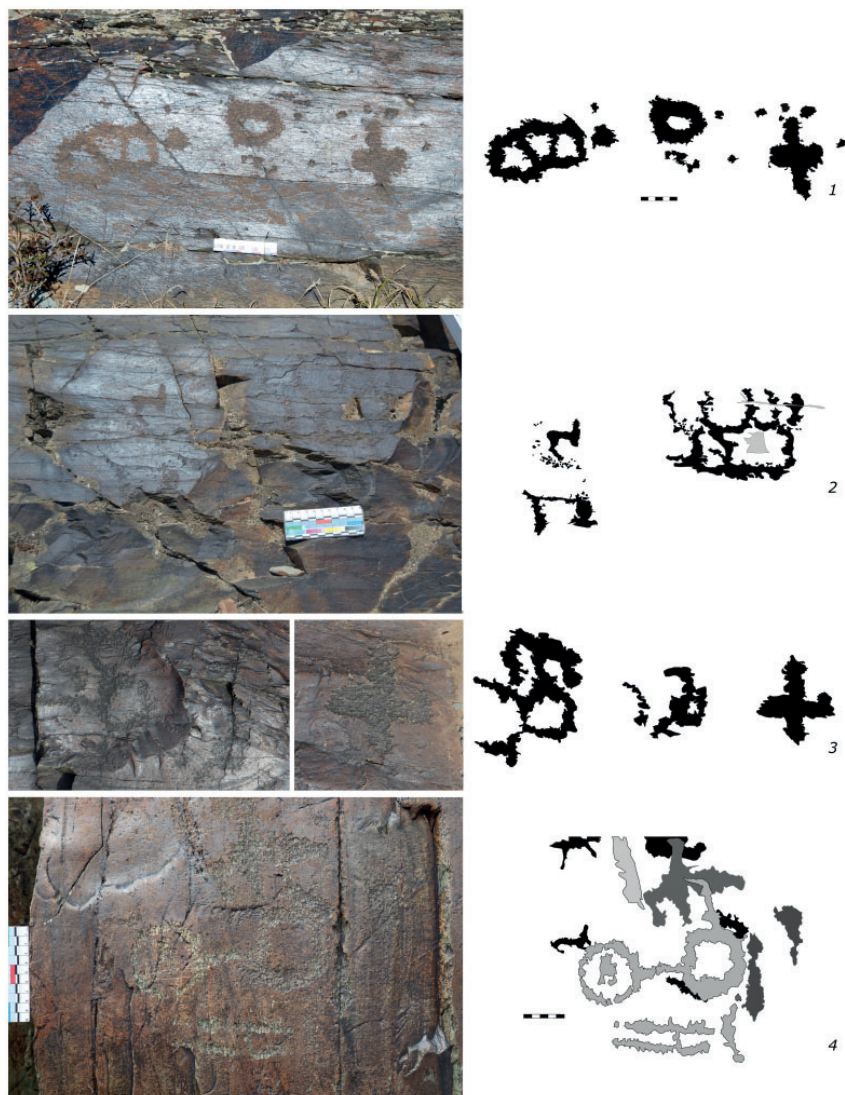

Рис. 4. Тамги в горах Каракунгей, Кайракколь и в ущелье Аксу: 1 – три тамги расположены в линию. Группа Каракунгей (№ 3, 4, 5); 2 – одиночная тамга в ущелье Карасай. Группа Таусамалы (№ 10); 3 – три тамги расположены в линию. Группа Аксу (№ 11, 13); 4 – одиночная тамга. Группа Аксу (№ 15);

Fig. 4. Tamgas in the Karakungey and Kayrakkol Mountains and in the Aksu gorge.

хода. Крайний с западной стороны знак представляет собой неправильный овал, разделенный двумя внутренними линиями на три сектора, справа к нему примыкают две выбивки – крупная круглая снизу и небольшая над ней. В центре знак в виде простого круга, справа от которого располагается точка, снизу – тонкий S-образный элемент. Третий символ

изображен в виде крестообразной тамги; ее вертикальная линия более длинная и узкая, горизонтальная значительно короче и толще. Сверху над вертикальной чертой выбиты три небольших круглых диакритических элемента, еще по одной идентичной детали высечено на равном расстоянии от краев горизонтальной линии и на одной оси с ней (рис. 4: 1).

В 2020 г. одиночный знак в виде перевернутой гребенки с пятью зубцами (№ 10) был зафиксирован в устье ущелья Карасай, на правой стороне склона, в 2,2 км к юго-востоку от поселка Жансугуров. Тамга выбита на горизонтальной плоскости крупной скалы с восточной экспозицией. При полевом наблюдении сложилось впечатление, что тамга не завершена. Достаточно четко выполнены нижняя черта и три отходящие от нее вертикальные линии. Пять верхних дугообразных линий выбиты слабо, пикетаж разряжен в нескольких местах. С левой стороны имеются два незавершенных изображения животных (рис. 4: 2).

Второй пункт с тремя тамгами (№ 11–13) выявлен в ущелье реки Аксу, на правом берегу, в 870 м к югу от плотины и в 2,3 км к юго-западу от поселка Жансугуров в 2021 г. В этой локации на окатанных валунах зафиксировано несколько отдельных групп наскальных изображений, которые включают в себя многочисленные петроглифы эпохи бронзы, лунки, циркульные знаки.

Тамги находятся на горизонтальной плоскости у подножия крупного останца, в нескольких десятках метров выше береговой линии. Три тамги выбиты по диагонали на одной плоскости последовательно друг за другом. Правый крупный знак состоит из двух основных элементов – круга с двумя длинными отростками с левой стороны и навершия в виде Т-образной фигуры. В центре находится небольшой знак в виде круга с двумя элементами: верхний – дугообразный с разворотом налево, нижний – Y-образный. Далее выбит крупный крестообразный знак, на правом горизонтальном луче которого располагается небольшой отросток, направленный вверх (рис. 4: 3).

В этой же группе на вертикальной плоскости отдельно стоящего скальника с восточной экспозицией обнаружена очковидная тамга (№ 15). В центре правого круглого элемента –

заполнение в виде аморфной выбивки. У левого элемента сверху имеется рогоподобный отросток. Ниже соединения выбит перевернутый Н-образный элемент, справа от которого помещена дугообразная выбивка. Тамга частично выбита поверх петроглифов бронзового или раннего железного века (рис. 4: 4).

Следующая серия знаков выявлена на южном склоне плато Суук в горах Кайракколь. Первые две тамги парные (№ 16, 17), обнаружены в 2022 г. Они расположены на юго-западном склоне гор Кайракколь, в 4,2 км к юго-юго-востоку от поселка Жансугуров. Выбиты на черной загоревшей поверхности скальника с южной экспозицией. Первый знак представлен очковидной фигурой, имеющей два круглых элемента одинакового размера и толстую соединительную линию. У правого элемента пять отростков, которые равномерно распределены по окружности, у левого – два длинных отростка в нижней части. С левой стороны размещен Y-образный символ. Его левый отросток верхней части разделяется на две короткие линии. Нижняя часть выполнена в виде небольшого крючка. Сверху и с левой стороны имеются две линейные выбивки (рис. 5: 1).

В 2024 г. на вертикальной плоскости крупного скальника с южной экспозицией, находящегося в 300 м юго-восточнее могильника Суук 3, выявлен знак № 24. Представляет собой разомкнутый круг, у которого сверху отходят в разные стороны два отростка. Левый, выступающий из центра фигуры, изогнутый, а правый прямой, отходит в сторону горизонтально. У основания отростков над кругом выбита круглая точка (рис. 5: 2). Материал скальника светло-коричневого цвета, со слабым солнечным загаром, поэтому на общем фоне знак трудно различим.

Знак № 25 выбит на горизонтальной плоскости узкого скальника, на дне неглубокого ущелья. Расположен

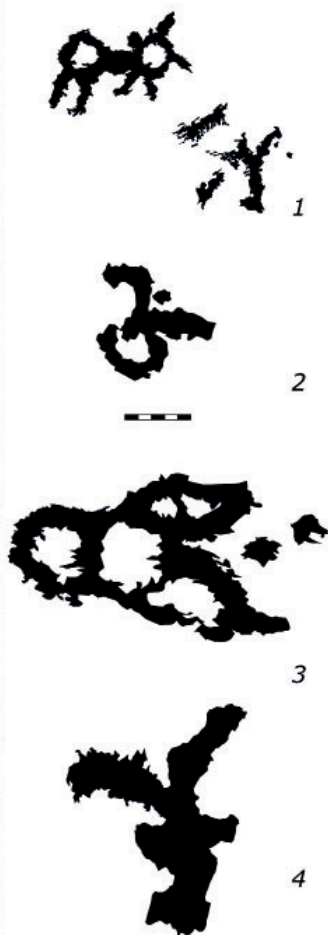

Рис. 5. Тамги в горах Кайракколъ:
1 – парные тамги. Западная часть группы Суук (№ 16, 17); 2 – одиночная тамга. Центр группы Суук 3 (№ 24); 3 – одиночная тамга в ущелье. Центр группы Суук (№ 25); 4 – одиночная тамга. Восточная часть группы Суук (№ 29).

Fig. 5. Tamgas in the Kayrakkol Mountains.

гуру, перечеркнутую по центру (рис. 5: 4).

Две тамги (№ 30, 31) выявлены в 2023 г. к северу от плато Суук, в верховьях ущелья Карасай, в 4,6 км к юго-востоку от поселка Жансугуров. Тамги входят в одну группу петроглифов, занимающих крупный уплощенный скальный останец на господствующей возвышенности. Практически все пригодные плоскости останца заняты рисунками бронзового

в 190 м к югу-западу от могильника Суук 3 и в 5,9 км к юго-востоку от поселка Жансугуров. Обнаружен в 2024 г. Является вариантом знака № 3, однако над центральной частью имеется дополнительный элемент в виде ромба, перечеркнутого внутри по диагонали. С правой стороны от него отходит вверх небольшой рогоподобный элемент, а над ним и справа от него отмечены две круглые выбивки (рис. 5: 3).

В 2023 г. на юго-восточном склоне плато Суук, в 1,2 км восточнее могильника Суук 3 и в 7,3 км юго-восточнее поселка Жансугуров, выявлена тамга № 29. Она нанесена на небольшую горизонтальную плиту, имеет крупные формы, выбивка глубокая. Представляет собой У-образную фи-

и раннего железного века. В данной группе петроглифов в сравнении с другими в Кайракколе преобладают изображения лошадей и всадников. Первая тамга выбита на северо-западном краю вершины, на широкой вертикальной плоскости с восточной экспозицией. Представляет собой незамкнутый круг с тремя диакритическими элементами. Сверху от внешней линии круга отходит треугольный элемент, три остальных – на определенном расстоянии от круга. Первый в виде ровной черты расположен по диагонали. Элемент в виде перевернутого Г-образного символа и слабо просматривающаяся выбивка размещены внизу по центру, напротив разрыва в круге (рис. 6: 1).

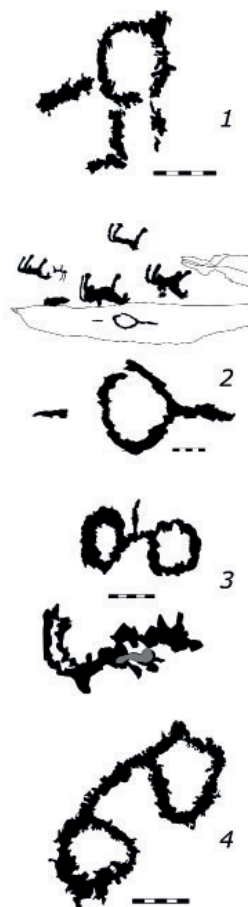
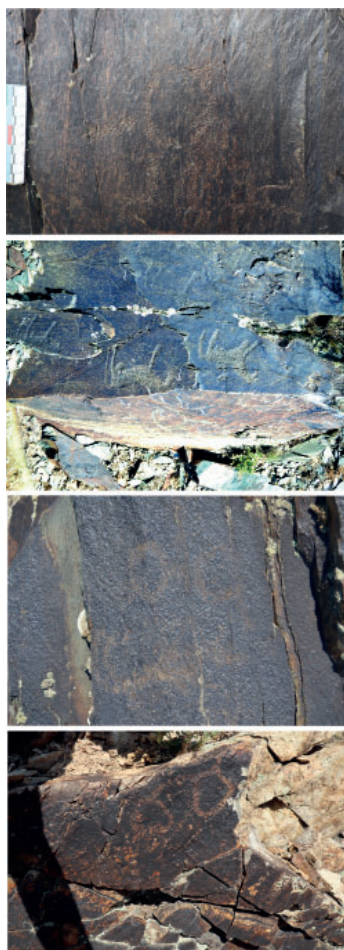

Рис. 6. Тамги в горах Кайракколь и в ущелье реки Баскан:

1, 2 – две тамги в скоплении петроглифов Карасая. Северная часть группы Суук (№ 30, 31); 3 – одиночная тамга. Восточная часть группы Суук (№ 32); 4 – одиночная тамга в ущелье Баскан (№ 43).

Fig. 6. Tamgas in the Kayrakkol Mountains and in the Baskan River gorge.

вертикальную скальную плоскость. Состоит из двух круглых элементов, соединенных тонкой короткой чертой, от центра которой вверх идет еще одна вертикальная линия. Под знаком имеется рисунок животного. Судя по всему, это фигура горного козла, показанная в стиле деформации. Изображение животного и тамга выбиты в одно время, это хорошо видно по степени патинизации и неглубокой выбивке (рис. 6: 3).

Вторая тамга значительного размера помещена на боковую грань плиты. Центральный элемент выбит в виде незамкнутого круга, от которого с правой стороны отходит линия, соединенная с ним, с левой стороны линия расположена на незначительном расстоянии. На горизонтальной плоскости имеется сцена с двумя недорисованными всадниками с двумя, вероятно, заводными конями, между которыми располагается изображение горного козла. Сверху на краю плиты находится крупная овальная выбивка (рис. 6: 2).

В том же году на восточной оконечности плато Суук, в 8,7 км к юго-востоку от поселка Жансугуров был обнаружен знак № 32. Представлен очковидной фигурой, помещенной на

Близкого типа тамга (№ 43) обнаружена в 2024 г. в ходе рекогносцировочного осмотра ущелья на правом берегу реки Баскан, в 6,5 км к юго-востоку от поселка Алмалы Сарканского района Жетысуской области. Знак находится в верхней части высокого столбообразного скального останца, на плоскости с юго-восточной экспозицией. Состоит из двух округлых элементов, однако соединительная линия расположена в верхней части, придавая всему символу вид «пенсне». Правый элемент овальной формы, имеет небольшой выступ справа (рис. 6: 4). Выбивка неглубокая, близка по манере к выбивке тамги № 32.

Отдельная группа из семи знаков выявлена в 2022 г. в центральной части южного склона плато Суук в го-

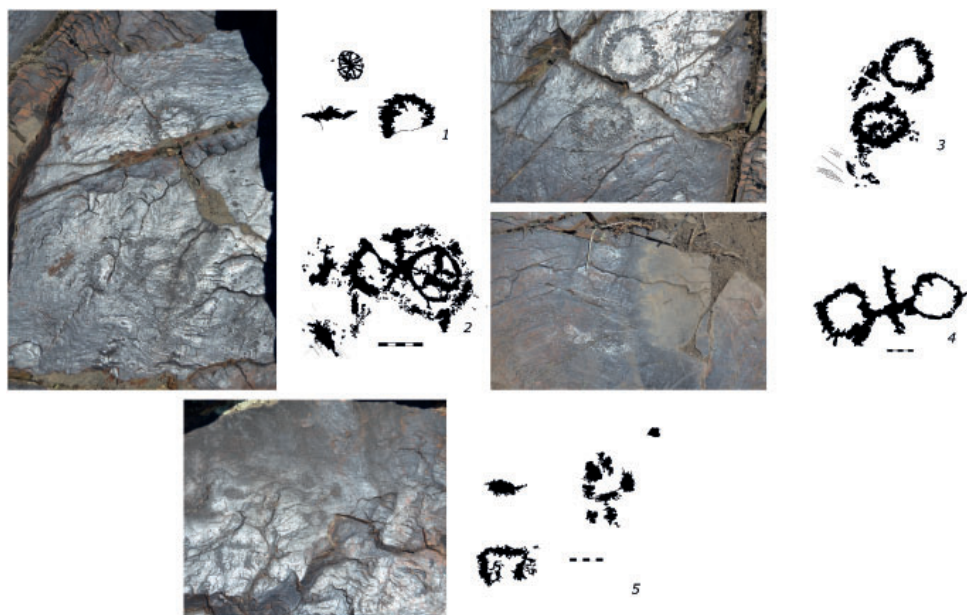

Рис. 7. Группа знаков в центральной части южного склона плато Суук:
1 – изображение колеса и знак № 33; 2 – очковидный знак № 34; 3 – очковидный знак № 35; 4 – очковидный знак № 36; 5 – знаки № 37, 38.

Fig. 7. A group of signs in the central part of the southern slope of the Suuk plateau.

рах Кайракколь, на широкой скальной плоскости с южной экспликацией. Три из них представляют разные типы очковидных знаков (№ 34–36). Один знак поврежден, но, судя по всему, представлял собой круг с длинной вертикальной чертой с левой стороны. Выше него выбито тонкими линиями изображение колеса с одиннадцатью спицами. В верхней части плиты имеется изображение двух символов – П-образной фигуры, над которой имеется овальная метка, и круга с отростком, идущим вниз, – выполненных в виде отдельных круглых и овальных выбивок (№ 37, 38) (рис. 7).

В 2024 г. были обнаружены тамги № 44 и 45, которые относятся к одному типу и представляют собой стреловидные фигуры. Нижняя часть у обоих знаков оформлена одинаково – тремя линиями, расходящимися вниз из одного центра. Первая тамга зафиксирована на правом склоне устья одного из северных ущелий центральной части гор Коныртай, в 16 км к западу от поселка Сагабуйен Аксуского района

Жетысуской области. Знак выбит на небольшой вертикальной плоскости скальника с западной экспликацией. Верхняя часть – это замкнутая петля с короткой линией внутри (рис. 8: 1). Вторая тамга обнаружена на западном склоне гор Сарытау, в 1 км к юго-востоку от поселка Баласаз Аксуского района Жетысуской области и в 200 м к востоку от одноименного могильника раннего железного века, на вертикальной плоскости плиты, являющейся частью высокого скального гребня. Верхняя половина выполнена в виде двух элементов: левый – это сильно изогнутая дуга, правый – короткая линия с небольшим утолщением на конце (рис. 8: 2). На холме в предгорьях данного хребта, в 50 м к востоку от могильника Баласаз, обнаружен знак в виде конского копыта. Он выполнен в той же манере, что и стреловидная тамга, и имеет близкую степень патины. Фигура выбита на небольшой горизонтальной плоскости так же, как и все тамги, – сепаратно по отношению к другим петроглифам

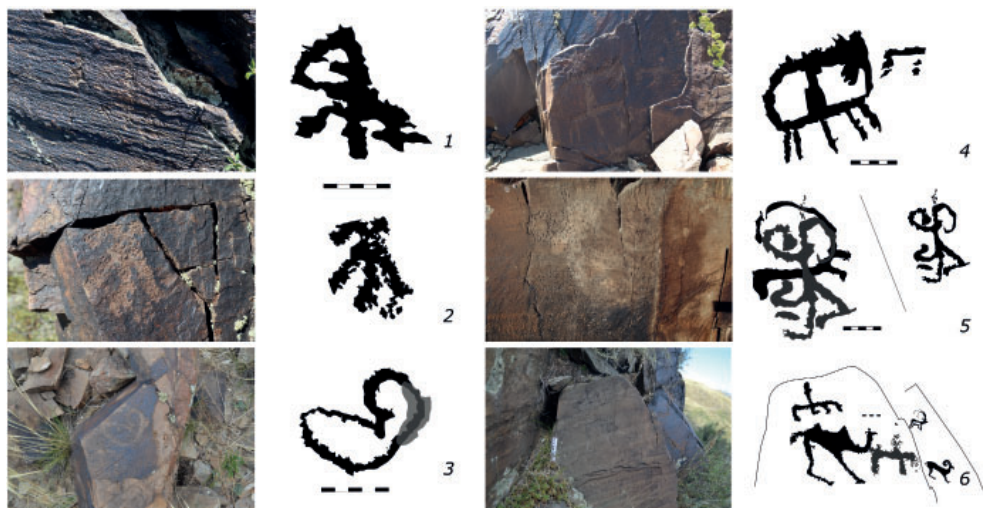

Рис. 8. Тамги в горах Коньртау и Сарытау:

1 – знак из Коньртау (№ 38); 2 – одиночная тамга к востоку от могильника Баласаз. Группа Сарытау (№ 39); 3 – знак в виде копыта. Группа Сарытау; 4 – одиночная тамга к северу от могильника Баласаз. Группа Сарытау (№ 40); 5 – тамга в устье перевала через горы Сарытау (№ 41); 6 – тамга к западу от могильника Тастыбуйен (№ 42).

Fig. 8. Tamgas in the Konyrtau and Sarytau Mountains.

и на краю скальной поверхности (рис. 8: 3).

В ходе осмотра устья ущелья с перевалом, ведущим от западного подножия гор Сарытау на высокогорные летние пастбища, в 320 м севернее могильника Баласаз выявлены тамги № 46 и 47. Первый знак выбит на горизонтальной плоскости в нижней части скальника с восточной экспликацией. Имеет два основных элемента: нижний оформлен в виде гребенки, верхний – в виде Т-образной фигуры, концы горизонтальной перекладины которой смыкаются с горизонтальной линией в центре, образуя элемент, разделенный на два сектора. Левый имеет округлые очертания, правый прямоугольный. При этом в верхнем углу выбито раструбообразное расширение, от которого вниз по диагонали отходит толстая линия с тремя зубцами на конце. Справа от знака имеется Г-образная фигура с двумя аморфными выбивками в виде точек (рис. 8: 4).

Тамга № 47 расположена на северном склоне ущелья перевала через горы Сарытау, в 600 м к востоку от поселка Баласаз, в 640 м к северо-вос-

току от одноименного могильника. Тамга выбита в центре вертикальной плиты поверх изображения горного козла или архара. Представляет собой символ, состоящий из нескольких основных элементов, в частности из центральной вертикальной оси, нижняя часть которой согнута в левую сторону. Основную линию сверху и снизу пересекают перевернутые S-образные фигуры, но с одним отличием – у нижней фигуры правая деталь согнута под углом, а под левым завитком имеется короткая горизонтальная линия (рис. 8: 5). Вместе со знаком № 15 это второй случай, когда тамга или знак перекрывает предыдущее изображение.

Знак № 48 обнаружен на скальной вершине хребта Сарытау, в 2 км к юго-востоку от поселка Баласаз, в 200 м к северу от русла реки Тастыбуйен, в 300 м к северо-западу от одноименного могильника раннего железного века. Выбит на вертикальной плоскости в композиции с фигурой верблюда и недорисованным изображением животного, стоящего перед ним. Знак и верблюд выполнены в технике мелко-

го и неглубокого пикетажа, края ровные. У верблюда хорошо видны все внешние особенности, по которым животное уверенно определяется: два горба на крупном теле, длинные ноги, длинная изогнутая шея, морда с ушами и небольшими рожами. Тамга расположена выше силуэта верблюда. Состоит из двух основных элементов: центральной вертикальной линии, нижний конец которой загнут вправо, верхней линии, имеющей круглое навершие. В нижней части его пересекает линия с тремя разными опущенными вниз отрезками.

На второй плоскости, расположенной за композицией со знаком и верблюдом, имеются два изображения архара и горного козла. Первое выполнено в стилистике, идентичной очертанию верблюда. Корпус второго животного контурный, он показан двумя отдельными элементами, поэтому его внутреннее пространство не заполнено пикетажем при сохранении визуального объема (рис. 8: 6). Тамгу по манере и технике исполнения можно сопоставить со знаками № 20 и 21 – в виде зеркала с двумя круглыми выбивками и сильно стилизованной фигурой животного.

Анализ и обсуждение. Новые тамги демонстрируют устойчивые внутренние связи в регионе, что позволяет предварительно выделить несколько связанных между собой кочевых коллективов. Первое, на что стоит обратить внимание, – это знаки, расположенные по три в линию. Очевидно, что в акциях нанесения шести знаков первой тройки (№ 3–5) и второй (№ 11–13) тройки участвовали представители шести семей или родов, при этом два из них, использовавшие крестообразные формы (№ 5, 13), были родственны не только между собой, но и с коллективом, оставившим тамгу № 9. В первой тройке участник, оставивший тамгу № 3, был выходцем из коллектива, родственного тому, который отмечился тамгой № 25. Таким образом, фиксируется группа из вось-

ми знаков. С осторожностью можно выделить группу из знаков № 15, 32–36, 43. Это разного типа очковидные изображения, некоторые из которых могли принадлежать родственным по происхождению кочевникам. Уверенно к тамгам можно отнести только знак № 15. Также не исключено, что его вариантом являются тамги № 3 и 25. Визуально близкая к очковидным изображениям тамга № 16, вероятно, представляет собой парный вариант другого типа знаков, подобного тамге № 30. Составляющий ей пару знак № 17 близок по форме тамге № 29. Стреловидные тамги № 44 и 45 принадлежат двум родственным коллективам, занимавшим летние пастбища в Кобыртау на западе и Сарытау на юге, которые входили в одну локальную скотоводческую модель с центром на зимних пастбищах в горах Каракунгей (рис. 3).

Хронология публикуемых тамг и знаков неоднозначна. Они могут быть датированы от конца I тыс. до н. э. до I тыс. н. э. Тамги № 3–5, 9, 11–13, 25, судя по внутренним связям, датируются одним периодом. Тамги № 3 и 25 встречаются редко, ближайшим знаком подобного типа можно считать рисунок, обнаруженный в долине реки Хойд Тамир (Центральная Монголия). Он имеет три одинаковых сектора, но выбит в вертикальном положении (Гантулга и др., 2015, с. 266, рис. 3.31). Тамга в виде креста с одним изогнутым вверх концом встречается среди знаков на ограде Большого Салбыкского кургана (Яценко, Рогожинский, 2021, с. 733–767, рис. 14). Идентичный знак известен по материалам археологических исследований памятников I в. до н. э. – III в. н. э. в бассейне реки Арысь (Смагулов, Яценко, 2019, с. 164, рис. 1. 8.16).

Очковидные знаки № 34–36 можно датировать ранним железным веком. Похожие зафиксированы среди петроглифов Кайши и датируются исследователями ранним железным веком (Потапов и др., 2012, с. 25–30, табл.

2.7, 8). Близкие по размеру и типу символы зафиксированы на плоском валуне святилища Мерке 9. Среди них имеется выбитый знак в виде кольца из точек, который можно сопоставить со знаком № 38 (Досымбаева, 2013, с. 222).

Аналогии знаку № 32 также имеются на реке Хойд Тамир (Гантулга и др., 2015, с. 269). Второй половиной I тыс. до н. э. – рубежом эр датируется изображенная под знаком фигура животного в стиле «экспрессивной деформации» (Коренько, 2002, с. 150–151). Изображения животных в подобной позе широко распространились в V–III вв. до н. э. вплоть до Ордоса (Ковалев, 2024, с. 242–262). Образ животного из Кайракколя маловыразителен и выполнен небрежно, что свидетельствует о его близости к петроглифам гунно-сарматского периода (Марьяшев, Железняков, 2013, с. 27–29).

Восточные аналогии демонстрирует знак № 43 типа «пенсне», похожий символ отмечен в Хатуугийн-Голе (Западная Монголия) (Бикумар, 2016, с. 26–32; рис. 17; 25–34). Тамги, подобные № 15, характерны для средневековых кочевников Алтая (Кубарев и др., 2005, с. 370; Рогожинский, Черемисин, 2019, с. 48–59).

Вероятно, их наиболее ранние формы стреловидных знаков (№ 44, 45) регистрируются в пазырыкской культуре. Стреловидные символы встретились трижды на полулунных бляхах из кургана Туэкта 1. Еще один близкий по форме знак, но с более плавными очертаниями и выступающей вверх средней линией обнаружен на накладке на лук седла из кургана Пазырык 4 (Полторацкая, 1962, с. 76–77, 79, рис. 2.1, 4.1). Близкие аналогии встречаются на территории Центральной Монголии. Среди знаков в Бикчиге, Мандале I, Ихлыке I, IV (Яценко, 2001, с. 149, 185, рис. 35.138, 140, 179, 182). На рубеже эр они обнаруживаются среди знаков Арыского региона Южного Казахстана, где претендуют

на роль общекангюйской тамги и знаков подвластных правителю владетелей (Подушкин, 2017, с. 95, рис. 18.6, 8, 13, 15).

Похожие векторы связей имеют тамги № 17 и 29. Близкие по форме Y-образные тамги выявлены в горах Кемер (хребет Каратау) (Рогожинский, Яценко, 2019, с. 142, рис. 2.2). Этим же периодом датируются их аналогии на территории Хакасии, обнаруженные среди знаков на черепице Абаканского дворца (Есин, 2022, с. 4–52, рис. 2.8). На западе у сарматских племен они встречаются на предметах конской упряжи, в энциклопедии тамг, на известняковой плите из Керченского историко-археологического музея (Драчук, 1975, с. 114, табл. III. 152, 153, 154). Продолжая сарматские аналогии, можно обнаружить некоторое сходство между тамгами № 16, 30 из Кайракколя и знаками № 1, 2, 4, 251 из святилища Байте III на Устьюрте (Яценко, 2019, с. 82, рис. 6).

В основе знаков № 11 и 24 стоят близкие формы – основание в виде круга и навершие с расходящимися в разные стороны отростками. Однако у знака № 11 они отходят от линии, образуя T- или Y-образную фигуру. Такие формы встречаются в коллекциях тамг из Цаган-Гола (Западная Монголия) и среди знаков Кангюя (Новгородова, 1984, рис. 53, 56; Смагулов, Яценко, 2019, рис. 2. III.8). Аналогии знаку № 24 встречаются среди тамг собственно хунну. Они зафиксированы в скоплениях Рашаан Хада в Монголии и в Сяньцзитане (провинция Фуцзянь, Китай) (Богданов, 2017, с. 17, рис. 3.32, 40). К этому же типу относятся кангюйские тамги – знак № 16 из святилища Бескепе в Жамбылской области Южного Казахстана и один из знаков на керамики в городище Канка (Смагулов, Яценко, 2019, с. 193, 204, рис. 2.(2), 2, 5.16).

Тамга № 47 имеет хорошие аналогии в тувинских материалах. Близкого типа знак зафиксирован на скоплении тамг на камне 133 в Мугур-Сарголе,

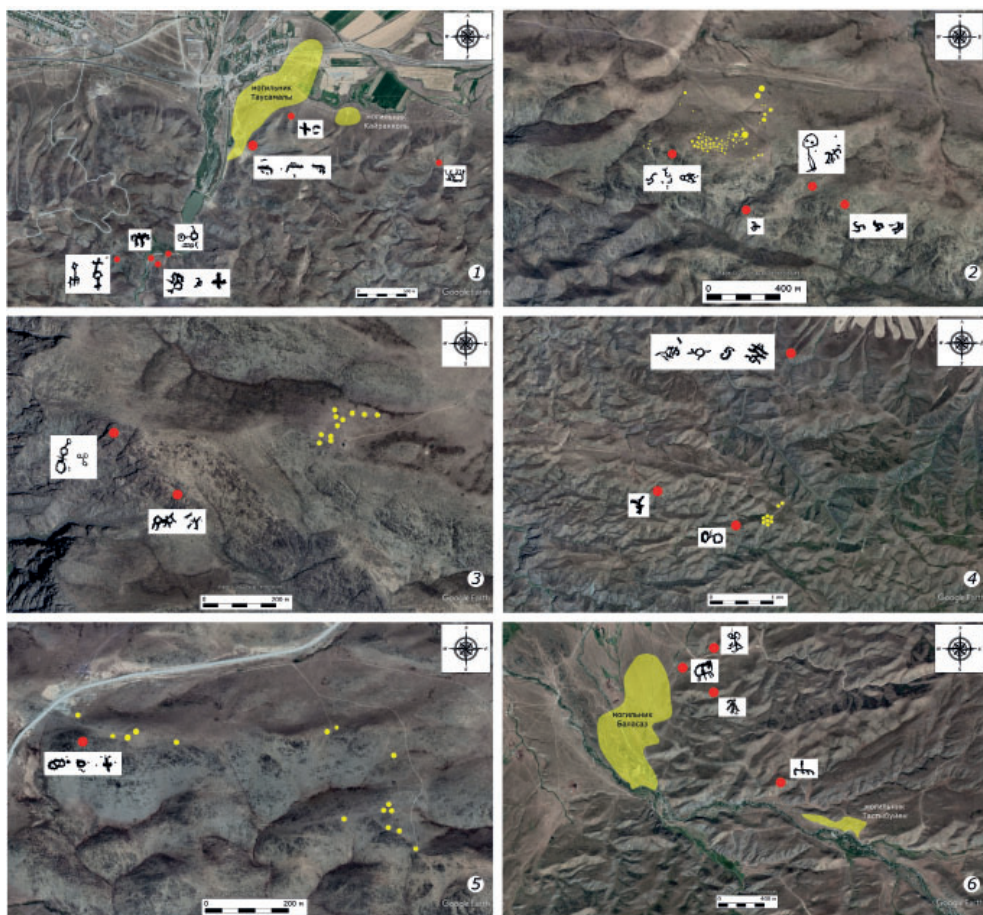

Рис. 9. Тамги и могильники в горах Кайракколь, Каракунгей и Сарытау (на основе программы Google Earth): 1 – могильники Таусамалы и могильник Кайракколь; 2 – могильник Суук 3; 3 – могильник Суук 4; 4 – могильник Суук 7; 5 – могильник Каракунгей 3; 6 – могильники Баласаз и Тастыбуйен.

Fig. 9. Tamgas and burial grounds in the Kayrakkol, Karakungey and Sarytau Mountains (based on the Google Earth program).

в Саянском каньоне на левом берегу Енисея (Рогожинский, Яценко, 2019, с. 151–152, рис. 3.1).

В Южном Казахстане аналогии для нижнего элемента, составляющего тамгу № 46, можно обнаружить в знаках посткангуйского времени. Гребенка с пятью длинными зубцами, опущенными вниз, является базовой формой некоторых тамг из некрополя Шага (III–V вв.) (Смагулов, Яценко, 2019, с. 166, 179, рис. 2. I. 1). Знак № 48 предварительно сравнивается с тамгой № 3 из Чу-Илийских гор, которую авторы соотносят со знаком на

монетах ранней Кушанской империи и аристократии бактрийских юэчжей (Рогожинский, Яценко, 2019, с. 144, рис. 2. 4а).

Для косвенного датирования тамг предпринят картографический анализ тамг и могильников, который позволяет прийти к выводу, что значительная часть знаков не только расположена на кочевых и скотоводческих маршрутах, но и связана с конкретными погребальными памятниками (рис. 9).

В 70 м к востоку от могильника Таусамалы, на склоне хребта в устье перевала, ведущего на плато Суук в

горах Кайракколь и Аман-Боктер, обнаружены тамги № 6–8. На северо-западном склоне у восточной группы курганов могильника выявлена тамга № 9 (рис. 9: 1).

На плато Суук тамги распределяются между тремя могильниками. В 90 м к югу и югу от могильника Суук 3, на южном склоне плато с курганами, установлены тамги № 22, 23, 25. Знаки № 20, 21, 24, 26–28 зафиксированы на склонах и вершинах небольших холмообразных вершин южного края плато Суук, к востоку от могильника Суук 3 (рис. 9: 2). К юго-западу от могильника Суук 5 отмечены тамги № 16–19 (рис. 9: 3). В 400 м к юго-западу от могильника Суук 6 обнаружен знак № 32 (рис. 9: 4).

Три тамги (№ 3–5) имеются на территории могильника Каракунгей 3, на восточной оконечности одноименного хребта. К востоку и северо-востоку от могильника Баласаз найдены изображения тамг № 45–47 (рис. 9: 5). Между могильником Баласаз и Тастыбуйен, в 300 м северо-западнее последнего, обнаружен знак № 48 (рис. 9: 6).

На могильниках Таусамалы, Суук 3, Баласаз и Тастыбуйен были осуществлены археологические раскопки. В результате проведенных исследований зафиксирована следующая архитектура насыпей: курганы с круглыми и квадратными оградами, дорожками на некотором расстоянии от насыпей, конструкции без насыпей в виде прямоугольных выкладок в один слой, в виде круглых широких оград и центральной каменной выкладки. Погребальный обряд достаточно разнообразен, захоронения: а) в каменных ящиках, костяки находятся в полускорченном положении, головой ориентированы на северо-восток, в сопровождении лошадей; б) в каменных ящиках, костяки лежат на спине, головой на запад; в) в широких квадратных ямах, костяки лежат в сильно скорченном положении, головой на северо-восток; г) в грун-

товых ямах, головой в направлении запада.

Одной из особенностей погребального обряда является расположение между насыпями ритуальных каменных ящиков, которые обнаружены на могильниках Таусамалы, Суук 3, Каракунгей 4, Баласаз. Раскопки двух подобных объектов на могильнике Суук 3 не выявили следов погребений. Аналогичные архитектурные детали и компоненты погребального обряда встречаются в кулажоргинской культуре (Самашев З.С., 1987, с. 95–114; Айткали А.К. и др., 2014, с. 151–160; он же и др., 2016, с. 26–33). Некоторые элементы характерны для более широкого круга культур, охватывают Алтай, Туву, Монголию (Шульга Д.П., Шульга П.И., 2017, с. 24–29). Полученные на могильнике Таусамалы радиоуглеродные даты и общая совокупность признаков позволяют датировать курганы с «восточными» чертами IV–III вв. до н. э.

Заключение

Исследования в Аксуском районе Жетысуской области позволили выявить крупную коллекцию знаков и тамг, которые датируются временем от раннего железного века до Средневековья. Знаки № 1, 2, 14, 17, 20, 22–24, 26–29, 39–42, 47 имеют хорошие аналогии среди тамг кочевников конца I тыс. до н. э. и рубежа эр от Минусинских котловин и Монголии до Южного Казахстана и Северного Причерноморья. Вероятно, к этой же группе относятся тамги № 3–9, 11–13, 16, 21, 25, 30, 44, 45, 48. Периодом от поздней Античности до Средневековья предварительно датированы тамги № 10, 15, 18, 19, 31, 32, 43, 46, 49. Знаки № 33, 34, 36–38 датируются ранним железным веком.

Новые материалы понижают хронологию традиции тамгопользования у кочевников Жетысу. Первые серии знаков появляются в регионе вслед за мигрирующими в IV–III вв. до н. э. кочевниками. Погребальный обряд и архитектура насыпей по-

зволяет связать их происхождение с теми же процессами, которые привели к формированию кулажоргинской культуры Восточного Казахстана и появлению синкретических памятников Монгольского Алтая (Иванов, 2022, с. 250–257; Шульга Д.П., Шульга П.И., 2017, с. 24–29).

Как показывает анализ тамг, объединение состояло из десятков разных родов и имело культурные и этнические контакты с населением Алтая, Минусинских котловин, Тувы, Западной и Центральной Монголии. Очевидно, что проникновение не было одноактным событием, оно оказалось растянутым во времени вплоть до из-

вестной из письменных источников миграции юэчжей и вовлеченных в их противостояние с хунну позднескифских племен Саяно-Алтая и Монголии в III–II вв. до н. э. Сложившееся объединение (судя по количеству курганов в могильниках – до 200 только в могильнике Баласаз) было крупным и довольно активно освоило бассейны рек Аксу, Тастыбуйен и прилегающие горные массивы Восточного Жетысу. В последние века I тыс. до н. э., если исходить из некоторых аналогов знакам и тамгам, какие-то группы стали участниками дальнейших миграций на запад, в Кангюй, в Азиатскую и Европейскую Сарматия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айткали А.К., Жунисханов А.С., Бесетаев Б.Б. Курганы второй половины I тысячелетия до нашей эры горного массива Семейтау // Саки и савроматы Казахских степей, контакт культур. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога Бекена Нурмуханбетова / Отв. ред. А. Онгарулы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 26–33.
2. Айткали А.К., Жунисханов А.С., Каирмагамбетов А.М., Ахметов М.Г., Рахманкулов Е.Ж. Предварительные результаты исследования могильника Каратобе в микроархеологическом районе Кокентау в 2014 году // Кадырбаевские чтения – 2014 / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Актобе: Актюбинский областной историко-краеведческий музей, 2014. С. 151–160.
3. Богданов Е.С. Происхождение тамг хунну // Нижневолжский археологический вестник. 2017. Т. 16, № 2. С. 5–32.
4. Гантулга Ж., Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Магай Ж. Хойд Тамирын хөндий дэх эртний тамга тэмдгүүд // Археологийн судлал. 2015. Т. XXXV. Fasciculus 17. С. 249–273.
5. Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев: Наукова думка, 1975. 175 с.
6. Есин Ю.Н. Дворец Сына Неба во владении Цзянькунь // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2022. № 1 (33). С. 4–52.
7. Иванов С.С. Этнокультурная ситуация на северо-восточной периферии сакской культуры Притяньшаня в IV–III вв. до н. э. // Уфимский археологический вестник. 2022. Т. 22. № 2. С. 250–257.
8. Ковалев А.А. Лоуфаньская элита Ордоса и ее связи с царствами Чжао и Цинь // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24, № 2. С. 242–262. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.015>
9. Коренько В.А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М.: Восточная литература, 2002. 327 с.
10. Кубарев В.Д., Цевендорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 640 с.
11. Марьяшев А.Н., Железняков Б.А. Древности Кулжабасы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 150 с.
12. Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.
13. Подушкин А.Н. Тамгообразные знаки из катакомб арысской культуры Южного Казахстана III в. до – IV в. н. э. // Мир Большого Алтая. 2017. 3 (4). С. 60–101.
14. Полторацкая В.Н. Знаки на предметах из курганов эпохи ранних кочевников в Горном Алтае // Памятники эпохи бронзы и раннего железа Восточной Европы, Южной Сибири и Средней Азии / Археологический сборник. Вып. 5 / Ред. М.И. Артамонов. Л.: ГЭ, 1962. С. 76–90.

15. *Потапов С.А., Железняков Б.А., Херманн Л.* Петроглифы Кайши // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2012. № 3. С. 25–30.

16. *Рогожинский А.Е., Черемисин Д.В.* Тамги кочевников тюркской эпохи на Алтае и в Семиречье (опыт сопоставления и идентификации) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. № 2 (47). С. 48–59.

17. *Рогожинский А.Е., Яценко С.А.* Знаки поздней античности в петроглифах Казахстана // Тамги доисламской Центральной Азии / Отв. ред. Р.Х. Сулейманов. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 141–158.

18. *Самашев З.С.* Памятники кулажургинского типа // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 95–114.

19. *Смагулов Е.А., Яценко С.А.* Серии знаков из оазисов Южного Казахстана // Тамги доисламской Центральной Азии / Отв. ред. Р.Х. Сулейманов. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 159–197.

20. *Шульга Д.П., Шульга П.И.* Проникновение пазырыкской культуры в Синьцзян // Вестник НГУ. Серия «История. Филология. Востоковедение». 2017. Т. 16. № 4. С. 24–29.

21. *Ярыгин С.А., Сакенов С.К., Ильдеряков Н.Н.* Тамги и петроглифы в горах Кайракколь и Каракунгей (по материалам исследований 2022–2023 годов) // Поволжская археология. 2024. № 3 (49). С. 186–201.

22. *Яценко С.А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.

23. *Яценко С.А.* Знаки ранних кочевников плато Устюрт // Тамги доисламской Центральной Азии / Отв. ред. Р.Х. Сулейманов. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 58–88.

24. *Яценко С.А., Рогожинский А.Е.* Несколько заметок о знаках-тамгах сарматов и их соседей // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2021. № 13. С. 733–767.

Информация об авторах:

Ярыгин Сергей Александрович, PhD, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Астана, Республика Казахстан); sergeyarygin80@gmail.com

Сакенов Сергазы Кайырбекович, PhD, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Астана, Республика Казахстан); sergazi_82@mail.ru

NOMADS OF EASTERN ZHETYSU BASED ON THE STUDY OF TAMGA-PETROGLYPHS

S.A. Yarygin, S.K. Sakenov

The article presents materials on twenty-one previously unpublished and newly discovered tamgas in the Eastern Zhetysu between 2020 and 2024. A total of forty-eight signs and tamgas were recorded during the study. These are distributed across six local groups and two isolated locations at the periphery of the range. The first group, in the Karakungey Mountains, comprises five tamgas; the second, in the Tausamaly natural boundary, four tamgas; the third, in the Aksu River gorge, five tamgas; the fourth, on the Suuk plateau, twenty-seven signs; the fifth, on the northern slope of the Kayrakkol Mountains, four tamgas, and the sixth, on the western slope of the Sarytau Mountains, four tamgas. Single signs were recorded in the central gorge on the long northern slope of the Konyrtau Mountains and in the Baskan River gorge. The important set of tamgas finds analogies in the signs used by nomads of the late Scythian and Hunno-Sarmatian periods, who either settled in or migrated through regions from Mongolia to the Northern Black Sea area. Main groups with tamgas were probably associated with nearby burial grounds dated from the Late Saka period to the Huns-Sarmatian period, which have clearly expressed Eastern features in the architecture of the barrows and the burial rite – Tausamaly, Suuk 3, Balasaz, Tastybuyen. Based on the quantity and types of tamgas and the composition of the burial grounds, by the end of the I millennium BC, a large tribal group had penetrated the Zhetysu region, replacing the local

The work was prepared on the topic BR31714853 "Archaeological science of Kazakhstan: analysis of the state, problems and prospects of development".

late Saka population and subsequently participating in nomadic migrations at the turn of the eras. The new data obtained during this study makes it possible expand our understanding of the cultural and ethnic processes that took place in Eastern Zhetysu during the second half – last centuries of the I millennium BC.

Keywords: archaeology, nomads, migrations, tamgas, petroglyphs, burial grounds, Eastern Zhetysu.

REFERENCES

1. Aytkali, A. K., Zhuniskhanov, A. S., Besetaev, B. B. 2016. In Ongaruly, A. (ed.). *Saki i savromaty Kazakhskikh stepey, kontakt kul'tur (The Saks and Savromats of the Kazakh steppes, contact of cultures)*. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, 26–33 (in Russian).
2. Aytkali, A. K., Zhuniskhanov, A. S., Kairmagambetov, A. M., Akhmetov, M. G., Rakhmankulov, E. Zh. 2014. In Bisembayev, A. A. (ed.). *Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Kadyrbaevskie chteniia – 2014" (Proceedings of 4th International Research Conference "Kadyrbaev Readings – 2014")*. Aktobe: Aktobe Regional Historical and Local Lore Museum, 151–160 (in Russian).
3. Bogdanov, E. S. 2017. In *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 16 (2), 5–32 (in Russian).
4. Gantulga, Zh., Yerööl-Erdene, Ch., Magay, Zh. 2015. In *Arkheologiiin sudlal (Archaeological Investigations)* XXXV, 249–273 (in Mongolian).
5. Drachuk, V. S. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya. Tamgoobraznye znaki severopontiskoy periferii antichnogo mira pervykh vekov nashey ery (Sign systems of the Northern Black Sea region. Tamga-shaped signs of the North Pontic periphery of the antique world of the first centuries AD)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
6. Esin, Yu. N. 2022. In *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya (Scientific review of Sayano-Altai)* 1(33), 4–52 (in Russian).
7. Ivanov, S. S. 2022. In *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 22 (2), 250–257 (in Russian).
8. Kovalev, A. A. 2024. In *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 24 (2), 242–262 (in Russian).
9. Korenyako, V. A. 2002. *Iskusstvo narodov Tsentral'noy Azii i zverinyy stil' (Art of the peoples of Central Asia and animal style)*. Moscow: "Vostochnaya Literatura" Publ. (in Russian).
10. Kubarev, V. D., Cevendorzh, D., Yakobson, E., 2005. *Petroglify Cagaan-Salaa i Baga-Oygura (Mongolskiy Altai) (Petroglyphs of Tsagaan-Salaa and Baga-Oygur (Mongolian Altai)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ. (in Russian).
11. Mar'yashev, A. N., Zheleznyakov, B. A. 2013. *Drevnosti Kulzhaby (Antiquities of Kulzhaby)*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
12. Novgorodova, E. A. 1984. *Mir petroglifov Mongolii (The World of Petroglyphs in Mongolia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Podushkin, A. N. 2017. In *Mir Bol'shogo Altaya (World of Great Altai)* 3 (4), 60–101 (in Russian).
14. Poltoratskaya, V. N. 1962. In Artamonov, M. I. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 5. Leningrad: State Hermitage Museum, 76–90 (in Russian).
15. Potapov, S. A., Zheleznyakov, B. A., Hermann, L. 2012. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 3, 25–30 (in Russian).
16. Rogozhinskiy, A. E., Cheremisin, D. V. 2019. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 47 (2), 48–59 (in Russian).
17. Rogozhinskiy, A. E., Yatsenko, S. A. 2019. In Suleymanov, R. Kh. (ed.). *Tamgi doislamskoy Tsentral'noy Azii (Tamgas of pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: "IICAS" Publ., 141–158 (in Russian).
18. Samashev, Z. S. 1987. In Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shul'binskoy GES (Archaeological Sites in the Flooding Area of Shul'binskaya Hydroelectric Power Station)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 95–114 (in Russian).
19. Smagulov, E. A., Yatsenko, S. A. 2019. In Suleimanov, R. Kh. (ed.). *Tamgi doislamskoy Tsentral'noy Azii (Tamgas of pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: "IICAS" Publ., 159–197 (in Russian, English).
20. Shulga, D. P., Shulga, P. I. 2017. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 16 (4), 24–29 (in Russian).
21. Yarygin, S. A., Sakenov, S. K., Ilderyakov, N. N. 2024. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 49 (3), 186–201 (in Russian).

22. Yatsenko, S. A. 2001. *Znaki-tamgi iranoiazыchnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ia (Tamga Symbols of Iranian-Speaking Ancient and Medieval People)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

23. Yatsenko, S. A. 2019. In Suleimanov, R. Kh. (ed.). *Tamgi doislamskoi Tsentral'noi Azii (Tamgas of pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: "IICAS" Publ., 58–88 (in Russian).

24. Yatsenko, S. A., Rogozhinskiy, A. E. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 733–767 (in Russian).

About the Authors:

Yarygin Sergey A. PhD. Margulan Institute of Archaeology, Abai avenue 22, Astana, Republic of Kazakhstan, sergeyyarygin80@gmail.com

Sakenov Sergazy K. PhD. Margulan Institute of Archaeology, Abai avenue 22, Astana, Republic of Kazakhstan, sergazi_82@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2026 г

EARLY IRON AGE IMAGERIES ON THE GREATER KARATAU PETROGLYPHS¹

© 2026 S.S. Murgabayev, L.D. Maldybekova

This article examines the results of research conducted by the authors on the petroglyphs of the Greater Karatau ridge. 16 objects were selected for this study. The materials characteristic of the fine arts of the Early Iron Age are published. The area of the monuments and the number of petroglyphs vary, and the chronological framework of some monuments ranges from the Neolithic period (VII–III millennia BC) to the Late Middle Ages (XIV–XVIII centuries). Among the Saka-Scythian ‘trinity’ there are motifs depicted in the ‘animal style’, which form the basis of rock arts. The development of this style is noted to have influenced the stylistic and even thematic compositions of the local Bronze Age. This perspective offers new insights into the issues on origins, chronology, and regional variations of the animal style within Saka-Scythian archaeology. Although the rock engravings of the southern and southwestern regions of Kazakhstan developed as a part of the general Saka-Scythian culture, among them the authors can distinguish depictions evolved from local traditions. This is particularly evident in the depiction of regional fauna, where scenes featuring the Bactrian camel predominate, in contrast to the deer imagery common in eastern regions. These features indicate the correctness of the scholarly view of a polycentric animal style origin in the Saka-Scythian archeology. However, at the beginning of the I millennium BC, the fine art of Altai and Zhetysu had a great influence. The article also clearly traces the chronological limits of the Saka-Scythian petroglyphs, provides examples of applied art, and suggests alternative interpretations of some types of weapons. Among them, the authors can mention the iconographic elements such as felines which are drawn in a circle, depictions of vultures and other zoomorphic figures. Study of the Greater Karatau rock arts allow the authors consider the Ulken Karatau ridge, as a region that made a certain contribution to the formation of Saka-Scythian (Scythian-Saka) art.

Keywords: archaeology, petroglyph, Early Iron Age, Karatau, Zhetysu, animal style, period, composition, continuity.

Introduction

The Karatau mountain range is a remote northwestern spur of the Tien Shan Mountain system. It belongs to low mountains with an absolute height of 269–2176 m. The maximum height is observed in the central part (mount Mynzhylky, 2176 m above sea level), the minimum is in the remote northwest (mount Daut, 269 m above sea level). The relative height is no more than 500 m. The Karatau mountain range, richly supplied with water sources, and located between two deserts, in the north Betpak-Dala and Moyunkum, in the south Kyzylkum, and this is a fairly favorable subregion of the southern outskirts of the Kazakh territory, along which the most important communication routes connecting Bactria and Margiana, Northern Iran,

Western and Central Kazakhstan and the Urals. The Karatau mountain range is sometimes called the Syrdarya Karatau, because they are located parallel (Fig. 1). Southern Kazakhstan is one of the most interesting and at the same time the least studied regions of Central Asia.

The images of the Early Iron Age can be especially noted on the rock arts of Greater Karatau. These images can be analyzed to determine chronological and zonal features in terms of style and manner, depending on their composition and taking into account the peculiarities of the composition creation. We can even say that the ‘animal style’ takes the first place among the Saka-Scythian ‘trinity’, especially in the matter of fine art. The animal style originates from the above periods and it is their direct ‘successor’.

¹ The article was prepared on the basis of the scientific project «Study of rock paintings of Karatau from the viewpoint of ancient inhabitants» (AP26103733).

Fig. 1. Karatau ridge on the map of Kazakhstan.

Рис. 1. Хребет Каратау на карте Казахстана.

However, among archaeologists there are several opposing versions of the appearance of the animal style in the art of the Saka-Scythians. One group argues that the animal style originated in Siberia, Central and Middle Asia in the VIII-VII centuries BC, and then reached the shores of the Black Sea. Supporters of the following variant claim that the formation of Scythian art was influenced by their invasion of Anterior Asia. During their invasion, they became acquainted with the images and stories inherent in the culture of the Ancient East, and adapted these images to their ideology. According to one point of view, animal style art arose as a result of the invasions of nomads from the North Caucasus and the Caucasian plain into Anterior Asia. Another polycentric point of view adheres to the idea that the ancient animal style developed independently from each other in different places and spread very quickly to vast regions as a result of a nomadic lifestyle (Sher, 1980, p. 239-249; Sher, 1998, p. 218-228; Samashev et al., 2007, p. 27, Dobrovolsky et al., 2022, p. 145–158).

In this article, we have tried to cover all parts of the Greater Karatau mountain range, which stretches for 420 km from southeast to northwest. The petroglyphs Kyzylshyn, Kyzyl ata, Mailykara, Zhyngylshyk, Karnyzyhyrk, Maidantal, located in the southern part

of central Karatau (Bessaz peak 2176 m), were considered. The images of the Karaungir and Kara-oi petroglyphs were studied, which were located on the northern slope of the central part, and the images of the Arpaozen petroglyphs were used for comparative purposes. A number of images were selected from the petroglyphs Sauyskandyk, Arystandy, Shimayly, Aktogai, Shalabai, Karasuir (in the northwestern part of the Greater Karatau mountain range) and Karamurnyn, Kosmurat (in the southeastern part of the Greater Karatau mountain range) (Fig. 2).

Methods

The dating of petroglyphs is one of the most difficult issues in archaeology. In archaeology, the dating of petroglyphs is much more complicated and contradictory than drawings in caves. In recent years, petroglyph specialists have begun to use the achievements of natural sciences for dating. However, it can be said that this issue has not yet been fully resolved and remains at the experimental level, still leaving many debatable issues (Devlet, 2002, p. 265; Francis et al., 1993, p. 711-737). In any case, since the direct periodization of petroglyphs is obtained on the surface of the petroglyphs, we manually damage the patina, a shiny scaly part formed over thousands of years, and this method will undoubtedly lead to the complete destruction of

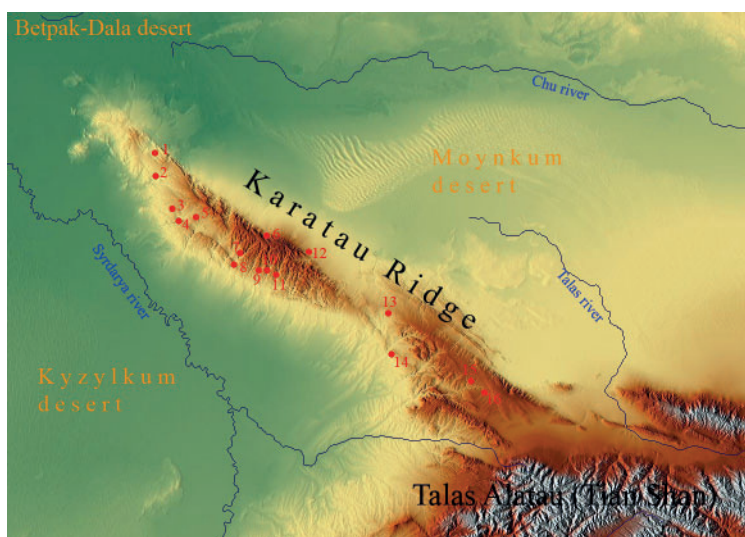

Fig. 2. Map of the location of petroglyphs of the Karatau ridge: 1 – Sauyskandyk; 2 – Shalabai; 3 – Shimayly; 4 – Karasuir; 5 – Narybai; 6 – Karakuys; 7 – Maidantal; 8 – Karnyzhyryk; 9 – Kyzylshyn; 10 – Kyzyl ata; 11 – Zhyngylshyk; 12 – Arpaozen; 13 – Kara-oi; 14 – Tanbaly tas (Terekty); 15 – Karamuryr; 16 – Kosmurat.

Рис. 2. Карта расположения петроглифов хребта Каратау: 1 – Сауыскандык; 2 – Шалабай; 3 – Шимайлы; 4 – Карасуир; 5 – Нарыбай; 6 – Каракуыс; 7 – Майдантал; 8 – Карныжырык; 9 – Кызылшын; 10 – Кызыл ата; 11 – Жынгылшык; 12 – Арпаозен; 13 – Кара-ой; 14 – Танбалы тас (Теректы); 15 – Карамурын; 16 – Космурат.

petroglyphs in the future. The main method used in our study is the method of comparative stylistic analysis. It has been clearly proven in archaeological science that each period has its own stylistic tendency in the image. In this article, among the thousands of rock arts in this region, we highlight images characteristic of the Early Iron Age and consider them separately. In rock arts, most of the images were in the style of animal. This image process is adapted to the representatives of the fauna of this region due to its own natural and climatic conditions, while maintaining its stylistic features. In particular, along with the stylistic feature of rock arts of fine art of the Saka-Scythian period, they can be compared with products that can serve as chronological indicators in applied art, such as material objects, weapons and household items identified in burials and settlements during archaeological excavations. It is important to show continuity in rock arts by highlighting the 'contribution' of the preceding periods

to the stylistic pictorial process of the Early Iron Age. Among them, one can trace the similarity of some motifs in the construction of the composition and the prerequisites for the formation of a stylistics. That is, conduct an examination, raising issues such as formation, development, and distribution area.

Discussion

The results of the study of the general area of petroglyphs show that anthropomorphic motifs predominate in the main compositions and plots of the Bronze Age, and zoomorphic images, the main part of which are animal style images, predominate in the Early Iron Age. Among Kazakh rock art researchers there is no clear opinion about the origin of the 'animal style' in Saka-Scythian archeology. For example, according to A.N. Maryashev, A.A. Goryachev, 'since the newly formed nomadic culture did not have characteristic means (trends) of depiction, they used the pictorial tendency of Middle Eastern

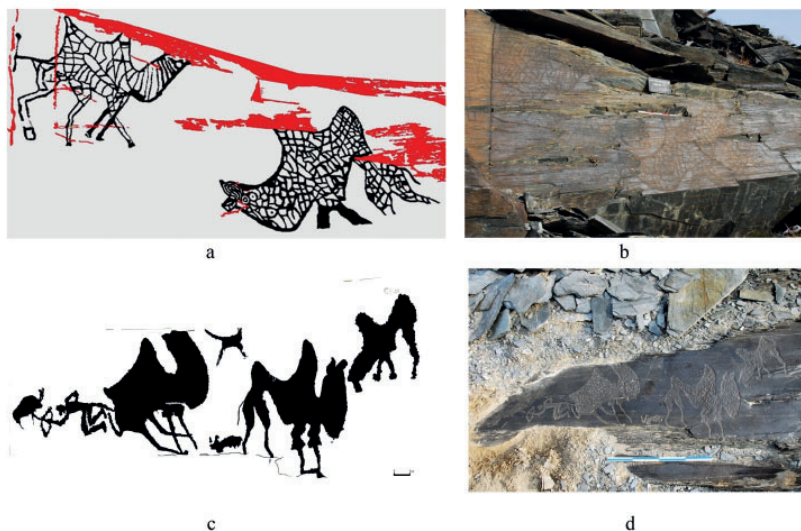

Fig. 3. Bactrian camels; a, b – Sauyskandyk. Camel mares with large body ornaments; c, d – Sauyskandyk. Costumed anthropomorphic archer and Bactrian camels.

Рис. 3. Бактрийские верблюды; а, б – Сауыскандык. Верблюды с разрисованным корпусом; с, д – Сауыскандык. Ряженный антропоморфный лучник и бактрийские верблюды.

cultures. Anthropomorphic images in previous cultures did not correspond to the system of ideas of nomadic peoples, and therefore they began to disappear. A new iconography has appeared, the leading place of which has been taken by zoomorphic images' (Maryashev and Goryachev, 1998, p. 53). It is difficult to agree with this opinion (Sher, 1980, p. 176-181). Each period has its own stylistic features, however, the image that has been formed over centuries in the consciousness of mankind cannot be immediately replaced by other images and started from a new page. In other archaeological sites of the region (settlements, burial grounds, types of economy, etc.), we see a number of changes that continue the continuity. This is also typical for fine art.

M.K. Kadyrbaev, A.N. Maryashev in their works dedicated to the rock art of the Karatau mountain range, they called the images of the early nomadic period the 'deer period' (Kadyrbaev and Maryashev, 1977, p. 183-184). The authors noted that among the rock arts characteristic of the Sakas of the Karatau mountain range, there is

often an image of a deer: '... the fact that this image replaced the image of bull tours in the Saka era and in subsequent periods and took the main place among the rock arts is due to the arrival of new residents of Mongolia and Altai' (Kadyrbaev and Maryashev, 1977, p. 187). We fully support this point of view, and among the petroglyphs of Karatau we can highlight an imaginative trend developed on the basis of eastern influence. Their periodic framework also corresponds to the beginning of the I millennium BC. Nevertheless, there is no doubt that in this region, in addition to the image of a deer from the east, the indigenous inhabitants of Karatau had the style of 'Oisyl Kara', which continuously developed, borrowing its origin from the Bronze Age. For example, the features in the images of camel with forelock of the Late Bronze Age and Early Iron Age, where the prerequisites of the animal style can be traced, can also be seen in the works of applied art of later Sauromats and Sakas in the south (Fig. 3; 4) (Kadyrbaev and Maryashev, 1977, fig. 53; Novozhenov, 2002, fig. 14). The image of Bactrian

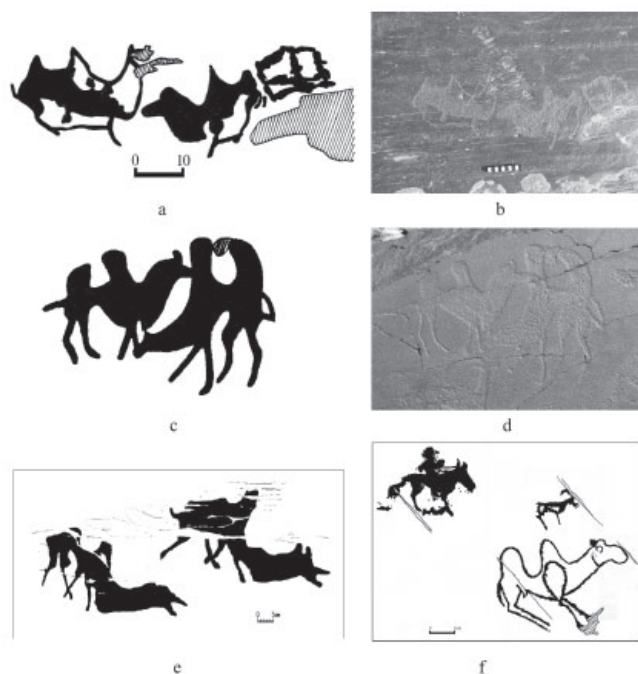

Fig. 4. Bactrian camels; a, b, f – Sauyskandyk; c, d – Arpaozen; e – Zhyngylshyk.
Рис. 4. Бактрийские верблюды; а, b, f – Сауыскандык; c, d – Арпаозен; e – Жынгылшык.

camel is especially common in the rock arts of the Greater Karatau region. An excellent example of this imagery can be seen in the Arpaozen petroglyphs. However, during the dating of this image from Arpaozen, it was compared with a product of the Sauromatian period, found in the Pyatimirsky burial ground in 1977 and attributed to this period (Kadyrbayev and Maryashev, 1977, p. 192), in publications of 2007, this image was attributed to the transition period from Bronze Age to Early Iron Age (Kadyrbayev and Maryashev, 2007, p. 70-72). V.A. Novozhenov gave an example of material alternatives to these images, discovered in recent years in Uzbekistan, Turkmenistan and Kyrgyzstan, expanding their range, and pointed out that even those products that he cited as an example belong to the early nomadic period (the beginning of the I millennium BC) (Novozhenov, 2002, p. 49-50; Dzhumabekova et al., 2014, p. 307-327, fig. 1). As a result of research in recent years, a number of

these images are being updated. Based on the collected general materials, we have established that the early versions of this image originated in the Bronze Age, and in most cases were depicted with two legs (sometimes with tied legs). Their belonging to the Bronze Age is evidenced by anthropomorphs in masks with a common scene, an ancient bull and other images. In addition, in comparison with camels 'chewing' each other in later periods, the first images were depicted somewhat monotonously. And in the works of applied art characteristic of the Saka era, we see that this image begins to be performed in a text characteristic of its period (not in a normal position, but in a chewing position). In almost all of these images, the heads of the camels on the left were drawn higher than those on the right (Fig.3; 4: a, b, c, d). This may be a reflection of the process of creating a composition from the right and left sides in the worldview of ancient peoples, which characterizes the dualistic concept (heaven and earth, life and death, woman

Table 1

AMP 14C dates of the sample from mound No. 1 of the Jetitobe burial ground

Calibrated Ages										
Lab Nr MAMS	Sample Name	14C Age [yr BP]	±	¹³ C AMS [‰]	Probability 68%	Probability 95%	C:N	C [%]	Collagen [%]	Material
53818	JETITOBE	2515	19	-9.3	cal BC 772-572	cal BC 776-547	3.2	43.8	11.4	bone

and man, etc.). In general, it has been established that applied art products and petroglyphs made in the Oysyl Kara style we are considering were widespread among the Karatau region and the centers of sedentary culture in the south and the Sauromatians in the west. This assumption is also confirmed by excavations conducted in the grave of Jetitobe on the southern slope of the Karatau, a burial site of the Early Iron Age. For more accurate dating of the monument, radiocarbon analysis (AMS ¹⁴C) was performed on bone samples in the Curz-Engelheim-Zentrum Archäometrie laboratory (laboratory code – MAMS, Mannheim, Germany) and calibrated dates were obtained, determined 772-572 BC (Table 1). The fact that its architectural features (dromos, table-bed for the buried, presence of fire on the surface of the burial chamber) coincide with archaeological sites of Uygarik and northern Tugisken near the Aral Sea, and the method of metalworking in ceramics and ornaments with the Begazy-Dandibay, Tasmola culture of Central Kazakhstan, as well as with the products of archaeological sites as Taksai and Lebedevka in the West Kazakhstan, proves our suppositions.

Among such images, we can distinguish two camels about 2 meters in size from the Sauyskandyk III group. Their bodies were decorated with intersection lines, and their heads were elaborately decorated with unique ornaments. The design and style of the intersection of these images have their own unique features (Fig. 3: a, b) (Samashev et al., 2014, p. 198-199). And a characteristic common feature for them is the location of another eye-shaped circle at the bottom of the side, along with the eye, which is usually depicted

on the head. Ya.A. Sher noted that the 'sign' depicted as a second 'additional' eye originally appeared in images of a mythical predator with a 'forked tongue' found on steles typical of the Okunev period in the Minusinsk Basin, and that in later times, in the applied art of the Scythians, although they lost their essence as eyes, this sign was preserved as an exhaustive image. This is due to the fact that, firstly, there was a genetic link between the first and subsequent images, and secondly, that the latter was much younger than the first. He clarified this conclusion by the similarity of the images of the two periods on Okunev (III-II centuries BC) images of the Minusinsk Basin and the widespread method of 'grid' on zoomorphic images of the Scythian period (Sher, 1998, p. 225). It should be noted that the grid method in zoomorphic images is often found among very ancient Bronze Age images of the Karatau region, as well as among images of the Early Iron Age. Common similarities in the image process and the shape of the image by the method of chaotic grid are found in the Bukantau petroglyphs of the inner Kyzylkum in the south (Os'kin, 1976, p. 83-89). As we can see, this composition has undergone a stylistic change, but has not undergone any change in terms of compositional creation.

The image of the Bactrain camel in Karatau represents not only a battle and we can also see the following scenes: the camels are looking in the same direction, their heads are down and their mouths are open, they show fear or shout at their opponent, they are ready to fight (Fig. 4: e). In the periodization of animal images made in the Seima-Turba text, D.G. Savinov noted that the idea of 'images of animals following each other

(walking)' is the oldest of all known compositions of the Early Scythian period (Savinov, 2000, p. 179-187). The question of the Seima-Turba pictorial process played a certain role in the emergence of the 'animal style' is being raised by some researchers. B.N. Pyatkin and E.A. Miklashevich comparing archeological findings and rock arts, identified the first emerging center of the Seima-Turba pictorial process and the directions of its spread. They noted that the oldest similar images in rock art are found in the rock art of Eastern and Central Kazakhstan. However, they indicated that the center where it first appeared is the East Kazakhstan region. The images of this region were in a more archaic form than the images of Central Kazakhstan, and were based on the findings of this region. 'In later periods, the animal style of the Sakas emerged from the Seima-Turba pictorial process in Eastern and Central Kazakhstan' they said and pointed out that 'the Andronovs had nothing to do with the formation of the art of the early nomads, because they had no tendency to figurative depiction' (Pyatkin and Miklashevich, 1990, p. 146-153). However, we do not agree with some aspects of these conclusions. It seems that it has not been fully proven that the images made in this style in Central Kazakhstan were "younger" than other similar images of the East. The statement that the Andronovs did not have a figurative process (Formozov, 1969, p. 225) was incorrect, which was scientifically proved and criticized in detail by Ya. Sher (Sher, 1980, p. 176-181). It should also be noted that the dagger line with zoomorphic images in the Seima-Turba style are rather an exception among the randomly found items in the territories other than the Seima and the Elunino I burial ground (Chernikh and Kuz'minikh, 1989, p. 120-122, fig. 66-67). In recent years, the problem of dating and typological grouping of the images of Seima-Turba style has been considered in different ways. Therefore, it is difficult

to attribute all these images to one culture, or to a certain period. Here two opposing opinions are formed: the number of images made in the Seima-Turba text on the Karatau mountain range and in Central Kazakhstan is very large and typical not only for images of horses, but also for images of camels. And in other regions this feature is not observed. However, this trend does not occur in natural products typical of the Bronze Age of these regions that we are considering. In the petroglyphs of the Urals, Southern Siberia, where daggers of the Seima-Turba process were found, and in the well-studied rock paintings of the Minusinsk Basin, the images made in this text were not found. Then is this image typical only for artifacts in the above-mentioned areas during the imaging process? Of course this is not true. It should be kept in mind that rock art is a type of material culture that cannot be transported from one place to another, unlike artifacts that can be easily transported. Therefore, the opinion of B.N. Pyatkin, E.A. Miklashevich that the Saka animal style appeared from the Seima-Turba process of Eastern and Central Kazakhstan should be considered, including the Karatau mountain range of Kazakhstan. The Karatau mountain range is one of the most widespread region of the Andronovo culture of the Bronze Age in the south of Kazakhstan (Murgabayev et al., 2016, p. 269-300). And in general, it is difficult to agree with the opinion that the Andronovs did not have a penchant for figurative depiction.

K. Akishev spoke about the 'animal style' as follows: 'Apparently, art and fashion knew no boundaries in ancient times and spread relatively quickly in breadth thanks to trade and as a result of wars', '... and the establishment of the primary homeland of the art of the 'animal style' and the secondary homeland of its existence or convergent emergence in several regions is the problem of the entire Scythian-Saka archeology' (Akishev, 1973, p. 45).

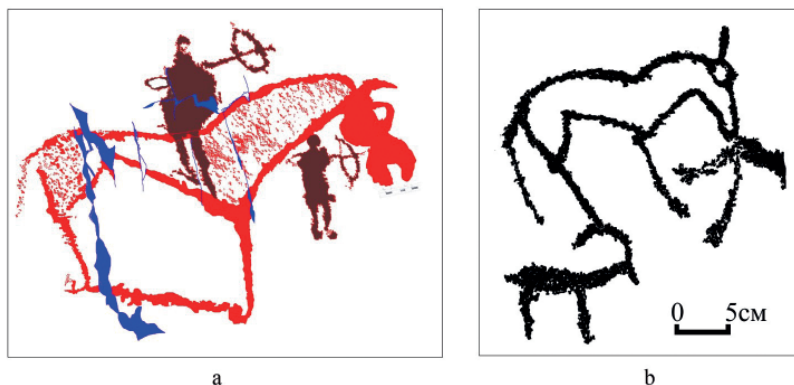

Fig. 5. a – Karasuir. Archers and horse image. Palimpsest; b – Sauyskandyk. Depiction of a horse (?) and a mountain goat. Palimpsest.

Рис. 5. а – Карасуйр. Лучники и изображение лошади. Палимпсест; б – Сауыскандык. Изображение лошади и горного козла. Палимпсест.

In the area of the Greater Karatau mountain range and adjacent territories, the presence of a visual process can be clearly traced, which was formed on the basis of the visual process of the Bronze Age and contributed to the formation of the 'animal style' in the Saka art of the late period. Our conclusion seems to be confirmed by the following predictions by K. Akishev: 'according to modern ancient cultures, Zhetysu and the Aral Sea region are the only areas of the Saka world that have well preserved archaic features characteristic of the Bronze Age in their material culture' (Akishev, 1973, p. 58). Nevertheless, starting from the first quarter of the I millennium BC, the components of the eastern fine art begin to be clearly traced. This influence has brought to this region not only characteristic images, but also a new image model. For example, it can be seen in the image of a contoured camel of the Sauyskandyk I (Fig. 4: f) group and it differs from the local image style – it is made in the style of Eastern, Arzhan or Maymer. However, in the eastern images typical of this period, it is difficult to find images of camels in this style. Looking at such images, we can see that the sample of the oriental image, in addition to images of camels, is adapted to the image of other representatives of the local fauna – horses (Fig. 5: a, b),

mountain goats (Fig. 7: g). However, the images of camels, made in the local visual style, clearly showed signs of an animal style. From this period, the number of variants made by the schematic method begin to increase in the petroglyphs of the Karatau mountain range.

As mentioned above, the reasons why M.K. Kadyrbayev and A.N. Maryashev called this period the 'deer period' are due to the fact that the images of deer in Karatau occupy a special place among the rock arts of the region (Kadyrbayev and Maryashev, 1977, p. 283-284). The question of fine art before the Early Iron Age, as well as the discovery of common cultural, political, and other influences or connections, directions of their advancement, still remains controversial among scientists, and since this period, especially at its early stage, also the I millennium BC, does not cause much controversy among archaeologists the fact that in the first quarter in the Kazakh region, including Zhetysu and South Kazakhstan, there was a high eastern influence. Based on this fact, we can conclude that the result of this impact was the widespread distribution of deer, characteristic of the east, in the rock arts of the Karatau mountain range. The main indicator of these images can be called images made in the style of 'bughytas' ('Deer stones') (Fig. 6). The bulk of the deer stones were

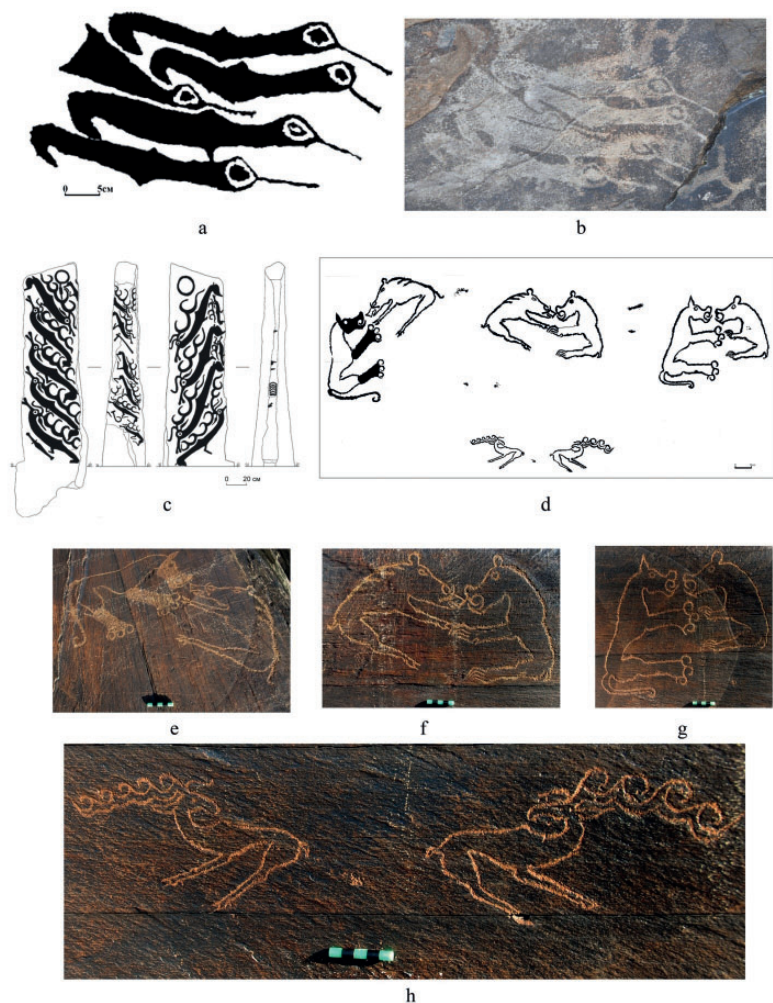

Fig. 6. a, b – Zhyngylshyq. Deer with beak-like snouts; c – Deer stone No. 11 in the valley of the Hoyt-Tamir River (by Yu.N. Esin); d, e, f, g – Sauyskandyk. Three pairs of fighting predators and deer.

Рис. 6. а, б – Жынгылшык. Олени с клювовидной мордой; с – Оленный камень № 11 в долине реки Хойт-Тамир (по Ю.Н. Есину); д, е, ф, г – Сауыскандык. Три пары дерущихся хищников и олени.

found in the territory of Inner Asia – Mongolia, Altai, Eastern Kazakhstan, Tuva, Northern China, which is located east of the territory Greater Karatau. The southernmost distribution area of such images is the Karatau beaked deer. The most extreme southern equivalent of these images is known to us from the Zhyngylshyq petroglyphs. On the steep slope of the rock, on top of the images of the ancient period, 5 deer are depicted, they slightly bent down, adjacent to

each other in one direction. These images at first glance represent birds flying in groups. Therefore, these images may raise doubts among experts. However, by comparing this images with the images on deer made according to the classical pattern, we can fully verify that this images are deer (Fig. 6: c). The description of the drawing is as follows: the whole head is occupied by very large eyes, similar to drops, the beaks are thin, shown in one very long line, the necks are long,

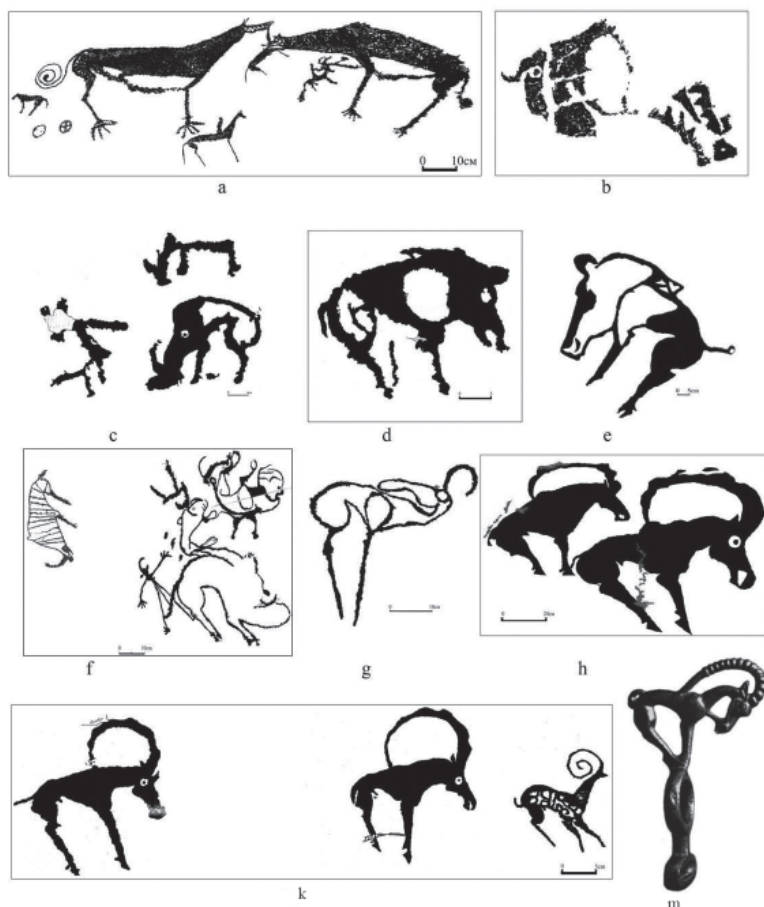

Fig. 7. a – Sauyskandyk. Riders and predators attacking a horse; b, c, d, e, f – depictions of wild boar; b, e – Maidantal; c – Tanbaly Tas (Terekty); d – Karamuryn; f – Sauyskandyk; g, h, k – images of mountain goats; g, h, k – Sauyskandyk; m – details of horse equipment. Tasmola V barrow, Central Kazakhstan (by M.I. Artamonov)

Рис. 7. а – Сауыскандык. Всадники и хищники нападающие на лошадь; b, c, d, e, f – изображения дикого кабана; b, e – Майданта́л; c – Танбалы Тас (Теректы); d – Карамурын; f – Сауыскандык; g, h, k – изображения горных козлов; g, h, k – Сауыскандык; m – детали конского снаряжения. Тасмола V курган, Центральный Казахстан (по М.И. Артамонову)

the front legs are shown only conditionally (sometimes not shown at all), the hind legs are also conditionally hooked, the shoulder blades are pointed, convex. The 3rd deer in the middle is placed as a 'wedge' in the space between the double pair. It can be seen here that, despite the abundance of free space on the rock, the artist ultimately adhered to the principle of decorating the deer stone (Fig. 6: a, b). However, the deer in this image does not point to the horns, which are the main elements of their images in its 'homeland'

(Murgabayev, 2008, p. 260, fig. 6). The date of construction of these images is likely to be a little later than the classic 'deer' in the East. The image of a deer with a 'bird's beak' has been identified in recent studies in the rock arts of Shalabay (Samashev et al., 2011, p. 444, fig. 450). This image is more similar to the eastern model than to the images on the Zhyn-gylzhyk petroglyphs. However, the horns are not shown here either. A deer made according to a similar pattern is found in the Kaskabulak petroglyphs of the Talas

Alatau. These images are more similar to the eastern deer pattern than the first two. That is, as images of deer with a bird's beak move to the east, the forms become closer to the 'bughytas' variants. These images are evidence of the ancient ties between these two regions.

Among the rock arts and works of applied art typical of this period, we can also find images of deer and wild boars, which are often found in the visual process known to some specialists as the 'Arzhan-Mayemer' style. They were first identified in the petroglyphs of Arpaozen; in the course of subsequent research, we find a remarkable example of images in the petroglyphs of Sauyskandyk. In the Sauyskandyk petroglyphs two deer are depicted, located opposite each other, with their heads turned back, with large horns made in the form of bughytas, as well as standing with straight legs and standing on the tip of a hoof (Fig. 6: d, h). Also, in one of the scenes with these images in the rock arts, a very rare 'battle of predators' is depicted (Fig. 6: d, e, f, g). In general, both rock arts and works of applied art depict the attack of predators on animals, and here their mutual battle is depicted. There was a battle between a bear with a wild boar, a bear with felines (?), a wild boar with felines (Fig. 6: e, f, g). Therefore, this is also a special composition. The three predators in this scene can be described as the main characters of the Altai animal style (Kubarev, 1999; Bokovenko, 2008, p. 134-146; Polidovich, 2008, p. 39-46, fig. 3, 4, 9). Despite the fact that the wild boar among these animals does not belong to the class of predators according to its classification, it is very physically strong and has the ability to resist all predators in the habitat in which it lives, not inferior to any predator. This is probably why in the worldview of many peoples, in Scythian art, the image of a wild boar is depicted as a 'hoofed predator' (Semenov, 2017, p. 61-71).

There were also scenes depicting the moments of predators attacking animals, more precisely, the moment when they

'grab' the animal. In such manifestations, along with the specifics of the composition, there seemed to be a common semantic association (Fig. 7: a). Although the animals in this scene did not have obvious elements of 'animal style', the feature of their heads (intertwined sawtooth fangs, as well as a protruding 'tongue' in the middle of the open mouth of one of the predators) was very similar to the image of a wild boar's head (jaw and fangs) of which is depicted in this way on the Bolgar Burial site in Eastern Kazakhstan (Samashev, 1992, fig. 258) and the Ur-Maral petroglyphs in the Talas Plain (Sher, 1980, fig. 32). All these images were made in the Arzhan-Mayemer style and were identified as belonging to that period (Sher, 1980, p. 247, fig. 121). The image of a wild boar, applied in the same way on the Karatau mountain range, was found in the petroglyphs of Maidantal in the Ushozen tract, discovered in recent years (Fig. 7: b). In general, in the petroglyphs of the Greater Karatau region, among the images of the Saka era, we can find incredibly skillfully executed versions of images of a wild boar. Their general form and image technique had common features: they were made along a contour or one part of the image was completely cut out. Despite the fact that it was found in different parts of Karatau (Maidantal, Sauyskandyk, Karamuryn, Tangbalytas (Terekty), Kosmurat, Karasuir, etc.), it seems that they were made by one master (Fig. 7: c, d, e). In addition, images of wild boar were widespread only among images of this period and were rarely found among rock arts of the previous and later periods. Among these images there was an image of three wild boars (there was a fourth image removed from the main composition) in the Sauyskandyk IV object, which were depicted in a circle, looking in different directions. This image was slightly different from other images (Fig. 7: f). The three images in the main scene were different from each other – the first, largest, was depicted as usual, and the other two, which were smaller, can hardly be called

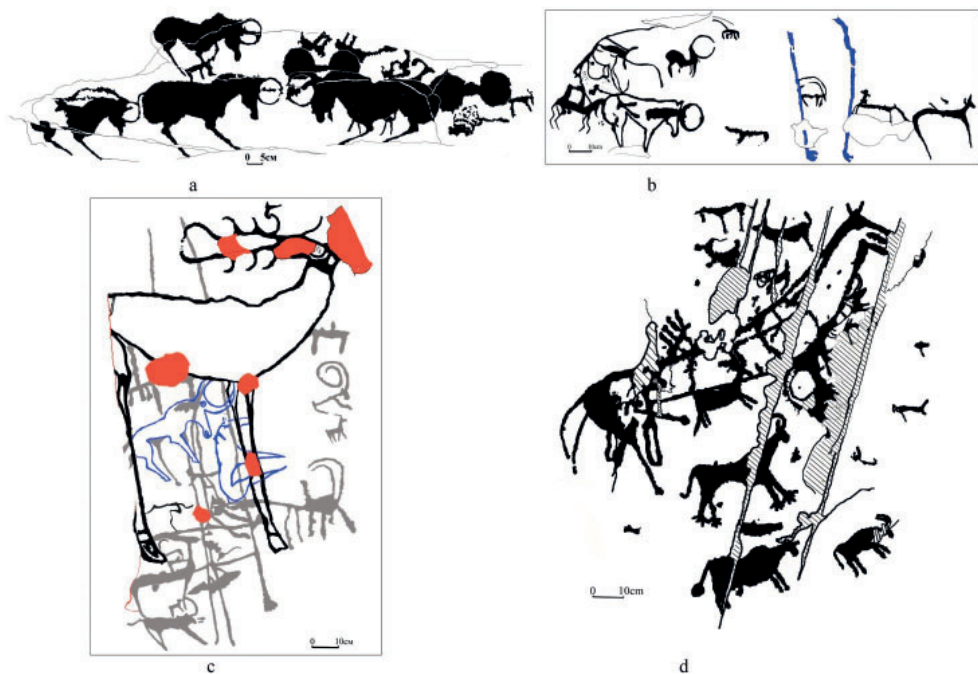

Fig. 8. a – Kyzylshyn. Horned horses. Palimpsest; b – Karakuys. Zoomorphic depictions. Palimpsest; c – Karakuys. Images of deer, animal (horse?) with crescent-shaped horns, horse. Palimpsest; d – Sauyskandyk. In the center of the multi-figure composition is an animal with goat horns, a long tail and claws.

Рис. 8. а – Кызылшын. Рогатые лошади. Палимпсест; б – Каракуйс. Зооморфные изображения. Палимпсест; в – Каракуйс. Изображения оленей, животное (лошадь?) с рогами в форме полумесяца, лошадь. Палимпсест; д – Сауыскандык. В центре многофигурной композиции животное с козлиными рогами, длинным хвостом и когтями.

'boars', only their molars hint us that they were boars. These two images, depicted as lines with lower teeth and strongly curved jaws, did not look like images of an ordinary wild boar, they looked like images of some mythical figure undergoing transformation. The legs of both images were shaped like a hook, similar to a 'bird's finger', which is not typical for the animal. The image of a boar, whose hooves were engraved in this way was found in the petroglyphs of Eshkiolmes (Maryashev and Goryachev, 1998, p. 179, fig. 202). Sometimes such an image of legs was also found in images of a predatory animal (Sher et al., 1995, fig. 3). Having a leaf-shaped ornament on the front of the chest and a hook-shaped ornament on the back of the thigh can be used as a chronological indicator of these images. Such ornaments are the most common method of depiction in

rock arts of the Saka era (Maryashev and Goryachev, 1998, p. 120, fig. 86; Gaponenko, 1963, p. 102-109; Tashbayeva et al., 2001, p. 174, fig. 21). A common feature of the fine art of this period (in rock arts, in applied art) was the image of the eyes, ears, mouths and chests of animals (predators, birds) in the form of 'drops', 'commas', 'leaves' (Fig. 4: f; 7: g, h) (Sher, 1998, p. 218-230). For example, if you look at mountain goats in several places such as Sauyskandyk (Fig. 7: g, h, k), Aktogai and Shalabai, they were depicted as standing with their hooves on a pedestal. An example of their external form can be the direct equivalents of many artifacts found in archaeological sites of the Early Saka period, such as the Tasmola culture in the north of Karatau, Uygarik and Tugisken in the lower reaches of the Syrdarya, Zhalauly, Esik in Zhetysu, Shilikti and Baigetobe

in Eastern Kazakhstan (Samashev et al., 2004). The main feature, along with the general shape, is that their eyes and mouth are teardrop-shaped with clearly defined horns (Fig. 7: h, k, m).

Among the rock arts of early nomads, we can find images of horses with the horns of goats or bulls. Such images were found among the petroglyphs of Kyzylshyn and Karakuys on the Karatau mountain range. They were depicted in a vertical part of the rock above the Bronze Age images. All four horses were represented as one image, depicted with two horns similar to a 'crescent moon' (Fig. 8: a, b, c). An analogue of these images in rock arts can be found in the petroglyphs of Tamgaly (Maksimova et al., 1985, p. 63, fig. 38), and Terekty in Khantau (Tashbayeva et al., 2001, p. 174). Also, in group II of Sauyskandyk we can find an image of a goat with a long tail and claws, depicted in the form of several animals (Fig. 8: d). However, it seems that they were painted in the Bronze Age, and later new elements were 'added'. These images in their direct equivalents can be seen in the head-dress of the leader of the Esik mound and in the horses buried with the Berel leaders belonging to the Pazyryk culture (Samashev et al., 2004).

Horses occupied a special place in the society of early nomads. Among the petroglyphs of Karatau we can find a wide variety of samples of horses or riders characteristic of this period. Images of a Bronze Age horse with a short chest and 'straight mane' were beginning to be replaced by 'steppe horses', whose legs, neck were thin and long, and their belly was tucked up, and this was typical for images of this period. Kh. Alpysbayev, who studied the petroglyphs of Khodzha Kent in 1949-1950, spoke about this feature, that these were artificial hybrids of domestic horses (Alpysbayev, 1956, p. 186). Most horses were depicted with a rider. In the scene one of them, the rider carried bows without a string (Fig. 9: a, c, d, e). It is clear that the rider was on horses without a saddle. It is common

knowledge that when a rider without a saddle, he will sit closer to the horse's neck. Among the images there were horses with decorated and tied manes (Fig. 9: a, b). The method of decorating the mane of horses in various ways was widespread in burials and in the fine arts of the Saka era. In one scene depicting three horses and other animals – one of the horses was made in the Arzhan style – a rounded eye partially protrudes from the forehead (Fig. 9: f). Of particular interest among horse images were images of a horse in a 'sitting' position with its hind legs tucked to its chest. Their image had a number of features. The shape of the image on the left matched the shape of a horse from all sides, and the head of the image on the right was shown as the beak of a bird of prey (Fig. 9: g). A direct analogue of rock arts was found in the petroglyphs of Kara Kungei in Zhetysay (Samashev, 2006, p. 115). We can find many variations of them in applied art products (Cheremesin, 2008, p. 9-105, fig. I-III). This feature was also a mythical image created by combining multiple images into one image. An example is the image of a predator with a bird's beak sitting in such a position in Berel (Fig. 9: h) (Bazarbayeva, 2008, fig. 3).

In recent years, on the rock arts of the Karatau mountain range, we can distinguish the image of a black vulture and the images of a predator depicted in the form of a circle, often found in artefacts in burial sites of the Eastern, Central and Zhetysay regions of Kazakhstan. Both of them are the rarest images among rock arts (Fig. 10: a, b, c, d, e). The detailed features of some petroglyphs are clearly visible to show their chronological framework (VII-VI centuries BC).

Images of horses measuring about 2 m were also found on the petroglyphs of Sauyskandyk. Some researchers have attributed such very large images to Stone Age images (Sala and Deom, 2005, p. 150). And there is no doubt that the images of horses in Sauyskandyk are the works of the Early Iron Age. Because along with a number of elements of the

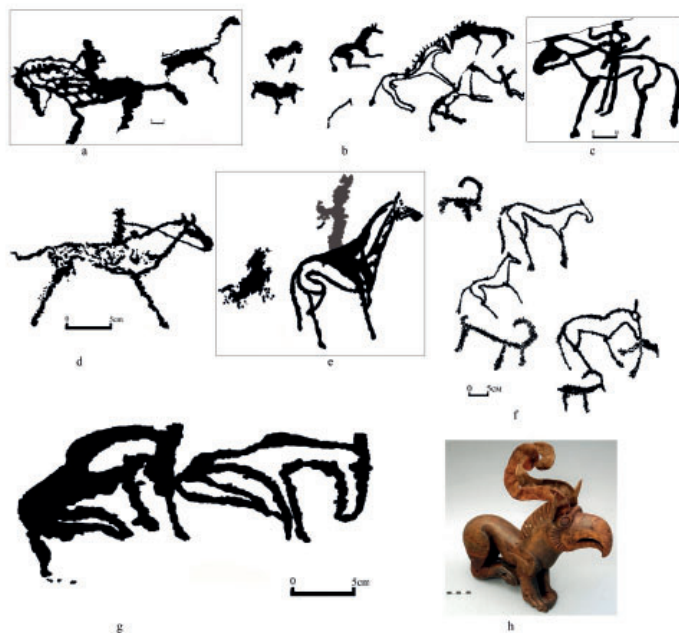

Fig. 9. Images of horses and griffins. a, c, d, e, f, g – Sauyskandyk; b – Kyzylshyn; h – the depiction of a mythical animal found in the Berel barrow.

Рис. 9. Изображения лошадей и грифонов. а, с, d, e, f, g – Сауыскандык; b – Кызылшын; h – изображение мифического животного из кургана Берель.

animal style in its image, some parts of the body, such as the head, eyes and mouth, were made according to the iconographic pattern described above.

Items such as weapons and tools characteristic of each period can serve as a good indicator in the periodization of rock art. Among such images we can mention anthropomorphic characters armed with a chisel (a hammer shaped weapon), which were found in the petroglyphs of Karnyzharyk, Kyzyl ata. One of the rock art on the bank of the Kyzyl ata river depicted a man with a chisel hung on his hip (belt) (Fig. 10: g). And in the scene in the Karnyzharyk, the chisel was depicted in the hands of two of the three characters depicted in the process of some kind of ritual action (Fig. 10: f). These weapons, mentioned in ancient Iranian texts, were considered at one time not only as weapons of war, but also as weapons with sacred power in understanding the social and political life of that society. An excellent exam-

ple of fighting with a chisel and methods its use in war can be found in the petroglyphs of Sagyr and Kulzhabasy (Samashev, 1992, p. 174; Samashev, 2006, p. 104,105; Samashev et al., 2011, p. 370). During archaeological excavations or as a series of random finds, these types of weapons were found in the eastern part of Kazakhstan. This type of weapon has not yet been discovered in the Greater Karatau region. According to K. Akishev, axes with a protruding nape, which had existed since the time of the Andronovs, were widely used as such weapons in Kazakhstan and Central Asia. Therefore, some axes with a protruding nape, made in the Andronovs version, indicate that they can be attributed to the era of the Early Saka (Akishev, 1973, p. 50). However, the fact that the archaeological sites of the early nomadic period of the southern region have been studied at a lower level than in other regions explains that it is too early to draw conclusions on this issue. The fact that

Fig. 10. A predator depicted as a circle. a – Narybai. b – Karakuys. c – Shimayly. d – Narybai; e – contour figurine of an eagle (vulture?) with its head turned back, Shilikty burial ground, Eastern Kazakhstan; f – Karnyzyhyryk. Anthropomorphs with hammer-axe; g – Kyzyl ata. The image of a man with a hammer-axe on his waist; h – Sarytogan. Stone sculpture of the Saka period; k – Kara-oi. Image of a man with a bow and dagger; m – stone statue of the Sarmatian period. Western Kazakhstan.

Рис. 10. Изображение хищников, свернувшегося в кольцо. а – Нарыбай. б – Каракуйс; с – Шимайлы; Изображения грифа. d – Нарыбай; е – контурная фигурка орла (грифа?) с повернутой назад головой, могильник Шиликты, Восточный Казахстан; ф – Карныжырык. Антропоморфные с чеканом; g – Кызыл ата. Изображение человека с чеканом на поясе; h – Сарытоган. Каменная скульптура сакского периода; k – Кара-ой. Изображение человека с луком и кинжалом; m – каменная статуя сарматской эпохи. Западный Казахстан.

they are more common on rock art than in artifacts indicates that they were used at a certain level. Among the petroglyphs of Kara-oi, there was an image stretching a compound bow and carrying a dagger on the belt (Fig. 10: k). The widespread use of such daggers occurred around the IV-II centuries BC. Also, the shape and stylistic features of the anthropomorphs in the Karnyzyhyryk petroglyphs were close to the sculptures of the Sarmatian period, which were armed with weapons (Fig.10: h, m).

Conclusion

The study of petroglyphs, which are a valuable source for revealing the true ar-

chaeological appearance of Karatau and the surrounding areas, is becoming very relevant. First of all, this shows that the centers of origin of the animal style in Saka-Scythian archeology developed not monocentrically, but paleocentrically. As shown in this article, the contribution of Bronze Age images to the formation of the style of images of the Early Iron Age is very significant. In this regard, it is important to note that in the Bronze Age there was a tradition of painting that has not lost its continuity. At the same time, since ancient times, achievements in applied art or types of weapons and many other innovations have quickly

spread over a vast territory through trade and military affairs. Taking into account these features, we tried to reveal as much as possible the influence of plots and images, the visual process, which were widespread in other regions, on the southern regions of Kazakhstan and its stages. Especially at the beginning of the I millennium BC, the influence of Altai and the Zhetysu regions, located in the East, was high. The Karatau petroglyphs represent the southernmost area of distribution of the image of the bird-beaked deer, which is often depicted in bughytas (the first homeland is Altai and Mongolia). Because to the west or south of the region we are considering, images of deer made in this style are not found. From this period (the beginning of the I millennium BC), the number of images of wild boar began to increase in rock arts, and iconographically, stylistically, they coincide with the images in the complexes 'bughytas' ('deer stones'). Among petroglyphists, this style is also called Arzhan-Mayemer (these are also archaeological sites located in the Altai mountains). Also, from this period, the method of contour carving in the method of depicting rock arts began to be widely used. The influence of eastern iconographic depiction can also be seen in the method of placing the animal's eyes on forehead (Fig. 5: a, b; 6: a, b; 7: g; 8: c; 9: f), as in 'Bughytas' ('Deer Stones') (Fig. 6: s). The image of a vulture (the image of a griffin or a kite) is rarely found among petroglyphs. Nevertheless, it is a very common image on burial sites in the Altai and Zhetysu regions. Therefore, we know that these images, although rarely found in the region under consideration, are the basis of eastern influence.

In the above description, apart from the iconography and stylistics that appeared under the influence of eastern imagery, there was a trend of depicting Bactrian camels that developed in the local process (the habitats of these camels (*Camelus bactrianus*) are also desert regions of Central Asia). Among them is the image of a chewing 'Bactrian camel',

characterized by its own iconographic and stylistic features. For the first time, we give them the name 'Oisyl Kara' style. One of the regions where this style is widespread is Karatau and adjacent regions. This image has been widespread in Karatau and adjacent regions since the Bronze Age. It began to spread widely in this region in the Early Iron Age, while maintaining its semantic unity. The main areas of their distribution are savromats in the south and west of Kazakhstan and centers of settled culture in the south.

In Karatau petroglyphs, you can find another version of the image of 'Bactrian camel' – two camel images with their heads down, their mouths open, showing fear or shouting at their opponent and they are ready to fight (Fig. 4: e). It has been suggested that the idea of depicting animals standing side by side behind each other (walking) is the oldest of all known compositions of the Early Scythian period. And in our case, Bactrian camels are again depicted as the main characters of this composition.

In general, there is no doubt that the surrounding natural environment and climatic features influenced the formation of their own worldview in the minds of ancient inhabitants. Therefore, it is natural that each region has its own traditions, beliefs, totems, religious and other characteristics. Due to this unique worldview, the characteristic features of each region can be seen in rock arts and burial traditions, as well as in works of applied art. The results of the excavations of the Zhetitobe burial ground, dating back to the first half of the I millennium BC, find a coincidence in architectural structure (dromos, table-bed for the buried, presence of fire on the surface of the burial chamber) with archaeological sites of Uygarik and northern Tugisken near the Aral Sea, and the method of metalworking in ceramics and ornaments with the Begazy-Dandibay, Tasmola culture of Central Kazakhstan, as well as with the products of archaeological sites as Tak-sai and Lebedevka in the West Kazakhstan. This confirms our above assumption.

tions. Therefore, based on the analysis of the rock arts of the Greater Karatau, the pictorial trends of the Bronze Age of this region had a great influence on their

formation. In addition, we can also see the influence of the eastern, Altai pictorial process at the beginning of the I millennium BC.

REFERENCES

1. Akishev, K. A. 1973. In Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Kazakhstane* (Archaeological Studies in Kazakhstan). Alma-Ata: "Nauka" Publ., 43–58 (in Russian).
2. Alpysbayev, Kh. A. 1956. In Sahmatov, V.F. (ed.). In *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii im. Ch.Ch. Valihanova AN Kaz.SSR* (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography named after: Ch.Ch. Valikhanov Academy of Sciences of the Kazakh SSR) 1, 182–188 (in Russian).
3. Bazarbayeva, G. K. 2008. In Samashev, Z. (ed.) *Qazaq dalasynyn koshpenderitleri: Euraziadagy skif-saq daurindegi etno-aleumettik madeni urdister men qarym-aatynastar» halyqaralyq gylimi konferenciasynyn materialdary* (Materials of the international scientific conference 'Nomads of the Kazakh steppe: ethnic-socio-cultural processes and relations in the Scythian-Saka Era in Eurasia). Astana, 121–133 (in Russian).
4. Bokovenko, N. A. 2008. In Samashev, Z. (ed.) *Qazaq dalasynyn koshpenderitleri: Euraziadagy skif-saq daurindegi etno-aleumettik madeni urdister men qarym-aatynastar» halyqaralyq gylimi konferenciasynyn materialdary* (Materials of the international scientific conference 'Nomads of the Kazakh steppe: ethnic-socio-cultural processes and relations in the Scythian-Saka Era in Eurasia). Astana, 134–146 (in Russian).
5. Cheremisin, D. V. 2008. In Savinov, D. G., Sovetova, O. S. (eds.). *Tropoiu tysiacheletii: K iubilieu M.A. Devlet* (In the Path of the Millennia: Dedicated to the Anniversary of M.A. Devlet). Series: *Trudy Sibirskoi Assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva* (Proceedings of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers) IV. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 99–105 (in Russian).
6. Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V. 1989. *Drevniia metallurgii Severnoi Evrazii (seiminskoturbinskii fenomen)* (Ancient Metallurgy of Northern Eurasia (Seyma-Turbino Phenomenon)). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Devlet, E. G., 2002. *Pamiatniki naskalnogo iskusstva: izuchenie, sohranenie, ispolzovanie* (Rock art sites: study, preservation, use). Moscow: "Nauchnyi mir" Publ. (in Russian).
8. Dobrovolsky, L. S., Sydykov, E. B., Umitkaliev, U. U., Kazhenova, G. T. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya* (Volga River Region Archaeology) 1 (39), 145–158 (in Russian).
9. Dzhumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A., Torgoyev, A. I. 2014. In Khabdulina, M.K. (ed.). *Dialog kul'tur Evrazii v arkheologii Kazakhstana* (The Dialogue among Cultures of Eurasia through Archaeology in Kazakhstan). Astana: "Saryarka" Publ., 307–327 (in Russian).
10. Formozov, A. A. 1969. In *Ocherki po pervobytnomu iskusstvu. Naskalnye izobrazhenia i kamennye izvajania epohi kamnia i bronzy na territorii SSSR* (Essays on primitive art. Rock arts and stone sculptures of the Stone and Bronze Ages on the territory of the USSR). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
11. Francis, J., Loendorf, L., Dorn, R. I. 1993. In *American Antiquity* 58 (4), 711–737 (in English).
12. Gaponenko, V. M. 1963. In Kozhemyako, P. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Talasskoi doliny* (Archaeological Sites of the Talas Valley). Frunze: Academy of Sciences of the Kirgiz Soviet Socialist Republic, 101–110 (in Russian).
13. Kadyrbayev, M. K., Maryashev, A. N. 1977. *Naskalnye izobrazhenia hrebta Karatau* (Rock arts of Karatau mountain range). Almata: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Kadyrbayev, M. K., Maryashev, A. N. 2007. *Naskalnye izobrazhenia hrebta Karatau: 2-e izd* (Rock arts of Karatau mountain range. 2nd edition). Almaty: "Print-S" Publ. (in Russian).
15. Kubarev, V. D. 1999. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaya. Izvestiia laboratorii arkheologii* (Antiquities of the Altay. Bulletin of the Laboratory of Archaeology) 4. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University Publ., 198–211 (in Russian).
16. Maksimova, A. G., Ermolayev, A. S., Maryashev, A. N. 1985. *Naskalnye izobrazhenia Tamgaly* (Rock art of Tamgaly). Almaty: "Oner" Publ. (in Russian).
17. Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 1998. *Naskalnye izobrazhenia Semirechia* (Rock art of Semirechye). Almaty: "Fond 21 vek" Publ. (in Russian).
18. Murgabayev, S. S. 2008. In Samashev, Z. (ed.) *Qazaq dalasynyn koshpenderitleri: Euraziadagy skif-saq daurindegi etno-aleumettik madeni urdister men qarym-aatynastar» halyqaralyq gylimi konferenciasynyn materialdary*, (Materials of the international scientific conference 'Nomads of the Kazakh steppe: ethnic-socio-cultural processes and relations in the Scythian-Saka Era in Eurasia). Astana, 258–266 (in Kazakh).
19. Murgabayev, S. S. 2017. *Ulken Qarataudyn petroglifleri* (Petroglyphs of Greater Karatau). Turkistan: "Seyit" Publ. (in Kazakh).
20. Murgabayev, S. S., Bakhtybayev, M. M., Joldasbayev, S. J., Jetibayev, K. M., Maldybekova, L. J., Arynov, K. S. 2016. In *Anthropology and Archaeology of Eurasia* 55(3–4), 269–300.

21. Novozhenov, V. A. 2002. *Petroglyphs of Sary Arka* (Petroglyphs of Sary Arka). Almaty: Institute for Archaeology (in Russian).
22. Ongar, A. 2017. *Qazaqstannyn ezhelgi turgyndarynyn zherleu gurpy. (Burial rite of the ancient population of Kazakhstan)*. Almaty: Institute for Archaeology (in Kazakh).
23. Oskin, A. V. 1976. In Basov, N. G. *Priroda (Nature)* 10, 83–89 (in Russian).
24. Podushkin, A. N. 1974. In Akishev, K. A. (ed.). *V glub' vekov (Going back into ages)*. Almaty: "Nauka" Publ., 78–84 (in Russian).
25. Polidovich, Yu. 2008. In Samashev, Z. (ed.). *Nomady kazahskikh stepei: etnosociokulturnye processy i kontakty v Evrazii skifo-sakskoi epohi: Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii (Nomads of the Kazakh steppes: ethnic-socio-cultural processes and contacts in Eurasia of the Scythian-Saka epoch. Collection of materials of the international scientific conference)*. Astana, 39–59 (in Russian).
26. Pyatkin, B. N., Miklashevich, E. A. 1990. In Devlet, M. A. (ed.). *Problema izucheniya naskal'nykh izobrazheniy v SSSR (The issue of studying rock carvings in the USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ., 146–153 (in Russian).
27. Sala, R., Deom, Zh. M. 2005. *Naskalnye izobrazhenia Yuzhnogo Kazakhstana (Rock arts of Southern Kazakhstan)*. Almaty: "Laboratoriya geoarkheologii" (in Russian).
28. Samashev, Z. 1992. *Naskalnye izobrazhenia Verhnego Priirtyshia (Rock arts of the Upper Irtysh region)*. Almaty: "Gylym" Publ. (in Russian).
29. Samashev, Z., Toleubayev, A., Dzhumabekova, G. 2004. *Sokrovishha stepnykh vozhdai (Treasures of Steppe Leaders)*. Almaty: "Berel" Publ. (in Russian).
30. Samashev, Z. 2006. *Petroglyphs of Kazakhstan*. Almaty: "Oner" Publ. (in Russian).
31. Samashev, Z., Dzhumabekova, G., Bazarbayeva, G., Ongar, A. 2007. *Drevnee zoloto Kazakhstana (Ancient gold of Kazakhstan)*. Almaty: "Oner" Publ. (in Russian).
32. Samashev, Z., Chzhan, S. Kh., Bokovenko, N., Murgabayev, S. 2011. *Naskalnoe isskustvo Kazakhstana (Rock Art of Kazakhstan)*. Seoul: "Northeast Asian History Foundation" (in English).
33. Samashev, Z., Murgabaev, S., Eleuov, M. 2014. *Petroglyphs of Sauyskandyk (Petroglyphs of Sauyskandyk)*. Astana: The Branch of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan (in Russian).
34. Savinov, D. G. 2000. In Tolpeko, I. V., Yakub, A. V. (eds.). *Istoricheskiy ezhegodnik. Spetsial'nyy vypusk (Historical yearbook. Special issue)*. Omsk: "OmGU" Publ., 179–217 (in Russian).
35. Semenov, V. A. 2017. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 247, 61–73 (in Russian).
36. Sher, Ya. A. 1980. *Petroglyphs of Middle and Central Asia*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
37. Sher, Ya. A., Sovetova, O. S., Miklashevich, E. A. 1995. In Bobrov, V. V. (ed.). *Drevnee iskusstvo Azii: petroglify. (Ancient Art of Asia: petrogllyphs)*. Kemerovo: "KemGU" Publ., 81–85 (in Russian).
38. Sher, Ya. A. 1998. In Samashev, Z. (ed.). *Voprosy arkheologii Kazakhstana (Issues of the Archaeology of Kazakhstan)* 2. Almaty; Moscow: "Gylym" Publ., 218–230 (in Russian).
39. Tashbayeva, K., Khujanazarov, M., Ranov, V., Samashev, Z. 2001. *Petroglyphs of Central Asia*. Bishkek (in English).

About the Authors:

Murgabayev Sagynbay S. PhD. Research Institute of Archaeology. Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; saginbay.murgabayev@ayu.edu.kz

Maldybekova Lazzat D. Research Institute of Archaeology. Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; lazzat.maldybekova@ayu.edu.kz

ИЗОБРАЖЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ПЕТРОГЛИФАХ БОЛЬШОГО КАРАТАУ

С.С. Мургабаев, Л.Д. Малдыбекова

Статья представляет результаты исследований петроглифов Большого Каратау. Для статьи отобрано 16 объектов. Публикуются материалы, характерные для изобразительного искусства раннего железного века. Площадь памятников и количество петроглифов варьируются, хронологические рамки некоторых памятников – от эпохи неолита (VII–III тысячелетия до н. э.) до позднего средневековья (XIV–XVII века). Среди сак-

Статья подготовлена в рамках научного проекта «Исследование наскальных рисунков Каратау в контексте мировоззрения древних носельников» (AP26103733).

ско-скифской «триады» встречаются мотивы, изображенные в «зверином стиле», которые составляют основу наскального искусства. Отмечается, что формирование этого стиля оказало влияние на создание стилистических, а иногда даже сюжетных композиций бронзового века региона. Этот вопрос позволяет по-новому взглянуть на вопросы, связанные с центрами зарождения звериного стиля в изобразительном искусстве сакско-скифской археологии, их хронологией, региональными особенностями. Хотя наскальные рисунки южных и юго-западных регионов Казахстана развивались в рамках общей сакско-скифской культуры, среди них можно выделить и образы, которые развивались на основе местных традиций. Это можно заметить на примере изображений представителей местной фауны. Вместо широко распространенного в восточных регионах образа оленя преобладают сюжеты с изображением бактрийского верблюда. Эти особенности свидетельствуют о правильности полицентричного взгляда ученых на возникновение звериного стиля в сакско-скифской археологии. Но в начале I тысячелетия до н. э. наблюдается большое влияние изобразительного искусства Алтая и Жетысу. В статье также четко показаны хронологические рамки петроглифов сакско-скифской эпохи, а также примеры прикладного искусства и альтернативы некоторым видам оружия. Среди них можно отметить иконографические элементы изображения семейства кошачьих нарисованных по кругу, изображения стервятников и другие зооморфные изображения. Изучение наскальных рисунков Большого Каратау, позволяет рассматривать горной хребет Большого Каратау как регион, внесший определенный вклад в формирование сакско-скифского (скифо-сакского) искусства.

Ключевые слова: археология, петроглифы, ранний железный век, Каратау, Жетысу, звериный стиль, период, композиция, преемственность.

Информация об авторах:

Мургабаев Сагынбай Серикбаевич, PhD, ведущий научный сотрудник. Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); saginbay.murgabayev@ayu.edu.kz

Малдыбекова Лаззат Джумагуловна, научный сотрудник. Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); lazzat.malydybekova@ayu.edu.kz

Статья принята в номер 01.03.2026 г

Список сокращений

- АВУР – Археология Волго-Уралья
АЕС – Археология Евразийских степей
АИУз – Археологические исследования в Узбекистане
АН РТ – Академия Наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук Советского Союза
АО – Археологические открытия
АС – Археологический съезд
ВА – Вестник антропологии
ВДИ – Вестник древней истории, Москва
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ГМВ – Государственный музей Востока
ГМЗ – Государственный музей-заповедник
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева – Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
ИЯЛИ КарНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Карельского научного центра Российской Академии наук
КАЭ – Кокшетауская археологическая экспедиция
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института археологии материальной культуры
КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
МАР – Материалы по археологии России
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва; Ленинград
МИИКНКСК – Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа
НА ИА РАН – научный архив Института археологии РАН
НИИ – научно-исследовательский институт
НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
РА – Российская археология (Москва)
РАН – Российская академия наук
РГБ – Российская государственная библиотека
РГО – Русское географическое общество
РИЦ – редакционно-издательский центр
РНФ – Российский научный фонд
РСМ – Раннеславянский мир
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников

СГПИ – Ставропольский государственный педагогический институт
СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа
СЕЭС – Степи Европы в эпоху средневековья
СКАЭ – Северо-Казахстанская археологическая экспедиция
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СПб – Санкт-Петербург
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СУАК – Ставропольская ученая архивная комиссия
СЭ – Советская этнография
Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея
Тр. КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции
Труды САИПИ – Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства
УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/>

Сроки приема материалов

№ 1 (март) – не позднее 1 декабря

№ 2 (июнь) – не позднее 1 марта текущего года

№ 3 (сентябрь) – не позднее 1 июня текущего года

№ 4 (декабрь) – не позднее 1 сентября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Баумана, 20
Технический редактор Першагина И.А.
Дата выхода в свет 30.03.2026 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 15,6. Усл. печ. л. 21,88.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Цена свободная
Отпечатано в типографии "Orange Key"

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Баумана, 20